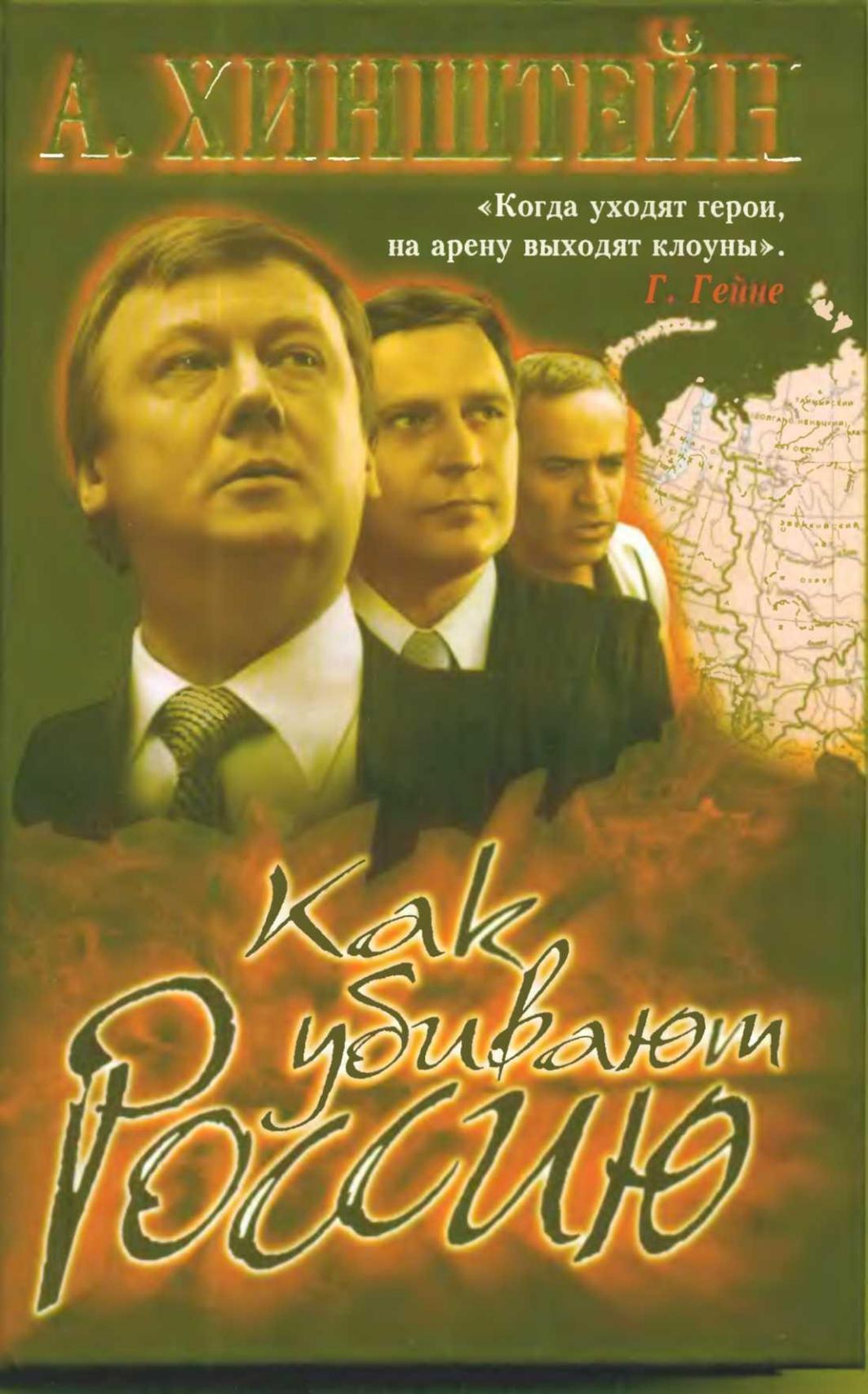

А. ХИРШТЕЙН

«Когда уходят герои,
на арену выходят клоуны».

Г. Гейсе

The book cover features a photograph of three men in suits and ties, looking upwards and to the right. The man in the foreground is the most prominent. In the background, a map of Russia is visible, with some regions labeled in Cyrillic. The overall color scheme is dark with a reddish-orange glow at the bottom.

Как
разрушают
РОССИЮ

А. ХИНШТЕЙН

Как
удобнее
РОССИЮ

Москва
2008

Хинштейн А.

X47 Как убивают Россию. — 448 с.

ISBN 978-5-98675-005-7

В своей новой сенсационной книге Александр Хинштейн пытается найти ответ на вопрос: почему же мы не делаем выводов из нашей истории, предпочитая в который раз наступать на одни и те же грабли? Кто виновен в развале СССР и в чем причина наших сегодняшних бед? Какую роль в разбазаривании наших природных, материальных и духовных ресурсов сыграли Анатолий Чубайс, Михаил Касьянов, Гарри Каспаров, Андрей Козырев, Егор Гайдар, Эдуард Лимонov — нынешние лидеры либерально-демократической оппозиции, сулящие народу «светлое будущее» в обмен на лояльность Западу.

Какова роль в постепенном расшатывании устоев России западных спецслужб и специалистов по крушению режимов — Збигнева Бжезинского, Уинстона Черчилля, Дика Чейни, Джорджа Сороса? Что творится за кулисами политического мирового театра? И действительно ли наше будущее — это Россия в пределах Московского княжества?

ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-98675-005-7

© А. Хинштейн, 2007

ОТ АВТОРА

Эта книга—для тех, кто умеет думать. Всем прочим читать ее—прямо противопоказано.

Нет ничего проще, чем отмахиваться от горькой неприятной правды, затыкая уши и прикрывая глаза. Именно так, еще с незапамятных времен, предпочитают поступать наши разлюбезные западники и либералы.

Я ничуть не удивлюсь, если после выхода этой книги в мой адрес посыплется упреки, что написана она по заказу Кремля и ФСБ, дабы дискредитировать российскую оппозицию в канун парламентских и президентских выборов.

Пусть себе. Это очень удобная, чисто страусиная позиция: не слышать то, чего слышать не хочешь. Сам дурак—вот и весь ответ.

Поиск легких ответов на самые сложные вопросы — всегда был излюбленной нашей национальной забавой.

Но давайте хотя бы однажды попытаемся уйти от эмоций и разобраться наконец, что же происходило еще вчера со страной и что происходит с ней сегодня.

Нужна ли кому-то сильная и мощная Россия? Вопрос, по-моему, риторический.

Запад никогда не понимал России и откровенно ее страшился; как бояться всего неведомого, а потому опасного

и враждебного. Так было всегда: и при царях, и при советах, и при президентах.

Вся история нашего государства—это одна сплошная непрекращающаяся война, которую ведут против России внешние и внутренние враги—и неизвестно, кстати, кто еще страшнее.

Говорить об этом считается почему-то дурным тоном; с незапамятных времен любая, даже самая слабая попытка проявления национального достоинства воспринимается у нас как свидетельство мракобесия и реакционности.

XX век был эрой борьбы сверхдержав. Надо иметь смелость признать: эту войну мы проиграли. И самая главная победа, которую удалось одержать Западу, это победа над нашим сознанием.

Оглянитесь. Петля НАТО стянута вокруг российских границ. На наших исторических землях полыхают «цветные» революции, организованные на западные деньги по западным же сценариям. В воздухе вновь звучат речи об «империи зла» и «угрозе мировой демократии».

Что это, как не война?

И все равно наши прекраснодушные либералы продолжают рассуждать о вечной дружбе и единстве цивилизаций, и открыто мечтают, чтобы «цветная» волна поскорее накрыла Россию.

План развала России—это не миф и не паранойя. Он давно уже действует, и первые его этапы реализованы были вполне успешно.

Невозможно даже себе представить, сколько агентов иностранных спецслужб находились у власти в начале 1990-х годов. Урон, нанесенный ими российским национальным интересам, не поддается никакому учету.

Сегодня эти люди грезят о реванше, и не они одни. Сколь

ни прискорбно, друзей у России—практически нет, зато врагов—хоть отбавляй.

Я специально поместил в приложении к этой книге различные карты России: какой она *была*, какой *могла* стать и какой *может* стать; увы, такова нынешняя суровая реальность.

Рано или поздно надо начать называть вещи своими именами. Во многом от этого тоже зависит, сумеем ли мы сохранить Россию для будущих поколений.

Ноябрь 2007 года

Глава первая

НЕПРИСТУПНАЯ КРЕПОСТЬ

*«Если все государства, вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли —
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным,
Твой удел не велик: три аршина земли».*

О. Хайям

1. Заграница нам поможет...

Заграница нам поможет. Это хрестоматийное бендеровское изречение вполне может претендовать на то, чтобы считаться одной из наших главных национальных идей.

Иностранцев в России любили всегда; еще с тех незапамятных времен, когда явились править Русью варяги Рюрик, Трувор и Синеус. На этот счет, правда, единого мнения у историков не существует — черт его знает, может, и не было в действительности никаких варягов — тем не менее уже сам факт существования столь популярной версии говорит за себя.

(«Славяне, — пишет Карамзин, — добровольно уничто-

жают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями».)

Если вдуматься, большего самоуничужения трудно представить. Славяне, значит, поголовно были сплошь дураками и простофилями и управлять своей страной — никак не могли; обязательно требовались им добрые чужеземные дяди, которые придут и сразу же наладят счастливую, новую жизнь.

*Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет.*

По-моему, это единственный в мировой практике случай, когда нацию, не стесняясь, заставляют расписываться в собственной беспомощности и никчемности, ибо, следуя «варяжской» версии, не будь варягов — не было б и России.

Беда наших западников и либералов в том, что они совершенно не знают и даже не хотят знать отечественной истории и, следовательно, делать из нее надлежащие выводы. Потому что достаточно просто пролистать того же Карамзина или Ключевского, чтобы увидеть: испокон веков любая заграничная помощь выходила для России боком. Бойтесь данайцев, дары приносящих...

Был, например, в XIII веке такой князь: Даниил Галицкий. Не сумев отразить натиск татаро-монгол, он, тоже по наивности, решил искать поддержку на Западе, для чего слезно ринулся молить римского папу Иннокентия IV защитить Русь от басурман. Даниил почему-то искренне считал, что папа непременно пошлет ему в помощь отряды крестоносцев и совместными усилиями им удастся остановить Орду.

Однако Иннокентий IV — тот еще был лис — лишь согласно кивал в ответ, но делать — ничего не делал. Первоначально он требовал от князя перейти в католичество, а вот тогда-то, мол, обо всем мы и договоримся.

В итоге кончилось все довольно печально: наивный Даниил Галицкий принял папскую корону в Дрогичине, обратив свои земли в новую веру. Но никакой помощи в ответ так и не дождался. За исключением лишь того, что Галичем и Юго-Западной Русью вместо татаро-монгол овладели Польша с Литвой; неизвестно, кстати, что лучше — то ли в лоб, то ли по лбу...

Проходили столетия. Менялись границы, названия и очертания государств. Но восторг и преклонение перед добрым заграничным дядей — оставались по-прежнему неизменными.

Сначала был Петр I со своим вечным сквозняком из прорубленного окна в Европу. (Это во многом его стараниями прежнюю, допетровскую Русь повсеместно стали считать оплотом мракобесия и темноты, хотя даже в самые лихие, кровавые годы правления Ивана Грозного опричнина унесла жизней куда как меньше, чем святая инквизиция в просвещенной Европе.)

Потом на престол взошел его внук Петр III, открыто восхищавшийся немецкими порядками и взявший в жены себе голштинскую принцессу, которая быстренько скинула бесноватого муженька и уселась на трон сама, успев произвести на свет еще одного истового германофила — Павла Петровича, вообразившего, что «немытую Россию» спасет лишь слепое копирование прусской муштры. (Однажды, опоздав на вахтпарад, он приказал отправить на гауптвахту свои собственные часы.)

Павла, как известно, по наущению наследника престо-

ла Александра прямо в своих покоях задушили шарфом. Этот (не шарф, ясно, а Александр) был уже явным англо-маном; до такой степени явным, что, по мнению ряда историков, дворцовый переворот был организован при активнейшем содействии английского посланника в Петербурге Уитворта.

Надобно сказать, что как раз к началу XIX века англичане, считавшие себя хозяевами мира, всерьез озаботились сближением России и Франции. Появление на международной арене новой могущественной силы совершенно не отвечало британским интересам.

Стоило лишь Павлу I двинуть чубатых донских казаков в поход на Индию—совместно с наполеоновскими частями, как мгновенно—и двух месяцев не прошло—он заснул навсегда мертвым сном, укутанный шарфом.

Первое, с чего начал свое правление Александр,—вернул казаков обратно и разорвал былую дружбу с Парижем. А тем временем, под шумок, Индию преспокойно захватила себе британская корона.

До тех пор, пока русские враждовали с французами, англичане могли чувствовать себя вполне спокойно; но после крушения Наполеона британцам пришлось вновь прибегнуть к старой как мир тактике международного стравливания. Они организуют серию польских восстаний, а потом затягивают Россию в Крымскую войну.

Когда Николай I вводил армию в Молдавию и Валахию, он и не предполагал, что сражаться ему предстоит не со слабой Турцией, а обратно—с Британией и Францией. На созванном в Вене конгрессе европейские державы высокопарно объявили, что не позволят-де обижать несчастных турков. И хотя Россия готова была подчиниться условиям этого конгресса—несмотря даже на заведо-

мую их унижительность, — Турция, по наущению англичан и французов, сознательно вела дело к войне с Петербургом; каковую и объявила в 1853 году. Само собой, Лондон и Париж тут же пришли к ней на помощь и общими усилиями разгромили Россию, лишив нас Черноморского флота, Южной Бессарабии и бывшего международного престижа.

Крупнейший отечественный историк Евгений Тарле писал по этому поводу:

«Обе западные державы имели в виду отстоять Турцию (и притом поддерживали ее реваншистские мечтания) исключительно затем, чтобы с предельной щедростью вознаградить себя (за турецкий счет) за эту услугу и прежде всего не допустить Россию к Средиземному морю, к участию в будущем дележе добычи и к приближению к южноазиатским пределам...

И Пальмерстон, и Наполеон III посмотрели как на счастливый, неповторимый случай выступить вместе против общего врага. "Не выпускать Россию из войны"; изо всех сил бороться против всяких запоздалых попыток русского правительства, — когда оно уже осознало опасность начатого дела, — отказаться от своих первоначальных планов; непременно продолжать войну, расширяя ее географический театр, — вот что стало лозунгом западной коалиции. И именно тогда, когда русские ушли из Молдавии и Валахии и уже речи не могло быть об угрозе существованию или целостности Турции, союзники напали на Одессу, Севастополь, Свеаборг и Кронштадт, на Колу, Соловки, на Петропавловск-на-Камчатке, а турки вторглись в Грузию.

Британский кабинет уже строил и подробно разрабатывал планы отторжения от России Крыма, Бессарабии, Кав-

каза, Финляндии, Польши, Литвы, Эстонии, Курляндии, Лифляндии».

Между прочим, турецкая карта разыгрывалась Англией всякий раз, едва только Россия вновь пыталась приподнять голову. Пока турки бесчинствовали на Балканах и форменным образом топили в крови болгар и боснийцев, демонстративно игнорируя международные соглашения, Европу это почему-то ничуть не заботило. Но стоило лишь начаться очередной русско-турецкой войне, как вновь поднялся дикий шум и «цивилизаторы» заголосили об имперских амбициях Петербурга.

(Как тут не вспомнить события недавнего прошлого: бомбардировки Югославии, международную свистопляску вокруг Чечни.)

Когда в 1877 году российский флот подошел к Босфору и султан почти запросил уже мира, мгновенно нарисовались тут же британские флотилии, вставшие на рейде у Принцевых островов. Однако Александр II эту грубую демонстрацию силы столь же демонстративно проигнорировал (мощный был царь, хотя и либерал); и прелиминарный договор заставил-таки турков подписать. По его условиям Россия возвращала себе Южную Бессарабию и приобретала ряд крепостей в Закавказье. Кроме того, Сербия, Черногория и Румыния получали независимость от турков.

Однако «цивилизованным» державам такой поворот совсем не понравился. В 1878 году они созвали в Берлине международный конгресс, на котором потребовали пересмотра Сан-Стефанского договора. Канцлер Бисмарк, игравший на этой *сходке* ключевую роль, хоть и обещал Александру II быть «честным маклером», на деле занимал позицию, России совершенно враждебную. Да и как могло

быть иначе, если сам же он признавался потом в мемуарах:

«В качестве цели, к которой надлежало стремиться Пруссии как передовому борцу Европы, ... намечалось расчленение России, отторжение от нее остзейских губерний, которые, включая Петербург, должны были отойти к Пруссии и Швеции, отделение всей территории польской республики в самых обширных ее пределах, раздробление основной части на Великороссию и Малороссию...»

Интересы собственно балканских народов, равно как и судьба Турции, никого на конгрессе том вообще не заботили; вся эта высокопарная трескотня была не более чем формальным поводом. Тот же Бисмарк открыто заявил как-то туркам: «Если вы воображаете, что конгресс собрался ради Османской империи, то вы глубоко заблуждаетесь. Сан-Стефанский договор остался бы без изменений, если бы не затрагивал некоторых вопросов, интересующих Европу».

В итоге Берлинский конгресс перечеркнул все достигнутые прежде русско-турецкие договоренности. Россия вынуждена была вернуть туркам крепость Баязет, Австро-Венгрия — оттяпала себе Боснию и Герцеговину, а Британии достался остров Кипр.

Вернувшись из Берлина, глава российской делегации канцлер Горчаков написал в докладе императору: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере». На этом документе Александр II начертал собственноручно приписку: «И в моей тоже».

А в то же самое время в либеральной печати западники активно ринулись вбрасывать идею об опасности для цивилизованного мира славянских амбиций; Россия-де мнит себя наследницей Византии и претендует на ее земли.

В качестве аргумента тогдашние политтехнологи обычно ссылались на некую концепцию «Третьего Рима». Смысл ее сводился к тому, что ветхий Рим пал за утерю веры, Новый Рим (Константинополь)—за утерю благочестия, и Третий Рим (Москва) тоже непременно падет, если не сохранит верность заветам православия.

При этом даже для отвода глаз никто не пытался в этих хитросплетениях разобраться; в противном случае—все разговоры отпали бы сами собой.

Единственным документом, подтверждающим означенную концепцию, являлось опубликованное незадолго до того стародавнее послание божьего старца Филофея Псковского к царю Василию III, датированное еще XVI (!) веком. Ничего общего с аннексией Константинополя оно не имело; Филофей лишь пытался побудить великого князя обратиться к нравственности и отречься от земных благ: «Не уповай на злато и богатство и славу, вся бо сия zde собрана и на земле zde останутся».

Примечательно, что три века об этом послании вообще не вспоминали; оно было вытащено из нафталина, лишь когда возникла в том политическая целесообразность...

Причина такой двуличности, собственно, лежит на поверхности и именуется политикой двойных стандартов; за прошедшие полтора века это явление, кстати, изменилось не сильно.

Каждая из европейских сверхдержав—Франция, Англия, Германия, Австро-Венгрия—не желала видеть Россию рядом с собой в качестве равного игрока. Ее огромные территории и столь же масштабный потенциал вызывали у Европы вполне понятные опасения.

Ничего криминального тут, впрочем, нет; испокон веку любая внешняя политика строится с позиции силы. Кто

смел, тот и съел. Разделяй и властвуй. И если мы поставим себя на позиции европейцев, то волей-неволей вынуждены будем признать, что со своей точки зрения действовали они совершенно логично.

Другой вопрос, что в самой России говорить об этом почему-то было не принято; либеральная часть общества — всякие демократы, разночинцы и вольнодумцы, — напротив, почитали за норму восторгаться западными порядками. Если же кто-то пытался им возражать, справедливо замечая, что негоже восхищаться чужеземными обычаями, такого критикана мгновенно записывали в мракобесы и ненавистники прогресса.

Едва ли не во всех дворянских семьях на французском языке изъяснялись лучше, чем на родном русском; даже после войны 1812 года российская знать продолжала упиваться музыкой французского слога и боготворить Наполеона; как будто это не платовские казаки дошли до Парижа и Берлина, а мюратовская конница укрепилась навечно в Кремле.

По этому поводу драматург Александр Сумароков сочинил когда-то комедию «Пустая ссора», главные герои которой — ксюши собчак тогдашней эпохи — беседуют меж собой исключительно следующим образом:

Дюлиш: Вы не поверите, что я вас адорирую.

Деламида: Я этого, сударь, не меретирую.

Дюлиш. Я думаю, что вы достаточно ремаркированы могли быть, что я опрэ вас в конфузии...

Деламида. Я этой пансэ не имею, чтобы в ваших глазах эмальб имела...

Вся европейская история XIX - XX веков — это одна сплошная непрекращающаяся агрессия против России.

И чем сильнее становилась держава, тем жестче вели себя наши западные соседи; те самые, любезные либеральному сердцу французы и англичане.

Один из интереснейших русских мыслителей позапрошлого столетия Николай Данилевский метаморфозу эту объяснял так:

«Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды... материалом, который можно было бы формировать и обделывать по образу и подобию своему...

Тут ли еще думать о беспристрастии, о справедливости. Для священной цели не все ли средства хороши?.. Как дозволить распространяться влиянию чужого, враждебного, варварского мира, хотя бы оно распространялось на то, что по всем божеским и человеческим законам принадлежит этому миру? Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации».

Звучит так, словно сказано это было только вчера, а не 140 лет тому назад. Как, впрочем, и посвященные господам-либералам стихи, принадлежащие перу...

Нет, не буду говорить, чьему именно; попробуйте догадаться сами.

*Напрасный труд — нет, их не вразумишь —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиши,
Но недоступна им ее идея.*

*Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:*

*В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.*

Думаете, автор этих строк — какой-нибудь ретроград, держиморда и агент Третьего охранного отделения, вроде Фаддея Булгарина? А вот и нет.

Написал их... Федор Иванович Тютчев — один из величайших русских поэтов и вполне здравомыслящий человек, лишенный каких бы то ни было признаков квасного патриотизма. (Семнадцать лет Федор Иванович прослужил в русских миссиях за границей, где порядком понабрался европейского лоска и завел дружбу с Гейне и Шиллингом.)

Справедливости ради следует заметить, что подобным образом «цивилизованная» Европа вела себя и по отношению ко многим другим государствам; дело здесь вовсе не в звериной ее русофобии, а исключительно в прагматичном расчете. Недаром Уинстон Черчилль — кстати, организатор блокады против Советской России, а впоследствии зачинатель «холодной войны» — скажет потом, что у Англии есть только два постоянных союзника: армия и флот.

(Когда в середине XIX века в Китае вспыхнула гражданская война и мятежники-тайпины захватили Нанкин, англичане мгновенно этим воспользовались и, придравшись к совершенно формальному поводу — китайские власти задержали британское судно «Эрроу», промышлявшее контрабандой, — объявили императору войну. Воевать на два фронта китайцы, ясно, не могли, благо в коалицию с англичанами быстренько вошли и французы с американцами, также пославшие свои эскадры к берегам Поднебесной. В итоге император вынужден был запросить пощады и согласиться со всеми условиями победителей: выпла-

тить им 8 миллионов лянгов контрибуции и отдать Британии южную часть Цзюлунского полуострова. Такая вот политика гуманизма.)

Чувство собственного достоинства — вот чего недоставало и недостает по сей день нашим либералам. Это не значит, что они не любили Россию; любили, конечно, просто по-своему.

Отправляя боярских детей учиться в Европу, Петр получил назад не только *подготовленных* специалистов, но и хорошо подготовленную «пятую колонну». На всю жизнь ребята эти воспылали восторгом к Западной Европе, где быт и порядки — чего там греха таить — ни в какое сравнение не шли с дикой российской действительностью; и поклонение это завещали и детям своим, и внукам.

Из поколения в поколение передавались красивые легенды о заморских красотах и чудесах. Именно впечатлительные потомки этих голландских выучеников — как кровные, так и духовные — и стали главными агентами чужеземного влияния, искренне верящими, что сказки эти могут стать былью лишь при одном-единственном условии: если Россия интегрируется, как сказали бы сегодня, в мировое пространство.

Они не понимали лишь одного: Западу такое «счастье» и даром не было нужно. Наши соседи откровенно страшились роста могущества России, воспринимая ее точно обезьяну с гранатой, но никак не в качестве потенциального партнера.

Уже цитировавшийся мной Федор Тютчев так объяснял это явление:

«Длительное время своеобразие понимания Западом России походило в некоторых отношениях на первые впечатления, произведенные на современников открытиями

Колумба—то же заблуждение, тот же оптический обман. Вы знаете, что очень долго люди Старого Света, приветствуя бессмертное открытие, упорно отказывались допустить существование нового материка. Они считали более простым и разумным предполагать, что открываемые земли составляют лишь дополнение, продолжение уже известного им континента. Подобным же образом издавна складывались представления и о другом Новом Свете, Восточной Европе, где Россия всегда оставалась душой и движущей силой...»

Иными словами, Запад не хотел признавать за Россией права на самостоятельность и суверенитет; удел дикарей — лишь прислуживать господам.

С началом XX века, когда революционные настроения и вольнодумство захватили Россию, именно наши доблестные соседи сделали все возможное, дабы развить их и тем самым расшатать империю изнутри.

Это хорошо видно на примере русско-японской войны 1904-1905 годов, когда революционеры оказались фактически заодно с внешним врагом.

Официальные причины начала ее широко известны. По общепринятой версии, японцы не могли простить России аннексию Ляодунского полуострова, а также оккупацию Маньчжурии, вот и, придравшись к формальному поводу, двинули они армию генерала Куроки к маньчжурской границе. Однако о важнейшей роли англичан и американцев в этой постыдной странице отечественной истории большинство сказать отчего-то забывает.

А мы — напомним. О том, например, что в 1902 году Британия подписала с Японией союзный договор и открыла для микадо обширную, выражаясь нынешней терминологией, кредитную линию. И именно на эти деньги япон-

ский флот начал готовиться к нападению на Россию; англичане же — делали при этом все возможное, дабы усыпить бдительность Николая II.

Дошло до того, что прямо накануне войны британцы организовали под своим патронажем русско-японские переговоры; и едва ли не до последнего дня убеждали наш МИД, что ситуация — под контролем и никакого кровопролития Англия — кровь из носу — не допустит.

Итогом этой войны стал позорный Портсмутский мир, по которому Россия вынуждена была отдать японцам все Курилы и Южный Сахалин. Между тем размер уступок мог оказаться гораздо меньше; но в дело вмешались теперь уже американцы.

К тому времени США тоже вышли уже на мировую авансцену и рассматривали Дальний Восток как зону своих стратегических интересов. Многократно подбивали они японцев на войну с Россией; при этом — российской стороне говорилось прямо обратное: уж чуть ли не лучшие они — наши д. политике американцам удалось за столбить за собой статус такого международного арбитра. Портсмутские переговоры проходили при непосредственном участии Штатов. Правда, такая доверчивость в очередной раз для России вышла боком.

Поначалу японцы требовали отдать им не только Курилы, но и весь Сахалин, а также выплатить немалую денежную контрибуцию, однако русская делегация во главе с графом Витте на подобное коленопреклонение упорно не соглашалась. Переговоры явно стали заходить в тупик, и в конце концов Япония почти пошла уже на попятную. Японский император принял решение отказаться от претензий на Сахалин, о чем направил соответствующие депеши своим дипломатам.

В Петербурге об этом еще не ведали. Зато быстренько узнали в Вашингтоне. Однако президент Рузвельт не только не стал делиться приятной новостью с лучшим другом Николаем Александровичем, а напротив, мгновенно отбил ему встревоженную телеграмму, где сообщал, что Япония—тверда и непреклонна в своей позиции как никогда; если не отдадите им Сахалин—потеряете все Забайкалье и вовсе.

Одновременно царя мастерски начал обрабатывать американский посол Майер. После многочисленных увещаний и посулов Николай II сдуру пошел на попятную.

«Да Бог с ним, с этим Южным Сахалином, — почти дословно предвосхищая легендарный монолог домоуправа Бунши, в сердцах бросил он. — Пущай забирают...»

Нетрудно догадаться, что японцы были молниеносно извещены об этих неосторожных словах царя. Глава японской делегации Кикудзиро Исии—кстати, будущий министр иностранных дел—тут же кинулся связываться со своим премьером, дабы изменить полученные прежде инструкции насчет Сахалина. Чем закончилось это—думаю, хорошо всем известно: Южный Сахалин отошел к Стране восходящего солнца.

А в России тем временем вспыхнула первая революция, во многом спровоцированная японскими событиями—во всех, между прочим, смыслах. Во-первых, общество не могло простить властям бездарного поражения в войне. А во-вторых, японцы вместе с англичанами активно подбрасывали полешки в занимающийся революционный пожар—деньги на подготовку восстания эсерам и эсдекам ссуживали они вполне охотно.

Известен, допустим, конкретный исторический пример, когда на японские средства в Швейцарии был закуплен ог-

ромный арсенал: 25 тысяч винтовок, 3 тонны взрывчатки, свыше 4 миллионов патронов,—и английским пароходом «Джон Графтон» все это великолепие отправилось в Россию. Лишь по воле случая японские гостинцы до боевиков не дошли; пароход сел на мель в наших водах...

Аналогия с германскими спонсорами большевизма и поездкой Ленина в запломбированном вагоне—напрашивается сама собой. Мотивация кайзера Вильгельма, дававшего деньги на русскую революцию, была абсолютно идентична японской; немцам также следовало остановить затянувшуюся порядком войну любыми путями. (Тот факт, что Николай II на 98% крови был германцем, кайзера ничуть не смущал.)

Правда, выпустив джина из бутылки, Вильгельм сам пал его жертвой; внутри Германии вскоре тоже вспыхнул мятеж, и кайзера прогнали взашей. А Европа, еще вчера довольно снисходительно взиравшая на рост в России революционных настроений и даже максимально тому способствовавшая—(а как иначе: большинство будущих вождей переворота преспокойно жили себе в Лондоне, Цюрихе и Париже; из шести съездов РСДРП(б) три прошли в Лондоне; почти легально действовали на Западе большевистские типографии и школы, где готовили квалифицированных агитаторов и боевиков)—как водится, тут же деланно сдвинула брови и завопила об опасности для судьбы демократии.

Со всех сторон двинулись на Россию армии аж 14 иностранных держав. Агрессия эта обставлялась, по обыкновению, благими, высоконравственными мотивами: союзнический долг, судьба цивилизации...

В действительности ничего подобного не наблюдалось и близко. Даже с формальной точки зрения их вторжение

было грубейшим попранием всех норм международного права.

Японцы, например, высадились в Забайкалье по просьбе самопровозглашенного правителя атамана Семенова, который уж точно полномочий таких отродясь не имел. Англичане — десантировались в Архангельске по аналогичному обращению такого же точно самозванца Чайковского. Закавказские меньшевики — зазвали к себе турок и французов.

Больше всего страны Антанты боялись, что их успеют опередить немцы, которым по условиям Брестского мира большевики отписали несметные территории и природные богатства. То есть — это было самым обычным мародерством; стоило лишь России ослабнуть, как тут же дражайшие союзники и поборники мировой демократии кинулись рвать ее на куски, еще и грызясь по дороге друг с другом.

Реставрировать романовскую империю — никому и даром было не нужно; выступая в британском парламенте, премьер-министр Ллойд Джордж открыто заявил, что сомневается «в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России».

Да и как иначе, если ни одно из обещаний, взятых Антантой перед лидерами контрреволюции, выполнено не было даже близко. Англичане, например, поддерживая Колчака и Деникина, одновременно финансировали их же злейших врагов, а французы, признав правительство Врангеля, палец о палец не ударили, чтобы спасти черного барона от крымского разгрома.

(Хитрее всех вели себя американцы. С одной стороны, они оказывали помощь большевикам, с другой — финансировали походы Антанты.)

Каждая из стран-агрессоров думала в первую очередь о

своих собственных экономических интересах. За четыре года Гражданской войны эти *цивилизаторы* попытались вывезти из России максимальное число богатств — ценной пушнины, леса, рыбы, кораблей.

Один только адмирал Колчак, *импортированный* незадолго до того в Омск в вагоне английского генерала Нокса, умудрился щедро облагодетельствовать своих союзников захваченным им золотым запасом империи. В общей сложности адмирал передал правительствам США, Англии, Франции и Японии 8898 пудов золота, превратив таким образом интервенцию в прибыльнейшую коммерческую операцию.

2. Кто опустил «железный занавес»

К внешней политике СССР относиться можно по-разному; одни непременно вспоминают «железный занавес» и пражскую весну, другие — гордятся имперской поступью и омытыми во всех без исключения океанах кирзовыми сапогами наших солдат.

Однако глупо отрицать тот факт, что именно в середине XX века Россия превратилась в одну из величайших сверхдержав, с которой приходилось теперь считаться всему миру.

Само собой, такое положение вещей Запад никак не могло устроить. Сильная, агрессивная империя, имеющая сателлитов на всех континентах — за исключением разве что Австралии и Антарктики, — это, извините, не баран начинал.

Принято почему-то считать, что «холодная война» была спровоцирована диктаторской паранойей Сталина, который-де вознамерился завоевать всю планету. А цивилизованный мир, само собой, завоевываться не желал; вот и началось сорокалетнее противостояние двух систем, закончившееся полной и безоговорочной победой капитализма.

Картинка эта — на редкость примитивна; эдакий раскрашенный лубок, рекомендованный для импортирования в слабообразованные страны. Тем не менее миллионы людей радостно в нее верят.

История, однако, штука упрямая. «Холодную войну» начал вовсе не СССР, а Запад; уже на следующий день после официального завершения Второй мировой — 4 сентября 1945-го — в США был официально утвержден меморандум № 329 Объединенного разведывательного комитета, ставивший задачу «отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». В перечень потенциальных мишеней были включены два десятка крупнейших городов, в том числе Москва, Ленинград, Горький, Новосибирск и Баку. (К слову, меморандум № 329 успешно исполнен; Совет национальной безопасности США регулярно утверждал — официально! — документы, определяющие цели и задачи третьей мировой войны.)

Общепризнанной точкой отсчета «холодной войны» считается знаменитая речь Черчилля, произнесенная 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже маленького городка Фултон, штат Миссури, в присутствии американского президента Трумэна. Именно тогда впервые прозвучали во всеуслышание главные программные тезисы нового переустройства мира.

«От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике через весь континент опущен "железный занавес". За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград и София... Но я отвергаю идею, что война неотвратима. Войну можно предотвратить своевременным действием. А для этого нужно под эгидой Объединенных Наций и на основе *военной силы* (выделено мной.—*Авт.*) англоязычного содружества найти взаимопонимание с Россией».

Образ «железного занавеса», давно уже ставший крылатым, — это отнюдь не изобретение Черчилля; первым о «железном занавесе» заговорили еще лидеры Третьего рейха — в частности, министр финансов фон Крознич и министр пропаганды д-р Геббельс. Было это в начале 1945 года.

Да и многие другие пассажи знаменитой фултонской речи кажутся точно сошедшими со страниц нацистской печати. Основной выдвинутый им лозунг касался, например, «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке»; что-то вроде: англосаксы всех стран, соединяйтесь. Но чем такой подход отличался от концепции арийского превосходства — мне, например, не очень понятно.

Не понял этого и Сталин. Через девять дней после выступления Черчилля в «Правде» публикуется ответ генерал-лиссимуса, столь же жесткий и недвусмысленный. (Как аукнется, так и откликнется.)

«По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке — в противном случае неизбежна война...»

Я далек от того, чтоб идеализировать Сталина и коммунизм как таковой, но это отнюдь не означает, что следует обратно умиляться Черчиллем с Трумэном. Хороши были все.

Вообще, примитивность оценок—черное-белое, хороший-плохой, свой-чужой—в политике выглядит как минимум нелепо. Хотя прием этот очень удобен для прочистки наивных мозгов.

Между тем нелишне будет напомнить, что так испугавшая Черчилля с Трумэном громыхающая экспансия социализма в Европу, началась вовсе не с бухты-баракхты.

Все эти действия были обговорены заранее, еще на переговорах «большой тройки» в Потсдаме и Ялте, где главы союзнических держав довольно цинично успели поделить меж собой всю Европу, разрезав ее на куски точно пасхальный кулич. Именно Советам—отходил контроль (проще говоря, владычество) над Болгарией, Румынией, Венгрией и Польшей. Ответственность за судьбу Югославии ложилась также одновременно на Англию; кроме того, британцам доставалась Греция.

(Впоследствии даже Черчилль вынужден был написать: «Совершенно естественно, что Советская Россия имеет жизненно важные интересы в странах, окружающих Черное море».)

Черт его знает, о чем думали себе Черчилль с Рузвельтом, когда соглашались на условия Сталина; может быть, они рассчитывали, что обессиленной, растерзанной войной стране будет просто не до того. Или вообще с самого начала не собирались выполнять достигнутых договоренностей; главное, как учил Наполеон, вступить в бой, а там видно будет.

Уже весной 1945-го—то есть за полгода до окончания

войны, — американцы попытались включить задний ход. (Чему немало способствовала смерть Рузвельта и приход к власти Трумэна.) Они начали шантажировать Сталина прекращением поставок по ленд-лизу, но красного императора это не сильно впечатлило; в конце концов, исход битвы был уже предreshен и от иностранной «гуманитарки» практически не зависел. На встрече с Молотовым, возглавлявшим тогда Наркоминдел, в апреле 1945-го, Трумэн повел себя непривычно резко, наглядно демонстрируя наметившееся похолодание.

А 14 сентября прибывшая в Москву американская делегация под руководством конгрессмена Уильяма Колмера уже открыто объявила Сталину, что тот не должен вмешиваться в судьбу освобожденных стран Восточной Европы, а напротив — незамедлительно вывести оттуда войска. За такое благоразумие Сталину были обещаны несметные транши. Правда, с еще одним дополнительным условием: предоставить американской стороне все данные о советской оборонной промышленности и дать возможность перепроверить их на месте.

Разумеется, самолюбивый генералиссимус переговорщиков попросту послал — далеко и надолго. После чего обиженные конгрессмены стали наперебой советовать президенту и госсекретарю пересмотреть отношение к СССР, максимально его ужесточив.

Если упростить всю эту картину, выглядит она примерно так: накануне смерти богатого дядюшки его родственники заранее договариваются, как будут делить надвигающееся наследство. Но потом, когда старик все-таки помирает и один из наследников приходит за обещанной долей, другие объединяются и начинают обвинять его в корыстолюбии и бесчеловечности; еще и взашей

пытаются выставить — но тут уж, дудки, кишка оказалась тонка.

И пошло-поехало: взаимные упреки, судебные тяжбы, бойкоты; половина родни — на одной стороне, половина — на другой.

Да разве могло быть, в сущности, иначе?

«Гегемония так же стара, как мир, — пишет в своей хрестоматийной книжке "Великая шахматная доска" легендарный советолог Збигнев Бжезинский, занимавший некогда пост помощника президента США по национальной безопасности. — Однако американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами осуществления».

После чего Бжезинский без тени смущения сообщает, что, если бы Вторая мировая война «закончилась явной победой нацистской Германии, единая европейская держава могла бы стать господствующей в глобальном масштабе... Вместо этого поражение Германии было завершено главным образом двумя внеевропейскими победителями — Соединенными Штатами и Советским Союзом, ставшими преемниками незавершенного в Европе спора за мировое господство».

Иными словами, двое пернатых в одной берлоге не живут. Кто-то обязательно должен быть главным; либо мы, либо — нас.

Не буду углубляться в перипетии «холодной войны». Ни правых, ни виноватых не могло быть в ней по определению; каждый дрался за свой кусок пирога, стараясь, однако, сохранить хорошую мину при плохой игре.

И СССР, и США из кожи вон лезли, пытаясь сделать вид, будто действуют они из сугубо высоких, гуманисти-

ческих интересов—во имя безопасности человечества и счастья народов. Даже риторика их была абсолютно схожей: советская пропаганда трубила о том, что Америка — «цитадель мирового империализма», американская — называла СССР «империей зла».

Но—странное дело: о бесчеловечности советских палачей, потопивших в крови полпланеты,—поминают чуть ли не каждый божий день. Зато о противниках наших — говорить почему-то не принято; это считается моветоном и рецидивом имперского сознания.

Взять, к примеру, знаменитое противостояние спецслужб. Спору нет — КГБ организация зловещая. Однако и в ЦРУ — ангелов в белых одеждах тоже отродясь не водилось.

С самого момента создания одним из главных направлений деятельности этого ведомства стало проведение так называемых тайных операций; еще директивой Совета национальной безопасности США № 10/2 от 1948 года было указано, что под термином «тайные операции» следует понимать все виды деятельности против иностранных государств, которые проводятся или одобряются правительством США. При этом внешне их источник никак не должен себя проявлять, в случае же провала американское правительство вправе скрывать свою к ним причастность. (В директиве СНБ это застенчиво именовалось «принципом благовидного отрицания».)

Исчерпывающий перечень тайных операций подразумевал следующие варианты—цитирую:

«...пропаганда, экономическая война, превентивные прямые действия, в том числе саботаж, подрывная работа против иностранных государств, включая помощь подпольным движениям сопротивления, партизанам и эмигрантским группам».

Дабы не быть голословным, приведу лишь несколько конкретных примеров подобных «тайных операций», осуществленных ЦРУ за полвека своего существования.

1953 год—Иран, свержение премьер-министра Моссадыка и восстановление шахской власти. (Операция «Аякс».)

1954 год—Гватемала, подготовка государственного переворота с целью прихода к власти проамерикански настроенного полковника Армаса. (Операция «Эль Диабло».)

1961 год—Куба, попытка свержения режима Кастро путем высадки десанта из числа эмигрантов, прошедших военную подготовку на территории США. (План «Сапата».)

1969 год—Кампучия, свержение правительства принца Сианука. (Операция «Меню».)

1974-1976 годы—Ангола, военная и финансовая помощь группировкам ФНЛА и УНИТА, ведущих войну с просоветским правительством. (Операция «Лефеатуре».)

1980-1981 годы—Гренада, попытка организации диверсий и беспорядков. (Операция «Вспышка ярости».) В итоге, как известно, дело закончилось прямым вторжением на Гренаду американских войск и убийством премьер-министра Мориса Бишопа.

И если кто-то скажет вам, что сие—есть наглядный пример демократии и либерализма, плюньте ему прямо в глаза.

В противостоянии с кремлевским режимом и бациллами коммунизма американские спецслужбы ни в методах, ни в средствах никогда особо не стеснялись. Никто не вспоминает сейчас, например, что в конце 1940-х—начале 1950-х годов на территорию СССР регулярно забрасывались диверсионные группы (в основном из числа эмигрантов и бывших военнопленных), задача которых заключалась в организации терактов и политических убийств.

Немалая помощь оказывалась вооруженному подполью — на Украине, в Прибалтике, — что, понятно, ни в какие принципы международного права явно не укладывалось.

Другое дело, что подобные методы каких-то осязаемых результатов принести тоже не могли; от сотни-другой диверсий Советская власть вряд ли бы развалилась.

«Мы пойдем другим путем», — примерно так, почти поленински, вынужден был выразиться в итоге Алан Даллес, самый результативный директор ЦРУ за всю историю Лэнгли.

«Мы истратили много миллиардов долларов за последние пять лет, готовясь к возможной войне с использованием бомб, самолетов, пушек, — писал он в 1950-е годы в своей книге "Мир или война". — Но мы мало тратили на "войну идей", в которой терпим поражение, не зависящее ни от какой военной силы».

Эти слова полностью созвучны другому не менее известному высказыванию Джона Кеннеди. «Мы не сможем победить Советский Союз в обычной войне, — говорил он в 1961-м году. — Это — неприступная крепость. Мы сможем победить только другими методами: идеологическими, психологическими, пропагандистскими, экономическими».

«Разруха не в клозетах, а в головах», — учил когда-то профессор Преображенский. Одолеть главного противника — именно так СССР официально именовался в их секретных меморандумах и документах — Запад мог единственным только способом: не на полях открытых сражений, а на поприще идеологии.

Один из руководителей КГБ генерал армии Филипп Бобков — к этой неординарной, яркой фигуре нам придется еще вернуться — утверждал, что английской разведкой был,

например, разработан план под кодовым названием «Лиоте», который подразумевал создание в СССР пассивного антисоветского подполья; на перспективу

Название плана возникло явно не случайно: в честь французского маршала Лиоте, руководившего высадкой союзников в Алжире. Его армия изнемогала от жары, и тогда маршал приказал высадить вдоль дорог деревья.

«Как же так,—удивились подчиненные,—деревья-то мы посадим, но тени ведь не будет».

«Это у нас не будет,—ответствовал прозорливый полководец.—Зато она появится лет через 50».

Главная задача плана «Лиоте», заявляет Бобков, заключалась в том, чтобы развернуть программу, «направленную на ослабление и на подрыв существующего в стране государственного строя... Поиск сил, которые могут разрушать государство внутри страны, и по этому плану посылались и агентура, снабжались деньгами те, кто становился на путь антисоветской деятельности».

Примерно тогда же, в конце 1950-х, аналогичную доктрину создали и американцы. Одна из директив госдепартамента США предписывала своим загранпредставительствам в СССР (посольству, генконсульствам) вести активную пропагандистско-вербовочную работу в творческой и студенческой сфере—то есть среди людей, способных влиять на формирование общественного мнения.

Еще три десятка лет назад Лубянка предупреждала руководство страны, что американцы полным ходом осуществляют вербовку так называемой «агентуры влияния».

Приведу выдержку из совсекретной записки КГБ СССР в ЦК КПСС от 24 января 1977 года; называлась она «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан»:

«Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи...

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агента влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутривнутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям».

Впрочем, когда председатель КГБ Крючков огласил этот документ на закрытой сессии Верховного совета СССР — дело было уже накануне развала Союза, в июне 1991-го, — его едва не подняли на смех. Несмотря на закрытость мероприятия, тезисы доклада мгновенно вылились в прессу; при этом в суть его никто даже не захотел вникать. Нелюбовь к Крючкову, которого либеральная общественность считала едва ли не главным советским ретроградом, таким замшелым старорежимным дуболомом, — полностью затмевала здравый смысл.

Помнится, в печати даже возникла целая дискуссия, в которой утверждалось, что термин «агент влияния» — целиком и полностью есть КГБ-шная инсинуация, рожденная в тыквообразной голове мракобеса Крюčkова.

А ведь, будь мы тогда поумней, к словам Крюčkова следовало бы прислушаться, хотя бы потому, что термин этот придумал вовсе не он. Впервые в оборот запустил его еще глава Абвера адмирал Канарис. Выражение «агент влияния» можно встретить и в специальной литературе, используется оно во всем мире и при обучении будущих разведчиков.

Что такое агент влияния? Это не просто человек, работающий на чужую спецслужбу; он обязательно должен иметь возможность влиять на общественное сознание; неважно — в масштабах страны или одного только конкретного города. Грубо говоря, пятая колонна.

В американских первоисточниках определение это звучит еще более четко:

«Лицо, которое может быть использовано для тайного влияния на иностранных представителей, на органы, формирующие общественное мнение, на организации, влиятельные круги с тем, чтобы способствовать достижению целей правительства своей страны, или имеющие возможность предпринимать конкретные действия для поддержания его внешней политики».

Еще с древнейших времен история знает немало случаев успешной деятельности агентуры влияния. Когда Александр Македонский захватил цветущие земли Согдианы (территорию современных Узбекистана и Таджикистана), из Македонии и Греции им незамедлительно была вызвана сотня надежных юношей; эту «пятую колонну» подбирали особо тщательно — все посланцы имели знатное происхождение и отменное образование, были умны и хороши собой. Своей властью Македонский сразу же женил их на девушках из числа местной знати, не гнушаясь лично выполнять роль свата. Таким незамысловатым образом Александр мгновенно подмял под себя верхушку Согдианы, на долгие годы отрезав у тамошней элиты любые пути к отступлению.

По такому же точно пути пошла когда-то и Золотая Орда. Татарские ханы не ограничились одним лишь завоеванием древних славянских княжеств и регулярным получением дани; ежу было понятно, что рано или поздно славя-

не наберутся сил и попытаются сбросить иноземное иго. Дабы избежать этого, ханы поступили хитро: они стали забирать к себе на воспитание малолетних княжеских наследников, объявляя их собственными приемными сыновьями и окружая всемерной заботой. А когда те подрастали и возвращались домой править княжествами, то были уже более татарами, нежели славянами — и по ментальности, и по воспитанию.

(Коварные ханы ошиблись лишь однажды, не приметив вовремя Московское княжество — некогда одно из самых захолустных и слабых.)

Между прочим, и предки наши, не в пример будущим потомкам, преимущества использования агентов влияния оценили по достоинству еще много веков назад.

Приведу один лишь пример, вполне достойный пера Александра Дюма-отца. («Три мушкетера» с их мелкой дворцовой интрижкой — на этом фоне просто блекнут.)

Дело было во второй трети XVIII века. Россия разрывалась тогда на несколько фронтов сразу — одной рукой она воевала с турками, другой — усмиряла крымских татар. И вдруг перед тронем Анны Иоанновны замаячила угроза новой войны, со старинным, извечным нашим врагом — Швецией, выдержать которую держава была просто не в состоянии.

В принципе, шведский король особого желания сражаться тоже не испытывал — уроки Полтавы и Ништадтского мира были еще слишком памятливы, — но его всячески подавляла к тому местная знать, которую, в свою очередь, щедро *стимулировали* французы — тогдашние наши противники. Бестужеву, русскому послу в Швеции, приходилось лезть из кожи вон, чтобы перебивать *аргументы* французов *аргументами* еще более звонкими. Говоря по-про-

стому, два посольства самым банальным образом подкупили и перекупили членов шведского парламента.

Но в один прекрасный день французский посол перебил разом все мыслимые ставки, сунув бюргерам невообразимую сумму в шесть тысяч ефимков. Понятно, те сразу же переметнулись окончательно на сторону Парижа, и угроза войны замаячила отчетливо как никогда.

Под давлением парламента шведский король вынужден вступить в переговоры с Турцией, для чего направляет в Стамбул своего личного представителя, некоего майора Синклера. С собой Синклер везет монаршее послание, предлагающее заключить военный союз и выступить единым фронтом против России. Ясно, что как только депеша дойдет до адресата, дело кончится весьма трагично.

Однако посол Бестужев через свои источники (по одной версии, его предупредил сам король, по другой—успели шепнуть благодарные парламентарии) заблаговременно узнал о миссии Синклера и успел предупредить о том Петербург. Правда, до Стамбула майор успел-таки добраться и султанский ответ (само собой, положительный) получить. Но вот обратно—он уже не вернулся, ибо был перехвачен нашими ребятами где-то на полпути. А вскоре искомые бумаги лежали на столе российских дипломатов.

Исчезновение Синклера было списано на разгул придорожных соловьев-разбойников; и хотя шведы не очень-то в это поверили и попытались обвинить тогдашние российские спецслужбы в убийстве своего курьера, время уже было выиграно, и новые транши *аргументов* благополучно успели подойти из Петербурга в Стокгольм. Так, благодаря одним агентам влияния, между двумя мощными

державами едва не разразилась новая война, но стараниями других агентов влияния—она была вовремя предотвращена.

А вот вам пожалуйста более современные иллюстрации. Сразу после прихода к власти Гитлер начал создавать во всех странах Европы марионеточные нацистские партии; на эти цели он не жалел ни энергии, ни денег. Результат не замедлил себя долго ждать. Сначала—соседняя Австрия, а затем и другие государства без особого сопротивления влились в состав Третьего рейха. Долше всех сопротивлялась Франция—аж целых три дня. После чего объявивший капитуляцию маршал Петэн торжественно был провозглашен главой опереточной республики в Виши, полностью находившейся под контролем Германии.

Были такие же агенты и у СССР—все до единого лидеры иностранных компартий получали от КГБ немалые средства на свое существование. А дети высокопоставленных чинов—преимущественно из стран третьего мира—обучавшиеся в наших военных академиях? По возвращении на родину они, как правило, становились умелыми проводниками советской политики.

Между прочим, подобная работа ведется спецслужбами и по сей день; трудно даже представить, какое количество агентуры завербовала военная контрразведка из числа иностранных студентов и курсантов российских вузов. (Лично я знаю несколько просто ошеломляющих примеров.)

Оппонентам Крючкова особенно не давал покоя его тезис о том, что привлечение агентов влияния к сотрудничеству кардинально отличается от обычной вербовки: не надо отбирать подписку, присваивать псевдоним. «Это что ж такое?!—возмущенно голосили такие критики.—Значит, в

агенты влияния можно записать кого угодно, как когда-то миллионы людей объявлялись врагами народа».

На самом деле контраргумент этот — тоже довольно сомнителен. Раскрою страшную тайну: даже сегодня наши спецслужбы в виде исключения могут не отбирать подписку у особо ценного источника. Аналогичный порядок существует и в разведках других стран; а в английской МИ-6 практики получения подписки нет, например, и вовсе.

Но, увы; в 1991-м общество было слишком опьянено эйфорией близящейся свободы; пророков, как известно, нет в отечестве своем...

Собственно, мы постепенно подошли к главному — к истокам того, что случилось с нашей страной, и почему могущественная и казавшаяся незыблемой держава развалилась в одно мгновение, точно карточный домик.

Существует масса конспирологических версий на этот счет — одна головокружительнее другой. И Горбачев-де — был адептом Запада, и главного идеолога КПСС Александра Яковлева — ЦРУ завербовало еще во время учебы его в Калифорнийском университете. Опять же — вселенский мажонский заговор и мировая закулиса.

Честно признаюсь, я не большой любитель подобных версий; поиск легких ответов на сложные вопросы — это типичная наша черта, свидетельствующая о патологическом инфантилизме.

За всю историю никто не нанес России урона больше, нежели мы сами себе; но как это удобно — свалить собственные огрехи на шпионов, вредителей и инородцев.

Никогда не поверю, чтобы СССР прекратил свое существование исключительно в результате какой-то хитроумной операции спецслужб противника; во многом такой исход стал следствием бездумной и дилетантской политики на-

ших тогдашних вождей—и *душки* Горбачева, понятно, в первую очередь.

Другое дело, что Запад свою лепту в процесс этот, несомненно, внес, и немалую. На протяжении четырех десятков лет иностранные разведки—ЦРУ, МИ-6, БНД—всячески пытались расшатывать советскую империю.

Говорить об этом сейчас не принято, но ведь и столь любимые в интеллигентской среде «голоса», и диссидентское движение, и всевозможные народно-трудовые союзы—активно и умело подпитывались разведками—косвенно или напрямую, не суть важно.

Советский Союз проиграл информационно-идеологическую войну; надо иметь мужество это признать. Скучный, казенный агитпроп, вся эта тоскливая безнадега с единодушным одобрением и всенародным презрением—оказался бессилён перед эффектной, сверкающей неоновым и гляncем, пропагандой западного образа жизни.

(«Россия—побежденная держава,—снисходительно бросил однажды Збигнев Бжезинский.—Она проиграла титаническую борьбу. И говорить "это была не Россия, а Советский Союз"—значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена».)

Когда в 1959 году в Москве впервые была организована выставка американских товаров, люди сутками давились в очередях, лишь бы выпить стакан чарующего, магического эликсира под названием «Кока-Кола». (К слову, пару лет назад, переезжая на новую квартиру, я обнаружил в чулане пустую бутылку из-под «Коки»; оказалось, мой отец притащил ее с той самой выставки, чем немало гордился потом много лет.)

Однако ни американцы, ни англичане, ни немцы—даже

представить себе не могли, сколь легко и быстро достанется им победа; они-то готовились к затяжной, многолетней осаде, а тут все произошло в мгновение ока. Никто и оглянуться не успел, как СССР развалился прямо на глазах.

(«ЦРУ не смогло предсказать краха Советского Союза», — вынужден будет признать потом Уильям Уэбстер, возглавлявший Лэнгли в 1987-1991 годах.)

Примерно те же чувства испытывал, наверное, канцлер ФРГ Гельмут Коль, когда весной 1990-го приехал на переговоры с Горбачевым, дабы обсудить условия вывода советских войск. Коль рассчитывал, что дискуссия будет тяжелой; торговаться он решил начинать с 20 миллиардов марок, что, в сущности, суммой было довольно смешной; имущество, которое наша армия оставляла в Германии, оценивалось раз в десять дороже — одних только аэродромов мы построили там 13 штук.

Но велеречивый генсек и рта открыть ему не дал; он прямо с порога затребовал... 14 миллиардов. От изумления Коль просто остолбенел. А через полгода Горбачев — сразу получивший почетный титул лучшего немца — униженно попросил у Бонна кредит в 6 миллиардов; его, понятно, следовало потом отдавать — да еще и с процентами.

Это еще большой вопрос, что лучше: коварный вредитель или наивный дурак...

Решающую роль в борьбе против СССР сыграл приход к власти президента Рональда Рейгана. Бывший киноартист очень точно уловил главное слагаемое успеха — воевать с Москвой традиционными методами было бессмысленно и бесперспективно.

Сразу после инаугурации Рейган выдвинул новую стратегию национальной безопасности, состоящую из четы-

рех компонентов: дипломатического, экономического, военного и информационного. Причем последнее звено — было едва ли не самым ключевым.

В 1981 году в США был разработан проект под кодовым названием «Истина», который предусматривал организацию массированной пропаганды против СССР путем быстрого информационного реагирования, а также воспевания привлекательного образа Штатов (этакий, как скажи бы теперь, масштабный PR).

В 1983 году родился еще один проект — «Демократия», в рамках которого при Совете национальной безопасности (СНБ) был даже создан штаб по координации психологического воздействия на социалистический лагерь (через эмигрантские центры, организацию прямого телевидения на соцстраны, поддержку оппозиционных партий и профсоюзов).

В январе 1987-го на свет появился специальный Комитет по планированию пропаганды, который возглавил помощник президента по национальной безопасности Уильям Кларк. (Чувствуете, каков статус!)

Американский бюджет миллиардов на эту работу не жалел. И эти траты вскоре оправдались сторицей...

3. Тайна пропавшего золота

К концу перестройки — году эдак в 1990-м — подавляющее большинство советских людей искренне верило в доброго и заботливого дядю Сэма. Повсеместно утверждалось,

что у России больше нет ни врагов, ни противников; кругом — одни лишь друзья; западные демократии только спят и видят, как бы помочь построить нам счастливую, богатую жизнь — по образу своему и подобию.

Если вдуматься — большего бреда трудно себе представить; едва ли не самым популярным в либеральной среде человеком считался тогда американский посол Джек Мэтлок. С газетных страниц и телевизионных экранов Мэтлок регулярно объяснял, как следует обустроить Россию, и вещал о новой эре в отношениях двух великих держав.

И ведь ему действительно верили. Хотя резидентура ЦРУ продолжала при этом активнейшим образом действовать под крышей посольства США, на деле полностью опровергая все высокопарные мэтлоковские сентенции.

Увы, ни одного здравомыслящего человека в руководстве страны — как Союза, так и зарождающейся России — в тот момент просто не оказалось. Несмотря на то, что КГБ многократно предупреждал Кремль о возможном развитии событий, регулярно давая развернутые прогнозы на будущее, чекистов никто не хотел услышать.

Даже после того, как президенту СССР доложили, что прилетевший летом 1991-го в Москву американский госсекретарь Джордж Бейкер тайно собрал в посольстве глав большинства союзных республик и провел с ними совещание за закрытыми дверями, Михаил Сергеевич лишь по-возмущался и на том успокоился; ни нот протеста, ни гневных петиций в Вашингтон он направить так и не решился.

Правителям страны было не до того. Горбачев был слишком занят судорожными попытками сохранить утекающую между пальцами власть; Ельцин — отъемом этой самой власти.

«У Горбачева была такая фраза всегда, что КГБ драма-

тизирует обстановку, — свидетельствует Филипп Бобков, занимавший тогда пост первого зампреда Комитета. — Вот его реакция была на все наши записки».

Существует масса свидетельств, что процессы сепаратизма, начатые практически во всех союзных республиках, умело поддерживались Западом. Это была и поддержка моральная, и материальная. Что, в общем, вполне логично и объяснимо.

Главная задача Запада заключалась в том, чтобы лишить СССР статуса евразийской сверхдержавы; а для этого Союз следовало расчленить на удельные княжества, отколов от Москвы братские некогда республики.

Цель эта появилась не вчера и не сегодня; разделяй и властвуй — сказано задолго до XX столетия. Умелая игра на национальных чувствах, разжигание низменных инстинктов — всегда использовались нашими оппонентами; мало кто знает, например, что бело-красный белорусский флаг, под которым марширует сегодня минская оппозиция, во время Второй мировой придумали немцы — специально для белорусских коллаборационистов.

Как только союзные республики отделялись бы от Москвы, они неминуемо попадали в удушающие объятия Запада; и следующей целью становилось бы тогда своеобразное перетягивание каната. В принципе, так оно в итоге и произошло, но об этом — чуть позже.

Клянясь в вечной любви к советским демократам, американцы не просто держали за пазухой камень; это был не камень, а какая-то, прости господи, гранитная скала.

Приведу лишь пару примеров. Скажем, до сегодняшнего дня в США благополучно действует «Закон о поработанных нациях» (PL 86-90), единогласно принятый сенатом, палатой представителей и утвержденный президен-

том Эйзенхауэром 17 июля 1959 года. Никто и не думает его отменять, хотя суть этого закона грубейшим образом задевает российские интересы.

«Начиная с 1918 года империалистическая политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собою зловещую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира...» — вот только одна из его формулировок.

Пример более свежий — доктрина «Освобождение», изготовленная в 1989 году исследовательским центром Фонд «Наследие» (тем самым, что до сих пор активно работает с «российской тематикой») по заказу президента Буш-старшего. Она содержала технологии развала СССР и дальнейшего управления процессами, происходящими в России.

В 1991-м свет увидела другая доктрина — «Геополитический плюрализм в постсоветском пространстве», которая требовала сохранения раздробленности СНГ вплоть до силового вмешательства, дальнейшего расчленения России и последующей колонизации постсоветского пространства.

Годом позже странами «семерки» принимается еще более циничный документ, под которым мог бы, не страшась, поставить свою подпись досточтимый доктор Розенберг. В нем говорилось о необходимости сокращения к 2005 году численности населения России на 30 миллионов человек.

Одновременно были выработаны и механизмы достижения этой цели. В Вашингтоне на совместном заседании руководящих органов Всемирного банка и Международного валютного фонда на полном серьезе обсуждалась программа по снижению уровня жизни населения России;

якобы под предлогом проведения жесткой денежно-кредитной политики и борьбы с инфляцией.

И наконец, «Гарвардский проект». Самый подробный план не только окончательного уничтожения России как мировой державы, но и самостоятельного государства. На 1996—2000 годы он ставил следующие цели: ликвидацию Советской Армии; ликвидацию России как государства; ликвидацию атрибутов социализма, вроде бесплатного обучения и медицинского обслуживания; ликвидацию сытой и мирной жизни в Ленинграде и Москве; ликвидацию общественной и государственной собственности и введение частной собственности повсеместно.

В соответствии с этим планом население России должно было быть «сокращено» в 10 (!) раз, а территория разделена на 40-45 самостоятельных политико-экономических зон и подготовлена для использования англо-саксонской расой.

Именно эти подходы и политические решения, прописанные в приведенных документах, и определяли истинное отношение Запада к России; а отнюдь не слащавые разглагольствования болтунов-политиканов.

И вновь вынужден я повторить сказанную уже прежде фразу: история ничему наших правителей не научила. И Горбачев, и Ельцин по-прежнему свято верили—или как минимум делали вид—в чистоту помыслов зарубежных друзей; заграница нам поможет.

Когда осенью 1991-го Ельцин, Кравчук и Шушкевич собрались в Вискулях, дабы расчлнить на троих Советский Союз, едва ли не первому ринулись они звонить президенту США Джорджу Бушу.

Ельцин, правда, опасался, что Буш, многократно признававшийся Горбачеву в любви, из осторожности пред-

почтет сохранить ставку на союзную власть, но тот сдал старого друга Горби в один присест, сказав, что «идея панславистского государства» ему очень нравится. Только после этого осмелевшие президенты связались с Горбачевым; чуть ли не главный козырь, которым оглушил его Ельцин, касался уже полученного одобрения Буша, эдакой санкции...

Первый российский президент любил власть больше всего на свете; ради нее он готов был идти на любые жертвы; властолюбие затмевало у него все остальные пороки.

Еще до того, как стать президентом, Ельцин благополучно объехал основные западные столицы, пытаясь заручиться иностранной поддержкой.

В то время Борис Николаевич всячески старался демонстрировать свои прозападные либеральные настроения; в этом он мало чем отличался от большинства населения.

Поначалу, впрочем, ответных чувств у Запада это не вызвало; когда летом 1989-го Ельцин прилетел с визитом в Америку, Буш отказался проводить с ним официальную встречу, хотя Борис Николаевич очень этого и хотел. Однако его повезли на randevу к советнику президента по национальной безопасности генералу Скоукрофту, причем в Белый дом завели не с парадного, а с бокового, черного входа.

Такое пренебрежение вызвало у Ельцина настоящую истерику. Он пытался возмущаться, требуя проявить должное уважение, однако встречавшая его Кондолиза Райс — та самая, будущий советник президента по национальной безопасности и лучший друг российского народа, — быстро поставила заморского гостя на место.

В итоге Буш, хоть и принял его, но внешне все было обставлено как случайно обнаруженный рояль в кустах;

американский лидер якобы ненароком заглянул в комнату, где томился Борис Николаевич; однако этого вполне хватило, чтобы Ельцин рассказывал потом на всех углах о полученном будто крестном знамении. (Помощник президента Скоукрофт возмущенно называл сие «погоней за двухгрошовой рекламой».)

Лишь к началу 1991 года, когда для всех стало очевидно, что дни Горбачева уже сочтены, янки сменили гнев на милость и начали демонстрировать будущему российскому президенту долгожданные симпатии и взаимность.

Михаила Сергеевича очень терзало подобное вероломство, суть которого ясно была сформулирована госсекретарем США Бейкером как «балансирование».

Во время очередного заседания «большой семерки» летом 1991-го в Лондоне Горбачев даже устроил Бушу истерику прямо за ланчем, говоря, что не может, дескать, понять, почему его американский друг до сих пор «не пришел к окончательному ответу на главный вопрос: каким Соединенные Штаты хотят видеть Советский Союз?» И вообще: «мне вот что странно, нашлось 100 миллиардов долларов, чтобы справиться с одним региональным конфликтом (имеется в виду война в Ираке. — *Авт.*), а здесь речь идет о таком проекте — изменить Советский Союз, чтобы он достиг нового, иного качества, стал органической частью мировой экономики».

Присутствовавший на встрече горбачевский помощник Анатолий Черняев воспроизвел потом в дневнике ответную реакцию высокого собеседника:

«Буш на глазах багровел, взгляд темнел... Перестал есть, задвигал желваками. Мне стало не по себе».

Ответ президента США свелся в итоге к сплошной демагогии: СССР-де видит он «демократической, рыночной

страной, динамично интегрированной в западную экономику».

«Горбачев, по-моему, тогда не понял, — резюмирует Черняев, — что ему был "дан отпор"».

А вскоре, по возвращении в Москву, советский лидер скажет своему помощнику:

«Знаешь, пришла информация: Буш после моего завтрака с ним в Лондоне сказал своим, что Горбачев устал, нервничает, не владеет ситуацией, не уверен в себе, поэтому подозревает меня в неверности, ищет большей поддержки... Надо переключаться на Ельцина».

Эту перемену настроений отметили тогда же и многие другие. Леонид Шебаршин, возглавлявший в 1991 году внешнюю разведку КГБ, вспоминает:

«В "верха" пришла добротная информация. В окружении Буша сделан вывод, что господствующая роль Горбачева в политической жизни Советского Союза завершилась, в полный рост встает альтернативная ему фигура Ельцина. Сохраняя прежние отношения с Горбачевым, Соединенные Штаты должны отныне уделять гораздо больше внимания российскому президенту — проще говоря, не связывать свою политику с проигравшим игроком».

Подтверждение шебаршинским словам можно обнаружить и в мемуарах самого Ельцина. «В справке КГБ, представленной Крючкову, — пишет он в "Записках президента", — говорилось, что "в ближайшем окружении Дж. Буша полагают, что М. С. Горбачев практически исчерпал свои возможности как лидер такой страны, как СССР"».

Как потенциальный соратник Ельцин в то время был для Запада крайне удобен. Никаких собственных внешнеполитических и экономических концепций у него отродясь не водилось. Когда Ельцина спрашивали, как в случае из-

брана намеревается он управлять державой, Борис Николаевич отвечал очень просто, ни секунды не мешкая: будем делать, как в Америке.

Его представления об экономических реформах походили на детскую веру в волшебную палочку, сапоги-скороходы, ковер-самолет и прочие сказочные атрибуты; дайте лишь свергнуть ненавистный коммунистический режим, который-де мешает «рубль перевести в конвертируемый», и разом наладится новая, счастливая, безбедная жизнь с молочными реками и кисельными берегами.

После возвращения из американского вояжа в 1989 году он так описывал увиденное на встречах с избирателями:

«Если ты в магазин пришел, то продавец за тобой ходит. Вот — во имя человека. Если там — супермаркет (это большой гастроном), то можете себе представить: там тридцать тысяч наименований продуктов. Фантазии не хватит просто, чтобы перечислить...

Если у нас 40 легковых автомобилей на тысячу жителей, то у них 40 частных самолетов на тысячу жителей. Тысячи самолетов на специальных аэродромах, на которые они в пятницу вечером сели с семьей и полетели на побережье отдохнуть... Ну, я уже не говорю, что легковых автомобилей примерно 600 на тысячу...

Я когда заходил в один магазин, продуктовый, остановился там с женщиной. Она с колясочкой, закупает продукты ровно на неделю... Получается примерно 30 долларов на человека в неделю. На члена семьи. Ну, допустим, если три человека, значит, на человека выходит 120 долларов в месяц при заработной плате в среднем у них 3,5 — 4 тысячи долларов... Понятно, что там квартира, бензин. "Есть у вас проблемы?" — говорю. Она думала, думала: да, говорит, проблема — рожать второго или не рожать?..»

Люди слушали эти рассказы широко раскрыв рты и затаив дыхание. Откуда им было знать тогда, что жизнь в условиях рынка—это не только тридцать тысяч наименований продуктов и вереницы летящих на уик-энд самолетов...

Егор Гайдар в роли спасителя Отечества мог появиться только рядом с таким человеком, как Ельцин. Когда Гайдара привели к нему знакомиться, он сразу же покори́л президента обилием макроэкономических терминов. Ельцин практически ничего не понял, но, дабы не быть заподозренным в невежестве, на протяжении всего разговора согласно кивал и поддакивал. После этого Гайдар был поставлен во главе нового правительства реформаторов, в которое набрал он людей по образу своему и подобию.

Подробнее об этих людях, ввергнувших Россию в пучину экономических катаклизмов, мы поговорим чуть погодя; кстати, все они по-прежнему остаются на плаву; только теперь перешли в стан правой оппозиции (либо «СПС», либо «Яблоко») и пытаются учить действующую власть, как следует ей правильно жить и работать.

Пока же остановимся лишь на одном загадочном обстоятельстве; дело в том, что у этих чудо-рыночников имелось и еще одно общее сходство. Как минимум трое их лидеров—Гайдар, Чубайс и Авен—успели постажироваться в некоем Международном институте прикладного системного анализа, располагался каковой... в Вене. Причем происходило это еще в 1980-е годы.

Те, кто хорошо помнит благословенные советские времена, понимают, должно быть, куда я клоню. Туристическая поездка за рубеж была тогда сродни полету в космос. Чтобы выехать в какую-нибудь Болгарию, требовалось пройти бесчисленное множество инстанций и согласований,

схожих с дантовыми кругами ада: партком, местком, КГБ, выездная комиссия. А уж о западных капстранах, к коим относилась Австрия— между прочим, член блока НАТО — говорить и вовсе не приходится. Причем любой сомнительный факт в биографии, даже слабое подобие неблагонадежности—автоматически приводило к запрету на выезд.

Между тем ни Гайдар, ни Чубайс, ни Авен к разряду твердокаменных коммунистов явно не относились. Впоследствии они сами будут рассказывать, как еще в 1984 году— в самый разгар застоя— создали некий неформальный кружок молодых экономистов, где пили водку и до упаду спорили о переустройстве отечества, в выражениях особо не стесняясь. (Лидером кружка был Чубайс, в ту пору— скромный доцент Ленинградского инженерно-экономического института.)

Фантастика какая-то! Диссидентствующие бунтари, и не думающие даже скрывать своего вольнодумства, с щекотливым весьма пятым пунктом, вместо того чтобы быть вызванными в соответствующую грозную организацию, дабы прослушать краткую лекцию о пользе бдительности и коварстве вездесущих шпионов, направляются вдруг в самое сердце враждебной Западной Европы.

Впрочем, Михаил Полторанин, бывший министр печати и первый вице-премьер ельцинского правительства, объясняет эту загадку довольно просто. По его версии, все трое будущих министров были направлены в Австрию с ведома и при непосредственном участии КГБ.

После крушения Союза Полторанин работал в комиссии по изучению закрытых архивов Политбюро. Впоследствии он рассказывал мне, что собственными глазами видел документы, подтверждающие означенную версию; рав-

но как и многие другие взрывоопасные бумаги, раскрывающие самые страшные тайны последних лет советской власти; большинство их держится в секрете до сих пор.

На основе этих сенсационных документов Полторанин даже снял не так давно документальный фильм под рабочим названием «Деньги для диктатуры олигархов», однако ни один из российских телеканалов — вполне естественно — показать его так и не решился. (По степени цензуры лидеры отечественного либерализма могут дать сто очков вперед даже приснопамятному Главлиту.)

Впрочем, у нас с вами есть возможность — если не увидеть, то хотя бы прочитать выдержки из запрещенного к показу взрывоопасного фильма. Узнав, что я работаю над этой книгой, Михаил Никифорович любезно передал мне некоторые материалы — в том числе ленту с записью крамольной картины.

Закадровый текст:

«...Будучи начальником Пятого управления, Бобков лично отслеживал, где, какие тусовки проводит молодежь, вербовал тех, с кем можно иметь дело. Перед самым началом перестройки его управление КГБ положило глаз на нескольких начинающих экономистов, отстаивающих позиции советской власти, и стало направлять их на стажировку в капстраны.

(На заднем плане появляются лица Гайдара и Чубайса.)

Так сотрудники КГБ СССР нашли в одном из клубов молодых псевдофрондеров — либералов Анатолия Чубайса с Егором Гайдаром, плотно поработали с ними и направили в Австрию — обучаться, налаживать связи. Австрия была как финансовый Рим, все дороги вели туда...»

По версии Полторанина, уже к середине 1980-х годов

руководство КГБ — и в первую очередь генерал Филипп Бобков, долгое время возглавлявший знаменитое Пятое управление, столь ненавидимое нашей интеллигенцией (оно ведало идеологической контрразведкой и борьбой с диссидентами), осознало, что СССР катится в пропасть.

Именно тогда, утверждает бывший вице-премьер, было решено заранее подготовить себе грядущую смену; помимо Гайдара, Чубайса и Авена в лубяньские сети угодили также будущие олигархи Михаил Фридман, Александр Смоленский, Михаил Ходорковский, Борис Березовский, Владимир Гусинский. Стараниями Политбюро ЦК КПСС и КГБ этих людей вывели из грязи в князи, позволили сколотить стартовый капитал.

(К этому следует также добавить, что по свидетельству ряда источников те же ученые молодые люди — Гайдар, Чубайс, Авен и примкнувший к ним Григорий Явлинский, еще один чудо-экономист, успели благополучно прослушать и курс семинара Римского клуба.)

Есть такая избитая фраза, приписываемая, кажется, американскому миллионеру Рокфеллеру: «Я могу отчитаться за каждый заработанный цент, только не спрашивайте меня о происхождении первого миллиона».

Наши, доморощенные олигархи с легкостью могут подписаться здесь под каждым словом.

В самом деле, как вышло, что зав. лаб. Березовский, член бюро райкома комсомола Ходорковский, ранее судимый товаровед Смоленский, непризнанный театральный режиссер Гусинский — в считанные часы оказались вдруг богатейшими людьми державы, хозяевами заводов, газет, пароходов.

У Михаила Полторанина имеется ответ на этот вопрос;

не бесспорный, конечно, но весьма и весьма любопытный.

По его мнению, накануне крушения Союза государство активно начало вывозить за рубеж золотой запас—главный источник экономической стабильности державы.

Официально все эти операции оформлялись секретными постановлениями Совмина как внешнеторговые сделки—якобы под закупку импортных продуктов питания. В реальности же в обмен на вывезенное золото в страну почти ничего не возвращалось; скажем, после отправки в 1990 году 50 тонн золота высшей пробы, которое осело на счетах «Внешэкономбанка», назад, в СССР, поступило лишь несколько мелких партий туалетного мыла.

По такой схеме в период 1989-1991 годов из страны тайно было экспортировано более 2 тысяч тонн желтого металла—почти весь золотой запас государства. Если к началу перестройки резерв этот составлял свыше 2,5 тысячи тонн, то уже к моменту развала СССР он снизился уже до критической отметки в 289,6 тонны. (Только за один 1990 год было вывезено 478,1 тонны.)

Экспортом золота занимались курьеры «Внешэкономбанка» с мандатами КГБ и Международного отдела ЦК КПСС; в их числе называется, например, столь примечательная личность, как будущий гендиректор «НТВ», доверенный человек Гусинского Игорь Малашенко. С такими полномочиями этим людям нечего было бояться шмона на границе; тем более что уже в 1990 году таможенная служба получила негласное распоряжение—беспрепятственно пропускать через контрольные пункты «Шереметьево-2» золотиносных курьеров.

Дальнейшую судьбу исчезнувшего золота проследить не удалось; оно было якобы продано иностранным юве-

лирным фирмам, но куда делись вырученные деньги — так и осталось навсегда тайной. Однако именно в этот момент новоявленные российские олигархи таинственным образом сумели заработать свои первые, стартовые капиталы.

Причем — момент наиважнейший — многие из них являлись давними агентами КГБ. Борис Березовский, например, был завербован охранкой еще в 1979 году и проходил в агентурной сети под псевдонимом «Московский». Есть данные, что агентом «конторы» был и Владимир Гусинский, причем на связи состоял он лично у первого зампреда КГБ Филиппа Денисовича Бобкова.

Деталь эта имеет серьезнейшее значение, ибо, как утверждает Полторанин, именно Бобков вместе со своим другом, председателем правления Госбанка СССР Виктором Геращенко — будущим председателем российского Центробанка — был главным движущим центром этих секретных операций.

Существовал и еще один замечательный во всех отношениях механизм перекачки денег из государственного в частные карманы. По секретному распоряжению Госбанка СССР была налажена торговля валютными запасами страны. Несмотря на стремительную инфляцию, «зелень» продавалась «своим» структурам по фиксированному курсу — 62 копейки за доллар.

Л вскоре Союз распался, Госбанк приказал долго жить; на его останках — неожиданно выросли вдруг частные банки: «Менатеп», «Империал», «Столичный», «Инкомбанк», «Тверь-универсалбанк». Им не только бесплатно досталась огромная собственность почившего в бозе Госбанка — здания, имущество, но и самое главное: вклады клиентов. А все недавние руководители, прямо или косвенно спо-

собствовавшие их магическому расцвету, без труда сумели найти себя в новой жизни.

Премьер-министр Николай Рыжков, чьими секретными распоряжениями организовывался вывоз золота, возглавил «Тверь-универсалбанк». Генерал Бобков — стал руководителем аналитической службы «Мост-банка». Виктор Геращенко — даром что считался ретроградом и противником либеральных реформ, — будучи уволен после августовского путча, мгновенно оказался потом реанимирован. Под давлением западных инвесторов его восстановили в должности, а в июле 1992-го назначили председателем российского Центробанка.

Об Авене, Гайдаре и Чубайсе — говорить даже не приходится; эти люди чувствуют себя неплохо вплоть до сегодняшнего дня.

Что же касается пропавших двух тысяч тонн золота, то их особо никто и не пытался даже искать. (В своих воспоминаниях Гайдар утверждает, будто единственная причина вывоза стратегического запаса заключалась в глупости тогдашних правителей, которые-де «элементарной предусмотрительности не проявили», ибо «в любом нормальном государстве они [золотые запасы] бережно хранятся, впустую ни в коем случае не разбрасываются». По версии Гайдара, вырученные от продажи золота деньги шли на закупку продовольствия.)

Единственная попытка докопаться-таки до истины была предпринята в начале 1992 года; российское правительство заключило тогда договор с известной детективной компанией «Кролл», которая вызвалась проследить судьбу вывезенных из СССР финансовых ресурсов. За работу эту «Кролл» получила щедрый гонорар в пол-

КАК УБИВАЮТ РОССИЮ

тора миллиона долларов, однако выполненный ею отчет держится в секрете до сих пор.

Что совсем, впрочем, не удивительно, учитывая, что координировать поиски было поручено... Гайдару с Авенном.

Что ни говори, с такими вождями Россию ждало — веселенькое будущее...

Глава вторая

НОВЫЕ КОНКВИСТАДОРЫ

*«Неважно, какого цвета кошка.
Главное, чтоб она ловила мышей».*

Дэн Сяопин

1. Бремя Белых

«Факты гибнут, иллюзии остаются», — изрек когда-то русский критик Михаил Протопопов. Эти слова в полной мере можно отнести и к конквисте — завоеванию испанцами и португальцами в XV - XVI веках американского континента. Потомки создали множество красивых легенд о благородных и романтических героях-путешественниках; память Бальбоа, Кортеса, Веласкеса, Кордовы, Писарро, Диаса увековечена в бесчисленных книгах, картинах, фильмах. Но если очистить историю от паутины мифов и героических сказаний, то история конкисты обнажится во всей своей кровавой неприглядности.

Развернувшееся тогда освоение Америки ничего общего с «цивилизаторством» не имело. Вся война велась в первую очередь за доступ к золотым и серебряным приискам доверчивых аборигенов.

Не так давно экономисты подсчитали, что к середине XV столетия во всей Европе имелось лишь около 7 тысяч тонн золота и серебра. Однако сразу после открытия Америки цифра эта стала расти прямо на глазах. До конца XVI века из Америки было вывезено 23 тысячи тонн серебра и 755 тонн золота, причем с каждым новым столетием обороты экспорта только увеличивались.

Собственно, интересы самих аборигенов—просвещенную Европу ничуть не тревожили; относились к туземцам как к неприятной преграде на пути к богатствам, посему жгли и убивали безжалостно. Никто и оглянуться не успел, как целые племена бесследно сгинули в небытие: те же майя, ацтеки или инки, например. Это при том, что по степени своего культурного уровня индейцы во многих направлениях не уступали, а то и вовсе опережали европейцев. Однако стараниями либеральных историков и литераторов в массовом сознании плотно укоренилась мысль, что аборигены—сплошь были дикарями и каннибалами, а конквистадоры, стало быть, посланцами доброй воли и миссионерами прогресса...

То, что стало происходить у нас после 1991 года, очень сильно напоминает мне процесс конкисты. Те же красивые, пышные речи. Те же удушающие объятия «цивилизаторов». Те же наивные, алчные лидеры, радостно обменивающие золотые слитки на грошовые яркие бусы...

*Несите Бремя Белых,
Пожните все плоды:*

*Брань тех, кому взрастили
Вы пышные сады,
И злобу тех, которых
(Так медленно, увы!)
С таким старанием к свету
Тащили вы...*

Так писал когда-то Киплинг, певец британского «цивилизаторства». Вообще, идеология этого явления исторически отличалась своеобразным кокетством и ханжеством; не корысти, мол, ради, токмо во имя счастья всего человечества.

Если первоначально Бремя Белых несли на себе испанцы, а затем эту ношу взвалили англичане, то к началу XX века на мировой сцене появилась новая сила—Америка.

Звездный час Штатов наступил во время Первой мировой. Пока Европа гибла на полях сражений, Америка спокойно отсиживалась за океаном, наживая на поставках воюющим сторонам несметные барыши. За годы войны американская экономика сумела заработать 33,6 миллиарда доллара—это при том, что тогдашний доллар стоил гораздо дороже сегодняшнего. Кроме того, Штаты мгновенно превратились в крупнейшего мирового кредитора; к 1919 году европейские страны в общей сложности задолжали им 11 миллиардов долларов.

На Парижской мирной конференции 1918 года президент США Вудро Вильсон уже вел себя как человек, облаченный особой миссией. Его коллега, британский премьер Ллойд-Джордж, саркастически вспоминал потом: «Президент глубоко уверовал, что он—миссионер, призванный спасти бедных европейских язычников...»

И хотя и сам Вильсон, и его преемники всячески пытались убедить международную общественность, что «США

не стремятся к мировому господству, США стремятся зажечь свет, которого мир прежде не видел—свет свободы, принципов и справедливости», со стороны выглядело это совершенно иначе; конкретные дела—были куда убедительнее красивых слов. И главные устремления новых цивилизаторов относились, разумеется, к самой большой и потенциально богатой стране.

Не буду, впрочем, уходить в сторону философских размышлений о взаимоотношениях России с Западом.

Посему—сразу перелистаю несколько эпох вперед и обращаюсь уже к новейшей истории.

С развалом Союза и созданием нового российского государства в стране началась форменная вакханалия.

К власти пришли тогда сплошь либералы и западники, кричащие на всех углах, что вот теперь-то они наладят новую, счастливую и сытую жизнь.

При этом, как уже говорилось, никакой собственной экономической программы у новоявленных чудо-реформаторов не имелось; они-то рассчитывали на многолетнюю, затяжную борьбу с советским режимом, но власть свалилась им на голову, точно яблоко с ветки, неожиданно-негаданно, и к этому они совершенно оказались не готовы.

Вся концепция реформ свелась в итоге к одному: будем делать, как на Западе. Помню, как при открытии очередного съезда народных депутатов между Хасбулатовым (в то время еще ярым демократом и ельцинским соратником) и Гайдаром произошла даже бурная перепалка—по какой именно модели развития следует вести многострадальный российский корабль.

«Будем жить, как в Швеции»,—говорил один.

«Нет, лучше, как в Америке»,—упорствовал другой.

Лидеры иностранных держав лишь ахали, глядя на этот

театр абсурда; ничего подобного в их сознании просто не могло уместиться; неприступная еще вчера держава, точно публичная девка, с визгом бросалась теперь им на шею, да еще ничего не требуя взамен.

Посетивший с визитом Россию в декабре 1991 года экс-директор ЦРУ Роберт Гейтс, прогуливаясь победным шагом по Красной площади, прямо признавался корреспондентам:

«Мы понимали, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно было разрушить только взрывом изнутри. И мы принимали меры. Но то, что творится сейчас у вас, то это даже для нас какой-то кошмар».

Новая государственная доктрина России была сродни мазохизму: внешних врагов—больше нет, кругом—одни только друзья, а если кто и мешает строить светлое будущее—так исключительно коммунистические недобитки.

В первую очередь удары посыпались на ненавистную госбезопасность; либералы ненавидели КГБ больше, чем ЦРУ, БНД и «Моссад», вместе взятые. (Обвини кого-то из них в сотрудничестве с иностранной разведкой—даже и за оскорбление это не посчитали бы; зато связь с «контрой» воспринималась здесь сродни государственной измене.)

Весь мир обошли тогда телевизионные кадры, сделанные сразу после провала ГКЧП: разъяренная толпа, окружив памятник Дзержинскому, набрасывает ему на шею стальную петлю и краном сдергивает с постамента—кран, к слову, был заботливо предоставлен американским посольством, снявшим его со строительства нового здания. Картина—жуткая, со стороны выглядело все как натуральное повешение.

Командовал этим историческим аутодафе вице-мэр столицы Сергей Станкевич, у которого с Лубянкой имелись собственные счеты: когда-то его не взяли работать во внешнюю разведку, забраковав по морально-этическим качествам. (Комитетские кадровики гнильцу чувствовали за версту; в 1992 году Станкевич, уже советник президента, попадет на грошовой взятке в 10 тысяч долларов.)

Слава богу, дело не дошло до штурма комплекса зданий КГБ, хотя угроза такая была вполне реальной; возглавивший в те дни госбезопасность Леонид Шебаршин приказал уже занять круговую оборону, но, по счастью, у Станкевича не хватило для этого духа; подобно большинству либералов, Сергей Борисович искренне демонизировал «контору», считая ее всесильной и всемогущей: черт его знает, чего они там хранят в своих знаменитых подвалах — может, и ядерную боеголовку.

Между прочим, никто до сих пор не обратил внимания на одну странную закономерность. Практически все революции и перевороты на постсоветском и восточноевропейском пространствах сопровождались погромами зданий местных спецслужб.

Причем среди штурмовиков всегда обнаруживался десяток-другой людей, удивительно хорошо ориентировавшихся в хитросплетениях кабинетов и коридоров; первым делом они принимались уничтожать и выносить секретные архивы, где хранились святая святых любой спецслужбы: картотеки агентуры.

Так происходило в Прибалтике, Грузии, Чечено-Ингушетии. Так было в ГДР, где в январе 1990 года возбужденная толпа захватила штаб-квартиру «Штази», сокрушив казенной мебели и имущества на несколько миллионов марок.

Западногерманские журналисты, которых в пристрастности к МГБ ГДР заподозрить довольно трудно, подробно приводили потом свидетельства участников штурма.

«Кто это так быстро и целеустремленно вбежал на самый верхний этаж и принялся сбрасывать вниз в лестничный пролет кипы бумаг?»— удивлялся, например, один из них. А другая женщина высказалась еще более определенно: «У меня сложилось впечатление, что среди нас были провокаторы, хорошо знавшие, где и что можно найти».

Эти признания очень точно корреспондируются со словами одного из лидеров демократов, первого всенародно избранного московского мэра Гавриила Попова. «Голпа стукачей, — скажет он через несколько лет, поминая август 1991-го, — осаждала КГБ в яростном стремлении первыми ворваться в здание и сжечь все следы своих многолетних подвигов».

Ничего удивительного, советская госбезопасность — как бы к ней ни относиться — была одной из мощнейших в мире и работу свою знала на ять. У меня лично даже сомнений нет, что среди народных лидеров первой волны в достатке имелись агенты КГБ или, выражаясь интеллигентской терминологией, стукачи и доносчики.

Тот же Березовский, к примеру, или Гусинский — до поры до времени исправно сотрудничали с охранкой, пока не поменялись времена. А сегодня, глядишь, нет более страстного борца с тоталитаризмом спецслужб, чем Борис Абрамович. (Слава богу, Владимир Александрович в эти годы заметно поутих.)

В воспоминаниях последнего председателя КГБ СССР Вадима Бакатина обнаружил я очень любопытный пассаж. Описывая свою политику открытых дверей, Бакатин между делом сообщает:

«Длинной и тяжелой была беседа с Витаутасом Ландсбергисом, который требовал немедленно передать все архивы на агентуру».

Шефу Лубянки, возможно, было и невдомек, что подобная рьяность литовского лидера объяснялась весьма прозаично. В прошлой жизни целый ряд его соратников, включая премьер-министра Казимиру Прунскене, имели — скажем обтекаемо — некоторое отношение к оперативной работе КГБ; Прунскене, например, конкретно к той самой «пресловутой» пятой линии, при упоминании которой советских диссидентов до сих пор пробивает в пот. Да и о принадлежности самого Ландсбергиса к агентурной сети КГБ — в Литве тоже поговаривают активно.

Бывшие агенты очень боялись, что их прошлое когда-нибудь всплывет; и прости прощай тогда — намечающаяся карьера. Архивные документы были для них сродни поводку или вожжам; да, сейчас их отпустили, создав иллюзию свободы, но в любой момент и поводок, и вожжи можно ведь легко натянуть обратно.

Как происходит подобное «натягивание», хорошо видно на примере одного неудавшегося мятежа, поднятого осенью 1992-го в Кабардино-Балкарии. Разгоряченная толпа пошла тогда на штурм местного дома правительства, заблокировала аэропорт, отбила у военных бронетехнику. Первый штурм, правда, удалось остановить, но число восставших множилось с каждым часом.

Ситуацию спасла лишь жесткость и решительность срочно прибывшего на место событий генерала Куликова, начальника одного из управлений главкомата Внутренних войск, а впоследствии — министра МВД. Помимо чисто военных приемов Куликов был вынужден прибегнуть и к оперативно-тактическим хитростям.

«Приходится действовать методами убеждения, а иногда и принуждения,—воспроизводит минувшие события Куликов.—Для этого выдергиваем одного энтузиаста, претендующего на роль организатора беспорядков. Говорю ему без обиняков: "Вы хотите, чтобы мы рассказали людям правду? Как делали в штабе Конфедерации (горских народов Кавказа.—*Авт.*) обыск, как изымали там оружие по вашей наводке? Не в наших правилах раскрывать информаторов, но вы ведете себя как провокатор. Поэтому я оставляю за собой право рассказать всем, что вы—обыкновенный стукач..." При этом "военный вождь" обмякает и только что не падает на колени... Он, наивная душа, хотел везде успеть и выиграть при любом раскладе».

Оттого, что восставшим массам не удалось захватить архивы КГБ, пыл многих ратоборцев не убавился. Доступ к секретным документам, оказалось, можно получить и безо всякого штурма.

Сразу после августовского путча новым, истинно демократическим председателем КГБ СССР был назначен бывший партработник Вадим Бакатин.

Ничего подобного в истории спецслужб прежде не было; новый председатель с ходу объявил обомлевшим подчиненным, что считает КГБ—организацией преступной. В написанных по горячим следам мемуарах под исчерпывающим названием «Избавление от КГБ» (они увидели свет уже весной 1992-го) Бакатин прямо сообщает, что лубянское ведомство ему «предстояло возглавить, чтобы разрушить», ибо «без ликвидации или серьезного реформирования этой организации... невозможно было надеяться на успех демократических реформ».

Имя Бакатина на Лубянке по сей день произносят с плохо скрываемой ненавистью; и дело здесь не только, а точ-

нее не столько в знаменитой передаче им американцам схемы расположения подслушивающих устройств в здании посольства США.

Бакатин оказался первым руководителем ведомства, кто, мало сказать, не пытался поднять его престиж, напротив, сделал все, чтобы превратить спецслужбу в изгоя. (Он даже придумал специальный ругательный термин «чекизм» — нечто среднее между фашизмом, терроризмом и коммунизмом.)

Объявленная им «политика прозрачности» привела к тому, что по Лубянке хозяйским размашистым шагом начали расхаживать довольно специфические личности, вроде попа-расстриги Глеба Якунина или писателя-эмигранта Владимира Буковского. Впрочем, если б они просто расхаживали, надуваясь от собственной важности, — это можно было бы как-то еще пережить. («Я абсолютно убежден в полной ненужности такой организации, как КГБ», — заявлял журналистам Владимир Буковский, отправляясь на очередную встречу к Бакатину; именно эту мысль он рассчитывал вдолбить в голову *прогрессивному* председателю). Проблема в том, что перед подобными субчиками оказались распахнуты архивы госбезопасности, включая агентурные дела и материалы оперативных разработок.

Газеты напропалую печатали тогда сенсационные статьи, уличающие самых разных людей в сотрудничестве с КГБ; это незамедлительно привело к массовому оттоку агентуры и фактическому свертыванию оперативной работы. Все громче звучали призывы окончательно открыть архивы и предать огласке имена людей, запятнавших себя сотрудничеством с кровавой охранкой.

«Уничтожать этот материал (картотеку агентуры КГБ. — *Авт.*)

ни в коем случае нельзя, — без тени сомнения объявил, например, зам. председателя российского госкомитета по делам архивов А. Прокопенко, — он необходим для морального обновления общества... Нужно... выявить в руководящих структурах, в церкви тех, кому должно быть предложено оставить занимаемые должности».

Сила любой спецслужбы заключается в ее умении хранить тайны; но когда становится она похожей на проходной двор, а любой поп-расстрига может вынести под рысью охапку секретных документов — это уже не спецслужба, а балаган. Ожидать от нее каких-то результатов — как минимум смешно.

Неудивительно, что именно на 1991-1992 годы пришелся массовый бум предательств, совершенных сотрудниками госбезопасности. Только по официальным данным за период 1991 года шесть офицеров разведки стали перебежчиками; почему западные спецслужбы, которые-де против России теперь не воюют, с радостью распахнули перед ними свои объятия — этим очевидным, казалось бы, вопросом никто отчего-то не задался.

Впрочем, в отличие от чекистов, я не склонен винить Бакатина во всех смертных грехах. Он был лишь продуктом своего времени; таранным орудием в руках новой власти; таким матросом Железняком демократической волны.

Идеология, которая активно насаждалась тогда, мало чем отличалась от наивно-идеалистических воззрений экзальтированных революционных гимназистов; дескать, пройдет пара лет, коммунизм победит на всем земном шаре, не будет ни денег, ни голода, ни проклятых эксплуататоров.

Советник президента Галина Старовойтова, которую

иначе как совестью нации не принято называть, во всеулышание заявляла, например, что агентура отныне вообще не нужна, это — рудимент режима; стучать на других — низко, подло и безнравственно. Хотя ни в одной стране полиция и спецслужбы не научились еще раскрывать, а главное — предотвращать преступления без сбора оперативной информации. (Между прочим, не будь у МВД и ФСБ агентов, и убийц самой же Старовойтовой никогда не удалось бы найти.)

(Дабы реализовать свои идеи на практике, Старовойтова даже подготовила проект закона о люстрации, который объявлял запрет на профессию для бывших сотрудников КГБ.)

Еще дальше пошел новый министр иностранных дел Борис Панкин. Сразу после своего назначения, в сентябре 1991-го, он громогласно пообещал сократить до минимума количество сотрудников внешней разведки, работающих под «крышей» посольств и загранпредставительств, а из самого МИДа — и вовсе выгнать чекистов поганой метлой.

«Из всех видов разведки самой неприемлемой представляется мне... та, — объявил министр, — что осуществляется под прикрытием посольств и иных дипломатических учреждений».

Американский посол Роберт Стурау, немедля отозвался об этой «мудрой» (цитирую дословно) министерской идее в превосходных тонах: «Чем больше мы будем делать, чтобы рассеять взаимные подозрения, и чем больше мы будем сокращать деятельность спецслужб, тем лучше».

Ельцин никогда не любил КГБ, еще со времен своей работы в Свердловске. Неприязнь и недоверие к спецслужбам носило у него характер скорее неосознанно-подсоз-

нательный; когда Ельцина брали на руководящую работу, он утаил факт наличия у него репрессированного отца и раскулаченного деда и долгие годы очень боялся, что тайна эта однажды всплывет. (Примерно те же проблемы были, кстати, и у Горбачева, Бакатина, Шеварднадзе и многих других архитекторов перестройки.)

Кроме того, первый президент не мог простить КГБ некогда установленной за собой слежки; по указанию Горбачева чекисты неотступно пасли его, записывали все телефонные разговоры; даже в министерском кабинете в Гострое СССР у Ельцина стояли «жучки».

Это — многое объясняет. Первый и последний председатель КГБ РСФСР Виктор Иваненко рассказывал мне, как осенью 1991-го Ельцин, на встрече с лидерами стран «большой семерки», пообещал «ликвидировать КГБ как орган».

Узнав об этом, Иваненко попытался Ельцина переубедить, но присутствовавший при беседе госсекретарь Геннадий Бурбулис тут же его перебил: не перестанете упорствовать — найдем на ваше место кого-нибудь другого, пошговорчивей.

Иваненко, возможно, не ведал, что к тому времени некий американский фонд «Наследие» уже подготовил для Ельцина программу российских реформ. Первым пунктом там значилось полное свертывание контрразведывательной деятельности и перепрофилирование бывшего КГБ исключительно на борьбу с преступностью и терроризмом. (Спасибо еще, хоть это разрешили.)

Итог долго ждать себя не заставил; вся вторая половина 1991 года и значительная часть года 1992-го ознаменовались полной парализацией деятельности нашей разведки и контрразведки. В самый ответственный, важнейший

для страны момент, когда вмешательство спецслужб требовалось как воздух, они оказались полностью выведены из игры; по неразумности или чьему-то злему умыслу — вопрос остается открытым.

Егор Гайдар даже жаловался потом: дескать, никакой серьезной информации правительство от Министерства безопасности (так стал называться реформированный КГБ) добиться не могло.

«Я предпринимал постоянные, но, как правило, бесплодные попытки получить от этого ведомства информацию о коррупции в министерствах, аппарате правительства... Поначалу думал, что более содержательная информация поступает к президенту... Потом понял, что и у него надежной информации нет... В общем, если МБ и работало, то явно не на нас».

Воистину: нападение — лучший способ защиты. Сначала новые правители собственными руками разрушили систему национальной безопасности, а затем — еще и набрались наглости жаловаться на слабую-де ее эффективность.

Какая, к черту, информация! Какие разработки и материалы; сотрудники, приходя утром на службу, не знали, доработают ли вообще до вечера. Одна пертурбация сменялась другой, людей пачками выводили за штат.

Никакое другое ведомство не реформировалось в новой России с такой частотой, как госбезопасность. Только за первый ельцинский срок здесь прошло шесть реорганизаций и сменилось шесть вывесок (КГБ-АФБ-МБВД-МБ-ФСК-ФСБ). С каждой новой реформой из системы вымывались лучшие кадры — самое крепкое, работоспособное среднее звено; те, кто мог найти себя в мирной жизни. Все делалось для того, чтобы уничтожить систему на корню.

Люди, пришедшие в КГБ до 1990 года, отправлялись служить в самую престижную организацию страны. Они гордились своей принадлежностью к этому тайному ордену меченосцев, чувствовали свою причастность к важным государственным делам. А потом в одночасье оказалось, что работать в КГБ — не почетно, а позорно. А потом — на ведомство их (а что такое ведомство? в первую очередь люди) начали спускать всех собак, будто это они, чекисты 1980-х, сами втыкали иголки под ногти Бухарину и пытали врачей-вредителей.

Для того чтобы окончательно убедить Запад в своей лояльности и приверженности демократическим идеалам, российское руководство пошло даже на совершенно беспрецедентный шаг: в начале 1992-го Ельцин помиловал всех без исключения агентов иностранных разведок, прежде осужденных за измену родине. Оказалось, что эти люди — преимущественно сотрудники КГБ и ГРУ — не предатели, а «борцы с тоталитаризмом», просто боролись они по-своему, как умели.

Именно в таком благородном обличье и представляли отныне перед журналистами бывшие шпионы, обернувшись в одночасье «узниками совести»; хотя, по-моему, в любом государстве, вне зависимости от политического устройства, нарушение воинской присяги является преступлением наитягчайшим.

Демагогический этот лозунг — сражаться с коммунизмом любыми подручными способами — был не нов; первым запустил его один из самых видных перебежчиков, полковник КГБ Олег Гордиевский, удравший в Лондон накануне перестройки; Гордиевский работал на англичан еще с 1974 года и опасался неминуемого провала.

Очень уместно привести в этой связи свидетельство со-

трудника пресс-бюро КГБ СССР Игоря Прелина, который в 1990 году сопровождал журналистов «Би-Би-Си» при посещении пермского лагеря особого режима, где сидели предатели. Уже тогда стало известно, что осужденные намерены объявить себя узниками совести; такой вариант был подсказан им американцами, пообещавшими развернуть в ответ широкую международную кампанию в их поддержку.

И ведь развернули! И шпионов—повыпускали. А они, в свою очередь, принялись потчевать нетребовательную публику душещипательными историями о своих мученических подвигах.

Некто Борис Южин, например, агент ФБР с 10-летним стажем и бывший подполковник внешней разведки КГБ, в первом же интервью после освобождения (из 15 лет он просидел всего 6) объявил на голубом глазу, что пошел на сотрудничество с американцами сугубо из «идейных соображений», ибо, начитавшись Солженицына и самиздата, полностью пересмотрел свои взгляды на советскую действительность. О том, что ФБР завербовало его на банальном компромате—Южину подложили в постель некую Джуди Стивенсон, а затем принялись этим шантажировать — «диссидент» предусмотрительно умолчал.

Другой его коллега—сотрудник норвежской резидентуры КГБ Михаил Бутков, сбежавший весной 1991-го к англичанам, и вовсе опубликовал потом открытое письмо к бывшим товарищам по оружию, где объяснял свой поступок тем, что «считал своим долгом противостоять попыткам реакционных сил в СССР... заморозить и задушить процесс демократических преобразований».

«Противостояние» майора Буткова привело к тому, что резидентура внешней разведки была выслана из Норве-

гии в полном составе. Кроме того, он передал английским спецслужбам всю известную ему информацию об агентах КГБ в Скандинавии, что, впрочем, путевки в новую жизнь Буткову не обеспечило.

Оказавшись в Англии, идейный борец очень скоро потерпел поражение и, недолго думая, организовал широкомасштабную аферу. Вместе с группой сообщников Бутков принял решение рассылать недавним соотечественникам приглашения на учебу в некую мифическую калифорнийскую школу менеджмента. Охотников до знаний оказалось немало — почти полторы тысячи душ. Собрав с простаков 2,4 миллиона долларов (!), Бутков предпочел скрыться, а несостоявшиеся студенты долго еще искали, где же в жаркой Калифорнии обретается эта прекрасная школа.

Одновременно были помилованы и многие перебежчики, заочно приговоренные советским судом к расстрелу. В их числе значился некто Николай Хохлов, капитан КГБ, сбежавший аж в 1954 году во время командировки в Германию. Причем у означенного Хохлова хватило даже наглости мгновенно приехать после этого в Москву и заявиться с экскурсией на Лубянку.

«...Мы шли мимо Лубянки, — так описывался этот исторический вояж его очевидцем, корреспондентом журнала "Новое время", — и пришла сумасшедшая мысль: сделать фото на фоне старого кабинета Хохлова. Без предварительных запросов и согласований (!) попали к заместителям начальника Центра общественных связей Министерства безопасности Александру Гурову и Алексею Кондаурову... Хохлов (ему показали даже кабинет, где сидели руководители госбезопасности от Берия до Андропова) все поглядывал во внутренний двор, на окна Лубянской тюрьмы, которая столько лет по нему плакала».

Интересно, а если бы кто-то из *их* перебежчиков — тех, кто перешел на нашу сторону, начав сотрудничать с КГБ — возжелал бы совершить вдруг аналогичную экскурсию, чем закончилось бы дело? Рискну предположить, что в лучшем случае его взяли бы прямо у стен Лэнгли или штаб-квартиры «Сикрет Интеледженс Сервис», а в худшем — и вовсе в аэропорту.

(Нечто подобное случилось в 1996 году, когда по прилету в Вашингтон ФБР арестовало бывшего сотрудника внешней разведки Владимира Галкина, уволившегося из КГБ пятью годами раньше; выпустили его только через два месяца, да и то после обещаний российской стороны *хлопнуть* в ответ парочку отставников из ЦРУ.)

Достаточно сказать, что со времен «холодной войны» ни один из граждан Западной Европы, Канады и США, осужденный за шпионаж в пользу СССР, не удостоился чести быть помилованным; тот же, допустим, знаменитый Джордж Блейк, сотрудник МИ-6, скрывающийся у нас еще с 1960-х годов, по-прежнему остается у себя на родине вне закона.

В этом нехитром, очень показательном примере — кроется главный принцип новых взаимоотношений свободного мира с Россией; любовь наша оказалась сугубо безответной.

Если раньше две мировые системы четко соблюдали паритет, строго по принципу «око за око», то отныне игра начала вестись исключительно в одни ворота; уж в области противостояния разведок — совершенно точно.

Несмотря на пышную риторику и признания в любви, западные спецслужбы не только не спешили следовать примеру Москвы и зарывать в землю топор войны, но, напротив, еще и наращивали свои обороты. О том, чтобы «со-

кращать деятельность спецслужб», как восклицал восторженный американский посол Стуруа, и речи даже не шло.

Резидентура ЦРУ чувствовала себя настолько уверенно, что вербовать агентуру принялась прямо не выходя из здания посольства на Новинском бульваре; здесь, в частности, к сотрудничеству были привлечены российские граждане Алешин, Петров, Финкель. (Последнего — сотрудника одного из военно-морских НИИ — завербовали, когда пришел он получать гостевую визу. Финкель истово мечтал проведать живущего в Штатах сына, но в ответ ему был выдвинут ультиматум: либо — передаешь нам материалы о последних разработках твоего НИИ, либо — не видать тебе сына как своих ушей.)

Против России не шпионил теперь только ленивый; вслед за традиционными нашими противниками — ЦРУ, БНД, МИ-6, «Моссадом» — Лубянка с удивлением начала фиксировать устремления совсем уж экзотических разведок — латиноамериканских, прибалтийских, ближневосточных и даже... африканских. (Был совершенно комичный случай, когда ФСБ удалось разоблачить агента зимбабвийской (!) разведки Владимира Гурджиянца, представителя «Аэрофлота» в этой стране.)

Все это происходило на фоне активно дебатировавшегося в печати мнения, что, дескать, с развалом Союза никаких секретов и тайн у нас не осталось; следовательно, охранять нам нечего; это, мол, все химеры и догмы сталинского режима.

Смехотворность такого тезиса даже не требует пояснений; она легко подтверждается цифрами и фактами, ибо как только контрразведка начала вставать на ноги, вал разоблачений накрыл ее с головой; таких массовых поимок Лубянка не знала со времен середины столетия.

В 1993 году по обвинению в шпионаже ФСБ задержала 20 человек. В 1994-м — арестов произошло уже 22. Плюс 18 предотвращенных попыток передачи иностранным разведкам секретных документов и сведений.

Причем значительная часть разоблаченных агентов снабжала иностранцев как раз сведениями военно-технического характера. Поминавшийся уже сотрудник военноморского НИИ Финкель вручил американцам данные о новейших гидроакустических комплексах. Арестованный в 1993 году офицер Михайлов продал ЦРУ информацию о характеристиках новейшего танка Т-82. Бывший начальник главка Госкомоборонпрома Синцов передавал английской разведке материалы о торговле Россией оружием.

Контрразведка обезвреживала даже целые группы охотников за оборонными секретами. На территории 5 центральных областей, например, агенты разведуправления Минобороны США (РУМО) под видом коммерсантов пытались скупать в армейских частях техническую документацию к современным военным разработкам. (В частности, речь шла о зенитно-ракетном комплексе «Искандер-М» и морском ракетном комплексе «Москит».) При попытке передачи документации по «Москиту» двое работников Коломенского КБ машиностроения были задержаны.

Другой скандал произошел в недрах Генштаба, офицеры которого наладили *экспорт* секретных топографических карт. Только документально был установлен факт хищения свыше 10 тысяч листов топокарт. Контрабандой они отправлялись в Минск, оттуда в Ригу, а затем в США. Аналогичный канал был вскрыт и в Центре космической разведки ГРУ; карты, сделанные со спутника, продавались

здесь израильтянам; в момент получения очередной партии товара ФСБ задержала с поличным легального резидента «Моссада» Р. Динеля.

Таких примеров — можно приводить десятками...

К концу 1990-х годов из России только в США уехало более 100 тысяч ученых и специалистов; прямым из Арзамаса-16 — в Силиконовую долину. Американское правительство всячески поощряло такую утечку мозгов; еще в 1992-м году здесь был даже принят специальный закон, предоставляющий особый статус для ученых из СНГ — в частности, упрощенный порядок получения ими гражданства.

То есть — картина получалась довольно странная, чисто в духе толстовского непротивленчества; ударили по левой щеке — подставь правую. Российские власти в одностороннем порядке сворачивали работу своих спецслужб, выпускали на волю осужденных шпионов и вообще из кожи вон лезли, демонстрируя чудеса миролюбия. В ответ же — наши оппоненты лишь радостно хлопали в ладоши и тут же принимались пользоваться плодами такой наивности: вербовать под шумок агентуру, выуживать секреты и технологии, создавать на сопредельных территориях новые резидентуры.

(Это все равно как если бы один из дуэлянтов поднял бы вверх пистолет, а второй, наплевав на законы дуэльного кодекса, быстренько пустил этому пацифисту пулю в лоб; подобным образом, кажется, отставной майор Мартынов застрелил некогда поручика Лермонтова.)

Наряду с военной и научно-технической разведкой активно собирали спецслужбы и информацию политическую; Западу нужно было доподлинно знать, о чем думает и куда стремится Кремль.

Рискну предположить, что требовалось это еще и для точного ориентирования своей высокопоставленной агентуры; тех самых агентов влияния, в существование которых российские демократы упорно не верят.

В разгар очередной публичной полемики на эту тему к себе в свидетели они привлекли даже... экс-директора ЦРУ времен «холодной войны» Уильяма Колби.

«Агенты влияния, вы говорите? — деланно поражался Колби. — Конечно, у нас были некоторые программы, с помощью которых мы пытались сделать политику Москвы более умеренной (каково, а! — *Авт.*). Но такой категории, как агенты влияния, я что-то не припомню».

Занятно было бы, если б припомнил, да еще и фамилии назвал: кого и как ЦРУ завербовало!

(«Придет время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и госдепартамент у вас наверху», — признались однажды в пылу откровенности отставные американские разведчики своему недавнему противнику — бывшему начальнику нелегальной разведки КГБ Юрию Дроздову.)

Ставший в 1992 году президентом США Билл Клинтон оказался намного более откровенным. Выступая в октябре 1995-го на совещании в Объединенном комитете начальников штабов, Клинтон без обиняков заявил:

«Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 миллионов долларов, а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военные также не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно: планы наши начали реализовываться».

Хочется верить, что рано или поздно мы узнаем — куда, а точнее, кому пошли эти деньги. И не только они одни.

По некоторым данным (их, в частности, обнародовало МИД Латвии) в период 1985-1992 годов Запад (прежде всего США) *инвестировал* в «процесс демократизации СССР»... 90 миллиардов долларов. Средства шли, как правило, не напрямую, а через различные посреднические структуры, такие как Общественный комитет российских реформ, американская ассоциация «Национальный вклад в демократию», Институт Крибла и прочая, прочая. Дело дошло до того, что Фонд Конгресса США финансировал даже деятельность легендарной МДГ — межрегиональной депутатской группы, одним из сопредседателей которой был будущий президент Ельцин.

Вся история мирового шпионажа прямо свидетельствует, что главная задача любой спецслужбы — проникновение в высшие эшелоны чужого государства. Никакие симпатии и антипатии — роли тут не играют; уж насколько извечно были близки Израиль и Штаты, но и даже промежути то и дело вспыхивали шпионские скандалы; скажем, в конце 1980-х ФБР разоблачило аналитика разведуправления ВМС США Джонатана Полларда, работавшего на «Моссад». И никакая внешнеполитическая ось Вашингтон-Тель-Авив тут не помогла: Поллард был приговорен к пожизненному заключению.

Известна масса примеров, когда «кроты» иностранной разведки обнаруживались в самых высоких кабинетах. Скажем, считается, что помощник американского президента Гарри Гопкинс был привлечен к сотрудничеству Лубянкой во время Второй мировой войны. Или — знаменитая кембриджская пятерка: каждый из завербованных советской разведкой во время учебы в Кембридже молодых английских аристократов занял со временем довольно серьезные должности. (Дэвид Маклин — возглавил аме-

риканский отдел МИДа, Ким Филби—стал резидентом английской разведки и руководил миссией связи между МИ-6 и ЦРУ, Гай Берджесс—дослужился до помощника министра иностранных дел, а Антони Блант—аж до советника самого короля.)

На КГБ работали руководитель советского отдела западногерманской разведки БНД Хайнц Фельфе, британский министр авиации Джон Стоунхауз. В свою очередь, наши «младшие братья» из МГБ ГДР сумели завербовать личного помощника канцлера ФРГ Брандта Гюнтера Гийома, а предпринятая ими масштабная спецоперация под кодовым названием «охота на секретарш» втянула в агентурную сеть множество одиноких сотрудниц различных западногерманских ведомств. Красавцы-нелегалы без труда влюбляли их в себя, а затем вынуждали шпионить в интересах Востока.

Аналогичными, хоть и не столь масштабными успехами могут похвастаться и западные спецслужбы. Каждый, кто вырос в эпоху застоя, отлично знает историю агента ЦРУ Дубова-Трианона, героя киносериала «ТАСС уполномочен заявить» и одноименного романа Юлиана Семенова.

Дело это—совершенно реальное; под псевдонимом «Дубов» в фильме и книге был выведен сотрудник МИДа Александр Огородник, завербованный ЦРУ во время командировки в Колумбию и покончивший с собой при аресте. Работая над романом, Семенов пользовался подлинными материалами оперативной разработки КГБ.

Лишь одну деталь автор вынужден был опустить: незадолго до разоблачения Огородник сделал предложение дочери секретаря ЦК КПСС, бывшего помощника Генерального секретаря Константина Русакова. Предстоящей

женитьбе американцы предавали огромное значение. В каждой шифровке они рекомендовали Трианону делать все возможное, лишь бы внедриться поскорее в кремлевскую семью. Только самоубийство будущего зятя спасло товарища Русакова от неминуемой политической гибели...

Аналогии напрашиваются сами собой. Ведь одно дело — проникнуть в прежний советский Кремль и совсем другое — в Кремль начала 1990-х.

С гибелью дракона, как назвал Советский Союз директор ЦРУ Джеймс Вулси (не преминув добавить, что боролись они с ним 45 лет «и в конце концов убили его»), все существовавшие прежде барьеры и преграды рухнули в один миг. Жесткий контрразведывательный режим — испарился. Прозрачные границы, приток иностранцев, свободное хождение валюты, масштабная коррупция, развал спецслужб — в таких условиях вербовать агентуру в России стало легче легкого. Западным разведчикам следовало быть полными дураками, чтобы не воспользоваться такими блестящими перспективами; уж в чем, в чем, а в дурости — ни ЦРУ, ни МИ-6, ни БНД упрекнуть язык не поворачивается. (Опять же — средств, как помним мы со слов Клинтона, отпускалось на это с избытком.)

Причем, что показательно, в первые годы демократии даже попавшие под подозрения чиновники легко уходили от ответственности; разоблачать шпионов считалось как-то неудобно; неровен час — за кордоном обидятся.

(По этой же причине, несмотря на то что российское воздушное и водное пространство стало подвергаться постоянным вторжениям самолетов-разведчиков и шпионских подлодок, власти предпочитали закрывать на тво-

рящуюся вакханалию глаза. Даже после того как в конце 1991 года американская подлодка столкнулась в водах Кольского залива с лодкой российской, МИД и Минобороны напропалую кинулись уверять, что этот-де досадный инцидент на нашу дружбу никак не повлияет; о том, чтобы направить в Штаты ноту протеста—никто даже и не заикнулся. Хотя, когда еще совсем недавно советская подлодка обнаружилась у берегов Скандинавского полуострова, вопль о красной угрозе поднялся по всему миру.)

Первый (и последний) председатель КГБ РСФСР Виктор Иваненко рассказал мне однажды умопомрачительную историю, как в 1991 году контрразведка завела несколько разработок по шпионажу. Одна из них касалась сотрудника МИДа, который подозревался в сотрудничестве с ЦРУ.

«Этот дипломат,—вспоминает Иваненко,—имел не санкционированные контакты с американскими разведчиками, прежде всего за рубежом. Когда сомнения в его измене окончательно отпали, я пошел к министру—тогда им был Козырев,—показал материалы. "Огромное спасибо,—ответил Козырев.—Я обязательно приму меры..." И принял: через полмесяца повысил в должности. В тот момент обвинения в связях с Западом были не обвинением, а скорее комплиментом».

Имени этого предателя Иваненко мне не назвал. Впрочем, рискну предположить—вероятнее всего, речь шла о Владиславе Потапове, работавшем зав. секретариатом самого Козырева, а в 1995-1998 годах уехавшем в Вашингтон помощником российского посла. В январе 2001-го Потапов, ставший к тому времени уже начальником отдела двусторонних отношений с США департамента Северной

Америки МИДа, тайно сбежит из Москвы, вместе с женой— между прочим, сотрудницей ФАПСИ— и 12-летним сыном. Через Будапешт Потаповы транзитом доберутся до США, где и осядут навечно.

Если версия моя верна, получается, что ровно 10 лет в самом сердце МИДа работал американский «крот», имевший доступ ко всем нашим внешнеполитическим секретам, а министр— не только об этом знал, но еще и прикрывал предателя от нападков спецслужб.

К слову говоря, начало нового тысячелетия вообще ознаменовалось беспрецедентным всплеском предательств высокопоставленных секретноносителей. Потапов исчез 17 января. Ровно тремя месяцами раньше, 18 октября, политического убежища в Штатах попросил первый секретарь постпредства России в ООН Сергей Третьяков— он же полковник СВР и зам. резидента в Нью-Йорке по политической разведке. Еще через два месяца, 25 декабря, к американцам перебежал офицер безопасности нашего посольства в Оттаве Евгений Торопов, ранее возглавлявший американскую линию внешней контрразведки СВР.

А сразу после этого, 18 февраля, ФБР арестовало одного из самых ценных агентов российской разведки Роберта Ханссена, сотрудника ФБР. Очевидно, сдал его кто-то из перебежчиков...

Несмотря на все высокопарные признания в любви и дружбе, западные разведки— и ЦРУ в первую голову— ни на минуту не прекращали тайную войну против России. Общее количество агентов, разоблаченных ФСБ за период 1990-х годов, перевалило за сотню. Примерно два десятка сотрудников СВР-ГРУ, подобно Торопову с Третьяковым, попросили за кордоном политического убежища, разумеется, выложив взамен— все известные им секреты.

Не менее масштабный размах приняла и полулегальная эмиграция, когда уволившиеся офицеры спецслужб обманном путем уезжали потом за границу — преимущественно в США, — где вступали в связь с местной контрразведкой. Результатом их откровенности стали массовые аресты российской агентуры. Для наглядности добавлю, что среди подобных «эмигрантов» оказались и люди более чем осведомленные — такие, например, как зам. начальника нелегальной разведки СВР (управление «С») или зам. начальника внешней контрразведки СВР (управление «К»).

Такая же ситуация творилась и с дипломатами. Только за первые три года «демократии» в США добровольно остались 15 мидовцев, срок командировки которых подошел к концу. Среди жертв их предательства — «крот» КГБ в ФБР Эрл Питтс, которого выдал американцам бывший советник российского постпредства при ООН Роллан Джейкия. (За этот «подвиг» Джейкия получил политическое убежище и паспорт гражданина США.)

«Мы сами создали наилучшие условия для работы западных спецслужб, — констатирует генерал Ладыгин, руководивший в эпоху 1990-х российской военной разведкой, — о каковых может мечтать любая разведывательная система, любая разведывательная структура. Причем такие были созданы условия, что иногда даже сами западные спецслужбы терялись».

А генерал Иваненко говорит в свою очередь:

«Шла масса информации о том, что спецслужбы Запада активизировали свою вербовочную работу, прямо скажем, в российском руководстве и около него, в структурах, которые близки или участвуют в принятии важных решений».

Однажды Служба безопасности президента решила провести анализ, что за иностранцы регулярно посещают Старую площадь и Кремль.

«И оказалось, — свидетельствует бывший начальник отдела "К" СБП (это подразделение занималось контрразведывательным обеспечением ельцинской администрации) Николай Кузьмин, — что 30% из них были установленными разведчиками или подозревались в принадлежности к спецслужбам зарубежных стран».

Кузьмин, кстати, утверждает, что в его отделе были и конкретные материалы на многих сотрудников администрации, заподозренных в сотрудничестве с иностранными разведками.

О том же самом вспоминает и его коллега Валерий Стрелецкий, возглавлявший в СБП отдел «П», занимался которой аналогичной деятельностью внутри аппарата правительства.

«Белый дом практически был открыт для проникновения иностранных спецслужб. Буквально в первые же дни после создания нашего отдела к нам стали поступать материалы, свидетельствующие об активной работе разведок внутри правительства, а уже через 2-3 месяца пошли и первые разработки по линии "ШП" (шпионаж. — *Авт.*). В правительстве было в порядке вещей, когда секретносители тайно выезжали за рубеж, имея по несколько паспортов».

В конце 1995 года при попытке вылететь в Прагу в аэропорту «Пулково» был задержан Николай Аксененко — будущий министр путей сообщения и первый вице-премьер правительства. При себе он имел поддельный загранпаспорт, оформленный в обход ФСБ.

Куда он летел, зачем? Этот вопрос так и остался без от-

вета. Впрочем, свободное передвижение наших чиновников по земному шару — было еще цветочками. Куда страшнее, что внутри власти оказалось большое число людей с иностранным гражданством; а если у человека два паспорта — значит, и родины у него тоже две; какой из них он служит искренно — одному только богу известно.

Зам. секретаря Совета безопасности Борис Березовский имел израильский и доминиканский паспорта. Вице-премьер и министр госимущества Максим Бойко — вид на жительство в США и родного папу — преподавателя одной из разведшкол ЦРУ. Такая же «грин-карта» была получена и министром атомной энергии Евгением Адамовым.

«Если копнуть тех, кто находился тогда у власти, — считает полковник Стрелецкий, — то окажется, что греческое гражданство имеется у каждого пятого. А израильское — у каждого десятого. Опять же американские "грин-карты". В те времена это было совершенно обыденным, нормальным даже явлением».

Не менее детективная история была связана и с первым помощником президента Виктором Илюшиным.

Начиная с 1993 года Илюшина стали часто видеть вместе с молодой эффектной шатенкой. Они регулярно играли в теннис, ходили по ресторанам. Время от времени девушка посещала его кремлевский кабинет; причем накануне заграничных ельцинских визитов интенсивность таких встреч резко возрастала.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что зовут шатенку Викторией, фамилия — Соколова. В прошлом она была членом юношеской сборной СССР по теннису, а ныне числится аккредитованным в Москве корреспондентом итальянской газеты «Република», имеет российское и итальянское гражданства.

Подозрения спецслужб укрепились, когда они увидели, что Соколова постоянно «проверяется», нет ли за ней хвоста. Периодически она пользовалась проверочными маршрутами, явно подобранными профессионалами.

А тем временем первый помощник президента приглашал Соколову в Кремль все чаще и чаще. Выставленная наружка показала, что перед каждым заходом в Кремль теннисистка встречается на Васильевском спуске с неким гражданином; со стороны это очень напоминало инструктаж. То же самое происходило и после ее возвращения; причем время от времени Соколова выносила из Кремля какие-то документы, которые сей гражданин с интересом просматривал прямо на месте.

Тогда спецслужбы решили познакомиться с этим таинственным незнакомцем покороче. Оказался он гражданином Италии. Всякий раз, расставшись с Соколовой, итальянец отправлялся в одну из частных квартир в центре Москвы. Адрес этот был хорошо известен на Лубянке; здесь жил установленный разведчик ЦРУ.

Не вина контрразведчиков, что им не удалось разобраться в этой истории до конца; и Илюшин, и подобные ему бонзы были для спецслужб персонами нон-грата.

Но сам факт того, что подозрительная иностранка, связанная с ЦРУ, запросто заходит в кабинет к первому помощнику президента—уже говорит о многом. Да и как иначе могло быть в стране, где руководители спецслужб даже о собственной отставке узнавали из уст иностранных разведчиков.

Николай Ковалев, возглавлявший ФСБ в 1996-1998 годах, так описывает свое собственное прощание с Лубянской:

«Мне позвонил зарубежный коллега, работающий в од-

ной из иностранных спецслужб, и сказал, что подписан указ о моем снятии. Я выразил недоумение, позволил себе не согласиться, мягко говоря. Тем не менее он оказался прав».

...Лишь с приходом Владимира Путина — ситуация изменилась диаметрально. Правда, как только спецслужбы стали опять набирать силу, разом поднялся вселенский вой: 1937 год! угроза тоталитаризма! Причем, что характерно — в этом слаженном хоре отлично спелись и западные оппоненты, и наши доморощенные либералы. (Что, в общем, неудивительно.)

Уже зимой 2000-го, накануне путинских выборов, директор ЦРУ Тенет, выступая перед сенатом, прямо назвал Россию одним из главных очагов угроз Западу. И сразу по всему миру прокатилась волна шпионской истерии; наших дипломатов высылали откуда только можно — из Швеции, Японии, Финляндии, Болгарии, самих же Штатов.

Своей режиссуры ЦРУ и не думало здесь даже скрывать; скажем, когда весной 2001-го болгарская контрразведка задержала двоих граждан, обвиненных в сотрудничестве с Москвой, только после визита заместителя местного резидента ЦРУ в национальную службу безопасности три российских дипломата были объявлены персонами нон грата.

«Я аплодирую премьер-министру Болгарии, — незамедлительно откликнулся на этот шаг директор ФБР Луис Фри. — Очень важно препятствовать разведдеятельности зарубежных агентов в наших демократических странах».

(Хотя лишь накануне аналогичный скандал произошел в «демократической» же Польше, где был разоблачен американский агент, полковник военной разведки. Но поскольку предатель — тоже был «демократическим», выпустили

его в США без суда и следствия, а факт этот от общественности утаили.)

«Самые агрессивные разведки, шпионящие против США,—заявил не так давно директор национальной американской разведки Майкл Макконнелл, выступая перед сенатской комиссией,— это китайцы и русские. По степени активности они приближаются к уровню "холодной войны"».

Эвона как! То есть пока ЦРУ или МИ-6 разгуливали по кремлевским кабинетам, как у себя дома, это было торжеством демократии. Но стоило лишь России дать адекватный отпор, как тут же бьют американцы тревогу: караул! КГБ возвращается!

А с другой стороны, что еще остается им? Разве что ностальгически вспоминать те безвозвратно ушедшие времена, когда открыты были перед ними все двери, а российские спецслужбы—повсеместно бичевались как оплот реакции и черных сил.

Никакие даже самые здравые уговоры не могли превозмочь извечной ненависти либералов к синим жандармским мундирам.

«Я неоднократно пытался объяснить,—свидетельствует первый председатель российского КГБ Виктор Иваненко,— что спецслужбы—это, если угодно, иммунная система страны. Человек не может жить без иммунитета. И государство—не может. Но в ответ на мои попытки втолковать российскому руководству, что всякая уважающая себя страна должна защищать собственные секреты, принимать самостоятельные решения, а не плясать под диктовку западных сценаристов, я упирался в стену непонимания».

При этом, пользуясь кремлевской доверчивостью, но-

вые заграничные друзья даже не пытались сохранять хорошую мину при плохой игре; все без исключения пойманные на Западе бывшие агенты КГБ—даже те, что давно уже потеряли контакт с Москвой—наказывались жестоко, без какого-либо снисхождения и скидок на обстоятельства.

Рядовой американской армии Роберт Липка, прекративший работать на КГБ еще в начале 1970-х, был приговорен к 18 годам заключения. 27 лет тюрьмы получил сотрудник ФБР Эрл Эдвин Питтс, также давно прервавший связь с КГБ. Инструктор одной из школ ЦРУ Гарольд Николсон—осужден на 23 года. Бывшему агенту КГБ, английскому инженеру Майклу Смиту—впяли 25 лет тюрьмы.

Американское правосудие не пощадило даже 75-летнего, тяжелобольного старика Джорджа Трофимоффа, шпионившего некогда на советскую разведку (он работал в разведгруппе Объединенного центра НАТО). Трофимофф был осужден к пожизненному заключению. Причем на суде—с показаниями против него выступал отставной генерал КГБ Олег Калугин, недавний любимец демократической общественности.

(Кадровый разведчик Калугин прославился в конце 1980-х, когда ринулся уличать свое родное ведомство во всех смертных грехах. За такую самоотверженность его приняли в «ДемРоссию», избрали народным депутатом и возвели в ранг чекиста-диссидента. Однако через пяток лет диссидент этот преспокойно уехал на Запад, где сдал ЦРУ с ФБР все известные ему секреты; странно еще, что так поздно. Именно по доносу Калугина в тюрьму был отправлен, например, упоминавшийся выше шифровальщик АНБ Роберт Липка.)

Для сравнения—максимально суровый приговор, вынесенный в современной России, составляет 18 лет. (Это к вопросу о кровавом оскале наследников Берия и Ежова.) Такой срок получил завербованный ЦРУ полковник Службы внешней разведки Александр Запорожский, самый, пожалуй, результативный «крот» со времен Олега Пеньковского.

Запорожский, если угодно, это абсолютный антипод легендарного агента КГБ Олдрича Эймса. Их судьбы кажутся точно снятыми под копирку.

Эймс был начальником советского отдела контрразведывательного департамента ЦРУ. Запорожский работал зам. начальника американского отдела управления внешней контрразведки СВР. Если через руки первого проходила информация обо всех практически агентах ЦРУ в КГБ, то второй—имел доступ к материалам прямо обратным, о «кротах» СВР внутри Лэнгли.

И Эймс, и Запорожский решились на измену исключительно по причинам меркантильным—им нужны были деньги. Оба вышли на контакт с чужой разведкой инициативно.

За годы сотрудничества Эймс передал КГБ сведения почти о двух десятках предателей — в том числе и о тех, кто будет потом великодушно помилован Ельциным и превратится в «узников совести». Какую именно информацию сдал американцам Запорожский—до сих пор держится в тайне, хотя уже тот факт, что работал с ним лично начальник контрразведывательного центра ЦРУ Стивен Каппес, говорит сам за себя.

У двух этих людей есть лишь одно существенное отличие—причины провала. Если Запорожский был раскрыт в результате кропотливо проведенной оперативной комби-

нации, то обстоятельства разоблачения Эймса — неясны и по сей день.

Сами американцы уверяют, правда, что он попал под подозрения в результате собственной нескромности: Эймс любил жить красиво. На гонорары КГБ он купил себе яхту, шикарный особняк, «Ягуар» последней модели. Вот и задались его коллеги риторическим вопросом: откуда, мол, у скромного начальника отдела такие деньги?

Честно скажу, эта версия не вызывает у меня большого доверия. Эймс сибаритствовал много лет подряд — вплоть до того, что катал даже на своей яхте коллег из ЦРУ — но это ни у кого не вызывало никаких вопросов. И вдруг в 1994 году ФБР точно отрешается ото сна и летит на его задержание.

Странно? Еще как. Потому, что ни одной улики против Эймса у контрразведчиков тогда не имелось; не начни он впоследствии давать показания, все дело вполне могло закончиться пшиком.

Для ареста Эймса требовались какие-то конкретные, весомые аргументы; одних лишь размытых, беспочвенных подозрений было явно недостаточно. ФБР должно было не предполагать, а доподлинно знать о его предательстве. И уверенность такую мог вселить в контрразведку лишь человек очень и очень осведомленный.

Иными словами, самого ценного агента КГБ американцам тоже сдал предатель; я в этом — почти уверен.

Последний председатель КГБ СССР (Бакатин — не в счет) Владимир Крючков, в чью бытность начальником внешней разведки и был завербован Эймс, отчасти соглашается с этой версией.

В одной из бесед Крючков говорил мне:

«Эймс в последние годы уже не давал конкретной информации, значит, был вне поля опасной для себя деятельности. И вдруг он разоблачен. Почему? Конечно, должны быть изучены все аспекты, версий много. И самую страшную из них, то есть предательство с нашей стороны, исключать ни в коем случае нельзя».

Немаловажная деталь: в августе 1991 года руководство КГБ решило прервать все отношения с Эймсом. Тот же Крючков признался мне, что в условиях начавшейся неразберихи они опасались провала самого драгоценного своего агента.

По сей день в спецслужбах поговаривают, что незадолго до ареста Эймс инициативно вышел на контакт с СВР и пообещал передать нам данные о новых агентах ЦРУ; только на этот раз—уже из числа сотрудников органов власти: правительства, президентской администрации, МИДа.

Возглавлявший в тот период внешнюю разведку Евгений Примаков недвусмысленно пишет в мемуарах, что «передаваемая им информация касалась американских агентов, завербованных во властных структурах или спецслужбах СССР, а затем России»; обратите внимание—«а затем России»!

И дальше: «Эймс незадолго до ареста выезжал для встречи с нашим связником в одну из латиноамериканских стран».

Если это так, многое встает на свои места. Спешка, с которой американцы вынуждены были идти на задержание Эймса, даже не успев собрать необходимого объема улик (хотя во всех других случаях предпочитали подводить к объектам разработки своих провокаторов—на языке спецслужб это именуется «подстава»), объясняется

лишь одним: у них не оставалось времени на раскачку. Во что бы то ни стало следовало спасти свою высокопоставленную российскую агентуру от провала.

Судя по всему, им это вполне удалось...

2. Тайные советники вождей

И вновь возвращаемся мы к крайне щекотливой, деликатнейшей теме агентов влияния.

В том, что в новом российском руководстве, пришедшем к власти на обломках империи, таких агентов было в избытке—у меня, например, даже сомнений нет. (Иначе куда делись 50 миллионов долларов, отпущенных ЦРУ?)

Точнее, не так. Теоретически я могу, конечно, допустить, что среди наших власть предержащих агентов влияния не имелось. Но тогда нам придется признать, что все эти люди—те, кто прямо или косвенно работал на ослабление России и усиление Запада—являлись лопухами и наивными простофилями; и неизвестно, кстати, что еще лучше—услужливый дурак опаснее врага.

Подавляющее большинство новых властителей страны были представителями либеральной интеллигентской среды; я специально даже подсчитал: из 35 членов первого российского правительства 20—свыше половины—в недавней жизни (сиречь до 1990 года) работали в научных и учебных институтах на самых разных должностях: от преподавателя до директора. (Больше всего оказалось среди

них завлабов — аж 4 штуки.) Кроме того, в кабинет министров затесались одна низовая профсоюзная активистка (Памфилова) и один журналист (Полторанин).

Лишь незначительная часть министров являли собой кадры профессиональные: руководящие работники министерств, производственники. Однако всем им достались участки сугубо узко-специальные — связь, железная дорога, строительство.

Весь экономический и внешнеполитический блок — то есть самое главное, ключевое звено — состоял исключительно из доцентов и завлабов; преимущественно — весьма юного возраста.

Перечислим хотя бы часть из них поименно:

Егор Гайдар — вице-премьер и министр финансов (де-факто — председатель правительства). 35 лет, в прошлом — зав. отделом журнала «Коммунист», а затем директор им же придуманного Института экономической политики со штатом в 100 человек.

Александр Шохин — вице-премьер, министр труда и занятости. 40 лет, зав. лаб. ЦЭМИ.

Анатолий Чубайс — председатель Госкомимущества. 36 лет, меньше года проработал зампредом Ленгорисполкома, до этого — доцент Ленинградского инженерно-экономического института.

Петр Авен — министр внешней экономики. 36 лет, старший научный сотрудник ВНИИ системных исследований.

Андрей Нечаев — министр экономики. 38 лет, ведущий научный сотрудник Института экономической политики.

Владимир Машиц — председатель Госкомитета по экономическому сотрудничеству со странами СНГ. 38 лет, зав. лаб. Института проблем рынка.

Владимир Лопухин — министр топлива и энергетики.

39 лет, зав. лаб. Института народнохозяйственного прогнозирования.

Замыкает сию великолепную шеренгу руководитель аппарата правительства 35-летний Алексей Головков, научный сотрудник (даже не старший!) Института экономики АН СССР. Ну просто Академгородок какой-то, а не кабинет министров.

Все эти, несомненно, умные и способные молодые интеллектуалы отличались одним досадным недостатком: у них не было ни малейшего практического опыта; они никогда ничем не руководили и ни за что не отвечали.

Выросшие в интеллигентных московских семьях, новоявленные чудо-экономисты воспринимали реальную жизнь страны лишь по рассказам очевидцев, да еще из окон СВ по дороге в Сочи или Пицунду; о том, что на свете имеется, к примеру, Дальний Восток или Сибирь — эти юноши, кажется, вообще не догадывались.

Они существовали совсем на другой планете, в параллельном мире, который никогда не пересекался с жизнью огромной страны. Нет, они, конечно, очень любили простой народ — носитель вековой мудрости и традиций; у каждого на кухне стояли наверняка расписные хохломские или гжельские чашки; часами они могли умиляться вологодскому говору и каким-нибудь допотопным прялкам; регулярно перечитывали Шукшина и Астафьева. Но любовь эту предпочитали демонстрировать на почтительном расстоянии, издалека; и, встречая на улице или в метро приехавших в ГУМ колхозников в искусственных полушубках, лишь презрительно поджимали губы и бросали насмешливые, исполненные превосходства косые взгляды; точно как тургеневские баре, беседовавшие с крестьянами исключительно через надушенный платок.

Это был другой, непонятный, а потому чужой и враждебный им мир — людей с мозолями на руках, от которых пахло соляжкой, навозом и потом, не знающих, что такое теплый сортир, Пруст и Антониони, и ничуть — о ужас! — тем не терзавшихся.

Собственно, подобное деление России — на чистых и нечистых, быдло и белую кость — всегда было присуще отечественной либеральной интеллигенции; думаю, что во многом — это и есть источник наших многовековых бед.

Как и положено либеральной интеллигенции во все времена, реформаторы первой волны были сплошь прозападниками; их раздражала наша расхлябанность и неустроенность, загаженные подъезды и поголовное пьянство; то ли дело — красивая, подсвеченная неоном заграничная роскошь. Стыдясь нищей России, они словно пытались отмежеваться, откреститься от нее; потому и силились доказать собственную цивилизованность и прогрессивность; стать для Запада своими в доску. Тем более за спиной у многих осталась ностальгия по счастливому времени, проведенному в венской и римской экономических школах, а может, и что-то даже иное...

Россия — всегда страна максимализма. Либо левый, либо правый, либо почвенник, либо западник — третьего не дано. Но как быть людям трезвым, здравомыслящим, если им не нравится ни одна из крайностей.

Я, например, не люблю наших либералов — это они, погрязнув в извечной интеллигентской трескотне, довели Россию до ручки.

Но я точно так же не люблю и почвенников, с их параноидальной тягой к заговорам, звериному шовинизму и причитаниями о канувшей в Лету светлой, допетровской Руси.

Еще не факт, что, приди они к власти, жизнь была бы лучше; такие же точно демагоги, казнокрады и коррупционеры, просто с убеждениями другого цвета.

Превозносить свою страну в ущерб остальному человечеству — это преступно. Но столь же преступно — не любить ее вовсе, предпочитая ползать перед Западом на карачках.

Конечно, если б в одночасье выяснилось вдруг, что Гайдар, Чубайс, Нечаев, Козырев и etc. были агентами Запада — это многое поставило бы на свои места. Но такой ответ будет слишком примитивен и прост.

Я думаю, что невосполнимый урон, нанесенный ими стране, объяснялся совсем другими причинами; в первую очередь — желанием этих амбициозных мальчиков в розовых штанишках, как метко окрестил их вице-президент Руцкой, снискать себе славу великих рыночников и реформаторов. (Сам Ельцин во второй книге мемуаров назовет эту команду «нахальной молодежью».)

Россию они воспринимали как гигантский полигон для реализации собственных гениальных идей и планов, а Запад — только подливал еще масла в огонь, подзуживая, подпихивая: давайте, давайте! так его, это треклятое наследие прошлое.

(Подобная метаморфоза случилась когда-то и с Горбачевым, который, заслушавшись дифирамбами заграничных друзей, самым пошлым образом проспал великую державу.)

То, что стало твориться в России с приходом новой власти, и Западную Европу, и США устраивало как нельзя лучше. Правда, требовалось здесь очень умелое балансирование — с одной стороны, не дать развалиться стране окончательно; голодный дикий медведь с ядерным оружи-

ем в руках — мог обернуться угрозой для всей планеты. Но и с другой, — не позволить вернуться России к прежнему статусу сверхдержавы.

Уже не раз цитируемый Збигнев Бжезинский — крупнейший американский эксперт в области геополитики — откровенно писал по этому поводу:

«Для Америки эта новая и ставящая в тупик геополитическая ситуация представляет серьезный вызов. Понятно, что незамедлительная ответная задача заключалась в уменьшении возможности возникновения политической анархии либо возрождения враждебной диктатуры в распадающемся государстве, все еще обладающем мощным ядерным арсеналом. Долгосрочная же задача состоит в следующем: каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и ее экономическому восстановлению и в то же время не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы...»

Увы, этого тогда никто не понимал, или — не хотел понимать. Лидеры западных стран не скупались на похвалу и лесть: Ельцина, например, в глаза иначе, как вторым Петром Первым, они не называли.

Повсеместно заявлялось, что свободный мир вот-вот сольется в экстазе с бывшим главным противником; надо просто еще чуть-чуть обождать.

А тем временем Россия все сильнее попадала в зависимость от Запада: экономическую, торговую, политическую.

Собственное производство в стране катастрофически падало; в результате отмены Гайдаром государственной внешнеторговой монополии — в том числе на экспорт сы-

рья — доходы бюджета резко снизились; инфляция же, напротив, столь же резко возрастала.

Если в СССР при продаже на экспорт примерно 130 миллионов тонн нефти — главной нашей валюты — этих средств вполне хватало на весь Союз, включая 15 братских республик, страны соцлагеря, космос и гонку вооружений, то в гайдаровско-чубайсовской России, при экспорте уже в 240 тонн, бюджет оказался вдруг дефицитным. (Ответа на эту загадку так никто до сих пор и не дал.)

В таких условиях страну было совсем не сложно посадить на иглу внешних займов; к концу 1991 года общий объем набранных международных кредитов составлял 70,3 миллиарда долларов, а к 1998 году эта цифра превысила уже 149 миллиардов. Но ведь деньги давались нам не за красивые глаза — под проценты, и немалые. Для того чтобы их отдавать, государство вынуждено было брать кредиты новые — и так до бесконечности; натуральная пирамида, только с очень большими нулями.

В каждом ключевом министерстве работали теперь иностранные советники, которые подчас оказывались главнее своих же работодателей; ох уж эта вечная тяга российской элиты к чужеземным гувернерам и боннам, описанная еще Пушкиным.

(Помните: «Monsieur l' Abbe, француз убогий...»?)

У Гайдара, например, в роли гувернеров выступали английский экономист Ричард Лайард и профессор Гарварда Джеффри Сакс. (Последний, правда, через несколько лет вынужден будет признать, что «реальная западная помощь была ничтожна. Реформистские политики в России сильно пострадали от этого контраста между высокопарностью риторики и пустячностью реальной поддержки».)

Кроме того, экономическим советником правительства

был назначен также шведский профессор Андерс Ослунд; фигура эта столь примечательна и занятна, что о ней следует рассказать поподробнее.

В прошлой жизни Ослунд работал в МИДе, одно время даже был первым секретарем шведского посольства в Москве. Однако при всей успешности карьера дипломата его не увлекала; Ослунду больше нравилось быть ученым.

Список заведений, которые он почтил своим присутствием, впечатляет: Институт Кеннана, Международный исследовательский центр Вудро Вильсона, Стокгольмский институт экономики стран Восточной Европы, Стокгольмская школа экономики, Институт Брукингса. Казалось бы, внешне — со всех точек зрения человек уважаемый.

Именно таких «наставников» с нетерпением ждали на просторах бывшего Союза. Поэтому неудивительно, что Андерс Ослунд без каких бы то ни было проволочек и проверок был назначен экономическим советником российского и украинского правительств, а также советником киргизского президента Акаева (по вопросам социально-экономического и государственного управления).

Ослунд был, что называется, нарасхват. Имидж ученого с мировым именем позволял ему легко открывать любые двери. Но в итоге кончилось все довольно печально.

Аскар Акаевич Акаев оплевался весь, вспоминая тот день, когда поддался он соблазну и пригласил высокопоставленного шведа в Бишкек; реализованная по советам Ослунда макроэкономическая реформа Киргизии поставила страну на грань катастрофы.

Аналогичные чувства испытал, должно быть, и сменивший Гайдара в премьерском кресле Черномырдин. Когда Виктор Степаныч ознакомился с рекомендациями иностранных советников, он пришел в тихий ужас: и Ослунд, и

Сакс настоятельно требовали полностью ликвидировать остатки государственного контроля за экономикой, упразднить системное планирование и лишить профильные министерства каких-либо рычагов влияния. В итоге Черномырдин просто стал делать вид, что о своих советниках позабыл, но те с таким поворотом соглашаться никак не желали.

В январе 1994 года Ослунд и Сакс направили Ельцину гневную петицию, в которой заявляли, что отказываются от дальнейшей работы с Россией. При этом Ослунд обвинил Черномырдина и главу Центробанка Виктора Геращенко в незнании основных монетаристских теорий.

«Трагедия состоит в том, что Россия была уже на грани ценовой стабильности, — писал он. — Вместо этого мы получаем правительство, которое думает лишь о наполнении собственного кармана».

Белый дом на эту критику никак не прореагировал, свято следуя принципу, изложенному еще Бенджамином Франклином: «Вымой свой палец, прежде чем указывать на мои пятна». От такого неуважения к собственной персоне Ослунд распалился еще сильнее и решил устроить обычную коммунальную свару; в следующем подметном письме он назвал Черномырдина «продуктом Газпрома», а Геращенко — «худшим начальником ЦБ в мировой истории».

После чего вместе с Саксом принялся вредить неблагодарным «русским», чем только мог. По свидетельству тогдашнего вице-премьера Александра Шохина, эти граждане попытались создать на Западе «такую атмосферу, чтобы этому правительству финансовую поддержку не оказывать, оно заведомо консервативное, антиреформаторское, и если там Гайдара и Федорова не будет, то с помо-

щью лучше подождать, пока они снова не вернуться в правительство».

В многочисленных интервью Ослунд рассказывал теперь об ужасах и преступных ошибках российской власти; он договорился даже до того, что настоятельно стал советовать отказаться Москве от проведения собственной промышленной политики, а федеральный бюджет именовал не иначе, как ширмой, «политической декларацией, не имеющей никакого смысла». Опять же — организованная преступность, которая «опирается на преступные структуры бывшего КГБ, сросшиеся с государственным аппаратом». (Знакомая риторика, не так ли?)

Правда, потом Ослунд неожиданно сменил гнев на милость и, в одночасье прозрев, изрек, что «страна находится в преддверии экономического роста, стратегия экономических ведомств — продумана, инфляция — под контролем».

Впрочем, причина одного «прозрения» была довольно проста — в то время экономический блок правительства вновь возглавил любимый гайдаровский друг и соратник Анатолий Чубайс...

Чубайс — это, вообще, особая песня. О «подвигах» главного идеолога право-либеральной оппозиции можно писать целые романы; пока же коснемся лишь одной только темы — его иностранных советников.

В Госкомимуществе — главном центре по проведению приватизации — их (иностранцев советников) работало и имело постоянные пропуска аж 32 субчика.

Чем они там занимались, доподлинно внутри ведомства не знал никто; зато все отлично были осведомлены, что каждый из трех десятков иностранцев имеет доступ в компьютерный центр ГКИ, где хранилась информация о готовящихся торгах.

Возглавивший это ведомство осенью 1994-го амурский губернатор Владимир Полеванов (Чубайс ушел тогда на повышение первым вице-премьером) был немало ошарашен подобными порядками.

«Эти люди имели возможность получать инсайдерскую информацию, — рассказывал он мне по прошествии нескольких лет, — какой конкурс готовится, какие условия будут выставлены, дату и место проведения, объем разового платежа. То есть ту информацию, которая давала им огромные преимущества и делала победу predetermined. Это то же самое, как если бы в Генштабе у Гудериана работал товарищ Жуков или наоборот».

Полеванов — мужик был крутой; он вырос не в тепличных условиях, в тиши ЦКовских или писательских дач, а на золотых приисках Колымы и Магадана, в окружении бичей и уголовников. Это была как раз та самая, другая Россия.

Мне лично до сих пор непонятно, как Чубайс и Гайдар проморгали его назначение; видимо, никто поначалу и не предполагал, сколь упрямым, несговорчивым, а главное порядочным человеком окажется новый председатель Госкомимущества.

«В течение первых же десяти дней, — вспоминает Полеванов, — меня посетили семь послов стран "семерки": Канады, Японии, Англии, Франции, Германии. Последним пришел посол США Пикеринг. Все они вели со мной примерно такие разговоры: "Как вам повезло, что вы встали после Чубайса, вам-то и особенно работать не нужно. Ни во что не вмешивайтесь, ничего не ломайте, и вы прославите свое имя в веках"».

Однако эти увещевания на Полеванова не действовали; ему хватило первого же месяца, чтобы разобраться в ситуации и сделать надлежащие выводы. Больше всего

председателя ГКИ поразило, что один из иностранных советников — некий Джонатан Хэй — как официально, секретными письмами, информировала его контрразведка, являлся кадровым сотрудником ЦРУ. Лубянка просила удалить Хэя из Госкомимущества, однако Чубайс категорически этому противился.

Тогда Полеванов решил от слов перейти к делу. Сразу после нового, 1995 года он приказал охране ГКИ изъять пропуска у всех 32 иностранных советников, включая ЦРУшника Хэя, и не пускать больше их внутрь. Это решение вызвало у Чубайса форменную истерику. Он непрерывно звонил по «вертушке» и требовал оставить его людей в покое. «Дайте письменный приказ, — вежливо отвечал ему Полеванов, — и мы сразу же вернем пропуска назад». Понятно, что оставлять документальные следы Чубайс не решался...

Дальше — началось что-то совсем уж из ряда вон выходящее. Точно революционные матросы в октябре 1917-го, иностранные советники ринулись на штурм здания. Вел их за собой чубайсовский пресс-секретарь Аркадий Евстафьев — тот самый, которого накроет потом коробка изпод «Ксеркса».

Слово — Владимиру Полеванову:

«Во главе товарищей иностранцев Евстафьев буквально прорвался через проходную Госкомимущества, они забаррикадировались и в течение суток в компьютерном центре уничтожали, вероятно, следы своей деятельности. Но за эти сутки я успел сменить охрану на нашу рядовую милицию, и когда иностранцы покидали здание, пропуска у них изымались. Оставшиеся 20 дней — до тех пор, пока меня не уволили — Госкомимущество впервые начало работать в интересах Российской Федерации».

Полеванова уберут ровно через три недели после штурма ГКИ; такого вероломства Чубайс ему не простил. А уж когда осмелился написать он Черномырдину обширную докладную, в которой доказывал, что приватизация ведется бездумно и хаотично — крупнейшие предприятия уходят на сторону за бесценок, иностранцы скупают блокирующие пакеты стратегических оборонных заводов и НИИ — участь его окончательно была решена.

(«Довольно смешной тип, — говорил о Полеванове его заместитель Альфред Кох; впоследствии он сам займет это место, где прославится воровскими залоговыми аукционами и безудержным, всепоглощающим цинизмом. — Он все пытался остановить приватизацию, говорил, что это разбазаривание... Полеванов тогда волновался: "Ай-ай-ай, караул, национальная безопасность! Страдают ее интересы!" Я его тогда попросил дать определение национальной безопасности, а он не смог».)

Свое веское слово, разумеется, сказал и Запад; американцы настойчиво требовали от Ельцина с Черномырдиным: увольте Полеванова.

Соответствующие письма были направлены президенту и премьеру тогдашним российским послом в Вашингтоне Воронцовым, министром иностранных дел Козыревым. (Абсурдность нашей бюрократии заключалась в том, что Полеванов, как вице-премьер, сам получал копии всех этих кляуз.)

24 января на встрече в Женеве госсекретарь США Уоррен Кристофер открыто объявил коллеге Козыреву, что предоставление транша МВФ напрямую зависит от фамилии председателя ГКИ. На другое же утро Полеванов был уволен, установив таким образом своеобразный рекорд *скоростного спуска*; в этой должности он проработал 2 месяца.

ца и 10 дней. Кроме того, Полеванов оказался самым дорогостоящим членом правительства; за его голову МВФ заплатил 6 миллиардов долларов. Ровно такой кредит был выдан России в день его отставки ...

Однако история на этом отнюдь не закончилась, потому что любимые советники Чубайса—американцы Джонатан Хэй и Андрей Шлейфер—очутились вскоре в эпицентре скандала нового.

Надо сказать, что факт присутствия иностранных советников в Госкомимуществе—сам по себе ничего предосудительного не означал; в конце концов, российская модель приватизации как таковая разрабатывалась американцами изначально.

В те далекие уже времена безграничное влияние на ход реформ имело несколько весьма сомнительных организаций: Леонтьевский центр, Международный институт правовой экономики и Центр приватизации под руководством Максима Бойко (впоследствии этот молодой чубайсовский сподвижник станет вице-премьером и министром госимущества).

Все они содержались на деньги Соединенных Штатов; да так успешно, что когда в 1997-м спонсоры попросили новоиспеченного министра Бойко отчитаться за потраченные 110 миллионов долларов, он с грехом пополам сумел подтвердить расходование лишь 70 миллионов; оставшуюся сумму пришлось списывать в убытки.

Засучив рукава, эти организации писали законы, участвовали в разработке и проведении приватизационных конкурсов, готовили новые реформы. Именно Международный институт правовой экономики был, например, истинным прародителем нового государственного орга-

на—Федеральной комиссии по ценным бумагам, организованного по американскому образцу и подобию.

Планы у них были грандиозными: американцы собирались создать комиссию по регистрации прав на недвижимое имущество, заняться регулированием строительного рынка и т. д.

Формально такая широта американской души объяснялась, разумеется, заботой о нашем с вами будущем; еще в декабре 1992-го Конгресс США принял закон о поддержке либеральных российских реформ. Средства на это, и немалые—в общей сложности 137 миллионов долларов—были выделены из национального бюджета, а распорядиться ими поручили Институту международного развития при Гарвардском университете.

Здесь-то и пришел черед проявить свои таланты упомянутым выше Джонатану Хэй и Андрею Шлейферу. Оба этих достопочтимых джентльмена числились сотрудниками университета, причем Шлейфер был даже профессором экономики.

Кем в реальности являлся Хэй—сказать трудно; в американской прессе скромно сообщается лишь, что он был молодым выпускником юридического факультета Гарварда. (Ничего удивительного: все наши разведчики по образованию тоже сплошь правоведы.)

В России Хэй появился еще за год до принятия этого закона; в Госкомимущество он пришел почти одновременно с Чубайсом, сразу же став его советником. Очень скоро влияние американца на своего начальника оказалось неограниченным—иногда становилось даже непонятно, кто в этой связке ведомый, а кто ведущий.

К чему это привело, хорошо видно из рассказа Владимира Полеванова:

«Подняв документы, я с ужасом обнаружил, что целый ряд крупнейших оборонных предприятий ВПК был скуплен иностранцами за бесценок. То есть заводы и КБ, выпускавшие совсекретную продукцию, вышли из-под нашего контроля. Тот же Джонатан Хэй с помощью Чубайса купил 30% акций Московского электронного завода и действовавшего с ним в кооперации НИИ "Графит" — единственного в стране разработчика графитового покрытия для самолетов-невидимок типа "Стелс". После чего Хэй заблокировал заказ военно-космических сил на производство высоких технологий.

19,5 % акций завода "Компонент", работавшего исключительно на нужды ГРУ, через подставную фирму отошли частной американской компании, что по нашим законам давало им право вводить в совет директоров своего человека; но завод-то — режимный. 28% акций Калужского турбинного завода, который специализировался на изготовлении паротурбинных установок для атомных подводных лодок, скупил "Сименс". Блокирующие пакеты наших военных вертолетных заводов перешли в руки "Боинга" и "Сикорского". Список этот можно продолжать бесконечно...»

А вот цитата из заключения Счетной палаты по результатам проверки деятельности Госкомимущества в 1992-1995 годах:

«Особую тревогу вызывает захват иностранными фирмами контрольных пакетов акций ведущих российских предприятий оборонного комплекса и даже целых его отраслей. Американские и английские фирмы приобрели контрольные пакеты акций МАПО "МИГ", "ОКБ Сухой", "ОКБ им. Яковлева", "Авиакомплекс им. Ильюшина", "ОКБ им. Антонова", производящих сложные комплек-

сы и системы управления полетами летательных аппаратов...

Россия не только утрачивает право собственности на многие оборонные предприятия, но и теряет право управления их деятельностью в интересах государства...

В результате применения для предприятий сферы оборонной промышленности механизма искусственного банкротства к выгоде узкого круга заинтересованных лиц разрушались вполне успешные производства, а сами предприятия и их активы уводились из-под контроля государства, в том числе переходили в собственность нерезидентов. При этом в ряде случаев инициаторами искусственного возбуждения дел о несостоятельности (банкротстве) выступали не только коммерческие структуры, но также федеральные ведомства и организации...»

Учитывая слова Полеванова, что Джонатан Хэй был сотрудником ЦРУ, подобные диверсии — а как иначе еще это называть — выглядят вполне логичными; ни одна спецслужба в мире не упустит такой восхитительной возможности — нанести обороноспособности противника смертельный удар поддых. Недаром ситуацию с заокеанскими советниками лично курировал тогдашний директор ЦРУ Джордж Тенет, а для обработки полученных в России новых оборонных технологий в НАТО была учреждена даже специальная программа.

За годы чубайсовской приватизации более 17% стратегических и оборонных предприятий были проданы Западу по символическим ценам. Только одна американская компания Nick & C Corp. умудрилась скупить через подставные структуры пакеты акций 19 предприятий, в числе которых значились «Тушинский машзавод», МПО им. Румянцева, АО «Курский прибор», «Авионика», АО «Рубин».

Иностранцы сумели даже приобрести пакет космического «головника» НПО «Энергия» — предприятия не просто секретного, а суперзасекреченного.

Впрочем, Хэй был представителем уже нового, современного поколения разведчиков; о себе, любимом, он тоже не забывал и ложку мимо рта никогда не проносил.

Воспользовавшись российской неразберихой, Хэй на пару со своим старшим другом Шлейфером скупил пакеты акций крупнейших предприятий страны — «Ростелекома», «Газпрома», «Пурнефтегаза», «Черногорнефти», Иркутского, Саянского и Братского алюминиевых заводов.

Большинство этих сделок было оформлено на структуры, которые контролировались женами американских советников. Так, супруга Шлейфера Нэнси Циммерман, верховодя в компании Farallon Fixed Income Associates, сумела заработать сотни миллионов долларов. Любвица Хэя (впоследствии ставшая его женой) Элизабет Герберт руководила фирмой Pallada Asset Management, также принесшей заокеанским жучкам немалый доход.

О фирме этой следует рассказать чуть подробнее. Это был первый в России паевой инвестиционный фонд (ПИФ), занимающийся привлечением инвестиций. При удивительнейших обстоятельствах «Паллада» получила государственную лицензию № 1 — раньше даже, чем знаменитые на весь мир гиганты фондовой индустрии, тоже желавшие поработать на российском рынке. Такой подарок сделал Хэю со Шлейфером их друг и соратник Дмитрий Васильев, бывший заместитель Чубайса по Госкомимуществу, а в тот момент председатель Федеральной комиссии по ценным бумагам; именно этот орган заведовал выдачей лицензий. Причем, как писали газеты, Васильев

еще полгода после этого отказывал другим ПИФам в регистрации; вот уж — истинно российское гостеприимство.

В американской печати уже появлялись сведения, что «Паллада» регулярно переводила деньги на счет Васильева в американском «Риггс-банке». Сам Васильев фактов этих не опровергал. Когда же Главное управление федерального казначейства вместе с налоговой полицией попытались провести проверку ФКЦБ, они столкнулись с удивительным сопротивлением. Председатель ФКЦБ попросту запретил проверяющим знакомиться с документами, а когда ревизоры все же проникли в здание, там разом выключился вдруг свет.

Лишь после вмешательства Счетной палаты Васильеву пришлось уйти в отставку. Аудиторы установили, что десятки миллионов долларов, выделенных ФКЦБ на развитие рынка и проведение правовой реформы, бесследно исчезли.

Не менее странной оказалась и ситуация с подконтрольным Васильеву Федеральным общественным фондом по защите прав вкладчиков. Из перечисленных государством в фонд десятков миллионов долларов, до обманутых вкладчиков дошло лишь... 17 тысяч.

Почему? Потому, наверное, что по личному, как говорят, указанию Васильева 50 миллионов из этого фонда было инвестировано в уже знакомую нам компанию «Паллада» — домашнюю копилку семейства Хэев. (В дальнейшем эти деньги вкупе с другими заработанными в России миллионами американские советники Чубайса успешно прокрутят на рынке ГКО...)

Впрочем, не будем углубляться в детали. Скажем лишь, что в результате подобных махинаций Хэй и Шлейфер стали вскорости миллионерами. А в 2000 году американские

власти возбудили уголовное дело по факту их махинаций и финансовых злоупотреблений.

Следствие, которое вела прокуратура штата Массачусетс, длилось целых пять лет. В 2005 году окружной судья Дуглас П. Вудсток вынес окончательный вердикт: Шлейфер и Хэй виновны в том, что, «вступив в заговор с целью обмана американского правительства, воспользовались государственными средствами для личного обогащения».

Как оказалось, пакеты акций приобретались советниками Чубайса на деньги правительства США. Общий ущерб американской казне составил 137 миллионов долларов.

«Налицо явное пренебрежение этическими нормами, — заявила на суде помощница федерального прокурора штата Массачусетс Сара Блум. — Двое экспертов, которых наняли для того, чтобы пропагандировать в России законопослушание, честность и открытость рынков, на деле преподали совершенно не тот урок».

Впрочем, у российской стороны — мнение оказалось почему-то совершенно иным. Экс-министр экономики, а ныне ректор Высшей школы экономики и член федерального политсовета Союза правых сил Евгений Ясин до сих пор именует профессора Шлейфера «одним из выдающихся знатоков российской приватизации» и утверждает, что благодаря его участию проведена она была «правильно» и даже «очень хорошо».

Еще более определенно высказался руководитель рабочего центра экономических реформ при правительстве Владимир Мау — ставленник и воспитанник Гайдара с Чубайсом: «По-моему, это все внутриамериканская разборка, выяснение отношений между различными представителями американских деловых кругов».

Сам Чубайс предпочел оставить эту ситуацию без комментариев, что, собственно, является обычной его тактикой. (Когда в одном из интервью мой друг Андрей Караулов предложил ему публично покаяться за все содеянное со страной, Чубайс пустился в долгие разглагольствования; слов извинений из него невозможно было вытянуть и клещами.)

Вот и на обвинения в связи с другими международными авантюристами, прозвучавшими еще 10 лет назад — из-под моего, замечу, пера — Анатолий Борисович тоже предпочел не отвечать; как в поговорке — плюнь в глаза, все божья роса.

...В августе 1996-го российские СМИ сообщили, что некоего датчанина Йоргена Трюгведа планируют назначить советником главы президентской администрации; должность эту занимал тогда Чубайс. Трюгвед должен был сосредоточиться на советах в области приватизации и нефтехимической промышленности.

Имя это — хорошо было известно на просторах Скандинавии. Бизнесмен Трюгвед считался одной из наиболее одиозных фигур датского королевства. Все, за что бы он ни брался, в итоге заканчивалось провалом; руководимые им компании становились банкротами, а сам Трюгвед всякий раз позорно спасался бегством. Кроме того, его публично обвиняли в употреблении наркотиков.

В начале 1990-х Трюгвед обращает свои взоры к России; о его талантах здесь пока еще не знали. Этому особо способствовала завязавшаяся дружба с Чубайсом.

«Мы достаточно часто встречались, — хвастал он в интервью датским журналистам. — Наши разговоры переросли в дружбу. Когда Чубайса назначили председате-

лем Госкомимущества, я пригласил его и небольшую группу людей в Скандинавию. С тех пор я имел возможность часто видеть Чубайса и его жену, и стал свидетелем практически всего процесса российских реформ».

Близость к всемогущему комиссару приватизации открывала перед Трюгведом любые двери, о чем потом хозяева их немало сокрушались. Так случилось, например, с Воскресенским комбинатом минеральных удобрений (Московская область). По настоянию Трюгведа комбинат отгрузил на экспорт крупную партию аммофоса, но положенной оплаты — миллиона долларов — так и не получил. Трюгвед свалил все на своего партнера, оказавшегося де мошенником, а сам по обыкновению поспешил скрыться.

И вот такого прохвоста Чубайс решил сделать своим советником! Правда, по неясным причинам, назначение это не состоялось. Тем не менее связи с датчанином он не прервал.

Годом позже, летом 1997-го, датские журналисты настигнут Чубайса с женой в тот момент, когда отдыхал он вместе с Трюгведом и третьим их скандинавским другом — не менее видным международным авантюристом Яном Бонде-Нильсеном — на роскошной яхте «Грейс». Аренду судна — 50 тысяч долларов — оплачивала принимающая сторона.

А вскоре Ян Бонде-Нильсен, которого много лет по обвинению в преднамеренном банкротстве разыскивала датская полиция, магическим образом превратился в акционера ряда крупных российских предприятий. В его активах значились отныне компания «Тэбукнефть» и Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат.

Такая вот — взаимовыгодная либеральная дружба...

Благоговение перед иностранными советчиками дорого обошлись нам и в прямом, и в переносном смысле.

Без малого каждые четыре из десяти зарубежных долларов, которые Россия брала в долг у Запада, были израсходованы на оплату их же консультантов.

(Только один пример: примерно треть иностранных займов, предназначавшихся на восстановление исторического облика Санкт-Петербурга, была потрачена для оплаты заморских советников. Председатель Счетной палаты Сергей Степашин искренне поражался такой расточительности: «Да в городе хватает своих ученых, архитекторов! Какой совет нам может дать фирма с Каймановых островов, стоимость контракта с которой составила почти 10 миллионов долларов?!»)

К сожалению, отрезвление наступило нескоро, хотя светлые головы задолго до наступления новых времен и предупреждали о пагубности чрезмерного увлечения экономическими варягами.

Еще в 1998-м мудрейший Аркадий Иванович Вольский в открытую говорил, что беда России в том, что она пошла на поводу у скомпрометировавших себя в глазах мировой элиты авантюристов:

«Венгрия и Чехия вот не стали внимать рекомендациям Международного валютного фонда и живут намного лучше стран бывшего соцлагеря!»

Но, увы, Вольского в очередной раз не послушали. Хотя—стоило бы; ведь, если внимательно проанализировать, чего насоветовали нам за эти годы высоколобые иностранцы, волосы просто встанут на голове дыбом.

В 1995 году, например, тогдашний глава МВФ Мишель Камдессю убедил российские власти отменить экспортные пошлины на нефть и газ; они казались ему частью

мирового зла. Однако в итоге это привело к гигантским потерям для бюджета и опустошению казны.

Пятью годами позже с не менее оригинальными нравоучениями выступил Всемирный банк. Он настоятельно рекомендовал правительству продать... Сбербанк, ибо во что бы то ни стало требовалось «улучшить корпоративное управление» его и «разработать долгосрочную стратегию реформирования». А для этого, естественно, выход только один — взять все да и приватизировать.

Учитывая, что Сбербанк, чей контрольный пакет принадлежит государству, является крупнейшим финансовым институтом страны с капитализацией в 3,4 миллиарда долларов, такой совет мог обернуться тяжелейшими последствиями для всей национальной экономики. Приватизация Сбербанка фактически означала, что значительная часть российского банковского сектора должна была перейти под контроль иностранцев; ни одна российская структура просто не сумела бы его перекупить.

По счастью, времена уже были не те: государство не только не спешило расставаться со своими активами, а напротив, собирало многое из того, что успели сбавить за бесценок вчерашние горе-реформаторы. В ходе разразившейся дискуссии руководители Сбербанка и Центробанка публично обвинили иностранных коллег в отсутствии всякой логики; критикуя монополизм Сбербанка, советчики предлагали продать его иностранцам единым лотом. Понятно, что огромные ресурсы и опыт западных банков позволил бы им получить максимальную выгоду от господства Сбербанка на рынке частных вкладов.

Президент Франции Жорж Помпиду заметил однаж-

ды, что существуют три верных пути к разорению: женщины, скачки и доверие к экспертам. Первый из них самый приятный, второй — самый быстрый, зато третий — самый надежный и эффективный....

3. Мистер «Да»

Очередная сессия совета министров иностранных дел СБСЕ (Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе), открывавшаяся в декабре 1992-го в Стокгольме, не предвещала, кажется, никаких сюрпризов.

С момента распада СССР прошел ровно год. Ставшая его правопреемником Россия повсеместно демонстрировала теперь новый, заискивающе-угодливый внешний курс; иногда вообще было непонятно, кто командует отныне российским МИДом — Кремль или White House.

На всех углах руководители МИДа твердили о великой эре, открывшейся в отношениях Востока с Западом; мы теперь не противники, а стратегические партнеры, единомышленники и братья навек.

«У России нет национальных интересов, отличных от интересов цивилизованного сообщества», — примерно так излагал свою внешнеполитическую доктрину любимец Запада Андрей Козырев. (Цитата, хоть и не дословная, но за суть — ручаюсь.) В другой раз высказался он еще более определенно: «Нет никакого другого интереса человечес-

кого, кроме того, чтобы жить хорошо. А хорошо живут на Западе».

Но вернемся, однако, в зал заседаний СБСЕ, где означенный Козырев взял как раз слово для выступления.

«Дамы и господа!—традиционно начал он, и зал с дежурной вежливостью приготовился внимать своему любимцу.—**Я** должен внести поправки в концепцию российской внешней политики... Первое. Сохраняя в целом курс на вхождение в Европу, мы отчетливо сознаем, что наши традиции во многом, если не в основном, в Азии, а это устанавливает пределы сближения с Западной Европой...»

Собравшиеся в недоумении начали переглядываться, по рядам пошел ропот. То, что произносил Козырев, совершенно не вязалось с его амплуа; наверное, если он, по образу и подобию Хрущева, принялся колотить сейчас башмаком по трибуне, это б и то вызвало меньшую оторопь.

«Мы видим с некоторой эволюцией,—продолжал тем временем Козырев,—по сути, неизменные переустановки НАТО и ЕС, разрабатывающих планы укрепления военного присутствия в Прибалтике и других регионах бывшего СССР... Этим же курсом, видимо, были продиктованы санкции против Сербии... Мы требуем их немедленной отмены...»

Гул в зале усиливался, но Козырев демонстративно не обращал на это никакого внимания.

«Второе. Пространство бывшего СССР не может рассматриваться как зона полного применения норм СБСЕ. Мы будем твердо настаивать на том, чтобы бывшие республики Союза незамедлительно вступили в новую федерацию или конфедерацию... И об этом пойдет с ними жесткий разговор... И третье. Все, кто думает, что можно не считаться с этими особенностями и интересами, что Рос-

сию ожидает судьба Советского Союза, не должны забывать, что речь идет о государстве, способном постоять за себя и за своих друзей...»

После того как Козырев замолчал, в зале воцарилась мертвая тишина. Никто ничего не понимал.

В перерыве между заседаниями Козырева увел госсекретарь США Лоуренс Иглбергер, и они о чем-то долго совещались за закрытыми дверьми.

А вечером российский министр выступил вновь:

«Дамы и господа! Хочу заверить, что ни президент Ельцин, который остается руководителем и гарантом российской внутренней и внешней политики, ни я как министр иностранных дел никогда не согласимся на то, что я зачитал в предыдущем выступлении... Хочу поблагодарить вас за предоставленную мне возможность применить такой ораторский прием. Зачитанный мною текст—это компиляция требований далеко не самой крайней оппозиции в России. Это лишь прием, которым я хотел показать опасность иного развития событий...»

Что произошло в тот день, 14 декабря 1992 года, до сих пор остается одной из самых больших загадок в новейшей истории дипломатии. Действительно ли утренняя речь Козырева была не более чем театрализованным представлением, призванным высветить его достоинства и плюсы; или же он вовремя предпочел перестроиться, поддавшись напору американского коллеги—на этот вопрос ответа нет.

А ведь, если вдуматься, что, собственно, криминального, порочного произнес в первой части своей *антрепризы* Козырев?

И насчет «укрепления военного присутствия» НАТО и ЕС на постсоветском пространстве, и насчет санкций ООН против Сербии—все это была чистая правда. Сегодня и

нынешний президент, и политическое руководство страны не таясь называют подобные действия не иначе, как ущемлением российских интересов.

Еще раз перечитаем заключительные слова первой части речи Козырева:

«Все, кто думает, что можно не считаться с этими особенностями и интересами, что Россию ожидает судьба Советского Союза, не должны забывать, что речь идет о государстве, способном постоять за себя и за своих друзей...»

А теперь — прямо в стык — повторим часть вторую:

«...ни президент Ельцин, (...) ни я как министр иностранных дел никогда не согласимся на то, что я зачитал в предыдущем выступлении...»

Это как же понимать? С чем, извините, не согласны Козырев с Ельциным? С тем, что Россия способна постоять за себя и за своих друзей (читай, соотечественников)? С тем, что можно не считаться с нашими стратегическими интересами в Восточной Европе и на постсоветском пространстве?

Бред какой-то. Но ведь так оно в действительности и было. Стараниями Козырева роль России на международной арене была сведена до реплик в духе «чего изволите»; чеховского Фирса, забытого на старой даче.

Роль эта — бедной приживалки, взятой из милости в господский дом — была, к сожалению, не нова.

«У главного подъезда монументального здания было большое скопление карет и автомобилей...»

Худая деревенская баба в штопаных лаптях и белом платке, низко надвинутом на загорелый лоб, робко подошла к швейцару...

- Тебе чего, убогая?

- Скажи-ка мне, кормилец, что это за господа такие?

- Междусоюзная конференция дружественных держав по вопросам мировой политики... А ты кто будешь?..

- Россия я, благодетель, Россеюшка. Мне бы тут за колонкой постоять да хоть одним глазком поглядеть: как-таки бывают конференции. Может, и на меня-сироту кто-нибудь глазком зиркнет да обратит свое такое внимание».

Откуда, думаете, цитата? Из «Советской России» (она же «Совраська») или газеты «Завтра»? А вот и нет; это самый что ни на есть либерал из либералов Аркадий Тимофеич Аверченко, король российского смеха, певец эмиграции и злейший враг большевиков. Год написания фельетона—одна тысяча девятьсот двадцать первый.

Прошло ровно семьдесят лет—и история снова сделала круг...

...Если бессменного советского министра Андрея Громыко (он правил МИДом без малого три десятка лет) называли на Западе «мистером Нет», то его наследник и тезка Козырев удостоился унижительного прозвища «мистер Да».

Министром Андрей Владимирович стал совершенно случайно, что называется дуриком; к концу перестройки он занимал лишь скромную должность начальника Управления международных организаций МИДа, не имея ни ранга чрезвычайного и полномочного посла, ни какого-либо опыта работы за рубежом. Но его заметил министр Шеварднадзе—другой выдающийся либерал, запросто именуемый американцами Шиви.

Эдуарду Амвросиевичу приглянулся молодой и бойкий дипломат с тонкими манерами и интеллигентным лицом; кроме того, он отличался ярым западничеством. Несколько раз Шиви даже брал его с собой в заграничные поездки.

Не знаю уж, Шеварднадзе ли подсказал эту кандидату-

ру Геннадию Бурбулису, или же так совпало, но в 1990 году, когда в России стало формироваться первое самостоятельное правительство, Козырева сделали министром иностранных дел; де-факто — генералом без армии, ибо Россия оставалась еще лишь одной из республик СССР; это все равно, что создать в Швейцарии военно-морской флот.

Но он был столь же амбициозен, сколь и молод, верил в свою судьбу, а главное, не скупился на демонстрацию Западу верноподданнических чувств. Первые же контакты иностранных дипломатов с Козыревым убедили их, что на этого молодого человека с обворожительной голливудской улыбкой можно положиться; его даже не требовалось особенно обрабатывать, склоняя на свою сторону — он сам готов был присягнуть им, еще и нижайше благодарил за оказанное доверие.

Своим назначением Козырев целиком и полностью был обязан Бурбулису; и не он, кстати, один. Егора Гайдара — тоже привел к Ельцину этот бывший преподаватель диалектического материализма.

Если у Ленина был сифилис, то у Ельцина — Бурбулис...

Имя этого человека сегодня почти забыто, а ведь когда-то считался он — и не без оснований — серым кардиналом Кремля. Его влияние на президента было поистине безграничным; Бурбулис, например, был единственным, кто имел право входить в ельцинский кабинет без доклада.

От таких возможностей у кого хочешь закружится голова; Геннадий Эдуардович искренне считал, что он, конечно, не первый человек в стране; но и не второй. Его модель власти выглядела примерно так: он — главный генератор идей, Ельцин — верхняя инстанция, которая эти идеи потом утверждает. Все прочие — исключительно исполнители.

Даже на отдыхе Бурбулис ни на шаг не отходил от президента; со стороны выглядело это довольно забавно. Впереди процессии важно шествовал Борис Николаевич, за ним кошачьей походкой крался Бурбулис, и лишь потом, в конце — Коржаков и Наина Иосифовна.

Бурбулис был первым, кто начал передвигаться по Москве на хромированном «Зиле» в сопровождении ГАИ; для его удобства милиция специально перекрывала даже улицы. Из Кремля наравне с Ельциным он демонстративно выезжал только через Спасские ворота, по брусчатке Красной площади, все остальные — пользовались воротами Боровицкими.

Уже потом в печати появятся сведения, что в те годы Бурбулис активно сотрудничал с неким исследовательским центром доктора Крайбла, созданным в США в 1988 году; главная задача этого центра заключалась во всемерном способствовании развалу СССР.

Если это даже и злостная клевета, то немалую лепту в сей процесс Бурбулис внес по-любому. Геннадий Эдуардович был одержим только одним — жаждой властью. Ради собственного вознесения он готов был пожертвовать чем угодно — даже страной. (В этом, кстати, он мало чем отличался от своего руководителя и старшего товарища.)

Когда в конце 1991-го вице-президент Александр Руцкой увидел, как на стапелях в Комсомольске — главной ремонтной базы ВМФ — режут по кускам новенькие подводные лодки, от возмущения он просто потерял дар речи. А вскоре оказалось: так распорядился Бурбулис...

В августе 2007 года одна из старейших консервативных финских газет *Kainuun Sanomat* опубликовала сенсационную статью: якобы в 1991-м Россия готова была продать Финляндии часть Карелии за сумму, равную нынешним

13 миллиардам евро, но у покупателя просто не хватило денег.

Среди тех, кто по версии газеты выступал в качестве продавца, был Бурбулис; именно он будто бы вел переговоры с финским правительством.

Впрочем, непомерная власть и гипертрофированные амбиции («Я знаю себе цену, — без доли стеснения заявлял Бурбулис журналистам. — То, что могу сделать я, никто другой больше сделать не может») в конце концов его и сгубили. Устав от постоянного присутствия и назойливых советов, Ельцин вынужден был удалить Бурбулиса.

В последний раз ему удалось всплыть в качестве члена Совета Федерации от Новгородской области; правда, как только там сменился губернатор, выяснилось, что никакой пользы от сидения в сенате Бурбулис региону не принес. (За исключением разве что роскошного особняка, который построил себе в историческом центре Новгорода.)

У его ставленников — судьба оказалась более удачной...

Первый российский министр иностранных дел Андрей Козырев родился в Брюсселе, в двух шагах от штаб-квартиры НАТО; факт, конечно, от него не зависящий, но очень показательный.

Справедливости ради следует признать, что политика заигрывания и односторонних уступок началась еще до прихода Козырева, в последние годы владычества Горбачева, когда шаг за шагом Кремль отказался от большинства своих притязаний. В угаре дружбы СССР пошел на бесчисленное множество уступок — нередко в одностороннем порядке — сдав попутно всех недавних своих друзей.

После того, например, как Горбачев подписал соглашение о запрете поставок оружия Афганистану — в независимости даже от адресата — режим Наджибуллы, которого

мы сами когда-то привели к власти, мгновенно пал. («Мне хочется, чтобы противостоящие стороны уничтожили друг друга и тем решили афганский вопрос», — доверительно признавался американскому госсекретарю Бейкеру его советский *коллега* Шеварднадзе.) Страна постепенно перешла под контроль американцев — они-то предусмотрительно никаких ограничений на себя не принимали — а бедный Наджибулла показательно был повешен талибами.

Последнему лидеру ГДР Эрику Хонеккеру — повезло чуть больше. После объединения Германии Хонеккер попытался скрыться в Москве, но вскоре был силой выдворен из страны и отправлен на родину, где и предстал перед судом; к тому времени ему стукнуло 80 лет.

На судебные преследования были обречены и многие другие коммунистические вожди: Тодор Живков, Войцех Ярузельский. Слава богу, и Густав Гусак, и Янош Кадар — вовремя успели скончаться, не дожив до того дня, когда старший и любимый брат безжалостно от них отвернется.

Однако все это угодничество и лизоблюдство Кремль хотя бы старался как-то скрывать; на словах — и Горби, и Шevi, и сменивший его Панкин (по счастью, он правил всего 100 дней) продолжали долдонить о непрек^тлонном-де стратегическом советском курсе и паритете сверхдержав.

Андрей Козырев — стал первым, кто возвел эту совершенно раболепную политику в ранг постулата; даже публично сетовал потом на «несформированность просвещенного в сфере внешней политики общественного мнения».

Никаких стеснений по сему поводу он и не думал испытывать, скорее — наоборот. Больше всего Козырев боялся, что заграничные друзья охладеют к нему, подберут ка-

кой-то новый предмет обожания, и тогда уж точно — пиши пропало.

Министр иностранных дел совершенно искренне считал, что выполняет историческую функцию цивилизатора: вводит немытую, расхристанную Россию в благородное западное семейство.

Главная идея Козырева заключалась в том, что с развалом коммунистического режима Россия автоматически должна превратиться в полноправного партнера Запада. Он даже предложил несколько вариантов таких партнерств: с США — зрелое, с Францией — привилегированное, с Китаем — конструктивное.

На самом деле эта теория, как и большинство им озвученных, разработана была не в Москве, а в Вашингтоне.

Вновь обратимся к «Великой шахматной доске» Збигнева Бжезинского, которого уж точно в «квасном славянско-православном душе» (цитата из Козырева) заподозрить сложновато:

«Сознательно дружественная позиция, занятая Западом, особенно Соединенными Штатами, в отношении нового российского руководства одобрила постсоветских "прозападников" в российском внешнеполитическом истеблишменте. Она усилила его проамериканские настроения и соблазнила членов этого истеблишмента. Новым лидерам льстило быть накоротке с высшими должностными лицами, формулирующими политику единственной в мире сверхдержавы, и они легко впали в заблуждение, что они тоже лидеры сверхдержавы. Когда американцы запустили в оборот лозунг о "зрелом стратегическом партнерстве" между Вашингтоном и Москвой, русским показалось, что этим был благословлен

новый демократический русско-американский кондоминиум, пришедший на смену бывшему соперничеству...

Хотя концепция "зрелого стратегического партнерства" и ласкает взор и слух, она обманчива. Америка никогда не могла делать этого, даже если бы и хотела. Новая Россия была просто слишком слабой, слишком разоренной 75 годами правления коммунистов и слишком отсталой социально, чтобы быть реальным партнером Америки в мире... И эту основную реальность не могла затушевать высокопарная риторика о партнерстве».

Иными словами, американцы, да и Запад в целом, напропалую вешали нашим правителям лапшу, убаюкивая сладкими песнями о стратегическом партнерстве, а на деле — продолжали вести себя как конквистадоры, высадившиеся на американском континенте. При этом на доверчивых и наивных «партнеров»-аборигенов смотрели они с исключительным презрением.

Да и как могло быть иначе, если на прямой, к примеру, вопрос, заданный Козыреву бывшим президентом Никсоном: как видит он интересы новой России? — тот ответил следующим самоуничижительным образом:

«Одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен».

По свидетельству сменившего Козырева в МИДе Евгения Примакова, Никсон таким ответом был порядком ошарашен. Расставшись с Козыревым, он удивленно заметил своим соратникам:

«Когда я был вице-президентом, а затем президентом, хотел, чтобы все знали, что я "сукин сын" и во имя американских интересов буду драться изо всех сил... А этот, когда Советский Союз только что распался, когда новую Россию нужно защищать и укреплять, хочет всем показать, какой он замечательный и приятный человек».

А Козырев—вовсе и не собирался защищать, укреплять и драться за новую Россию; имидж «сукиного сына» совершенно ему не улыбался.

Именно поэтому он ловил на лету едва ли не всякую инициативу Запада. Поддержал американцев в санкциях против Сербии, назвав правительство Милошевича «национал-коммунистическим». Подписал с китайцами соглашение о передаче им плодородных целинных земель в Приморском крае, а также 600 с лишним островов на Амуре и Уссури; в том числе—знаменитый Даманский, за который каких-то два десятка лет назад дрались советские пограничники. Едва не добился передачи Курил японцам. Настоял на выводе из Германии российских войск, не потребовав за это взамен никаких контрибуций (американцы выводили из Филиппин три бригады на протяжении 12 лет, а мы—вывели три армии, полмиллиона человек—в считанные дни.)

В своей нашумевшей книге «Рука Москвы» бывший заместитель госсекретаря США Строут Тэлботт довольно откровенно описывает, сколь управляемым и послушным был Козырев.

Вот лишь один пример. Касаясь истории с выводом российских войск из Эстонии, Тэлботт детально воспроизводит свой разговор с московским коллегой.

«Андрей,—сказал я,—отправляйтесь домой и примените свою магию на своем боссе, чтобы он и Леннарт

Мери (президент Эстонии. — *Авт.*) решили эту проблему раз и навсегда».

Со стороны выглядит это как инструктаж начальника подчиненному. Собственно, так оно и было.

Несмотря на попытки Тэлботта выставить Козырева в самом выгодном свете (иначе, как «архитектор не только независимости России, но и ее соседей», он его не называет), в действительности сквозит сквозь строки совсем другое — своеобразная, что ли, брезгливость. (Холуи ни у кого не вызывают уважения, даже у тех, кому они прислуживаются.)

Ну, а как, скажите, по-другому относиться к эпизоду, когда, по описанию Тэлботта, Козырев весной 1996-го принялся умолять американского госсекретаря Уоррена Кристофера организовать ему совместную фотографию с Клинтоном в знаменитом Овальном зале. Козырев уверял, что такая карточка поднимет его престиж в глазах Ельцина и будет служить своего рода охранной грамотой.

В ответ же — Тэлботт, по поручению Кристофера, предложил российскому министру совершенно унижительную сделку:

«Я сказал ему [Козыреву], что он увидит президента только и исключительно в том случае, если он подтвердит Крису [Кристоферу Уоррену] план, который мы подготовили».

Упомянутый план — есть не что иное, как план расширения НАТО на Восток. Самое поразительное, что Козырев на подобное унижение согласился, «прибыл в Вашингтон, сказал все правильные слова Крису, заработал короткую поездку на лимузине на Пенсильвания-авеню, 1600 для встречи с Клинтоном».

Вот так, за вялое рукопожатие американского президен-

та, глава российского МИДа продавал наши стратегические интересы...

При этом, совершая очередную уступку, Козырев неизменно жаловался старшим товарищам, сколь трудно и сложно ему приходится; кругом — сплошь национал-коммунистическая шпана, бряцающая оружием тупая военщина; вы ж понимаете, каково работать в этих условиях человеку тонкому и интеллигентному.

«Меня могут уволить и заменить министром, который будет вам нравиться гораздо меньше», — неизменно говорил он извиняющимся тоном, когда выдвигались ему совсем уж неприемлемые условия. (Цитата из Тэлботта.) А в минуты душевной слабости, не стесняясь, принимался плакаться им в жилетку: «Я долго не продержусь. Я устал быть единственным голосом, устал быть единственным человеком в окружении Ельцина, который защищает такие позиции, которые вы, американцы, признали бы приемлемыми».

Этого уж — Запад допустить точно не мог; «дорогого Андрея», как официально, в переписке именовал его предыдущий американский госсекретарь Джордж Бейкер, следовало сохранить во что бы то ни стало. Второго такого министра — нужно было еще поискать.

(Впрочем, все яйца в одну корзину янки тоже не складывали. Наряду с Козыревым откровенными их симпатиями пользовался и ельцинский помощник по международным делам Дмитрий Рюриков. Причина тому — имелась самая весома: родная дочь Рюрикова была замужем за видным американским политологом, главой центра Никсона и консультантом национального совета по разведке Дмитрием Саймсом.

По свидетельству все того же Тэлботта, Рюриков якобы

организовывал даже через свою дочь утечки из Кремля для Саймса, а тот уже передавал их Госдепу.)

В начале 1990-х многие газеты опубликовали пересказ телефонного разговора президента Буша (старшего) с президентом Ельциным.

«Вы просили оставить на месте Козырева, — тяжело дышал в трубку Борис Николаевич. — Я, понимаешь, выполнил вашу просьбу».

Вот так — ни больше ни меньше.

«Был момент, — вспоминает пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков, — когда чуть ли не каждый проходящий в Кремль на встречу с президентом высокопоставленный посетитель из Западной Европы, и особенно США, просил Ельцина "не сдавать Козырева"... В конце концов Борису Николаевичу это навязчивое заступничество, видимо, изрядно надоело. "Что они так заступаются за Козырева?" — недовольно заметил он однажды».

Вопрос, надо полагать, риторический...

Бывший начальник ГРУ Федор Ладыгин описывал мне как-то крайне поучительную историю, свидетелем которой он стал. (До 1992 года Ладыгин возглавлял управление международного сотрудничества Минобороны.)

Во время первого официального визита Ельцина в США летом 1992-го американцы начали требовать пересмотра договора по СНВ-2 (об ограничении стратегических наступательных вооружений), подписанного еще год назад Горбачевым. Они хотели, чтобы Ельцин пошел еще дальше и запретил межконтинентальные баллистические ракеты с боеголовками индивидуального наведения; то есть — самый главный компонент нашего ракетно-ядерного щита, без которого существование его как таковое становится абсурдным.

«Мы, военные, выступали категорически против, — свидетельствует Ладыгин, — но Андрей Владимирович Козырев самостоятельно дал согласие на это рамочное предложение. Нашей делегации был вручен уже завизированный им проект документа. В последующем мне попала в руки запись беседы Козырева с госсекретарем США господином Бейкером, где наш министр говорил: "Ну, понимаете, ну не можем мы сейчас об этом говорить в открытую; у нас же есть военные, посмотрите только на одного генерала Ладыгина, а таких много". Получается, что интересы государства продавались как бы тайком».

И тайком, и в открытую; и оптом, и в розницу — козыревская внешняя политика полностью соответствовала закону рыночной торговли: клиент всегда прав.

Отдельного упоминания заслуживает и вся возня вокруг расширения НАТО на Восток; об этот камень преткновения сломано было немало копий. Но прежде — небольшой экскурс.

В конце 1980-х, когда Союз начал заигрывать с Западом, иностранные лидеры в едином порыве ринулись доказывать, что расширения НАТО никто из них не желает. В то время кровь из носу им требовалось уболтать душку Горбачева, убедив его согласиться на объединение Германии и роспуск организации Варшавского Договора — военного союза соцлагеря Восточной Европы.

Эти шаги имели характер ключевой, первостепенный; невозможно пожарить яичницу, говаривал граф Панин, не разбивши скорлупы.

Восточная Европа, и ГДР в том числе, были своего рода буферной подушкой, отделяющей СССР от НАТО и Запада. Без того, чтоб подушку эту вытащить, рассуждать о последующей экспансии и переделе советской карты, было полнейшей утопией.

По сути, самороспуск ОВД и воссоединение Германии являлись прологом ко всему, что случится потом со страной; первым актом, возвестившим ее скорый развал и начало западного владычества. Правда, как водится, никто этого у нас в тот момент еще не осознавал.

(Тогдашний посол США в Москве Джек Мэтлок впоследствии признает: «Если бы советские люди понимали, что потеря Восточной Европы ослабляет их безопасность, они бы не были столь пассивны».)

Ради этой высокой цели западные правители готовы были на все, даже на откровенную ложь.

«Мы считаем, что консультации и обсуждения... должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению НАТО на Восток», — говорил зимой 1990-го госсекретарь Бейкер. «НАТО не должна расширять сферу своего действия», — вторил ему тогда же канцлер ФРГ Коль. «Такая перспектива (вхождения в НАТО стран Восточной Европы. — *Авт.*) усилит ощущение изоляции и даже окружения у Советского Союза», — клялся президент Франции Миттеран (май 1991 г.). А британский премьер Мейджер и вовсе заявлял, что «не предвидит условий, чтобы в настоящее время и в будущем восточноевропейские страны могли бы быть в НАТО». (Аналогичные обязательства содержались и в решении копенгагенской сессии Совета НАТО 1991 года.)

Вообще-то, по уму, добровольно распускать Варшавский Договор можно было лишь в одном-единственном случае: если бы аналогичное хакири сделало себе и НАТО.

Обе эти организации создавались почти одновременно, в самом начале «холодной войны» и воспринимали друг друга как потенциальных противников. (В официальных

документах НАТО черным по белому было записано, что главная задача блока — обеспечение взаимной защиты против коммунистической, читай, советской агрессии.)

Однако Горбачев о таком варианте, кажется, даже и не помышлял. В очередной раз он безропотно поддался угворам Запада, получив за добровольный отказ от ГДР Нобелевскую премию мира — награду всей своей жизни. Вот и вышло, что, сделав вновь шаг вперед, отказавшись от своих имперских амбиций, взамен обрели мы исключительно дулю с маслом.

И пары лет не прошло, как все эти страстные заверения — о недопустимости расширения НАТО — оказались полностью перечеркнуты; о прежних клятвах теперь вообще никто не вспоминал. Напротив, те же самые западноевропейские лидеры напропалую стали убеждать уже Ельцина прямо в обратном: распространение НАТО-де — это единственно верная гарантия безопасности в Европе; мы ж больше не враги, а друзья, — стало быть, НАТО — и Россию будет защищать.

Министр Козырев был одним из самых ярких проводников такой политики. В многочисленных своих речах он без умолку твердил, что противиться расширению НАТО бессмысленно, это все равно что «лить воду против ветра». (Человек нерафинированный высказался бы, конечно, несколько проще.) Так какой же смысл «стучать кулаком по столу», к чему пытаются принудить президента «некоторые деятели из спецслужб и их армейские союзники»; надо безропотно на все соглашаться.

(Логика, надо сказать, изумительная. В прежние времена подобное именовалось «пораженчеством». В принципе, какой смысл вообще жить, если придется потом умирать.)

И вообще, уверял Козырев, все разговоры об опасности

НАТО—есть не что иное, как рудимент имперского мышления; отрывка советской ментальности. Если считать НАТО «вражьей силой», то следующим шагом, значит, следует приступать к поискам внутренних врагов, а это — «смерть всем реформам и демократии». (Действительно — откуда ж у нас враги!)

Первым из всех бывших советских сателлитов записываться в НАТО собралась Польша; реакция Ельцина имела здесь значение первостепенное. Это была своего рода проверка боем.

Однако, приехав летом 1993-го в Варшаву, российский президент—явно под влиянием козыревских речей — объявил: вступление Польши в Северо-Атлантический альянс российским интересам не противоречит. Это, мол, сугубо внутреннее дело братьев-поляков.

Козырев и его заграничные друзья приготовились было уже торжествовать свою победу, но в дело вмешались в очередной раз зловерные российские спецслужбы.

Уже через пару месяцев после варшавского вояжа директор СВР Евгений Примаков доложил Ельцину, что расширение НАТО создает для нас серьезнейшую угрозу безопасности. Борис Николаевич крепко призадумался.

«Мы имели абсолютно надежные свидетельства того, — вспоминает Примаков, — что стратегическое военное планирование в штаб-квартире НАТО по-прежнему включает в себя "наихудший вариант" с применением ядерного оружия—против кого: России, Китая?»

(Еще в феврале 1992 года директивой № 13—номер будто специально подыскали—Минобороны США определило ближайшей целью НАТО ввод миротворческих сил в регионы этнических и пограничных разногласий на территории от Атлантики до Урала. Этим же доку-

ментом отдельными потенциальными объектами «мирного» вторжения были обозначены Калининградская область и Сибирь. А спустя три года шеф Пентагона Уильям Пери и вовсе официально заявит, что, если в России станет возможным отказ от демократических реформ, Соединенные Штаты применят «военный фактор».)

Разведка отважилась даже на совершенно беспрецедентный шаг—опубликовала открытый доклад «Перспективы расширения НАТО и интересы России», в котором доказывалось, что первое—напрямую ущемляет второе. На пресс-конференции, состоявшейся в ноябре 1993-го, доклад журналистам представил лично Примаков.

«Каково же было мое удивление,—свидетельствует он,—когда через два часа после пресс-конференции СВР советник министра иностранных дел по контактам с общественностью созвала брифинг, где заявила, что доклад Службы внешней разведки—документ чисто ведомственный, а позиция МИДа, которая отражает мнение президента, заключается в следующем: НАТО не угрожает России; любое государство может обеспечивать свою безопасность так, как считает нужным...»

С точки зрения сегодняшнего дня звучит это как минимум дико. Ни одна здравомыслящая страна не допустит, чтобы вокруг ее границ непонятно для каких целей вырастали вдруг военные базы. И дело здесь вовсе не в извечной нашей шпиономании, а в самой что ни на есть обыкновенной здоровой логике.

До тех пор, пока шла «холодная война», смысл существования НАТО был понятен; у нас—Варшавский Договор, у них—Северо-Атлантический альянс; в общем, стенка—на стенку.

Но потом одна сторона — оружие складывает, а другая — напротив, начинает еще сильнее вооружаться.

Зачем? Если для борьбы с терроризмом, то для этого существуют спецслужбы и внутренние войска. Для противодействия странам с диктаторскими режимами? Но таковых в Европе не было, за исключением, пожалуй, бывшей Югославии, хотя аргумент этот — тоже из разряда шизофренических. Какой смысл держать военные базы в Скандинавии или Грузии, чтобы навести порядок в Сербии и Боснии; если уж мировому сообществу приспичит — всегда можно выписать миротворческие силы ООН (они же — голубые каски).

И против кого, скажите на милость, собирались использовать генералы НАТО ядерное оружие и систему ПРО, если, как справедливо скажет впоследствии Путин, «ракетного оружия, реально угрожающего Европе, с дальностью действия порядка 5-8 тысяч километров, нет ни у одной из так называемых "проблемных стран"».

Все было гораздо проще: стягивание вокруг России кольца НАТО началось еще в эпоху «холодной войны». Американцам позарез требовалось иметь вблизи советских границ современные авиавоздушные и военно-морские базы; в противном случае с началом войны они не имели бы возможности нанести превентивный или ответный удар по территории СССР, их ракеты просто не успели б долететь из-за океана.

Когда Горбачев в припадке миролюбия шел на постоянные уступки Западу, сокращая на заведомо невыгодных условиях советские вооружения, никто в Москве и представить не мог, что уже через несколько лет к границам России будут стянуты натовские армады.

Буквально за считанные дни СССР разбазарил тогда все,

что создавалось несколькими поколениями: с боевого дежурства сняли 92 ядерные ракеты, расположенные на подводных лодках; пообещали уничтожить десятки тысяч танков; сократить на 700 тысяч армию; прекратить все работы над новыми ракетными проектами.

По предложению Буша Горбачев согласился ликвидировать все наземные межбаллистические ракеты (МБР) с разделяющимися головными частями, хотя они составляли основу наших стратегических сил; при этом соглашение не затронуло почему-то ракет, размещенных на подводных лодках, на которые как раз всегда делали ставку американцы.

Ведшиеся 10 лет переговоры о сокращении стратегических потенциалов были завершены мгновенно, несмотря на то что СССР пообещал сократить 35%, а США — только 25%.

Тот же самый диспаритет коснулся и обычных вооружений, где имели мы громадные преимущества перед НАТО; американцы настойчиво требовали избавиться от большинства видов военной техники, а когда наши генералы заартачились, Джордж Буш лично пригласил начальника Генштаба Моисеева (он находился как раз с визитом в Вашингтоне) и объявил: если советская сторона будет настаивать на отзыве договора (ДОВСЕ), это заставит США пересмотреть свое отношение к СССР. После чего русский генерал Моисеев униженно поплелся к американскому министру Колину Пауэллу и, запинаясь, принялся умолять: вы уж войдите, пожалуйста, в положение, оставьте нам хотя бы БМП для охраны ядерных шахт.

Но обо всем этом — теперь старались не вспоминать, и Козырев — в первую очередь.

Еще в первые же годы правления глава МИДа быстро смекнул, как эффективнее и проще всего можно обраба-

тывать президента. По рекомендациям иностранных советников Андрей Владимирович активно начал внедрять так называемый формат встреч «без галстука» — это когда лидеры стран ведут переговоры не в окружении многочисленных экспертов и профессионалов, а в узком кругу, сидя за роскошно накрытым столом.

Стоило Ельцину пропустить стаканчик-другой, как сразу же становился он податливым и сентиментальным и с вождением выслушивал пышные застольные речи «друга Билла», «друга Гельмута» и прочих «друзей».

Строуб Тэлботт, работавший в тот период заместителем госсекретаря США, красочно воспроизводит, как американцы сознательно подпаивали русского президента, а потом буквально вили из него веревки:

«На пленарных заседаниях с большим числом присутствующих по обе стороны стола Ельцин играл решительного, даже властного лидера, который знает, чего он хочет, и настаивает на получении этого. Во время закрытых встреч он становился восприимчив к уговорам и увещаниям Клинтона. Затем во время заключительных пресс-конференций Ельцин из кожи вон лез, чтобы скрыть, как уступчив он был за закрытыми дверями».

Именно под таким соусом Клинтону удалось переубедить Ельцина в том, что не надо бояться человека с ружьем, точнее, расширения НАТО на Восток.

На их встрече осенью 1994-го в Вашингтоне, обильно сдобренной бурбоном, американский президент произнес долгий проникновенный спич, набитый банальностями о «великой дружбе» и «полном взаимопонимании». Ельцин растрогался: «Я понял. Благодарю за то, что ты сказал».

(«По меньшей мере, он хоть не агрессивен, когда пьян», — саркастически изрек после этой встречи Клинтон.)

Отныне все официальные заявления Москвы об «абсолютной неприемлемости» экспансии НАТО воспринимались в Вашингтоне исключительно с ухмылкой.

К чему привело такое попустительство — сегодня хорошо уже известно. Точно раковая опухоль, НАТО расплодилось по всей Европе.

Теперь не только в Польше, но и в Венгрии, Чехии, Румынии, Словакии, Словении, Болгарии разместились наготовские базы. В состав альянса вступила вся Прибалтика. В ближайшее время ее примеру должны последовать Албания, Хорватия, Македония, а также Грузия и Украина. (На «предпродажную подготовку» наших братских некогда республик конгресс США выделил в текущем 2007 году 30 миллионов долларов.)

При этом все подписанные с НАТО соглашения в очередной раз оказались пустыми, дутыми декларациями; политика — это игра сильных.

Курс на гегемонию и мировое владычество, взятый Вашингтоном еще в начале прошлого века, активно продолжает набирать обороты. Американские войска стоят сегодня в 120 странах мира (включая большинство бывших советских республик), контролируют четыре океана и все «приземное» космическое пространство.

Само собой, делается это лишь во имя высокой цели — спасения человечества. Кто, кроме мудрого дяди Сэма, сумеет обеспечить безопасность и спокойствие земного шара; ну, а если ненароком кого они и оккупируют или разбомбят — как, например, Югославию, Ирак и Афганистан — так это ж не для собственного удовольствия, исключительно ради цивилизации.

Между прочим, Козырев оказался в числе российских политиков, кто публично приветствовал американскую

агрессию против сербов; даром что по всем международным законам действия США ни в какие ворота не укладывались и впрямую противоречили решениям ООН.

К счастью, к этому моменту Козырев уже пару лет носил приставку «экс». В начале 1996-го, в преддверии президентской кампании, Ельцин был вынужден отправить его в отставку, дабы потрафить электорату; обычная для российских либералов история — насколько превозносят их на Западе, настолько же и ненавидят в собственной стране.

Но так же, как и большинство его единомышленников, Козырев не пропал. (Эта субстанция не тонет, в принципе.) Сначала он отсидел срок в Госдуме, куда прошел от «Демвыбора России», партии Чубайса, Гайдара и etc. Затем любезно был принят на работу в американскую фармацевтическую компанию и активно занялся бизнесом. (Козырев был одним из участников спекулятивных игр на рынке ГКО, который привел к дефолту 1998 года, оперируя, по свидетельству генпрокурора Скуратова, миллиардными суммами. Впрочем, в этом он был не одинок: его друг и единомышленник Чубайс — тоже активно играл с казначейскими облигациями, используя при этом взятые якобы в кредит деньги, налоги с которых заплатить он «забыл».)

Теперь же бывший министр занимается международным консалтингом и охотно консультирует иностранцев, как надо выстраивать отношения с Россией.

Интересно посмотреть, какой дурак воспользуется его советами...

Глава третья

ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ

*«Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас?..»*

А. С. Пушкин

1. В круге первом

У патриарха детской литературы Сергея Михалкова есть замечательная повесть — «Праздник непослушания». Кто не читал или подзабыл, напоминаю сюжет.

В отдельно взятой местности несносные дети настолько замучили своих родителей, что те, не выдержав, решили их наказать. И рано утром покинули город, оставив ужасных детишек в гордом одиночестве.

Поначалу дети чрезвычайно обрадовались нагрянувшей свободе, объявили все происходящее Праздником непослушания, разгромили школы, взломали магазины и кинулись обжираться сладостями.

Дело кончилось тем, что город встал. Без взрослых заводы больше не работали, автобусы не ездили, электричество не крутилось. И, рухнувшие от несварения желудков детишки, взмолились и жалобно упросили родителей вернуться, клянясь раз и навсегда исправиться:

*«Мамы, папы, нам без вас,
Все равно, что вам без нас!»*

Вряд ли, придумывая эту сказку, Михалков закладывал в нее какой-то особенный, потаенный смысл. И в мыслях он тогда не имел, сколь пророчески будет читаться его бесхитрое педагогическое творение по прошествии пары десятилетий.

Ведь по такому же точно принципу — ах, не хотите слушаться?!! да на здоровье! посмотрим, как вы тут без нас запоете!!! — российская и советская власть действовала в начале 1990-х.

Не желают чеченцы (прибалты, узбеки, грузины) жить в Союзе? Ради бога. Пусть катятся на все четыре стороны. Все равно приползут обратно — кому они без нас нужны? А вот когда приползут — побитые, жалкие, молящие — мы с ними по-другому поговорим.

Не приползли. Потому что чеченцы (прибалты, узбеки, грузины) — как оказалось — давно уже вышли из детского возраста, и сами вполне умеют управляться с автобусами и электростанциями.

А потом, когда хватились, прозрели — было уже поздно. Где Прибалтика, которая, как свято верили мы под конец перестройки, не способна жить самостоятельно — без российского газа, нефти, заказов? Ау! Нет ее. Потеряна безвозвратно. И маршируют по улицам прибалтийских столиц ветераны СС, и сидят за решеткой советские фронто-

вики, а в школах запрещено уже преподавание на русском.

И по Украине — идут парадным маршем ветераны дивизии «Галичина» вперемешку с солдатами НАТО, а на месте обелисков советским героям красуются теперь бронзовые Бандера и Петлюра.

И из Грузии, точно нашкодивших псов, вышвыривают наших военных.

И летают над Киргизией американские военно-транспортные самолеты «Геркулесы», похожие на толстые обрубки сигар.

Веселенький получился у нас Праздник непослушания. А главное — затянувшийся на долгие-долгие годы, и конца-края ему не видно. Отчасти потому еще, что это исключительно в михалковской сказке педагогичные взрослые стали лагерем вдали от города в ожидании детского прозрения.

В нашей же сказке — взрослых не нашлось по определению; все персонажи оказались сплошь неразумными детьми — что в Прибалтике, что в России.

С радостным гиканьем, покидав в воды вчерашних идолов (чисто национальная наша забава, берущая начало еще с Киевской Руси), мы в нетерпении уселись ждать; когда же снизойдет с небес благодать.

Всем очень хотелось жить по образу и подобию Запада: сытно, богато, свободно. (Еще одна национальная наша особенность — святая и наивная вера в чудеса.) Чтоб как в старорусских былинах про Илью Муромца, который тридцать лет и три года лежал на печи; явились бы вдруг калики перехожие, дали испить какого-то магического отвара — и сразу бац! — ты уже чудо-богатырь.

Но все отвары, которыми поили нас бесчисленные политические кашпировские, долгожданной волшебной силы не прибавляли; скорее, наоборот. Сами же иностранные, да и свои, доморощенные, калики-знахари оказались на поверку обыкновенными шарлатанами.

Вновь повторяюсь: я далек от мысли, что развал СССР стал следствием какого-то мирового заговора или масштабной операции вражеских разведок. Главная причина его — отсутствие у руководства страны четко выработанной стратегии реформ.

Уже после гибели Союза один из главных персонажей ушедшей эпохи, Эдуард Шеварднадзе, откровенно признается:

«Когда мы с Горбачевым начинали, мы полагали, что государство, в котором мы жили, не могло выстоять... Но у нас не было ни расписания действий, ни повестки дня... Нашей ошибкой было то, что мы не действовали постепенно и не установили ясно очерченных сроков».

(То есть эти горе-архитекторы, снося старый дом, не удосужились даже заpastись проектом здания нового.)

В то же время недооценивать Запад — тоже совсем не следует. Там делалось все, чтобы ускорить и углубить (любимое словечко Михал Сергеича) советский экономико-политический кризис.

«В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций, — прямо заявлял на закрытом совещании осенью 1995-го президент США Билл Клинтон. — И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке...»

Однако это не значит, что нам не над чем думать. Да, мы позволили России быть державой. Но империей будет только одна страна—США».

Сказано хоть и предельно цинично, однако честно. Кто бы что ни говорил, но любые войны—как явные, так и тайные—всегда ведутся в первую очередь за передел влияния; не суть—геополитический или экономический.

В мировой истории нет ни одной мало-мальски серьезной войны (именно войны, а не ерундовой драчки), которая не завершилась бы отторжением (освобождением, оккупацией—кому что больше нравится) какой-либо территории в пользу страны-победителя.

Россия исключением тоже не стала. Уже в 1990 году, по соглашению Шеварднадзе-Бейкера, американцам был передан огромный кусок акватории Тихого океана—примерно 50 тысяч квадратных километров, изобиловавших углеводородами и биоресурсами.

Впрочем, если бы дело тем ограничилось, бог бы с ними, с этими километрами. Так нет же. Стоило лишь Союзу затрещать по швам, как Запад с радостью начал подкидывать в пылающий костер дровишки. Президент Буш попеременно встречался отныне с каждым национальным лидером; каждому—обещалась поддержка и вечная любовь.

И Горбачев, и Ельцин оказались первыми правителями за всю многовековую отечественную историю, которые не только не попытались расширить пределы своих владений, а, напротив, беспрекословно смирились с потерей земель, собиравшихся их предшественниками, обильно политых потом и кровью.

Я специально поместил в этой книге карты, на которых очень наглядно видно, как увеличивались масштабы России и российского влияния в прежние века; и как, в мгно-

вание ока, сузились они в 1991-м. (Есть там и карты потенциальных российских границ; какими они могут стать, дай только волю нашим западникам и либералам—но об этом чуть позже.)

Еще в начале 1980-х, на самом пике «холодной войны», американскими экспертами была разработана стратегия будущего переустройства мира под общим названием «Мандат на руководство» или «Доктрина освобождения». Документ получился настолько впечатляющим, что президент Рейган даже назвал его как-то своей настольной книгой.

Так вот, по этой доктрине СССР представлял собой империю, образованную «по расходящимся от центра к периферии четырем concentрическим кругам». В круге первом, самом близком к Москве, значились территории, вошедшие в Союз сразу после революции—Закавказье, Белоруссия, Украина. Ко второму кругу относились земли, присоединенные перед Второй мировой: Прибалтика, Молдавия, Западная Украина, Западная Белоруссия. Круг третий—составляли страны-сателлиты из СЭВ и Варшавского Договора. Ну и, наконец, самый дальний, четвертый круг образовывали государства, взявшие курс на СССР уже в 1960-1980 годы: Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Никарагуа, Афганистан.

Авторы стратегии были уверены, что бороться с СССР следует не чохом, а поступательно, круг за кругом: сначала—оторвать четвертый круг, за ним—третий, и так далее по нисходящей.

Вряд ли Рейган мог представить себе, насколько быстро реализуется этот план; он-то рассчитывал на многолетнее, затяжное противостояние, конца края которому не было видно.

Никто и глазом моргнуть не успел, как империя зла разлетелась точно карточный домик. К 1992 году трех кругов влияния Россия лишилась уже напрочь. Отныне речь шла о том, чтоб «общипать» круг последний, благо здесь было чем поживиться; Россия по-прежнему оставалась еще самой крупной по территории мировой державой, имеющей выход к трем океанам и владеющей самой протяженной границей—60 тысяч километров.

Конечно, не сохранись у страны ядерного оружия, с ней можно было бы вообще не считаться. Ввели бы какой-нибудь миротворческий контингент—как в Югославии—объяснив сие заботой о населении, которое изнемогает-де от экономического кризиса и тирании, и—дело с концом.

Слава богу, у Горбачева хватило ума в одностороннем порядке не уничтожить советский ракетный щит; а может, руки просто не дошли.

Хотя уже осенью 1991-го в западной, да и российской печати полным ходом стали появляться утверждения, что новая власть слишком слаба, дабы обеспечить контроль за смертоносным ядерным оружием; вот-вот начнутся сейчас утечки, последствия которых страшно даже представить.

Генерал Леонид Шебаршин, возглавлявший в последние годы внешнюю разведку КГБ СССР, прямо писал потом, что «подобного рода сообщения являются частью операции Центрального разведывательного управления США. Цель операции—подготовить мировое и российское общественное мнение к необходимости введения какой-то формы прямого международного контроля над военным и мирным ядерным потенциалом России».

Мало кто помнит сейчас громкий скандал, разразившийся в 1994 году, когда немецкие власти обвинили Россию в

контрабанде плутония; а ведь шум стоял на весь мир; вопрос этот стал даже предметом специальных международных переговоров. (Этакий пролог полониевой лихорадки.)

Но потом, в одночасье, скандал вдруг угас; ни одного доказательства причастности Москвы к ядерной контрабанде обнаружено не было, а все, что сумели предъявить немцы тогдашнему хозяину Лубянки Сергею Степашину, представляло собой... подборку вырезок из российской прессы. Но об этом, разумеется, западная печать сообщать не спешила...

Наличие у России стратегического оружия вынуждало иностранных друзей действовать тонко и осторожно. Шажок за шажочком, тихой сапой Запад делал все, чтобы ослабить и обескровить Россию.

Сначала они помогли новой *демократической* власти парализовать работу спецслужб, затем — вывели нас с внешнеполитической арены, окружив, под шумок, базами НАТО. Посадили на иглу кредитов и займов. Оказали неоценимую помощь в проведении экономических реформ — настолько *неоценимую*, что *оценить* масштаб ущерба невозможно и по сей день.

(Одним из результатов этих спланированных западными советниками реформ стало фактическое уничтожение всего оборонно-промышленного комплекса; к 2000 году объем падения производства в ОПК составил около 80%. За весь срок ельцинского правления российская армия не заказала ни одного нового бомбардировщика, крейсера, зенитно-ракетного комплекса; все пополнения шли исключительно за счет старых, наработанных при Союзе запасов.)

Ну, а когда страна оказалась беспомощной и зависимой, с ней можно было уже особо и не церемониться.

В начале 1990-х с разных сторон все сильнее стали раздаваться крики о необходимости «восстановления исторической справедливости» — сиречь передачи сопредельным странам якобы незаконно присоединенных земель.

Норвегия — принялась настаивать на аннексии морского полярного шельфа в Баренцевом море; это, на секундоочку, территория в 155 тысяч квадратных километров, причем на дне там находится до 3 триллионов (!) кубометров газа. (Для сравнения — вся площадь Норвегии составляет 324 тысячи километров.)

С претензиями на Северный полюс, сопредельные с ним территории и шельф Ледовитого океана выступили также Дания, Германия, Финляндия и Япония. (Что, впрочем, не помешало американцам впоследствии отправить к полюсу ледокол береговой охраны «Хили», тоже заявляя о своих правах.) На хребет Ломоносова положила глаз Канада (это-де — американская земля).

В свою очередь, японцы — добивались возврата четырех Курильских островов. Китайцы — требовали отдать амурские пойменные острова, включая знаменитый Даманский.

Не остались в стороне и недавние наши республики. Грузия — заявила свои претензии на Главный Кавказский хребет, половину Карачаево-Черкессии, а также... Сочи. (На том лишь основании, что в 1918 году город на несколько месяцев захватывали войска Ноя Жордания.) Туркмения и Казахстан — потребовали раздела Каспия, а Азербайджан, даже не дожидаясь окончательного решения этого вопроса, самовольно приступил к разработке его недр.

Но больше всего неприятностей России доставляла Прибалтика. Эти гордые маленькие народы не удовлетво-

рились одним лишь освобождением от коммунистической оккупации.

Эстонцы — потребовали отдать им часть Ленинградской и Псковской областей, вошедших в РСФСР в 1945 году. На другую половину Псковщины — претендовали уже латыши. Финляндия — громогласно вспомнила о довоенных границах, которые включали в себя западную Карелию, северо-запад нынешней Ленинградской области, Печенгу (крупнейший, кстати, арктический порт с близлежащими никелевыми рудниками) и ряд островов в Финском заливе. Ну а литовцы — и вовсе принялись доказывать, что дно Балтийского моря — это их личная собственность. (Впоследствии они будут даже требовать остановки Россией строительства трансбалтийского газопровода.)

Во всем, что я перечислил, ничего сверхъестественного нет. Подобное в истории бывало уже не раз; стоило лишь России ослабнуть, как весь цивилизованный и свободный мир, точно стая кровососущих паразитов, моментально бросался перекраивать ее территорию; само собой — обставлялось это сугубо высокими материями, вроде заботы о будущих поколениях и судьбе человечества.

Так было и в годы великой смуты, когда на русский престол взшел польский королевич Владислав; и во времена наполеоновского нашествия; и после октябрьского переворота.

Что характерно, сердобольные наши соседи особо никогда даже и не стеснялись демонстрировать свои аппетиты.

Принятый, например, Антантой в декабре 1917-го в Париже план освобождения России предусматривал сохранение страны лишь в границах центральной европейской части, Урала и Поволжья. Все остальные земли — становились сферами влияния стран-союзников; Украина — про-

текторат Франции, Прибалтика и Белоруссия—Польши, Юг и Средняя Азия—Турции, Кавказ—Британии, Сибирь и Дальний Восток—США и Японии.

Почти в это же самое время, в марте 1918-го, советское правительство вынуждено было подписать мирный договор с главным врагом Антанты—Германией. Документ, вошедший в историю под названием Брестского мира, для России был совершенно унижительным, хотя и временно необходимым; по нему германцу и туркам передавалась Прибалтика, Закавказье, часть Белоруссии—то есть территории и без того уже ими оккупированные.

По счастью, в самой Германии вскоре тоже произошла революция и Ленин быстренько, в одностороннем порядке, Брестский мир аннулировал. Но наши славные союзники времени тоже даром не теряли.

Официальную точку в Первой мировой войне поставил Версальский договор. По идее Россия должна была играть здесь главную скрипку—как-никак основная воюющая держава. Однако наши интересы в очередной раз оказались побоку. Помимо побежденной Германии договор подписали 26 государств, причем в числе победителей объявились почему-то такие сомнительные *державы*, как Либерия, Никарагуа и Гаити (они, оказывается, тоже воевали!); словом, все, кроме самой России.

Что, впрочем, совсем не помешало подписантам взять на себя право определять будущую нашу судьбу. Статья 116 этого исторического документа прямо гласила, что Германия признает «независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 года». А статья 117 обязывала Берлин «признать границы этих государств, как они будут соответственно этому установлены».

Иными словами, лидеры 26 стран заведомо приговаривали Россию к расчленению. Примерно к такому же, о каком по прошествии пары десятков лет заговорил нацистский рейхсминистр Розенберг.

По разработанному им плану оккупации, СССР должен был быть разделен на восемь самостоятельных зон: Урал, Сибирь, Туркестан, Украина, Кавказ, Белоруссия, Прибалтика. Плюс — Московия, включающая в себя Москву, Рязань, Нижний Новгород и Воротыну.

По счастью, все эти концепции так и остались пустыми мечтаниями — до поры, до времени. Хотя недаром ведь легендарный Ален Даллес, лучший шеф ЦРУ всех времен и народов, еще в 1956 году писал: если случится, что наши отношения с Россией окажутся в состоянии, похожем на Брестский мир, ни в коем случае нельзя повторить ошибку немцев и дать русским передышку.

Наследники Даллеса хорошо усвоили его завет: передышки они нам не дали.

После отъема у России восточноевропейских протекторатов, а затем отрыва исконных территорий, необдуманно возведенных бывшими вождями в ранг союзных республик, аппетиты у Запада лишь разгорелись. Из пыльных сундуков были вновь извлечены старые концепции гегемонии. Одна из них, сформулированная классиками англосаксонской геополитической теории Х. Макиндером и Н. Спайкменом еще в первой половине XX века, делила всю Европу на «Римленд» и «Леналенд». К первой категории («Римленд») относилась вся Европа западнее Смоленска, Ближний и Средний Восток, Закавказье, Южная и, частично, Центральная Азия, западное побережье Тихого океана. Ко второй («Леналенд») — российский Дальний Восток, районы Байкала, Якутии и Крайнего Севера.

Само собой — контролировать и «Римленд» и «Леналенд» должны были атлантические силы во главе с США.

«В начале и в середине 90-х годов западные (и прежде всего американские) исследовательские центры, — сообщается в авторитетном научном издании "Россия в пространстве и времени", подготовленном авторским коллективом Института экономических стратегий под руководством членкора РАН Бориса Кузика, — активно прорабатывали варианты разделения России на несколько государственных образований, основой которых могли бы стать автономные национальные образования.

Рассматривались также варианты "помощи" России в управлении территориями на Востоке, где сохраняется тенденция к уменьшению плотности собственно русского и увеличению плотности китайского населения. В частности, согласно одному из проектов предлагалось выкупить Сибирь вместе с жителями либо аннексировать ее в счет погашения российского внешнего долга и присоединить к США в качестве "Сибирских штатов Америки". Возможность покупки "новой Аляски" стала навязчивой идеей некоторых политических кругов и широко обсуждается в западных средствах массовой информации. Уже готова и новая модель американского флага с добавлением очередных звездочек.

По другому варианту Дальний Восток должен быть расчленен на протектораты. Чукотка, Камчатка и часть Магаданской области отойдут под протекторат США, Сахалин и Курилы — Японии, а вдоль Транссиба будет создана Дальневосточная республика под опекой США, Японии и Южной Кореи — в качестве антикитайского "вала".

В разрабатываемых американских аналитических проектах просматривается, между прочим, такой геополитический вариант:

литический пасьянс: или Россия уступает Соединенным Штатам Сибирь, и Америка получает "опорные" территории на континенте, а вместе с ними и абсолютное господство в Евразии, или территории Сибири, по словам З. Бжезинского, "призывающие китайское освоение", отойдут Китаю».

(Еще раз обращаю ваше внимание: процитированный отрывок — не пустые разглагольствования политиканов-демагогов, а серьезнейшая научная работа, написанная двумя докторами и тремя кандидатами наук. Да и о каких, в принципе, подтасовках могла идти речь, когда тот же Бжезинский без тени смущения многократно излагал собственную теорию, по которой Россия — есть не что иное, как геополитическая «черная дыра», угрожающая всей цивилизации в целом; а посему ее как можно быстрее следует ликвидировать путем расчленения на Дальневосточную и Сибирскую республики, а также автономии Северного Кавказа и Поволжья.)

Любая уважающая себя страна, услышав подобные унижительные предложения, как минимум должна была бы возмутиться.

(Помнится, в 1982 году демократическая Англия мгновенно послала на другой конец света боевую эскадру, едва только Аргентина попыталась отобрать у нее даром никому ненужные Фолклендские острова; общее число погибших в той войне было соизмеримо с количеством всего населения островов. «Наша демократия подкрепляется силой», — заявила тогда железная миссис Тэтчер; и правильно, между прочим, сделала.)

А что же российская элита? Думаете, кто-то попытался всерьез поставить зарвавшихся колонизаторов на место? Как бы не так.

Политики либерального толка, хоть впрямую и не призывали распродавать российские земли, но и с осуждением этого тоже не спешили; этокое чисто женское кокетство. Зато, если кто-то пытался называть вещи своими именами, их мгновенно начинали бичевать как реакционеров и коммунистических недобитков.

Логика наших западников и чудо-рыночников отличалась завидным, чисто *рыночным* цинизмом. Дескать, страна—и так большая, плюс-минус остров—погоды не делает.

На этом фоне совсем неудивительной кажется массивная пропагандистская кампания, развернувшаяся в демократической прессе в начале 1990-х. Хорошо помню шикарные заморские туры, организовывавшиеся специально для впечатлительных и бескорыстных журналистов: все расходы иностранные власти целиком брали на себя.

Особенно поднаторели в такой пропагандистской обработке японцы; они регулярно вывозили к себе лучших российских публицистов, кормили и поили их на убой, подносили щедрые подарки. В то время загранпоездка для большинства была еще недоступной роскошью; посему, по возвращении, благодарные журналисты разражались огромными статьями, в которых доказывали, что обрекать жителей Курил на голодное, нищенское существование — преступно, лучше отдать острова Японии, пусть хоть кто-то заживет по-человечески. А за это-де японцы заплатят нам 200 миллиардов долларов—деньги в хозяйстве явно не лишние.

Вот лишь одна цитата такого толка:

«Отказ от удовлетворения претензий Токио на Курилы чреват сохранением гнойника, который, если Япония продолжит восхождение к высотам научно-технического и эко-

номического прогресса, а России суждено барахтаться в болоте кризиса, может породить смертоносные метастазы... Без сатисфакции по территориям японцы не согласятся по-настоящему помогать. Без их участия не пойдут в восточные районы России другие азиатские "драконы", а значит, Сибирь и Дальний Восток обрекут себя на долгое прозябание».

Именно так в начале 1992 года писал вестник отечественной либеральной интеллигенции журнал «Новое время». Комментарии, полагаю, излишни.

И хотя эта практика мелкого подкупа журналистов и политиков, сиречь агентуры влияния, особых результатов не принесла, японцы все равно не успокоились. Информационно-психологическую обработку они ведут и по сей день.

Прочитую обращение Сахалинской областной думы к президенту Путину, принятое в июле 2003 года. Оно, собственно, так и называется: «Об использовании японской стороной безвизовых обменов для проведения идеологических акций в отношении жителей Южных Курил». (Документ, правда, объемный, но зато очень показательный.)

«...Японская сторона активно использует безвизовые обмены для идеологического воздействия на жителей Курильских островов с целью формирования предпосылок для передачи островов Японии.

В частности, с японской стороны основными организаторами направления и приема безвизовых делегаций являются МИД Японии, "Всеяпонский Совет по развитию связей с четырьмя северными территориями" (ВЯС-ЧСО), "Хоккайдский Совет по развитию связей с четырьмя северными территориями" (Хок-ЧСО). Управление по вопросам "северных территорий" губернаторства Хоккай-

до. Деятельность этих организаций финансируется японским правительством из государственного бюджета.

Указанными организациями под руководством МИДа Японии разрабатываются программы пребывания российских граждан, обязательным элементом которых являются дискуссии и лекции по территориальному размежеванию России и Японии. В ходе таких мероприятий японские специалисты в выгодном для Японии свете акцентируют внимание российских участников обменов на том, что СССР, а ныне Россия "незаконно оккупировала и владеет Курильскими островами". Психологическое воздействие закрепляется вручением россиянам сувениров и печатной продукции на русском и японском языках с надписями реваншистского содержания, искаженным изображением Государственной границы, призывами вернуть Японии Курильские острова...

Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что жесткому идеологическому воздействию подвергаются также и детские делегации Курильских островов, активно участвующие в безвизовых обменах. Психологический прессинг на неокрепшее мировоззрение подрастающего поколения на фоне благополучной жизни Японии, несомненно, оказывает негативное влияние на воспитание любви к своей Родине.

С японской стороны в состав делегаций включаются прежде всего активисты движений "за возвращение четырех островов", действующих в каждой префектуре Японии... В частности, в безвизовой делегации, побывавшей на Курилах в июне 2003 года и насчитывавшей 65 человек, только трое участников являлись родственниками японцев — бывших жителей Курильских островов, остальные — активисты реваншистских движений, де-

путаты Парламента Японии, сотрудники МИДа, функционеры ВЯС-ЧСО, Хок-ЧСО, а также журналисты».

Не отстают от японцев и китайцы. Хотя официально Пекин претендует лишь на ряд амурских островов, в самой Поднебесной уже давно принято считать, что добрая часть Сибири и российского Дальнего Востока — это исконно китайские земли.

Китайские дети учатся по учебникам, где черным по белому написано, будто Западная Сибирь — лишь временно утраченная территория КНР. На местных политических картах в желтый цвет окрашены Амурская область, Хабаровский край, Еврейская автономная область, больше половины Приморья; при этом многие наши города носят там уже китайские названия. (По версии китайских географов, территория самой России начинается лишь где-то в районе Байкала и Томска.)

Не стоит тешить себя иллюзиями, будто угроза китайского вторжения давно миновала; эта экспансия идет незаметно, исподволь. Более миллиона китайцев живет на российском Дальнем Востоке. Вдоль границы сотнями создаются предприятия и мини-заводы. В неограниченном объеме скупается недвижимость и земля.

И дело здесь не в воинственном характере великого нашего соседа, а исключительно в холодном, здравом расчете; Китай испытывает дичайшую нехватку жизненного пространства. Плотность населения составляет здесь 120 человек на квадратный километр; а рядом, за границей, стоит лишь рукой подать — лежат огромные неосвоенные земли (плотность российского Приморья — один человек на один километр). Китайский экономический бум и высокая, чисто кроличья рождаемость — просто не оставляет Пекину шансов на миролюбие.

Вообще, трудно найти хотя бы одну пограничную страну, которая не разевала бы рот на наши территории; причем — странная закономерность — чем она меньше, тем выше у нее амбиции.

Взять хотя бы крохотную Финляндию, выпущенную когда-то Лениным из состава России. (Заметьте: совершенно бесплатно!) Уже к концу 1980-х, точно грибы после дождя, здесь стали плодиться чисто реваншистские организации, чьи названия ясно выражают суть их устремлений: «Объединенная Карелия», «Великая Финляндия», «Финская Арктика». Возглавляются они либо военными, либо влиятельными политиками, самая заметная фигура из которых — бывший министр, а ныне спикер финского парламента Риитта Уусукайнен.

Г-жа Уусукайнен уже добрый десяток лет борется за расширение финских границ, и число ее соратников ощутимо растет с каждым днем. Среди них председатель Карельского союза, депутат парламента Маркку Лаукканен, его ближайший сподвижник генерал-лейтенант Рауно Мерио, командующий военным округом Кюме, бригадный генерал Кари Хиетанен, недавний кандидат в президенты Финляндии, депутат парламента Ристо Куисма и десятки других облеченных реальной властью финских деятелей.

Для ускорения возврата Карелии здесь открыто действует даже специальная правительственная программа «Северное измерение», спонсируемая помимо прочих и Евросоюзом. Пропагандистским обеспечением всей кампании занимается финансируемая местным МИДом организация ProKarelia.

Дошло до того, что когда осенью 2001-го Путин приехал с визитом в Хельсинки, ему открыто было заявлено о желании пересмотреть границы; дескать карельские зем-

ли Советы у нас отобрали; пришло время «восстановить историческую справедливость и отказаться от сталинского наследия» (именно так было написано в коллективной петиции, переданной двум президентам).

Не меньшее вожделение вызывает у наших соседей и Калининград (в девичестве — Кенигсберг). Этот анклав, не имеющий прямых границ с Россией, давно уже превратился в объект нескончаемых политических спекуляций.

Еще с 1993 года в немецком городишке Фрейден открыто действует некое «Правительство Свободной Пруссии в изгнании», которое тоже требует «восстановить историческую справедливость», сиречь воссоединить Калининградскую область с Пруссией. (Точнее — наоборот.)

Все эти несбыточные мечтания можно было бы, конечно, не воспринимать всерьез (в ФРГ — тоже есть свои Белые Столбы и больницы им. Кащенко), кабы не странное единодушие Запада. Мало того, что это мифическое правительство официально признается властями Германии. Так еще и Европарламент, и конгресс США успели принять в середине 1990-х специальные резолюции, которые требовали сделать Калининград «особой европейской территорией» и ввести особый же порядок его управления — силами Евросоюза и Германии.

Особый порядок — это, если по-простому, оккупационная зона: бургомистр, старосты, полицаи; эрзац-валюта а-ля восточные рейхсмарки; массовое заселение этнических немцев. Именно такие новшества были предписаны вышеозначенными резолюциями; плюс — требование к России выплатить компенсации прусским беженцам и их потомкам якобы за причиненный ущерб; таковых, к слову, насчитывается свыше 200 тысяч.

Когда же эти предложения гневно были нами отвергну-

ты, на свет появился план новый — полная экономическая интеграция Калининградского региона в Евросоюз, во имя оздоровления региона. К чему привело бы такое решение — ясно и дураку; через пару-тройку лет область фактически отделилась бы от России.

Такой вариант очень нравится и американцам, и немцам, и прибалтам; больше всего негодует здесь Литва, в открытую называя Калининград «бывшей советской колонией». (Впрочем, и поляки не сидят сложа руки. Их чрезвычайно беспокоит «излишняя милитаризованность» области, что угрожает, дескать, национальной безопасности Польши; почему Россию, в свою очередь, не должны беспокоить размещившиеся в Польше базы НАТО—Варшава даже не задумывается.)

А совсем недавно бывший председатель Верховного Совета Литвы, а ныне ее представитель в Европарламенте Витаутас Ландсбергис публично объявил, что Калининградская область — это, оказывается, и вовсе Малая Литва, ибо исконно населяли ее литовцы-автохтоны, и даже пруссы пришли туда после них. И вообще, называть эту землю следует не Калининградом и уж тем более не Кенигсбергом или Восточной Пруссией, а Каралячюсским краем, на территории которого русскими была «проведена тотальная этническая чистка».

Логика — железная, совершенно в духе домашних животных: кто первым пометил территорию, тому она, значит, и принадлежит.

(Не очень понятно, правда, что тогда делать с Москвой, поскольку, как установили археологи, первые поселения были основаны здесь финно-угорскими племенами. Следуя теории Ландсбергиса, ее надлежит, видимо, отдать Финляндии — вместе с Карелией.)

Однако эта собачья логика полностью укладывается в русло российского либерализма.

«Я вообще не понимаю, зачем мы его [Калининград] забрали. Зачем мы в 45-м прирезали Восточную Пруссию? На кой она?»—негодует, например, Альфред Кох, ярчайший соратник Чубайса с Гайдаром и руководитель избирательного штаба СПС на выборах 2003 года. И тут же обосновывает свою позицию: в Калининграде, дескать, «самый большой процент больных СПИДом, наркоманов, там самый низкий уровень жизни из всех регионов России. .. Там же никогда никаких производств не было, только военные базы...»

«Я готов согласиться с любой логикой, но вы мне ее изложите,—требуется Кох.—В хозяйстве пригодится—как Плюшкин собирал веревочки, — это не аргумент».

Кто не понял—под плюшкинскими веревочками герр Кох подразумевает российские регионы; вероятно, не только Калининград, но и многие другие.

И действительно: чем меньше территорий у нас останется—тем проще будет ими управлять; да и отступного буржуи отвалят с лихвой...

Если бы кто-то из западных политиков—в той же Литве, Германии или Штатах—высказался подобно Коху, его в лучшем случае ждала бы массовая обструкция; в худшем—обвинение в измене родине. У нас же такие заявления воспринимаются как доказательство прогрессивности мыслей.

Взять, допустим, другого видного демократа, лидера «Яблока» Григория Явлинского. Его стараниями Россия практически лишилась Сахалина и понесла гигантские материальные убытки, однако сам Григорий Алексеевич не

только не испытывает от этого какого-либо неудобства, но и, напротив, продолжает настаивать на своей правоте.

Речь идет о злополучном законе об СРП, принятом Государственной думой в 1995 году. Главными лоббистами его были именно яблочники; собственно, они же закон и писали.

СРП—сокращенно означает «соглашение о разделе продукции». По сути, это своеобразная вариация заграничной концессии.

Как уверяли при принятии этого закона яблочники, главная его задача—привлечь в Россию крупные иностранные инвестиции. Солидные бизнесмены-де боятся вкладывать в нашу экономику деньги, ввиду постоянных изменений налогового режима. СРП же—прописывало совершенно новый порядок взаимоотношений инвестора и власти, причем в самой привлекательной отрасли—сырьевой (нефть, газ, полезные ископаемые).

Закон об СРП полностью освободил иностранцев от уплаты налогов. Взамен этого они должны были возвращать государству часть полученной ими продукции—ту же нефть или газ; но не сразу, а лишь после того, как предприятие начнет давать прибыль. При этом все понесенные инвесторами затраты списывались на счет российской доли.

Вокруг СРП было сломано немало копий. Многократно левые фракции и правительство предлагали законодательно ограничить размер затрат инвестора; понятно ведь, что при желании можно искусственно надуть любые убытки. Однако ограничения эти приняты не были; на защиту иностранного капитала всякий раз «Яблоко» кидалось коршуном и любые поправки проваливало.

Явлинскому многие верили; как же! честнейший чело-

век, либерал до мозга костей, экономист Божьей милостью. Но потом оказалось, что самый крупный из инвестиционных проектов, заключенный с компанией Sakhalin Energy, (так называемый «Сахалин-2») мало сказать — не принес России прибыли, а, совсем напротив, привел к умопомрачительному для страны ущербу.

А ведь как помпезно все начиналось! Крупнейшие западные компании — англо-голландская Royal Dutch Shell, японские Mitsui и Mitsubishi — объединились воедино, учредив специально под этот проект структуру Sakhalin Energy, чтобы ударно организовать добычу нефти и газа на Сахалине. (На то, что созданная такими гигантами фирма оказалась почему-то зарегистрированной на оффшорных Каймановых островах, никто в пылу страсти внимания не обратил.) Для этого требовалось им освоить Пильтун-Астохское и Лунское месторождения, однако прошло уже более 10 лет, но ничего, кроме постоянных обещаний, Россия так и не увидела.

Добыча нефти и газа еще даже не начата. Все рассказы о фантастическом взлете уровня жизни и размера зарплат на Сахалине — оказались фикцией. Обещанных заказов от Sakhalin Energy отечественная промышленность не получила. Зато иностранцы не ограничивали себя ни в чем, привозя из-за границы буквально каждую мелочь — от буровой техники до мебели и канцтоваров. Причем закупалось все это по ценам, многократно превышающим среднерыночные, что, в общем, совсем не удивительно; любые затраты-то, как мы помним, ложились на наши плечи, а никаких ограничений для них установлено не было (спасибо Явлинскому!).

Была когда-то у американцев такая кинокомедия: «Миллионы Брюстера». Сюжет фильма заключался в том, что

главному герою пообещали то ли приз, то ли наследство (не помню уж точно), если сумеет он за сутки потратить миллион долларов.

Только кино это было выдуманно Голливудом от начала и до конца, а на Сахалине — все то же самое происходило в реальности. Знаете, например, сколько специалисты Sakhalin Energy платили (по документам, разумеется) за съемные квартиры в Южно-Сахалинске? Ни за что не догадаетесь: от... 6 до 7 тысяч долларов в месяц.

В итоге смета расходов, необходимых для окончательного запуска промыслов, магическим образом выросла в 2 раза — с 11,8 до 21,2 миллиарда долларов. А первая же выехавшая на остров объективная проверка столкнулась с удивительными вещами. (Долгие годы фракция Явлинского блокировала любые ревизии сахалинского проекта.)

«У всех у нас сложилось твердое ощущение, что Сахалин уже не российская, а английская территория, — свидетельствует руководивший проверкой зам. главы Росприроднадзора Олег Митволь. — Ни один вертолет не мог, например, здесь взлететь или приземлиться без разрешения Sakhalin Energy. Когда мы попытались выйти на катере из порта, чтобы осмотреть залив Анива, нас не выпустили, пока на место не прибыли представители SE — поляк и австралиец. Они долго мялись, и лишь после моего звонка в погранслужбу, выход был разрешен. Но все равно: уже в заливе нас попытались задержать сотрудники их ЧОПа, которые... выполняли здесь функции пограничников и таможенников одновременно. На все мои вопросы к местным руководителям, следовал один ответ: Sakhalin Energy — здесь хозяева, ссориться с ними мы не хотим».

Лишь нечеловеческими усилиями Митволю удалось за-

кончить инспекцию; итог ее получился вполне закономерен. Общий объем ущерба интересам России в ходе реализации проекта «Сахалин-2» составил 30 миллиардов долларов. Экологии Сахалина был нанесен непоправимый урон; сотни нерестовых рек оказались уничтожены, иностранцы вырубали все оставшиеся на острове леса, началось массовое сползание грунта в воду.

(И это еще полбеда, ибо по подсчетам Счетной палаты и налоговой службы, в случае окончательной реализации обоих проектов — «Сахалин-1» и «Сахалин-2» — убытки для бюджета должны будут составить 61,6 миллиарда долларов.)

Но стоило лишь предать всем этим фактам огласку, не забыв упомянуть об особой здесь роли Явлинского, как лидер «Яблока» моментально побежал в суд, требуя защитить свое честное имя.

К счастью, иск его был полностью отклонен; таким образом, суд де-факто признал все выдвинутые против Григория Алексеевича обвинения...

Я не могу даже себе представить, как далеко смогли бы зайти демократы, получи они в руки подлинную власть; сколько земель — веревочек, по меткому выражению Коха — не досчиталась бы сегодня страна.

Западный либерализм российского разлива отличается от просто западного одним существенным обстоятельством; *их* либерал, хоть и талдычит о глобализации, объединенной Европе и вечных ценностях, больше всего на свете любит при этом свой родной городок с центральной ратушей, пивной «Толстый Ганс» (пабом «Старина Грей», бистро «Веселый Жюль») и развалинами древней крепости на окраине. Он, этот либерал, и в мыслях не допускает, чтобы на месте пивной (паба, бистро) был открыт «Мак-

доналдс», а сам городок вместе со всем населением, перешел бы в чужое подданство.

Попробуйте предложите любому среднестатистическому французу уступить пару деревушек в пользу Бельгии, а англичанину — отдать, например, северным ирландцам Ольстер; на вас либо посмотрят, как на дурака, либо просто побьют.

Потому что западный либерал — при этом еще и патриот; да, в мировом масштабе он двумя руками за глобализацию, но только чтобы его собственный, личный микромир это не затрагивало.

Нашего же, доморощенного либерала хлебом не корми — дай только поупражняться в выражении любви перед Западом. Эйфелева башня — по определению нравится ему больше Останкинской, а холодный суп гаспаччо — не идет ни в какое сравнение с наваристым борщом.

Российский либерал считает свою родину ущербной и недоделанной, называет «этой страной», и после первых же трех рюмок начинает кричать, что ничего путного никогда из нее не выйдет. Чужбину же, наоборот, любит он всей душой, видит в ней центр мироздания и оплот просвещенности, а посему не понимает, что дурного случится, если вся Россия повторит судьбу Аляски; людям-то от этого будет только лучше.

Я прямо воочию представляю себе Чубайса, Касьянова и Невзлина с Каспаровым, стоящими за прилавком. А напротив — иностранные державы, пришедшие на эту гигантскую распродажу; весенний sale — все цены снижены на 30%.

Чего изволите-с? Ах, вам Калининград-с, виноват Кеннингсберг. Сию минуточку. Карелия приглянулась? Всегда пожалуйста. Может быть, показать еще и Псковскую

область, как раз получится целый комплект... Упаковать или так унесете?..

Эта картина — отнюдь не из области ненаучной фантастики. Не один только любитель плюшкинских веревочек Альфред Кох, а практически каждый из лидеров нашей оппозиции не раз успел отметить на попреще отстаивания западных интересов в ущерб российским.

Экс-премьер Михаил Касьянов в открытую, скажем, объявляет, что, если станет он президентом, то моментально снизит экспортную цену на нефть.

«Россия — неотъемлемая часть Европы, — заявил он иностранным журналистам в первом же своем выступлении после перехода в стан оппозиции. — Страны Запада — наши друзья».

А коли так, негоже наживаться на друзьях, продавая им «черное золото» втридорога; все должно быть поровну и честно. Цену в 63 доллара за баррель нефти Касьянов называет «завышенной»; «справедливая» цена, по его мнению, обязана составлять 20-25 долларов, и если он придет к власти, то так оно и будет.

Заявление Касьянова вызвало горячую поддержку западных политиков, в первую очередь — американских, ибо США издавна является крупнейшим потребителем нефти на планете. Для Запада реализация плана Касьянова означает гигантскую экономию средств; для России же — потерю львиной доли бюджета.

Давайте попробуем подсчитать это вместе. В прошлом, 2006 году Россия поставила на экспорт 250 миллионов тонн нефти (это примерно — 1 миллиард 572 миллиона баррелей). Цена при этом все время росла, но бог с ним, возьмем среднюю позицию — хотя бы названную Касьяновым — 63 долларов за баррель. (Сегодня, для сведения, она подошла уже к отметке в 80 долларов.)

Умножаем объем (1,572 млрд) на цену (\$63). Итого: \$99,63 миллиарда.

А теперь — сравним, сколько должны были бы мы получить, торгуя по «справедливым» касьяновским ценам:

1,572 млрд x \$25 = \$39,3 миллиарда.

Таким образом, при реализации обета Касьянова, потери российской экономики и федерального бюджета составят 60 миллиардов долларов — то есть свыше триллиона рублей. И это при том, что считали мы с вами по минимальной ставке.

Кто не знает — экспорт нефти составляет в национальном бюджете примерно 20%. Причем в 2007 году этот показатель еще и вырастет, поскольку резко поднялись цены; представители правительства уже говорят, что дополнительные доходы принесут плюсом не менее 600-700 миллиардов рублей в казну.

Это вам не жалкие два процента; ставки Касьянова растут прямо на глазах.

Западу очень выгодно подобное глобалистское прекраснотушие; мир — одна семья, все люди — братья. Правда, когда дело касается его собственных насущных интересов, эта возвышенная риторика разом отходит на второй план; игра начинает вестись лишь в одни ворота.

Кто объяснит мне, почему Китай получает, к примеру, кредиты на субсидирование сельского хозяйства от МВФ, и это не является преградой для его вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО). А от России строжайше требуют прекратить скрытое субсидирование села в виде низких тарифов на электричество и газ, угрожая иначе в то же самое ВТО не пустить.

Почему наши попытки навести порядок с экспортом леса (главная беда — вывоз кругляка) наталкиваются на

жесточайшее сопротивление соседей. (Руководитель Рослесхоза Валерий Рошупкин рассказывал мне, как финская сторона прямо объявила ему на переговорах: если вы поднимете пошлины, мы будем блокировать ваше вхождение в ВТО. Чтобы было понятно, цена вопроса — миллиард долларов ежегодно, которые казна сегодня не получает.)

Почему американцы вводят санкции против «Рособоронэкспорта» и флагмана отечественного авиапрома холдинга «Сухой» на том лишь основании, что они якобы тайно сотрудничают с Ираном и Сирией? (Ни одного доказательства этому представлено не было.) И такие же точно ограничения вводятся на поставку в США нашей стали, да и многих других российских товаров (всего на Западе действует около 60 аналогичных антидемпинговых законов).

Почему официальные английские власти берут на себя смелость требовать от России изменить всенародно принятую конституцию и не выдают нам объявленных в международный розыск преступников? (Березовский в роли политической жертвы — это даже уже не смешно.)

И как, в конце концов, относиться к развернутому заявлению, сделанному еще в 1995 году президентом Клинтон:

«Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, неразрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать. Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, а они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью: за четыре года мы и наши союзники получили раз-

личного стратегического сырья на 15 млрд долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.»

Если подобное называется цивилизованной дружбой, то на черта нам такая дружба сдалась.

Однако российские либералы, точно оглохли и ослепли. Понятия «суверенитет», «державность» или «патриотизм» вызывают у них исключительно раздражение, и желание незамедлительно процитировать Достоевского: патриотизм—последнее прибежище негодяя.

На самом деле, Достоевский ничего подобного никогда не говорил; равно как и Лев Толстой, которому многие тоже приписывают эту фразу. В действительности, сие изречение, столь часто используемое в либеральной полемике, принадлежит английскому литератору XVIII века Сэмюэлю Джонсону, хотя вкладывал он в него совершенно иной смысл.

В статье «Патриот», написанной в 1774 году, Джонсон совсем напротив призывал британский народ избирать во власть людей достойных, ибо «только Патриот достоин места в парламенте. Никто другой не защитит наших прав, никто другой не заслужит нашего доверия». Именно там-то и прозвучал впервые афоризм—Patriotism is the last refuge of a scoundrel; в контексте статьи читалось это так: даже для самого отъявленного негодяя не все еще пропало, если живо в нем чувство патриотизма—это его последний шанс возродиться.

Но российские публицисты, как и положено, смысл джонсоновских слов полностью извратили; не в первый и не в последний раз.

Тема эта, конечно, совершенно особая, говорить о ней можно отдельно и долго, потому как растиражированные либеральной прессой многие исторические цитаты нередко страдают подтасовками и передегериваниями.

(Ну, например, знаменитая ленинская фраза, что каждая кухарка сможет у нас управлять государством. В оригинале вождь пролетариата говорил иначе: «Мы должны научить каждую кухарку управлять государством». Или сталинская формула: «Кадры решают всё». В первоисточнике звучит она так: «Кадры, овладевшие техникой, решают всё».

Чувствуете разницу?)

Впрочем, не будем отвлекаться. Лучше процитируем еще одного заслуженного либерала и демократа — правозащитника № 1 Сергея Адамовича Ковалева, выдвинутого на парламентских выборах 2007-го в первой тройке «Яблока».

«Пока наше национальное сознание, наша внутренняя и внешняя политика не избавились от комплекса державности, ни о каком соблюдении прав человека в нашей стране нечего и мечтать. А в глазах просвещенного человечества мы так и останемся нелепым соломенным пугалом, годным лишь на то, чтобы на собственном опыте учить других, как не надо жить».

Не надо нам никакой державности, самоуважения; главное — понравиться просвещенному человечеству.

А вот пожалуйста аналогичное изречение другого видного либерала — господина Гозмана, являющегося главным идеологом СПС (он — зампред федерального политсовета этой партии и секретарь по идеологии) и одновременно членом правления РАО «ЕЭС»:

«Бороться сегодня за суверенитет России, это то же, что готовиться к отражению марсиан».

Полагаю, как-то комментировать этот бред нет даже нужды. (Жаль, ни сербы, ни афганцы, ни иракцы российских либеральных изданий не читают; уж они порасказали бы Гозману про собственный опыт общения с марсианами.)

Для полноты картины следует лишь добавить, что до того, как стать «сусловым» либерального движения, Леонид Яковлевич успел поработать в вашингтонском международном центре Вудро Вильсона, а также в Диккенсон-колледже, штат Пенсильвания. После чего напрямик перешел в администрацию президента — не американского; российского! — по личному приглашению Чубайса. (Задаваться риторическим вопросом: а куда смотрели наши спецслужбы? — как-то даже и неудобно.)

Коль уж речь зашла о легендарной фигуре главного приватизатора, не могу не коснуться другого его соратника и единомышленника, поминавшегося уже не раз, — Альфреда Коха.

Осенью 1998-го, после позорной отставки из правительства, Кох дал программное интервью американской радиостанции WMNB, в котором подробно изложил свои взгляды на прошлое и будущее России.

(Заранее приношу извинения за массивность цитаты, без этого — прочувствовать Коха будет сложно; здесь что ни фраза — то песня.)

«— Часто в прессе появляются названия предприятий, которые якобы были закуплены за очень небольшую часть реальной стоимости, и в связи с этим говорят, что народ просто был ограблен.

— Ну, народ ограблен не был, поскольку ему это не

принадлежало. Как можно ограбить того, кому это не принадлежит?..

- Высказывается мнение, что в России катастрофа и экономическое будущее призрачно. Как вам кажется?

— Мне тоже так кажется.

— *Не видите света в конце туннеля?*

— Нет.

— *А как вы прогнозируете экономическое будущее России?*

— Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать, но не умеют работать (в смысле—копать), которые только изобретать умеют. Далее—развал, превращение в десяток маленьких государств.

— *И как долго это будет длиться?*

— Я думаю, в течение 10-15 лет... Вы понимаете... В течение 70 лет, когда формировалось мировое хозяйство, Россия, вернее Советский Союз, находился как бы вонне, развивался отдельно, по каким-то своим законам. И мировое хозяйство сформировалось без Советского Союза. И оно самодостаточно, там есть достаточные ресурсы, все есть. И сейчас Россия появилась, а она никому не нужна. {Смеется.) В мировом хозяйстве нет для нее места, не нужен ее алюминий, ее нефть. Россия только мешает, она цены обваливает со своим демпингом. Поэтому я думаю, что участь печальна, безусловно.

— *Прогнозируете ли приход инвестиций в Россию, будет ли он в той мере, в какой его ожидают?*

- Нет, потому что Россия никому не нужна (*смеется*), не нужна Россия никому (*смеется*), как вы не поймете!

- Но ведь Россия имеет гигантские экономические и людские ресурсы, и работать на российский рынок...

- Какие гигантские ресурсы имеет Россия? Этот миф я хочу развенчать наконец. Нефть? Существенно теплее и дешевле ее добывать в Персидском заливе. Никель в Канаде добывают, алюминий — в Америке, уголь — в Австралии. Лес — в Бразилии. Я не понимаю, чего такого особого в России?

— Но торговать с Россией, с огромной страной, где огромная потребность купить, купить, купить...

- Для того чтобы купить, нужно иметь деньги. Русские ничего заработать не могут, поэтому они купить ничего не могут.

— Словом, вы не видите никаких перспектив?

— Я — нет. (*Смеется.*)

— Как, по-вашему, может повернуться экономическая политика российского правительства? Будет ли возврат к старым методам?

— Какое это имеет значение? Как ни верти, все равно это обанкротившаяся страна.

— И вы полагаете, что никакие методы хозяйствования Россию не спасут?

— Я думаю, что бесполезно.

— Могут ли быть реформы в обычном понимании этого слова приемлемы для России?

- Если только Россия откажется от бесконечных разговоров об особой духовности русского народа и особой роли его, то тогда реформы могут появиться. Если же они будут замыкаться на национальном самолюбовании, и искать какого-то особого подхода к себе, и думать, что булки растут на деревьях. Они так собой любуются, они до сих пор восхищаются своим балетом и своей классической литературой XIX века, что они уже не в состоянии ничего нового сделать.

- *Но, может быть, у России свой путь?*

- В экономике не бывает своего пути. Есть законы...

- *Если исходить из вашего взгляда на завтрашнее России, то весьма безрадостная картина создается...*

- Да, безрадостная. А почему она должна быть радостной? (Смех.)

- *Ну просто хотелось, чтобы многострадальный народ...*

- Многострадальный народ страдает по собственной вине. Их никто не оккупировал, их никто не покорял, их никто не загонял в тюрьмы. Они сами на себя стучали, сами сажали в тюрьму и сами себя расстреливали. Поэтому этот народ по заслугам пожинает то, что он плодил.

- *Вы считаете, что ельцинские реформы полностью потерпели крах или они все-таки скажутся на будущем России? Ведь многое изменилось в России за последние десять лет.*

- Да, мы старались изменить. Я думаю, что это лет через 200-300 скажется.

— *А что Россию ожидает в политическом смысле, будет ли возврат к старым методам?*

— *Я* считаю, что политически Россия занимает совершенно идиотскую позицию относительно Югославии. Россия— страна полиэтническая, в которой есть и мусульмане, и православные, и иудеи, и черт в ступе, а они почему-то такую православную позицию заняли, защищают сербов, которые, на мой взгляд, не правы. Я не понимаю, что такое внешняя политика России, для меня это некий набор совершенно не связанных друг с другом заявлений, лишь бы заявить себя как великая держава. Зачем мы поддерживаем Саддама в противовес Соединенным Штатам, прекрасно понимая, что Саддам составит конкуренцию нашей нефти, если его выпустят на рынок? Для меня российская внешняя политика никак не связана с экономикой...

- *Насколько велик интерес на Западе к тому, что сейчас происходит в России?*

- Интерес очень сдержанный. Не больше, чем к Бразилии. Россия, наконец, должна расстаться с образом великой державы и занять какое-то место в ряду с Бразилией, Китаем, Индией. Вот если она займет это место и осознает свою роль в мировом хозяйстве, тогда от нее будет толк.

— *То есть, значит, смиренно надо признать подлинное место в жизни и идти учиться в школу?*

— Конечно! Вместо того, чтобы с тремя классами образования пытаться изобретать водородную бомбу.

— *На ваш взгляд, как все это произошло, к этому великие-то предпосылки?*

- Это произошло просто по глупости, которая привела к катастрофе и признанию долга Советского Союза. Это была глупость, 90 миллиардов долларов повесили на очень слабую экономику, и дальнейшая катастрофа — это был просто вопрос времени. Запад обманул Россию, Запад обещал реструктурировать этот долг и не реструктурировал его. Запад обещал экономическую помощь — и не оказал ее, и оставил Россию один на один с этим долгом, который в общем-то делала не она. Я думаю, что это элемент специальной стратегии — стратегии ослабления России, стратегии Запада.

— *Значит, экономические беды России идут от Запада, так получается?*

— Экономические беды России — прежде всего от семидесяти лет коммунизма, которые, грубо говоря, испоганили народную душу и народные мозги. В результате получился не русский человек, а homo soveticus, который работать не хочет, но при этом все время рот у него раскрывается, хлеба и зрелищ хочет.

— *Насколько Запад понимает, что хаос в России может быть угрозой всему миру?*

— Я, откровенно говоря, не понимаю, почему хаос в России может быть угрозой всему миру. Только лишь потому, что у нее есть атомное оружие?

— *Вот именно. А разве этого мало?*

— Я думаю, для того чтобы отобрать у нас атомное оружие, достаточно парашютно-десантной дивизии. Однажды высадить и забрать все эти ракеты к чертовой матери. Наша армия не в состоянии оказать никакого сопротивления. Чеченская война это показала блестящим образом».

Прежде я уже приводил примеры всевозможных планов и доктрин, направленных на ослабление и развал России, но даже все они — меркнут на фоне Коха.

Еще раз перечитаем «откровения от Альфреда»: наладить в России нормальную жизнь — невозможно, ибо «это обанкротившаяся страна», народ которой «работать не хочет», «не в состоянии ничего нового сделать» и «по заслугам пожинает то, что плодил».

Тем не менее, учит нас руководитель штаба СПС, если Россия желает все же перемен, перво-наперво следует «высадить» здесь парашютно-десантную дивизию (интересно, чью? уж явно — не Псковскую), «забрать все эти ракеты к чертовой матери», дабы избежать хаоса. После чего отказаться «от бесконечных разговоров об особой духовности», перестать «искать какого-то особого подхода к себе», восхищаться «своим балетом и своей классической литературой» и «расстаться с образом великой державы». Только осознав «свою роль в мировом хозяйстве», то есть заняв «какое-то место в ряду с Бразилией, Китаем, Индией», от нее будет толк.

А теперь — для сравнения — вспомним знаменитые тезисы директора ЦРУ Алена Даллеса образца 1945 года:

«Окончится война, кое-как все утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную помощь или ресурсы на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого

непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино — все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, диссидентства, словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство, наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, диссидентство, национализм и противопоставление народов — все это мы будем насаждать ловко и незаметно...

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее».

Похоже, верно? А главное — насколько пророчески звучит. ..

...Вероятно, давая это историческое интервью, Кох не предполагал, что оно дойдет до России; радиостанция — маленькая, вещает на другом конце света. Однако случилось страшное. Стенограмма его интервью попала в российскую прессу, и он не нашел ничего умнее, как начать оправдываться.

Ровно через неделю в «Коммерсанте» был напечатан его пространный комментарий, в котором Кох пытался объяснить свои слова вовсе не отвращением к России, а совсем наоборот — искренней к ней любовью.

«Разве антидемпинговые расследования по русскому текстилю в Европе и по металлу в США не доказывают, что это так? (В смысле, что Россия никому не нужна. — *Авт.*) А вот хоть бы и иначе: а почему мы вообще кому-то должны быть нужны? Кроме самих себя? Разве кто-то из других наций присягал нам помогать?»

Час от часу не легче. Куда ж исчезло хваленое западничество бывшего вице-преьера и председателя Госкомимущества? Если никто не «присягал нам помогать», зачем же потребовалась этому ведомству уйма иностранных советников; созданные на западные деньги приватизационные центры? Или же — это была отдельная добрая воля отдельных западных доброхотов.

Да нет, конечно. Просто Коха — я в этом несколько не сомневаюсь — после публикации скандальных откровений принялись со всех сторон стыдить соратники и друзья: Чубайс, Немцов, Гайдар. Они, может, в глубине души были с ним и согласны, но на людях этого никогда не показывали; вот и пришлось бедолаге Коху подчиняться партийной дисциплине; отмежевываться самому от себя; иначе — под удар попадала бы вся реформаторская команда.

Вот еще один образчик его самоопровержения.

«Про развал государства. Да оглянитесь же! Посмотрите правде в глаза! Он уже начался! СССР развалился. Сепаратизм регионов. Чечня. Национальные автономии... Историческая закономерность, как учил старый русский патриот Карл Маркс, не зависит от воли людей. Тем более от их правителей. Любых, коммунистов или демократов,

не важно. Как нам избежать развала России без насилия? Не знаю!»

Удивительно трогательная забота о целостности страны! Непонятно лишь, почему тот же СПС, одним из лидеров которого стал впоследствии Кох, столь гневно воспринял попытку Путина выстроить единую вертикаль власти и остановить развал государства.

Впрочем, у демократов — короткая память; они предпочитают помнить лишь то, что им выгодно; и напрочь забывают о том, что вызывает хоть малейшие неудобства. (Одни только «Волги», обещанные Чубайсом в обмен на ваучеры, чего стоят; Впрочем, к этому мы подойдем чуть позже.)

Через 8 лет Кох вновь решит вернуться к своему программному интервью. В написанном совместно с журналистом Игорем Свиной четырехтомнике хмельных откровений под сакраментальным названием «Ящик водки», он предложит новую версию собственных действий.

«Кто, ну кто, положив руку на сердце, осенью 1998 года, сразу после дефолта, мог сказать, что к 2005 году цены на нефть вырастут в пять раз? Что цены на металлы вырастут примерно вдвое? Что в связи с этим бюджет вырастет тоже почти в три раза и будет профицитным? Что по этой же причине будет решена проблема внешнего долга? Кто?»

Кажется, Кох даже и не понял, что сказал. По сути, он полностью повторил речь американского врача Джека Кеворкяна, объяснявшего суду, почему его нельзя отправлять за решетку.

Кто запомнил, Кеворкян, вошедший в историю под именем «доктор Смерть», помогал своим пациентам отправиться в мир иной; за 9 лет он сумел умертвить 130 боль-

ных на том основании, что они-де никогда не выздоровят. Однако суд города Понтиак (штат Мичиган) его объяснения не впечатлили; в 1999 году Кеворкян был признан виновным в массовых убийствах и осужден на 25 лет.

Разница между Кохом и Кеворкяном заключается лишь в одном — пациенты «доктора Смерть» лично уговаривали его прервать свои мучения и применить эвтаназию. Но Коха-то никто об этом не просил; он сам почему-то уверился, что Россию спасти уже невозможно; страна неизлечимо больна; и, следовательно, чем раньше она умрет — тем для всех только лучше.

На ум сразу же приходит восклицание Александра Солженицына: «Вы свою мать будете лечить шоковой терапией?» Этим риторическим вопросом Александр Исаевич громогласно задался весной 1992-го, в самый разгар гайдаровско-чубайсовских реформ, однако ответа на него так и не получил. Лишь по прошествии пары лет, во второй книжке своих мемуаров («Записки президента»), Ельцин решил вернуться к этим словам. (Видимо, они все же его задели.)

«Да, в каком-то смысле Россия — мать. Но в то же время Россия — это мы сами. Мы — ее плоть и кровь, ее люди. А себя я шоковой терапией лечить буду — лечил не раз. Только так — на излом, на разрыв — порой человек продвигается вперед, вообще выживает».

Памятую о склонности первого президента к экстремальному образу жизни, вроде купания в ледяной воде и прыжках с моста, такой аргумент — «себя лечить буду» — звучит малоубедительно, нравится тебе — вот себя и терзай. Хоть шоковой, хоть уринотерапией, даже — электрическим током.

Увы. Не в пример одному известному киногерою, наши правители всегда умели отделять своих баранов от государственных...

2. Гюльчатая, открой личико.

Выступая в октябре 2007-го на съезде «Единой России», президент Путин произнес такие слова:

«Мы все с вами помним, что было со страной семь-восемь лет назад. Многие уже сомневались, хватит ли у нас сил, чтобы справиться и с терроризмом, и с сепаратизмом, сможем ли мы вообще сохранить страну».

Кто-то помнит — а кто-то и нет, невзгоды вообще забываются быстро, а к хорошему — наоборот — привыкаешь легко, но ведь еще недавно — именно так все и было.

Конец 1980-х — начало 1990-х годов ознаменовались невиданным разгулом национализма. Едва ли не каждая республика — союзная или автономная — вспомнила вдруг о своих поруганных национальных чувствах и великорусской имперской кабале. Все это проходило на фоне выдвинутого Ельциным знаменитого лозунга: «берите независимости, сколько сможете унести» («проглотить», «переварить» — вариантов было предостаточно, ибо популярный этот тезис Борис Николаевич в разных уголках страны озвучивал регулярно и по-разному).

Один за другим в стране разгорались национальные пожары: на Кавказе, в Средней Азии, в Прибалтике. Уже в

полный рост шли погромы и междоусобная резня, а власть — и союзная, и российская — делала вид, будто ничего особого не замечает.

В этой войне каждая из сторон — Горбачев, Ельцин — думала в первую очередь не о будущем державы, а о собственных политических дивидендах. (Ельцин — рассчитывал, что рост национального сознания автономий ослабит союзный центр; Горбачев, в свою очередь, пытался отколоть их от Ельцина.)

Уже к осени 1990 года добрая половина автономных российских республик, округов и областей объявили о своем суверенитете. Одновременно декларации о государственной независимости ринулись принимать и республики союзные: все до единой (последней стала вечно нищая Киргизия).

А уж после августовского опереточного путча 1991-го этот процесс и вовсе стал неуправляем: ровно за 10 дней окончательный суверенитет обрели Латвия, Молдавия, Украина, Армения, Белоруссия, Азербайджан, Узбекистан, Киргизия. В октябре — последней — откололась бессловесная Туркмения. Литва, Эстония и Грузия объявили о суверенитете еще раньше.

Банально, конечно, но Советский Союз был государством совершенно уникальным. Кто-то называл его «тюрьмой народов», кто-то, напротив «семьей народов», а то и вовсе «империей наций»; однако нельзя не признать, что нигде в мире под одной крышей не уживалось столько народностей и этносов сразу, причем самого разнообразного происхождения.

Российская империя — если угодно, была гигантским гаремом, в котором каждая из наложниц очутилась по разным причинам. Одних — хозяин гарема просто насильни-

чал (на празднествах в честь 1000-летия Казани особенно занятно смотрелось театрализованное представление — оборона Казанского кремля от иноземных захватчиков; этническая принадлежность захватчиков, по понятным причинам, не расшифровывалась.). Другие — сами пристали к нему, ибо остро нуждались в сильном плече и защите. Третьих — хозяин собственноручно воспитал, взрастив из юных дикарок полноценных, румяных женщин.

До тех пор, пока повелитель гарема по-домостроевски держал всю власть в своих крепких мужских руках, ни о какой самостоятельности его обитательницы и не помышляли. Да и о чем, собственно, было им помышлять, если большинство союзных республик никогда прежде не имели собственной государственности, а вся их доимперская история легко умещалась на четвертушке энциклопедического листа.

Ослабление Москвы — разом привело к брожению умов. Наложницы вдруг опомнились, закричали о своей загубленной молодости и тяжелой женской доле; им казалось, что стоит лишь покинуть гарем, как мгновенно наступит счастье и благоденствие. Тем более рядом находился опытный змей-искуситель, который всячески эти националистические настроения подогревал.

Уильям Кейси, последний директор ЦРУ эпохи «холодной войны», верно подметил однажды: «Опасностью для Советского Союза является этническая напряженность. Это последняя многоэтническая империя, и в конце концов народы бросят свой вызов».

Я уже упоминал о гигантских суммах, которые заграничные цивилизаторы выделили на «демократизацию СССР» — аж 90 миллиардов долларов; о многочисленных законах и доктринах, направленных на «освобождение за-

кабаленных народов». (Один из них — «Закон о помощи порабощенным нациям», принятый сенатом США еще в 1959 году, не отменен до сих пор.)

Существует масса свидетельств и доказательств тому, что Запад активнейшим образом способствовал разжиганию националистических пожаров внутри СССР. Ну, например: едва ли не все национально-освободительные движения действовали по единому сценарию, и даже использовали одни и те же программные документы.

(Вплоть до того, что первоначальные декларации ИКЧН — исполкома чеченского народа, шовинистической организации, созданной Дудаевым и Яндарбиевым в 1990 году, — представляли собой дословные перепечатки аналогичных бумаг прибалтийских народных фронтов вплоть до орфографических ошибок; вайнахские лидеры обленились настолько, что потом даже и перепечатывать их перестали — просто замазывали названия «Эстония» или «Латвия», вбив взамен «Чеченская республика».)

С каждым из таких движений вплотную работали представители Запада, в основном — США. Активнее всего подобное шефство наблюдалось как раз в Прибалтике; именно в эстонском Тарту, университетском городке, известном своим давним вольнодумством, располагался тогда главный мозговой центр по выработке идеологии сопротивления.

Известен факт, когда аккурат накануне объявления Литвой независимости, делегация «Саюдиса» — главной ударной силы демократического Вильнюса — посетила американского посла Джека Мэтлока, и лишь после его благословения приступила к делу. (Встреча с послом была 7 марта 1990 года, а провозглашение независимости состоялось уже 11-го.)

То же самое происходило и со всеми прочими сепаратистами; поддержка Вашингтона вселяла в них уверенность и силу; не будь ее — не было бы и столь молниеносного парада суверенитетов.

Лидеры украинского «Руха», например, тесно взаимодействовали с американскими дипломатами еще с 1988 года; они летали в Штаты, как к себе домой. Не могли пожаловаться на отсутствие должного внимания и грузинские звиадисты. В свою очередь, дудаевские экстремисты работали уже с коллегами из Прибалтики и Грузии, строго по принципу цепной реакции.

Расчет сделан был верно: достаточно было лишь разбросать по углам пару зажженных спичек, чтобы огонь дальше начал распространяться уже сам, без особой даже помощи.

«Из Литвы эмиссары приезжали, мы эти копии документов получали через агентуру: инструкции по тактике действий, — свидетельствовал позднее председатель КГБ Чечено-Ингушетии в 1990-1991 годах генерал Кочубей. — Оружие в основном от Гамсахурдиа шло... Пистолет получил Дудаев, пистолет получил Яндарбиев, кстати, Дудаев потом демонстративно пришел на заседание Верховного Совета с этим пистолетом... В июле месяце [1991 года] мы зафиксировали первую партию оружия. А эмиссары от Ландсбергиса приезжали уже где-то с мая».

Эти умело скоординированные действия быстро начали приносить свои плоды. К началу 1991 года союзная власть уже фактически потеряла контроль над большинством республик; Горбачев все больше становился похож на генерала без армии.

Шла война в Карабахе. Собственная, неподвластная Центру армия, создавалась в Приднестровье. От Москвы

отделилась по сути Грузия, чей новый президент Звиад Гамсахурдиа открыто взял курс на сближение с Западом и отчуждением от России, в ознаменование чего ввел даже войска в Южную Осетию, где тоже бушевали межнациональные страсти.

То же самое начинало твориться и в Украине. Когда летом 1991 года президент Буш полетел с официальным визитом в Киев и Горбачев послал с ним Янаева, разочарованию последнего не было предела. По свидетельству американских участников поездки, к вице-президенту СССР принимающая сторона отнеслась как к «председателю все-союзной ассоциации прокаженных»; достаточно сказать, что за торжественным обедом все разговоры велись лишь на двух языках — английском и украинском.

О Прибалтике — даже говорить не приходится; эти самые западные республики СССР давно уже воспринимали себя осколками свободного мира.

Именно Прибалтика — в первую очередь Литва — сыграла ключевую роль в распаде страны, и тут уж точно без участия Запада дело не обошлось. Впрочем, и сами российские демократы приложили к тому немало усилий.

В то время либеральная часть российского общества искренне считала, что эти три республики следует незамедлительно освободить; они-де — жертвы сталинской оккупации. Самые многолюдные столичные митинги, собираемые демократами в 1990-1991 годах, были посвящены как раз заботе о стонущих под советским гнетом прибалтах; на одном из них собралось рекордное количество участников — полмиллиона человек.

Вообще, если вдуматься, большего абсурда трудно себе представить. До какой же степени демократической пропаганде удалось запудрить населению мозги, если подав-

ляющее его большинство уверовало в необходимость расчленения собственной страны, ампутации своих же конечностей. О том, что значительная часть живущего там населения—это русскоязычные (в Латвии—их было 34%, в Эстонии—30%) никто почему-то не задумывался.

Не буду сейчас вдаваться в исторические и геополитические изыскания—кто кого оккупировал; замечу лишь, что с точки зрения международного права вхождение Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР было действием совершенно законным, подтвержденным впоследствии многими международными актами и соглашениями—от Ялтинских и Потсдамских конференций до Хельсинкского заключительного акта СБСЕ (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Кто не знает, последний документ был принят в 1975 году, и среди его подписантов значились все страны Западной Европы, а также США. Хельсинкский акт устанавливал 10 неотъемлемых принципов коллективной безопасности; в их числе значились нерушимость границ, территориальная целостность каждого государства, суверенное равенство.

Однако не прошло и 15 лет, как подписанты разом вдруг позабыли о своих прежних обязательствах.

В мае 1990-го госсекретарь США Бейкер прямо заявил литовскому премьер-министру Казимире Прунскене, что Америка будет твердо держаться непризнания вхождения Литвы в СССР. То же самое он повторил на встрече с главой советского МИД Шеварднадзе, мы, мол, относимся к прибалтийским республикам как к оккупированным странам. А Шеварднадзе—мало того, что в ответ никак не возмутился, так еще и ринулся американцу поддакивать: «Жители Кавказа столь же остро чувствуют свое насиль-

ственное включение в состав Советского Союза, — изрек Эдуард Амвросиевич, — и многие так же думают и в Центральной Азии».

При такой уступчивости и бесхребетности опасаться американцам было попросту нечего; даже после того как Горбачев, спохватившись, ринулся было продемонстрировать прибалтам свою силу, янки мгновенно выдвинули ему встречный ультиматум.

11 марта 1990 года Верховный Совет Литовской ССР единогласно проголосовал за независимость республики. «Мы ни у кого не спрашиваем разрешения на этот шаг», — торжественно объявил Ландсбергис; о том, что четырьмя днями раньше американский посол Мэтлок благословил литовцев, пообещав, что Москва применять против них военную мощь не будет, спикер благополучно умолчал.

Напрасно Горбачев бился в припадке падучей, Запад строго стоял на защите интересов *порабощенных наций*. На встрече с Михал Сергеичем 26 марта сенатор Эдвард Кеннеди прямо сказал, что «Тяньаньмэнь в Вильнюсе поставит под вопрос американско-советские отношения». А помощник Буша по национальной безопасности генерал Скоукрофт недвусмысленно предупредил советского посла Дубинина, что если против Литвы будет применена военная сила, запланированный на июнь визит Горбачева в США отменится.

В итоге поставленный на место генсек не нашел ничего умнее, как кинуться униженно умолять Ландсбергиса с Прунскене «вступить в диалог», однако те, обнадеженные уже Вашингтоном, любые переговоры отвергали наотрез.

Больше месяца советские лидеры всячески уговаривали недавних братьев сменить гнев на милость, только что

на колени перед ними не становились. Но Ландсбергис был непреклонен.

Выхода не оставалось, и 17 апреля Горбачев был вынужден объявить, что, если Вильнюс и дальше будет отказываться от переговоров, Москве придется остановить поставки в республику газа и нефти. Что бы вы думали? В тот же вечер в Белом доме Буш спешно провел совещание (на нем присутствовала вся силовая верхушка: госсекретарь Бейкер, министр обороны Чейни, помощник по нацбезопасности Скоукрофт), которое пришло к очень простому выводу: в случае начала блокады Литвы, США сократит торговые и экономические контакты с СССР. Разумеется, резолюция совещания незамедлительно была доведена до Горбачева с Шеварднадзе.

Бывший помощник президента по нацбезопасности Збигнев Бжезинский впоследствии напишет: «Пропасть между Вашингтоном и Москвой углубилась еще больше из-за нежелания Кремля отказаться от всех завоеванных Сталиным территорий. Западное общественное мнение, особенно в Скандинавских странах, а также и в Соединенных Штатах было особенно встревожено двусмысленным отношением России к Прибалтийским республикам... Обстановка была еще больше омрачена подчеркнутым нежеланием Кремля денонсировать секретное германо-советское соглашение 1939 года, которое проложило дорогу насильственному включению этих республик в состав Советского Союза».

Что это, как не откровенный, ничем не прикрытый шантаж и вмешательство во внутренние дела суверенного государства? Увы, никто из нас об этом тогда почему-то не вспоминал...

И вновь — позволю себе абстрагироваться от эмоций и

коснуться стороны сугубо юридической. Формально — вступление Прибалтики в СССР было некогда обусловлено декретами Верховных Советов каждой из республик (а вовсе не поминаемым Бжезинским пактом Молотова-Риббентропа; оригинал этого договора не найден, кстати, до сих пор, а следовательно правовым документом считаться он не может). Теперь же эти самые органы принимают решения прямо обратные — о выходе из Союза.

Подождите. Но если первый шаг был незаконен и Западом не признается, тогда и шаг второй — автоматически не может быть легитимен; орган власти-то, повторяю, один и тот же, даже название и символика остались прежними. Вот если бы Верховные Советы были распущены, прошел референдум, состоялись выборы новые, неподконтрольные центру — тогда да, все понятно. Но от перемены мест слагаемых сумма не может изменяться. Это все равно что разлить коньяк из одной бутылки в разные стаканы; содержание первого, стало быть, сморщившись, выплюнуть, а второй — смакуя, осушить, восторгаясь его букетом и ароматом.

Можно ли было спасти Советский Союз? История, в принципе, не терпит сослагательного наклонения, если бы да кабы...

Но одно я знаю твердо: найдись у тогдашнего советского руководства сила и воля, развитие страны могло бы пойти совершенно другим путем.

Горбачев — так бывает — просто оказался недостойн исторической миссии, выпавшей на его долю. Впрочем, недаром говорится, что каждый народ заслуживает того правителя, которого имеет...

В этом смысле китайцам повезло намного больше. К концу 1980-х китайская социалистическая империя пережи-

вала те же процессы, что и СССР. Если бы не Дэн Сяопин, бог его знает, что представляла бы эта страна сегодня, и уж вряд ли явила бы она миру великое экономическое чудо.

Если вы не были в Китае — рекомендую съездить; это, действительно, нечто из области чуда. Страна меняется просто на глазах. Какие-то маленькие провинциальные городки, еще 10 лет назад представлявшие собой сосредоточение нищеты и чисто советского убожества, преобразились вдруг в гигантские мегаполисы — с небоскребами, широкими магистралями и сверкающими проспектами.

Сегодня в Китае такое количество свободных средств, что они не знают просто, во что вкладывать деньги. Ежегодно в Запад инвестируются миллиарды долларов, но все равно меньше от этого их не становится.

Я почти уверен, что лет через 15-20 Китай, как и Юго-Восточная Азия, в целом станет политико-экономическим центром планеты; ведущая роль Запада, в том числе США, отойдет на задний план.

Но всего этого никогда не было бы без твердости Дэн Сяопина. Ради будущего страны он готов был идти на любые жертвы; лучше и мудрее ампутировать нарывающую руку, нежели терпеливо дожидаться, пока гангрена распространится по всему телу.

О трагедии на площади Тяньаньмэнь — вспоминать сейчас как-то не принято. А ведь еще совсем недавно в жестокосердное китайское руководство, приказавшее стрелять по безоружным студентам, не кидал камни только ленивый, и наши прекраснодушные демократы — в первую очередь.

Позволю себе кратко напомнить суть тех событий: весной 1989-го китайские студенты, отличающиеся, как и их сверстники по всему миру, изрядным радикализмом, на-

чали бурно протестовать против коммунистического режима. Они разбили палаточный городок на главной столичной площади Тяньаньмэнь — нечто вроде нашей Красной площади, — причем формальный повод был выбран самый что ни на есть безобидный: смерть низложенного незадолго до того генсека Ху Яобана.

Поначалу горстка собравшихся — примерно тысяча студентов — вели себя довольно мирно, требуя лишь достойно похоронить популярного в народе политика. Но уже очень скоро первоначальные требования напрочь оказались забыты, и в толпе зазвучали антикоммунистические, резко оппозиционные лозунги. Всего за 2 дня — с 18 до 20 апреля — число демонстрантов магическим образом выросло в десятки раз; наблюдатели говорят чуть ли не о 100 тысячах участников. Как в тоталитарном Китае, без посторонней и умелой помощи, удалось организовать такую толпу, по сей день остается загадкой, ответ на которую ведом, наверное, разве что местным резидентурам ЦРУ и тайваньской разведки.

Идти на ответные жесткие меры китайские власти сперва не решались. Видя такой либерализм, митингующие, естественно, распались еще сильнее. С каждым днем народу на площади все прибывало; прямо колоннами сюда отправлялись и студенты из других городов. На все уговоры властей разойтись, лидеры собравшихся отвечали словами известной песни Высоцкого: «Ну, и разошелся — то есть расходился». Дошло до того, что *несогласные* двинулись походным маршем по Пекину с криками и плакатами «Долой диктатуру!»; в этой акции участвовали десятки тысяч человек.

Медлить было нельзя. Страна постепенно охватывала предреволюционная лихорадка. Вспыхнули беспорядки в

Тибете; здесь требовали отделения от Китая. Во многих городах появлялись аналогичные пекинскому палаточные лагеря. 15 мая демонстранты провалили визит Горбачева в Пекин, который должен был стать первой советско-китайской встречей на высшем уровне за последние тридцать лет. (Для того чтобы продемонстрировать истинные свои настроения, митингующие даже установили на площади 10-метровую копию статуи Свободы из стеклопластика.)

И тогда Дэн Сяопин принял пусть жестокое, но необходимое решение: в Пекин были стянуты войска, которые беспощадно разогнали демонстрантов. Получив приказ стрелять на поражение, армия не стала церемониться; огонь открывали при первых же признаках сопротивления. По разного рода оценкам, число студентов, погибших в ту июньскую ночь, составило от 400 до 500 человек. Еще 10 тысяч самых рьяных борцов за свободу было арестовано и кинуто в лагерь.

Разумеется, Запад гневно осудил такую бесчеловечность. Обе палаты Конгресса США приняли даже специальную резолюцию, которая требовала от китайского руководства признать свои действия ошибочными, выпустить всех репрессированных и выплатить изрядные компенсации семьям погибшим. Однако китайцы внимания на это не обратили; в отличие от советских коллег, они действовали по принципу: собака лает — караван идет.

И вот с тех событий прошло без малого 20 лет, история расставила все на свои места. И что же?

Конечно, кровь — это всегда плохо, нельзя восторгаться насилием, даже если применяется оно во имя высоких целей. И тем не менее давайте посмотрим на историю с Тяньаньмэнь совсем с другой стороны.

Предположим, войска не стали бы разгонять демонстрантов, и ночь с 3 на 4 июня закончилась бы так же, как и все предыдущие. Но что происходило бы дальше?

Рано или поздно осмелевшие от безнаказанности пикетчики—а их уже набралось под 100 тысяч и число это лишь возрастало—обязательно возжелали бы перейти от слов к делу. Соответственно, власти вновь встали бы перед выбором—применять силу или проявить либерализм. В первом варианте—количество жертв было бы несоизмеримо больше и 4-5 сотнями дело уже не обошлось. Во втором—Китай ждала бы та же участь, что и СССР: распад империи, экономический кризис, попадание в зависимость от Запада, массовое обнищание населения. И никакого экономического чуда сегодня—рупь за сто—не было б здесь и в помине.

Так что, спрашивается, для Китая оказалось лучше? Принесенные в жертву стране пятьсот студентов, или принесенная в жертву студентам вся страна?

Давайте, в конце концов, отучимся от извечной интеллигентской привычки осуждать любую жесткость и по всякому удобному поводу апеллировать к Достоевскому с его набившей уже оскомину слезой ребенка.

Да, расстрелянных студентов, разумеется, жалко. А разве не жалко нам сотен тысяч наших же соотечественников, погибших за последние 15 лет в результате всевозможных локальных войн и межнациональных распрей, бросивших все, что наживалось годами, и бежавших прочь с насиженных мест—лишь бы уцелеть.

(В одной только Чечне за первые годы правления Дудаева было убито около 30 тысяч русскоязычного населения; еще 250 тысяч вынуждены были уехать. Гражданская война в Таджикистане унесла 75 тысяч жизней. 125 тысяч «не-

коренных» жителей покинуло Литву. Список этот можно продолжать еще долго...)

Возможно, окажись на месте Горбачева Дэн Сяопин — этих страшных последствий развала страны нам удалось бы избежать. А может быть и нет — я не знаю.

Но в одном уверен я абсолютно точно — у каждого государства должны, просто обязаны быть собственные, национальные интересы; и во имя них — любые разумные жертвы являются совершенно оправданными.

Когда на твою страну нападает враг, никто ведь не начинает скулить, что, дескать, не надо нам обороняться, ибо приведет это к человеческим потерям. Здесь все понятно — либо мы, либо нас.

Однако то, что происходило в СССР в конце 1980-х — это тоже была война. Только воевать никто уже не хотел, потому что врага принимали мы за друга, а собственных коллаборационистов называли совестью нации...

У китайских вождей хватило силы переступить через кровь ради будущего страны. У наших — нет.

Все судорожные попытки Москвы навести порядок во взбунтовавшихся провинциях заканчивались — мало сказать позорно; они, наоборот, еще подливали масла в огонь, только распаляя сепаратистов.

Когда в апреле 1989-го войска по приказу Горбачева вошли в Тбилиси, где под лозунгом «Долой Российскую империю!» перед Домом правительства бушевал многотысячный митинг, стоило лишь пролиться крови, как генсек тут же от всего открестился и громогласно поклялся, что никому указаний никаких не давал. Верховное командование без зазрения совести предало свою армию и спецслужбы; крайним решено было сделать тогдашнего командующего Северо-Кавказским военным окру-

гом Игоря Родионова (будущего российского министра обороны), хотя его вина заключалась лишь в точном исполнении приказов.

Тбилисские события во многом стали причиной скорого прихода к власти националиста Гамсахурдиа; гибель 16 демонстрантов послужила предметом бесчисленных политических спекуляций, на которых сделали себе карьеру не только грузинские, но и многие российские демократы—в первую очередь Анатолий Собчак.

Именно Собчак возглавил специально созданную в Верховном Совете СССР комиссию, которая пришла к выводу, что во всем виновата армия, рубившая-де мирных грузинских старух саперными лопатками; любые попытки доказать ему обратное в расчет не принимались.

Между тем—сегодня это уже известно окончательно—вся история с саперными лопатками была выдумана от начала и до конца; первым запустил ее Эдуард Шеварднадзе. Первый зампред КГБ СССР Филипп Бобков однозначно утверждает:

«От лопаток не погиб ни один человек, и даже раненых лопатками не было. Погибли все от удушья, от давки в толпе. Когда Шеварднадзе выступил с этими лопатками, я ему сказал, что он находится в большом заблуждении. А он: "Как заблуждение? Вот говорят люди". Я ему: "Хорошо, тогда покажем кинофильм, который снят на площади во время этой давки."—"Какой кинофильм? А кто вам дал право снимать?" Я ответил, что это—наша обязанность документировать такого рода события, иначе мне сейчас и разговаривать было бы не о чем... Но тем не менее версию лопаток поддержали, она дошла до Съезда народных депутатов СССР. И остался один генерал Родионов, который смело доказывал, что это не так.

Когда комиссия Собчака закончила свою работу, я позвонил ему и сказал, что хотел бы свидетельствовать комиссии. Собчак ответил: "Нет, мы завершили работу. У нас полная ясность". Ему нужны были лопатки для компрометации армии. И не только ему».

Такая же точно ситуация повторилась и в Риге, и в Вильнюсе, где в январе 1991-го по приказу Горбачева «Альфа» и десантники взяли штурмом ряд жизненно важных объектов: телецентры, дома печати, телеграф. После того как Запад решительно осудил действия Москвы,—обе палаты американского конгресса потребовали, например, от Буша ввести против СССР экономические санкции, да и сам Буш весьма прозрачно намекнул, что «если ситуация не изменится, то наши торговые отношения будут отброшены назад»—Михаил Сергеевич по привычке честно захлопал ресницами и быстренько изрек, что знать ничего о случившемся не знает.

С этой минуты судьба страны была предрешена; августовский путч лишь ускорил этот процесс полураспада.

Между прочим, сразу вслед за августовскими страстями многие с удивлением отметили странную схожесть московского путча с недавними прибалтийскими волнениями. Кое-кто и вовсе назвал январский микропутч в Вильнюсе—репетицией августа.

В этих событиях, действительно, было немало странностей, причина которых непонятна и по сей день. Ну, например.

Вопреки устоявшемуся представлению, что начало беспорядкам было положено Горбачевым, пославшим в Литву спецназ и десантуру, обстояло все совсем иначе. В реальности—поводом для волнений стали неподдаю-

щиеся объяснению шага новой литовской власти — конкретно спикера Ландсбергиса, который поднял цены на продукты питания аккурат в день православного Рождества.

Дальше начало твориться что-то совсем удивительное. Кем-то умело организованная толпа ринулась на штурм парламента, причем охраны там почему-то не оказалось: ее сняли именно в этот день. А вместо того чтобы выйти к митингующим и хоть что-то внятно им объяснить, литовские функционеры принялись поливать толпу горячей водой из окон. В ответ в стекла парламента полетели заранее припасенные камни, кем припасенные и для чего — тоже не ясно.

И хотя повышение цен спешно было отменено, беспорядки на том не закончились. Толпа потребовала отставки правительства и введения в Литве прямого правления Москвы. В свою очередь, Ландсбергис призывает своих сторонников встать на защиту демократии, и на смену одной, пророссийски настроенной толпе, к парламенту приходит другая — пролитовская.

«То, что провокация была заранее спланирована, — свидетельствует по этому поводу непосредственный участник и очевидец событий, член бюро ЦК Компартии Литвы Юозас Ермолавичюс, — подтверждают многие факты. Когда обострилась ситуация, вызванная резким повышением цен, в Вильнюс еще за два-три дня до трагического 13 января понаехала масса зарубежных представителей, журналистов. Они заходили даже в здание ЦК. Некоторые в разговорах наивно спрашивали: "Почему не выполняется план?" Видимо, речь шла о плане январских событий, отрежиссированных за рубежом».

Тем временем местные коммунисты и некий Национальный комитет спасения Литвы обращаются к Горбачеву с аналогичным обращением; распустить парламент и ввести свое правление. Горбачев отвечает согласием.

В Вильнюс входят военные и спецназ, которые быстро занимают печатный комбинат, телеграф, телецентр, Дом печати, Департамент охраны края. Им пытаются противостоять собранное Ландсбергисом ополчение. В результате 14 человек, в том числе лейтенант «Альфы» Виктор Шатских, погибают.

Дальнейшее уже известно: Горбачев от своих приказов отказывается; войска бесславно покидают Литву; местная компартия с позором распускается. И—наконец—власть окончательно и бесповоротно переходит в руки Ландсбергиса, Прунскене и их бесчисленных американских советников, коих в штате аппарата Верховного Совета числилось тогда уже в избытке.

(Одним из них был, например, некий американец литовского происхождения Андрис Эйве, профессиональный военный разведчик, имевший за плечами опыт инструкторской работы в Афганистане. Именно Эйве принимал участие в организации столкновений боевиков «Саюдиса» с «оккупантами».)

Неправда ли, довольно странная получается картина? Такое чувство, что Москву специально провоцировали на жесткие действия, дабы втянуть в провокацию, а затем вынудить к капитуляции.

А почему бы, собственно, и нет? Все, что произошло зимой 1991-го в Литве, многократно повторится потом — хоть и в других деталях—и в иных недавних союзных республиках.

У тех, кто готовил сценарии отторжения от России ее

исконных территорий с воображением и смекалкой все было в порядке...

3. Тупик генерала Дудаева

Отделение Прибалтики — было лишь началом гигантского камнепада. Территория страны съезживалась на глазах, точно кусок шагреновой кожи; и конца края этому не было видно.

Несмотря на итоги мартовского общесоюзного референдума, когда абсолютное большинство высказалось в поддержку единого государства, августовский путч перечеркнул все старые договоренности. Собственно, договариваться стало не с кем и не о чем; каждый из национальных лидеров мнил себя уже политиком планетарного масштаба. Местечковые амбиции напрочь заслоняли здравый смысл, а Запад лишь радостно хлопал в ладоши. («Очень хорошо, что Советский Союз не цепляется за территории, захваченные силой», — восторгалась публично железная Маргарет Тэтчер, та самая, объявившая некогда, что «демократия подкрепляется силой».)

Напрасно Горбачев метался, точно Васисуалий Лоханкин возле горящей Вороньей слободки; все уже было предрешено. Попытки подписать союзный договор и создать новое федеративное государство так и остались навсегда утопией.

На сей раз роль детонатора играла уже не Прибалтика,

а братская Украина. 15 октября в одностороннем порядке Киев отказался от всех своих прежних обязательств—в частности, от подписания договора об экономическом союзе. И хотя Горбачев пытался еще хорохориться, утверждая, что «Союз возможен и без Украины», исход ситуации был понятен уже наперед.

Бытует убеждение, что смертный приговор державе был вынесен 7 декабря в Беловежской пуще Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем. Это верно только отчасти.

В действительности славянские лидеры лишь констатировали клиническую смерть; де-факто же—наступила она еще раньше, и вновь не без участия Запада.

Ключевым моментом в судьбе страны стало признание американцами украинской незалежности; что показательно—случилось это еще за несколько дней до проведения в республике соответствующего референдума. Единства в этом вопросе у Белого дома поначалу не наблюдалось; *умеренные* считали разумным дождаться официальных итогов волеизъявления; *ястребы*, непризнанным лидером которых считался министр обороны Дик Чейни, требовали, наоборот, ковать железо, пока горячо.

(«Дик хотел развала Советского Союза,—откровенно признается бывший госсекретарь Джеймс Бейкер,—он видел в Украине ключ к этому и полагал, что, если Америка поспешит с признанием, украинское руководство будет более настроено в пользу положительных отношений с нами».)

В итоге—верх взяли *ястребы*.

Референдум был назначен на 1 декабря. Но уже 27 ноября президент Буш объявил, что США намерены признать независимость Украины и незамедлительно вступить с ней в прямые дипломатические сношения; для Горбачева, все

еще продолжавшего умильно взирать на Запад через розовые очки, такое вероломство вновь стало полной и убийственной неожиданностью.

(Впрочем, и руководство российское поначалу тоже не понимало, как реагировать на происходящее. Встретив государственного секретаря Бейкера на международной конференции в Будапеште, ельцинский министр Козырев принялся жалобно дергать его за пиджак: «Что же нам делать?» «Я сказал ему, что у России нет выбора, — вспоминает Бейкер в мемуарах. — Если Украина проголосует за независимость, Россия должна это признать или вступить на путь долгой политической борьбы, которую Россия не может выиграть и которая нанесет России огромный ущерб».)

Украина за независимость дружно проголосовала. Через три дня Ельцин, по совету Бейкера, ее признал, тем самым навсегда отказавшись от любых территориальных притязаний, даже на исконно русские Крым и Донбасс. Для США это стало настоящим триумфом. Непрístupная крепость окончательно пала к ногам Запада.

Но оттого, что Советский Союз приказал долго жить, угроза распада России совсем не уменьшилась; дурные примеры, известно, заразительны. Лихорадка независимости перекинулась теперь и на внутрироссийские автономии; у каждой ведь имелся собственный национальный лидер, которому тоже очень хотелось обрести самостоятельность со всеми вытекающими отсюда последствиями: охрана, обслуга, бюджет; деньги, в конце концов.

Ничего нового; в отечественной истории подобное бывало уже не раз. Как только центральное княжество, объединявшее славянские земли, ослабевало, моментально начинались братоубийственные войны и парад суверенитетов в лице удельных княжеств.

Огонь сепаратизма начал охватывать и совсем уж мирные регионы; в 1993 году, например, руководство Свердловской области объявило о создании Уральской республики, которая даже приняла конституцию и напечатала собственную валюту — уральские франки. О желании отделиться от России почти в открытую заговорил не только Урал, но и другие территории.

И все же главную головную боль доставлял центру, разумеется, Кавказ. Уже осенью 1991-го от России де-факто отделилась Чечня, в 1992-м запылала война между Осетией и Ингушетией, начались волнения в Кабардино-Балкарии.

Собственно, другого ждать не приходилось; если уж меланхоличные чухонцы полезли на баррикады, что говорить про горячих абреков, у которых воинственность впитана с молоком матери, а острый кинжал служит элементом национального костюма.

Это была далеко не первая попытка разыграть кавказскую карту; вековые противоречия мусульман и христиан исстари использовались нашими врагами, свято следующими нехитрому принципу: разделяй и властвуй.

Еще в 1830 году — в самый разгар горских войн — британским лордом Пальмерстоном был разработан проект создания Конфедерации северокавказских народов, само собой — под патронажем Лондона, но никак не Петербурга.

Чуть позже, в 1918 году, эту концепцию едва не воплотят в жизнь — под присмотром лорда Керзона, инициатора знаменитого антироссийского ультиматума; тогда была предпринята попытка учреждения подконтрольной англичанам Горской республики, которая включала бы в себя территорию Абхазии, Дагестана, Чечни, Осетии, Кабарды и Адыгеи.

Нельзя не вспомнить и о том, что при взятии Кавказа немцы тоже делали основную ставку на мусульманское население. Созданное в Чечено-Ингушетии еще до их прихода бандподполье готово было выдвинуть против большевиков 25 тысяч штыков.

Впрочем, подлинный расцвет этой стратегии пришелся на конец 1970-х — начало 1980-х годов, когда американские и английские власти вступили в наиболее активную фазу тайной войны против СССР.

Специалистами Королевского азиатского общества, Оксфордского университета, Института исследований Востока и Азии, а также аналитиками МИ-6 была создана концепция «северокавказской части южной дуги напряженности». Суть ее очень коротко определил британский разведчик Бернард Льюис: дестабилизация обстановки в Советском Союзе путем провоцирования исламского недовольства на Кавказе и в Средней Азии.

И вот теперь концепция эта начала реализовываться на практике...

У чеченской войны было множество причин. Перечислять их можно долго; не последнюю роль сыграла здесь, конечно, и очевидная глупость российского руководства, которое собственными руками выпустило джинна из бутылки, а потом не сумела запихать его обратно.

Все годы, пока дудаевский режим существовал, он умело поддерживался из Москвы — федеральными траншами, нефтедолларами, оружием. Достаточно сказать, что вплоть до ноября 1994-го Чечня совершенно официально получала от российского правительства квоты на прокачку нефти, хотя ни единого рубля в казну потом не возвращалось, а обретенную нефть Дудаев преспокойно продавал за рубеж.

Бред какой-то — по-другому и не скажешь. То есть в Генштабе полным ходом разрабатывался уже план военной операции, российские самолеты бомбили чеченские города и веси. И в то же самое время наше «черное золото» продолжало идти в Чечню, подпитывая не потенциально — какое там — самого что ни на есть прямого врага, против которого завтра выдвигаться в поход.

Созданная еще в 1995 году Комиссия Госдумы по расследованию причин и обстоятельств возникновения кризисной ситуации в Чеченской Республике (ее возглавлял Станислав Говорухин) долго пыталась найти ответ на эту загадку. И, в общем, нашла.

В облике главного защитника несчастных чеченцев был опознан Егор Гайдар — лидер либералов-реформаторов, вождь Демвыбора России, а затем сопредседатель СПС. Именно к нему, как установила комиссия Говорухина, лично (и безуспешно) обращался за выделением экспортных квот Дудаев.

Когда Гайдара пригласили на заседание думской комиссии, он без запинки объяснил, что остановить поставки было физически невозможно.

«Грозненский НПЗ — это крупнейшее нефтеперерабатывающее предприятие юга России, — читал Гайдар ликбез депутатам. — В этой связи разом перекрыть нефтяной кран означало, ну скажем, по меньшей мере оставить Краснодарский край и Ставрополье, и Северный Кавказ без топлива к посевной... Поэтому мы постепенно сокращали поставки нефти на Грозненский НПЗ по мере того, как отрабатывались другие схемы снабжения...»

В действительности аргумент этот не выдерживает никакой критики. На фоне всей нефтедобычи страны грозненская нефть занимала очень незначительную часть: при-

мерно десятые доли процента. Если б грозненское производство было остановлено, это практически никак не сказалось бы на общей ситуации, и уж тем более на посевной, о которой столь трогательно заботился пухлощекий Егор Тимурович. Но зато — больно ударило б по карману боевиков, ибо «Чечня получила от продажи нефти и нефтепродуктов за границу в 1992-1993 годах миллиарды долларов США» (цитата из итогового заключения думской комиссии).

Впрочем, не будем отвлекаться, тем более Гайдар был отнюдь не единственным из российских либералов, кто питал странную приязнь к дудаевскому режиму; в числе поклонников неистового Джохара в разное время успели отметить и Галина Старовойтова, и Сергей Ковалев. А уж про Константина Борового и говорить нечего — Дудаева накрыло ракетой аккурат в тот момент, когда дружески беседовал он с ним по телефону.

Да, все было так — без поддержки Москвы чеченского анклава никогда не появилось бы, он не смог бы окрепнуть, превратиться в гнойник на теле России. Но и закрывать глаза на участие в этом наших внешних врагов тоже совсем не следует.

Чеченскую карту пытались разыгрывать все, кому не лень: и Запад, и Восток. Причем участие и первых и вторых явно не ограничивалось одной только моральной поддержкой; неслучайно сразу после развала СССР правительство США объявило Кавказ зоной своих стратегических интересов.

Уже летом 1992-го в Чечню состоялся визит доверенного лица президента Клинтон Дианы Роузен; годом позже она встретится с Дудаевым еще и в Париже. О чем договаривались высокие стороны, доподлинно неизвестно,

однако весной 1995-го тогдашний командующий объединенной группировкой федеральных войск Анатолий Куликов объявил, что среди трофейных документов, найденных в архиве Дудаева, есть бумаги, подтверждающие официальное согласие США предоставить Чечне заём на 10 миллионов долларов.

Чуть позже, в апреле 1997-го, в Вашингтоне была зарегистрирована международная торгово-промышленная палата «США-Кавказ», во главе которой встал полевой командир Хож-Ахмед Нухаев, ранее судимый за вымогательство и бежавший из России в Чечню накануне очередного ареста. Вместо тюремной камеры Нухаев обрел на родине кресло первого вице-премьера правительства Ичкерии.

Что характерно — в одной команде с бывшим уголовником засветились люди весьма уважаемые: пост вице-президента ТПП занял близкий к экс-президенту Бушу Фредерик М. Буш, а группу экспертов возглавил бывший директор Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) Жак Аттали.

Такая же удивительная смычка чеченских боевиков с западным истеблишментом наблюдалась и в Великобритании. Осенью 1997-го там тоже была создана похожая структура — Кавказский инвестиционный фонд. Среди его учредителей, помимо вышеупомянутого Нухаева, значились близкий друг Маргарет Тэтчер лорд Алистер Макальпайн и глава компании «Перегрин Инвестментс Холдингс» Фрэнсис Пайк. В честь учреждения этой компании, которая планировала заняться масштабными инвестициями в экономику Чечни, в Лондоне был дан даже торжественный обед; устраивала его семья покойного лидера консервативной партии сэра Голдсмита, а главным гостем стал бандит Нухаев.

Во многих европейских столицах представители самопровозглашенного правительства Ичкерии принимались властями по самому высшему разряду; достаточно вспомнить аудиенции, оказываемые до сих небезызвестному Ахмеду Закаеву. Осенью 1999 года, сразу после начала второй чеченской кампании, глава французского МИД Юбер Ведрин провел официальные переговоры с неким Ильясом Ахмадовым, называющим себя министром иностранных дел ЧРИ. Их randevу прошло ни много ни мало — в зале Национального собрания Франции, после чего прямо в том же зале Ахмадов дал помпезную пресс-конференцию. Аналогичных почестей удостоился и масхадовский эмиссар Майрбек Вагичгаев, которого, в свою очередь, принимали британские власти.

Хотел бы я посмотреть, как отреагировал тот же Лондон, пригласи Грызлов в Госдуму кого-то из лидеров Ирландской республиканской армии. Или если бы выяснилось вдруг, что российские спецслужбы ведут теснейшее сотрудничество с боевиками ИРА, красными бригадами или испанскими басками.

А ведь примеров противоположных имелось в избытке. Скажем, в 2000 году в контрразведку пришел с повинной прапорщик Василий Калинин, который признался, что был завербован в 1993-м американской разведкой; причем к сотрудничеству его привлекли прямо в тренировочном лагере для боевиков, где американцы чувствовали себя, как дома.

Впоследствии этот самый Калинин — дезертир, бежавший к чеченцам еще в 1991-м — был внедрен в разведотдел 20-й мотострелковой дивизии, откуда пачками таскал американцам секретные документы.

А громкий скандал вокруг английской «благотворительной некоммерческой организации» Hello Trust? Под видом

«благотворительности» волонтеры Hello Trast ездили в Чечню якобы для помощи в разминировании, но на деле занимались прямо обратным: подготовкой подрывников. По данным ФСБ, выпускники спецшколы Hello Trast были причастны к организации взрывов жилых домов в Москве, Волгодонске и Буйнакске.

Вообще, добрая часть всех этих бесчисленных благотворителей и миротворцев, которые десятками мотались тогда в Чечню, при ближайшем рассмотрении оказывались самыми натуральными бандпособниками.

Взять хотя бы знаменитую международную контору «Врачи без границ». Бывший министр внутренних дел Анатолий Куликов свидетельствует, что «помощь, которую оказывала чеченским боевикам эта организация, носила несколько специфический характер и не всегда ограничивалась собственно медицинской помощью». В качестве иллюстрации генерал приводит конкретный случай, когда под видом гуманитарного груза «врачи» пытались доставить чеченцам радиостанции, их-то уж точно — с пилюлями и микстурами не спутаешь.

Не менее враждебно вели себя и миротворцы из ОБСЕ, активность которых всякий раз возрастала прямо пропорционально успехам российских войск. Формально группа содействия ОБСЕ, возглавляемая Тимом Гульдманном, должна была способствовать мирному решению кризиса и помогать чеченцам в развитии демократических институтов. Фактически же — она неприкрыто отстаивала интересы боевиков.

Прочитую — для наглядности — официальное письмо полпреда российского правительства в Чечне Николая Федосова, отправленное в начале 1996 года тогдашнему министру иностранных дел Примакову:

«Полагаем, что координирующая роль Группы содействия ОБСЕ идет не на пользу эффективному взаимодействию органов федеральной власти и правительства ЧР с международными организациями...

Приоритеты и частота их встреч отдает явным предпочтением дудаевской стороне, а в контактах с представителями федеральных властей и ЧР они предпочитают придерживаться чисто потребительских принципов, которые зачастую идут вразрез с поставленными перед ними задачами...

Все это позволяет сделать вывод, что вместо проведения миротворческой миссии нынешний состав Группы содействия ОБСЕ осуществляет политическую деятельность продудаевской направленности. Это в свою очередь дает ей возможность оказывать давление на российскую сторону с использованием международных организаций, средств массовой информации и иметь легальный канал проникновения в ЧР информации и различных пропагандистских материалов».

Сегодня уже документально известно, что за спиной Москвы руководители ОБСЕ вели сепаратные переговоры с лидерами боевиков. Председатель ОБСЕ норвежец Кнут Воллебэк и другие официальные лица неоднократно встречались с Масхадовым, Махашевым, Ахмадовым, поддерживали с ними переписку. Российские власти в известность об этом, ясное дело, не ставились.

Публичная позиция Запада заключалась в том, что Чечня—это не внутреннее дело России, а усмирение террористического анклава—есть не что иное, как война с мирным населением. (Посему кроме, как «повстанцами» дудаевско-масхадовских боевиков на Западе не называли; так и в газетах писали, и в официальных докладах именовали.)

Почему нам отказывалось в праве наводить порядок в своем собственном доме — так вопрос даже не стоял. Да и кто, собственно, мог его поставить, если у власти находились тогда сплошь сторонники либеральных ценностей вроде лучшего друга американцев министра Козырева. Любая попытка России заявить о своем суверенитете разом наталкивалась на поток неприкрытых угроз: ах вы так! значит, не пустим в Евросоюз, в Большую Семерку, НАТО; остановим кредиты и транши.

Во многих странах совершенно легально, не таясь, действовали общественные организации, ставящие своей задачей помощь свободолюбивому народу Ичкерии. В польском Кракове, например, все годы войны ударно работал Чеченский информационный центр, где готовились различные пропагандистские акции, верстались радиопередачи и фильмы, шел сбор благотворительных средств, отправляемых затем на Кавказ. (Странно, что не в самой Варшаве; еще в 1994-м году, на почве совместной нелюбви к России, польская столица официально стала побратимом Грозного.)

При активнейшей поддержке официальных властей в Турции функционировали Комитет солидарности с Чечней, Комитет солидарности с народами Кавказа и даже правительство Чечни в изгнании, которые — цитирую заключение думской комиссии Говорухина — «являлись центрами по финансированию дудаевского режима и поставкам вооружений в Чечню».

И далее: «По имеющимся данным, с января по апрель 1995 года по линии этих комитетов с помощью спецслужб Турции было передано около 700 тысяч долларов США».

Коли уж речь зашла о Турции, сказать о ней следует отдельно. Стараниями туристических агентств, эта стра-

на воспринимается сегодня как оазис гостеприимства и Мекка для отпускников. Ежегодно около миллиона россиян выезжает на турецкие курорты. Между тем все последнее десятилетие прошло под знаком необъявленной войны Турции против России.

Десятки засланных к нам шпионов и агентов. Тренировочные базы боевиков. Чеченские бандиты и исламские экстремисты под «крышей» турецкой разведки. Организация терактов. Захваты воздушных и морских судов. Похищения людей. Вербовки российских граждан с применением психотропных средств. Все это — новое лицо пантюркизма, опаснейшего явления, о котором знают у нас, к сожалению, единицы.

«Пантюркизм, — читаем мы в Большой Советской Энциклопедии, — национал-шовинистическая буржуазная идеология, согласно которой все народы, говорящие на тюркских языках и прежде всего турки-мусульмане, являются якобы одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое государство».

«Народы, говорящие на тюркских языках», — это в первую очередь народы России; на территории бывшего СССР проживало 25 тюрко-язычных национальностей общей численностью 50 (!) миллионов; то есть без малого каждый шестой.

Турки — это вся Средняя Азия, больше половины Кавказа, Татарстан, Башкирия, Чувашия, Тува, Алтай, Хакасия и даже... Якутия.

Возможно ли объединить их «под главенством Турции», не затрагивая самих территорий? Вопрос явно риторический. Турция задыхается сегодня от нехватки жизненного пространства — ежегодно население страны прирастает на 10 миллионов. У нее нет ни полезных ископаемых, ни энер-

горесурсов; а у российских земель, где живут тюркские народы, их как раз с избытком; это тот редкий случай, когда идеология неразрывно сплетается с прагматичной геополитикой.

С начала 1990 годов идеи пантюркизма обрели второе рождение. На полном серьезе в Турции стали рассуждать о создании нового тюркского государства, разумеется, с включением в ее состав российских земель. И ладно бы это все ограничивалось лишь пустыми разговорами, нет же.

Такой активности, которую стали проявлять в России турецкие спецслужбы, в нашей истории просто не было; столь массовой заброски агентуры не происходило со времен Великой Отечественной.

Вся территория Турции оказалась покрыта сетью разведывательных и диверсионных школ, где курсантов обучали минно-взрывному делу, стрельбе из всех видов оружия, умению собирать информацию и соблюдать конспирацию.

В свое время я подробно занимался этой тематикой; мне даже посчастливилось общаться с выпускниками подобных заведений. Они прямо рассказывали, что на занятиях основная часть времени отводилась изучению России.

«В лагере нам постоянно вдалбливали, — свидетельствовал один из них, — что Россия вечный враг Турции, а российский Юг, в особенности Северный Кавказ, — это исконная турецкая земля. Что в прямом столкновении победить ее невозможно, поэтому подрывать надо изнутри...»

Ежегодно российские спецслужбы разоблачают засланных на нашу территорию агентов турецкой национальной разведслужбы МИТ (Milit Istihbarat Teskilati). Пик противостояния пришелся на 2000 год, когда было арестовано

шесть шпионов сразу. Все они имели самые разные задания. Один — некто Хусейн Оджал — должен был организовать масштабную акцию по дискредитации России на мировом рынке вооружений. Другая — Несрин Услу — пыталась завербовать сотрудника ФСБ. Третий — Ильхан Думан — сам пытался внедриться в агентурный аппарат контрразведки.

Крайне показательна история отставного сотрудника турецкой военной разведки Талата Генча и гражданского агента МИТ Махмуда Я. (его фамилию спецслужбы не разглашают, поскольку шпион пошел на сотрудничество). После ареста они признались, что по заданию МИТ должны были создавать на Кубани тюркоязычные и мусульманские объединения: из месхетинцев, курдов, черкесов. В дальнейшем, по замыслу разведки, через эти объединения следовало провоцировать межнациональные распри, дестабилизировать обстановку, из особо доверенных людей формировать боевые группы. В час «X» — если в крае вспыхнули бы волнения — они должны были вступить в бой.

(Цитата из показаний Махмуда Я. на допросе в ФСБ:

«— Пришли два человека. Один — Али, другой — Мохамед. Они представились сотрудниками МИТ. Сказали: "Ты можешь организовать общины турок-месхетинцев? Мы тебе дадим товары, экономическую поддержку организуем. Возьми работу, создавай себе группировку. Можешь это делать".

— *Что значит группировку? Для чего?*

— Создавать общины и мощность сил. То есть когда нужно создавать хаос или что-то».)

При этом и Махмуд Я., и большинство других арестованных агентов прямо свидетельствовали о теснейшей свя-

зи турецкой разведки с пантюркистскими, полуфашистскими организациями — такими, например, как «Серые волки». Она была создана в 1948 году бывшим агентом нацистской разведки А. Тюркешом и получила широкую известность после организации серии терактов против левых политиков и лидеров курского движения.

Не менее питательной средой для турецких спецслужб стали и многочисленные комитеты солидарности с Чечней и Кавказом; собственно, они и действовали-то всегда под крышей разведки.

Едва ли не с самого момента зарождения чеченского анклав, генерал Дудаев не переставал чувствовать на себе заботливую длань Анкары. Первая партия оружия была доставлена из Турции в Чечню еще в ноябре 1991 года, под видом гуманитарной помощи. Впоследствии — эта *гуманитарка* станет поступать сюда регулярно. Кроме оружия турки помогали чеченцам экипировкой (значительная часть боевиков носила камуфляж турецкого спецназа), радиостанциями, телевизионным и радиолокационным оборудованием. С началом первой войны в Турции будут проходить лечение раненые боевики, а здоровые — боевую подготовку в специальных лагерях.

Неслучаен, наверное, тот факт, что после гибели Дудаева его имя было увековечено в названиях турецких улиц и площадей: только в одном Стамбуле насчитывается сегодня шесть улиц и два парка, названных в честь чеченского президента.

(По этой топонимике, к слову, очень легко изучать подлинное отношение того или иного государства к нашей стране. Помимо Турции, улицы Дудаева имеются в Риге, Вильнюсе, Каунасе, Львове, Варшаве; таблички на стенах домов выглядят гораздо красноречивей любых высокопарных слов.)

Анкаре была выгодна дестабилизация обстановки на Кавказе; чем слабее будет Россия, тем легче станет с ней разговаривать.

В апреле 1995 года при переходе административной границы Чечни с Дагестаном пограничники задержали гражданина Турции Исхака Касапа. У него были найдены документы на разные имена, видеоаппаратура и большая сумма в долларах.

Долго отпираться Касап не стал. На допросе он признался, что является членом Чечено-Кавказского комитета солидарности и агентом МИТ. По заданию разведки был заброшен в Чечню, дабы установить прямой канал связи между Дудаевым и Анкарой, для чего его снабдили комплектом аппаратуры космической шифрованной связи.

В лагере Дудаева он проработал четыре месяца, ежедневно общаясь с президентом непризнанной республики. (При обыске у него даже изъяли видеокассеты, на которых шпион был запечатлен в обнимку с неистовым Джохаром.) За это время Касап регулярно выходил в эфир, передавая в анкарский разведцентр МИТ информацию самого разного содержания.

Вот лишь небольшой перечень сообщений, отправленных им с января по апрель:

- запрос о выделении боевикам материально-финансовой помощи;
- запрос о направлении Дудаеву пятнадцати радиостанций;
- о возможности ударов ракетными системами «Скад» по российским городам;
- о направлении в Чечню очередной партии наемников.

Одного этого было вполне достаточно, чтобы объявить Турции ноту протеста, а то и вовсе разорвать с ней дипло-

матические отношения. Не объявили. Не разорвали. Даже больше: после того, как в декабре 1995-го контрразведка взяла с поличным турецкую агентессу Виждан Шанслы, пытавшуюся завербовать сотрудника Краснодарского УФСБ, в Москву мгновенно примчался директор МИТ Сенмез Кёксал и умолил выпустить шпионку домой без суда и следствия. Кёксал обещал, что ноги его людей не будет больше на российской земле; с этого момента-де «в истории наших отношений с Россией открывается новая страница».

Недорого же стоили эти клятвы...

...9 января 1996 года банда Салмана Радуева ворвалась в дагестанский город Кизляр. Со времен буденовского рейда Басаева это была вторая по масштабности акция чеченского устрашения.

Через день, правда, Радуеву из Кизляра пришлось уйти; прикрываясь заложниками, точно живым щитом, боевики отступили к селению Первомайское. Но в тот самый момент, когда федеральные силы взяли банду в кольцо, 16 января, в турецком Трабзоне прогремел новый теракт; группа вооруженных террористов захватила паром «Аврасия», готовящийся к отплытию в Сочи. Выдвинутые этими людьми условия не оставляли сомнений в их причастности к кизлярским событиям. Они требовали прекратить чеченскую войну и выпустить заблокированных под Первомайским радуевцев, угрожая в противном случае взорвать паром со всеми пассажирами (преимущественно — россиянами).

Трое суток длился этот кошмарный дрейф. Террористы добились своего: весь мир заговорил об «Аврасии» и Чечне, а глава миссии содействия ОБСЕ на Кавказе Тим Гульдманн открыто попытался связать воедино условия ос-

вобождения трабзонских заложников с предоставлением коридора в Первомайском.

Лишь 19 января, уже после того как Радуев прорвался из окружения, террористы сдались наконец властям. По официальным данным, арестовано было девять человек, все они являлись гражданами Турции чеченского и абхазского происхождения, в том числе главарь банды Мухамед Токджан, участник войны в Абхазии и личный друг Шамиля Басаева.

Позднее, однако, выяснилось, что отнюдь не все участники штурма оказались задержаны. Как минимум двоим террористам удалось скрыться; произошло это при молчаливом согласии спецслужб; по-другому и быть не могло, ибо и порт, и вся акватория с началом штурма были сразу же заблокированы. А еще — потому, что оба этих беглеца являлись кадровыми сотрудниками турецкой разведки. (Одного из них звали Эргюн Кылычаслан, в Анкарском управлении МИТ он руководил центром по подготовке спецназа «Силиври». Второй был известен под именем Щюкрю.)

Кылычаслана опознали потом многие пассажиры «Аврасии» и даже вспомнили, что он постоянно вел связь по радиации с полицейскими кораблями, окружившими паром. Перед тем как «Аврасия» сдалась властям, Кылычаслан был снят с нее катером без опознавательных знаков.

Нет никаких сомнений, что захват российского парома проходил под контролем и при активнейшем участии турецких спецслужб. Об этом свидетельствуют и странные обстоятельства самого захвата: когда теракт начался, в порту мгновенно погас свет, а все находившиеся поблизости полицейские и таможенники испарились.

Да и судьба арестованных террористов тоже чего-то да значит. Несмотря на жесточайшее турецкое законодательство, все они были приговорены к минимальным срокам наказания — 8 лет (прокурор на процессе и вовсе требовал оправдать их вчистую). А уже через полгода четверо из осужденных во главе со своим предводителем Токджаном странным образом сумели сбежать. (Это при том, что сидели они в самой страшной турецкой тюрьме «Имралы», расположенной на острове, в 11 километрах от берега.) Если же добавить, что в розыск их объявили лишь спустя десять часов после того, как побег обнаружился, а пятеро остальных участников теракта в скором времени будут амнистированы, все окончательно становится на свои места...

И еще один момент, напоследок. В июне 1999 года на посту «Псоу» при переходе российско-грузинской границы нашими пограничниками были задержаны двое турецких граждан. При них было найдено подозрительное письмо, адресованное некоему жителю Абхазии Хамзату Гитцбе. В конверте лежало также две фотографии.

Как выяснилось позднее, это послание было написано террористами с «Аврасии» Эртан Джушкуном и Седатом Темизом, еще находившимися тогда в заключении.

Цитирую:

«До нашего освобождения осталось 3 месяца. Мы все вместе, и все у нас хорошо. Много надо сделать на свободе. Но мы упорствуем, готовимся перед освобождением. Нам необходимо оружие, особенно если ты найдешь маленькие из 5,45-х (5,45 — калибр автомата. — *Авт.*). С Шамилем (напомню: большинство террористов участвовали в абхазской войне вместе с Шамилем Басаевым. — *Авт.*) видишься? Мы никаких новостей не получаем. Ендер один

раз искал, сказал, что у него все хорошо. Готовятся к акции за весь Кавказ. Короче, это лето будет горячим.

P.S. Здесь тоже может начаться война. Для этого и необходимо оружие. Мы можем это сделать? Сюда перевезти мы можем? Если скажешь "да", то я туда кого-нибудь пошлю...»

Террористы не вдали. Лето 1999-го на Кавказе выдалось действительно жарким. В августе чеченские боевики напали на Дагестан.

4. В рай по трупам

8 августа группы боевиков во главе с Басаевым и Хаттабом вторглись на территорию Дагестана. Так началась вторая чеченская кампания.

Об истоках и причинах этой войны написано-переписано масса всего, но главный вопрос почему-то постоянно остается за кадром: так чего же, собственно, добивались чеченские сепаратисты?

А добивались они одного: создания единого исламского государства, куда войдет не только Чечня и Дагестан, но и весь Кавказ. По их замыслу, с момента вторжения в Дагестан пламя священной войны должно будет мгновенно охватить все горские республики, и России волей-неволей придется тогда отступить. Еще за полгода до нападения на конгрессе «Исламская нация» Хаттаб объявил, что будущая война закончится лишь при одном-единствен-

ном условии — если Россия признает независимость будущего шариатского государства и полностью выведет с Кавказа свои войска.

Идея эта была не нова, о чем подробно поведано выше. Первый президент Ичкерии Джохар Дудаев тоже страстно мечтал о чем-то подобном; в его грезах новое государство должно было носить гордое название Большая Чечня и вбирать в себя Дагестан, Адыгею, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию и Ингушетию.

В последнее время принято изображать лидеров боевиков какими-то одержимыми маньяками и безумными, слепыми фанатиками в духе голливудских кинокомиксов. Оно, конечно, лучше, нежели первоначальный, слепленный нашими и западными журналистами образ борцов за свободу (к слову, в дудаевском архиве будет найдена потом докладная записка начальника чеченского ДГБ Гелисханова на имя Дудаева: «Согласно Вашего распоряжения ДГБ ЧРИ в декабре 1994 года на оплату журналистов было израсходовано 1,5 /полтора/ миллиона долларов»). Но и от истины тоже довольно далеко.

При всем фанатизме и одержимости чеченских полевых командиров, были они людьми довольно прагматичными и свои расчеты строили отнюдь не в наркотическом бреду. За спиной у них надежным заслоном стояли международные фундаменталистские организации и даже правительства отдельных мусульманских стран. Да и сам Запад, который, казалось бы, не должен был поощрять террористов, тоже выказывал чеченцам странную благосклонность.

После того как российская армия и дагестанское народное ополчение отразило набег захватчиков, цивилизованный мир принялся демонстрировать удивительную озабо-

ченность. Не самым нападением, нет, об этом никто даже и не заикался—ответными ударами, которые принялась наносить наша армия по базам террористов.

Уже в сентябре 1999-го—и месяца не прошло—Европарламент и Евросоюз в весьма резкой форме осудили военную акцию в Чечне. В октябре госсекретарь США Мадлен Олбрайт на встрече с российским коллегой Ивановым назвала происходящее «угрожающим и прискорбным», а президент МВФ Мишель Камдессю объявил, что «не намерен финансировать российские военные операции в Чечне и Дагестане». Аналогичное заявление сделал и Всемирный банк.

Почти одновременно официальный представитель госдепартамента США Джеймс Рубин обвинил Россию в нарушении Женевских конвенций, то есть в негуманности ведения боевых действий, а генсек НАТО лорд Джордж Робертсон заявил, что «присутствие российских вооруженных сил на Кавказе превышает существующие и планируемые ограничения, зафиксированные Договором об обычных вооруженных силах в Европе». В подтверждение серьезности своих намерений Совет министров обороны НАТО открыто пригрозил нам готовностью самостоятельно «обеспечить стабильность и региональную стабильность на Кавказе». (Понимай, как хочешь.)

В итоге дело чуть не дошло до исключения России из Совета Европы; для острастки права голоса в Парламентской ассамблее нас успели-таки превентивно лишить.

Представим себе такую картину: на ваш дом с оружием в руках напали бандиты. До тех пор, пока они бесчинствуют, это никого ровным счетом не тревожит. Но стоит вам оказать им адекватное сопротивление, как тут же со всех сторон накидываются на вас сердобольные соседи; это что

ж за варварство—бить живых людей; ну-ка немедленно отпустите несчастных пленников!

Послать таких соседей к черту—будет самым правильным. Или дожждаться, пока те же самые бандиты не придут к ним.

Россия выбрала вариант второй...

11 сентября заставило Запад всерьез призадуматься о происходящем. Особенно тяжело американцам было осознать, что Бен Ладен—целиком их творение; они подобрали его во время афганских событий, когда руками моджахедов воевали с Советами, дабы, по признанию Бжезинского, «втянуть советскую армию в Афганистан, сделать его вторым Вьетнамом».

(Евгений Примаков, человек, прямо скажем, многознающий, ясно пишет, что именно ЦРУ позволило Бен Ладену «открыть на американской территории два вербовочных пункта для пополнения рядов моджахедов», а также «приложило руку и к созданию международной террористической организации "Аль-Каида" с целью ее использования против СССР».)

До тех пор пока Штаты не испытали на собственной шкуре, чем чреват международный терроризм, они могли сколько угодно играть с огнем. Но отныне—всякие игры подошли к концу. Перед лицом смертельной угрозы миру пришлось объединяться. Тут-то вдруг и оказалось, что террористические организации действуют не поодиночке, и тот же Бен Ладен находится в теснейшей связке с чеченцами.

Насчет «вдруг оказалось»—это я, конечно, иронизирую; то, что чеченские бандформирования давным-давно обрелись под патронажем международных фундаменталистов, секретом ни для кого не являлось.

(Достаточно сказать, что за неделю до нападения боевиков на Дагестан Бен Ладен лично посетил военные лагеря Хаттаба в Введенском и Шалинском районах Чечни, где провел смотр частей и благословил соратников на святую войну. Да и само вторжение изрядно финансировалось из-за рубежа, в частности из Катара.)

Еще в октябре 1995 года, в итоговом отчете думской комиссии по расследованию причин чеченского кризиса, отмечалось:

«Помощь Чеченской Республике оружием оказывали и другие (помимо Турции. — *Авт.*) мусульманские государства, в частности Саудовская Аравия, Иордания, Иран, Афганистан и Пакистан... Хорошо налаженные связи с различными государствами ближнего и дальнего зарубежья позволяли дудаевцам осуществлять наем боевиков из Афганистана, Турции, Ирана, Иордании, Египта, Украины, стран Балтии, Азербайджана, Абхазии и других».

Отдельного упоминания заслуживает и приснопамятный ваххабизм — ответвление в суннитском исламе, ставящее своей целью очищение «истинной веры» от всего наносного.

Это реакционное, чисто людоедское движение, рожденное в Саудовской Аравии (его стержневым положением является джихад против отступников и неверных), начало экспортироваться к нам в 1990-е годы.

На арабские деньги повсеместно строились новые мечети, в которых специально обученные имамы призывали к созданию на Северном Кавказе независимого мусульманского королевства — Халифата. Из Пакистана, Саудовской Аравии, Египта, Арабских Эмиратов, Кувейта хлынули бурным потоком бородатые проповедники. Тысячи молодых россиян отправлялись на учебу в заграничные ислам-

ские заведения, чтобы вернуться назад уже ярыми борцами с неверными.

На Кавказе открыто действовали филиалы зарубежных исламских центров, включая зловещую организацию «Братья мусульмане». Особую активность проявляли они в Дагестане, где лидер местных ваххабитов Багаутдин Мохаммад напрямую заявлял, что республика «может оставаться в составе России, только если она станет мусульманским государством» и публично мечтал не только о походе на Махачкалу, но даже и на Москву. За деньги Саудовской Аравии функционировала откровенно террористическая Исламская партия возрождения, которой в дистанционном режиме руководил имам крупнейшей в Медине мечети Абдулгамид Дагестани.

Массовое насаждение ваххабизма происходило не только на Северном Кавказе, но и в таких, казалось бы, благополучных регионах, как Татарстан, Башкирия, Астрахань, Волгоград и даже Ямал. Нередки были случаи, когда мусульмане, исповедующие традиционный, просвещенный ислам, вытеснялись из руководства общин. Имели место попытки захвата мечетей.

Все это можно было бы, конечно, списать на обычные внутриконфессиональные разборки, кабы не одно «но»: в учебных исламских центрах будущие ваххабиты штудировали не только Коран, но и пособия по минно-взрывному делу.

Знаменитый Хаттаб — чеченец по национальности, иорданец по рождению и террорист по призванию — развернул по всей Чечне учебные ваххабистские лагеря, объединенные под эгидой некоего Исламского института «Кавказ». Только в одном селении Сержень-Юрт располагалось 7 лагерей, названных по именам инструкторов-пакистанцев («Абуджафар-ла-

герь», «Якуб-лагерь», «Абубакар-лагерь»); главный центр, как нетрудно догадаться, именовался «Хаттаб-лагерь»). В каждом из них грызли гранит науки до 100 человек.

Надо сказать, что с приходом Масхадова отношение официальных чеченских властей к Хаттабу и его друзьям Басаеву и Радуеву было неоднозначным, посему за их деятельностью плотно следила местная спецслужба СНБ. Впоследствии, когда Чечня вновь вернется в лоно России, а архивы СНБ попадут в руки ФСБ, выяснится, что в те же сержень-юртовские лагеря были внедрены многочисленные агенты масхадовской охраны; известны даже их клички — «Мюрид», «Бедуин». Агенты регулярно информировали СНБ о том, что творится внутри; полагаю, данным этим нет оснований не доверять.

Вот, например, перечень учебных дисциплин, преподававшихся в этих *воскресных школах*: партизанские методы войны, обращение со стрелковым оружием; подготовка диверсантов и минеров-проводников; подготовка специалистов по тяжелым боевым вооружениям; подготовка специалистов идеологической войны.

Всего за время своей *просветительской* деятельности Исламский институт «Кавказ» успел подготовить несколько тысяч террористов-смертников, готовых отдать жизнь во имя великого мусульманского государства — «от Каспийского до Черного морей».

Как ни странно, российские власти — до поры до времени — опасности ваххабизма не замечали. В отдельных регионах он даже всемерно приветствовался, ибо сопровождался обильным «золотым дождем». (Созданный в Татарстане на деньги Кувейта и Саудовской Аравии Всероссийский исламский университет активно, например, поддерживался местными духовниками.)

«Как быть, если "Камазами" завозят идеологическую литературу, а ты и брошюру не можешь отпечатать? — искренне возмущался такой слепотой верховный муфтий Дагестана Сайидмухаммед Абубакар. — Они вооружены, а у тебя только одно оружие — слово, убеждение, а у них "зеленые", без счета подбрасываемые из-за рубежа, а ты отделен от государства».

Вступать в пререкания с дагестанским упрямым ваххабитом не стали. В августе 1998-го ему попросту заткнули рот: в результате теракта Абубакар погиб. (Ликвидация неугодных мусульманских деятелей вообще была у ваххабитов в порядке вещей.)

А тем временем сторонники истинной веры готовились к грядущей войне. В 1997 году Салман Радуев подписал с руководством «Боевых отрядов джамаата Дагестана» соглашение о военной взаимопомощи. Своей целью они провозгласили отделение Кавказа от «Российской империи». Активно поддерживал ваххабизм и Басаев, называвший его «естественным поклонением Аллаху».

В Дагестане, на границе с Чечней, в селениях Чабанмахи и Карамахи, была создана так называемая Кадарская зона, объявившая о своей независимости. Ваххабиты выгнали из селений всех представителей государства, разоружили местную милицию и перекрыли все въезды-выезды, установив собственную охрану.

Самое поразительное, что никого это не ничуть не смутило; тогдашние руководители страны даже приезжали в Кадарскую зону с дружескими визитами, а потом изрекали во всеуслышание, что ничего страшного в ваххабизме нет: это, мол, «нормальные мужики». Аналогичную позицию заняла и комиссия при Ельцине по противодействию политическому экстремизму. На очередном ее заседании,

состоявшемся в июне 1998-го, после долгих дебатов было признано, что ваххабизм экстремистским течением не является, а ведь участие в совещании принимали многие члены правительства, включая большинство силовых министров.

...Всего через год «нормальные мужики», рука об руку с чеченскими боевиками, развяжут новую кавказскую войну. При подступах к Чабанмахи и Кармахи погибнут десятки российских солдат и дагестанских ополченцев, тех самых неверных и отступников, чьими головами вымощена дорога в ваххабитский рай.

Извечная российская расхлябанность в очередной раз дорого обошлась стране, ибо вырвавшийся наружу ваххабизм, по сей день остается одной из главных бед Кавказа.

С провалом второй чеченской кампании идеологи ваххабизма и их заграничные спонсоры не отказались от своих прежних мечтаний; просто действовать им теперь приходится с нелегальных позиций.

Да, война в Чечне закончилась, но война необъявленная—продолжается по сей день. Ежегодно в результате терактов, организованных ваххабистским подпольем, гибнут сотни людей—не только милиционеров, чекистов или военных, но и случайных прохожих, волею судеб оказавшихся в эпицентре очередного взрыва.

(К слову, мне доводилось не раз беседовать с арестованными ваххабитами, и в том числе спрашивать их, как объясняется подобная кровожадность; разве Аллаху угодно, чтоб погибали мирные мусульмане. Помню ответ одного из них, члена группировки «Шариат» Арслана Култуева: «Все это жертвы во имя Него. Всевышний—простит».)

Бандиты действуют слаженно и четко. Они разбиты на

группы (джамааты), объединены в боевые подпольные организации, каждая из которых имеет связь с закордонными центрами и получает оттуда изрядное финансирование.

Только на счету одной лишь группировки «Шариат», действовавшей в Дагестане, более 80 совершенных терактов; всего же в этой республике за 10 лет были убиты 4 министра, вице-спикер парламента, 7 мэров, а уж про милиционеров, депутатов и имамов — и говорить не приходится.

На совести ваххабитов — самые громкие преступления последних лет: взрывы жилых домов в Москве, Волгодонске и Буйнакске, подрывы столичного метро, теракты в самолетах и поездах.

Сколько времени еще будет продолжаться эта война, сколько людей должны будут погибнуть во имя бредовых, фанатичных идей — не ведает, наверное, даже сам Аллах.

Глава четвертая

ПОВАРЕННАЯ КНИГА РЕВОЛЮЦИИ

*«Отрицание России во имя человечества
есть ограбление человечества».*

Н. А. Бердяев

1. Кукольный театр

Когда разваливался Советский Союз, большинство не могли даже себе предположить, как далеко пойдет дело. Почему-то все считали, что гибель империи—это лишь пустая формальность; все равно будем жить мы дружно и ладно, как и в старые добрые времена—пусть не в законном, но в гражданском браке уж наверняка; СНГ—это почти СССР, от замены пары букв—принципиально ничего не изменится.

Ладно Прибалтика—ясно, отрезанный ломоть, но гостеприимный и щедрый Кавказ, нищая Средняя Азия; братская Украина с Молдавией, в конце концов,—куда они-то без России денутся. И вообще, искать различие между русскими и украинцами, это такой же точно абсурд, как вы-

бирать, на кого больше похож общий ребенок: на маму или папу.

Жизнь показала, сколь прекраснодушными и утопичными были такие прогнозы. Хватило всего пары лет, чтобы бывшие наши братья напрочь позабыли о многовековых совместных узах и начали подбирать себе более богатых и удачливых родственников. Тем более сами эти родственники—ни гостинцев, ни розового еля не жалели; умело играя на националистических чувствах, они все больше отрывали недавние советские республики от материнского лона России...

Приснопамятные «цветные революции» возникли не на пустом месте. Эта почва была обильно подготовлена и взрылена местными элитами, видевшими в России угрозу для своего личного благополучия. И главным оружием их стал национал-шовинизм—извечная карта, разыгрываемая правителями во все голодные времена; нет лучшего способа объяснить народу собственные невзгоды, нежели свалить их на более удачливого соседа.

На полном серьезе в той же самой Украине вспомнили вдруг, что вовсе не Россия, а она, ридна ненька, есть прародитель славянских народов. С чего пошла славянская государственность? Правильно, с Киевской Руси. А Киев—это что такое? То-то же...

Если полистать учебники, по которым украинские школьники с недавнего времени учат историю, волосы просто дыбом встанут на голове. Один из них—учебник для 7-го класса—так прямо и начинается: «история украинского народа насчитывает 140 тысяч лет». То есть человечества еще не было, жили на планете сплошь неандертальцы, но украинский народ—тут как тут.

А вот учебник другой, для 9-го класса (он охватывает

период XIX—начало XX веков). Вчитываться в содержание даже не будем, дабы не травмировать и без того слабую психику. Приведем лишь названия параграфов: «Украина под властью Российской и Австрийской империй», «Украина в завоевательных планах Наполеона I», «Украинцы в Бородинской битве», «Украинцы в обороне Севастополя», «Громадная оппозиция российскому царизму в Украине», «Крымская война и Украина».

Короче, Украина—родина слонов. Не было ни польского ига, ни униатского гнета, ни добровольного присоединения к России, а была—Великая Украина, которую вероломные русские правители втягивали в различные авантюры, всячески при этом унижая национальное достоинство угнетенных украинцев.

Нет, без цитат все же не обойтись. Послушайте, например, как в упомянутом уже учебнике для 9-го класса трактуются русско-турецкие войны XIX века. (Прежде чем вчитаться, рекомендую взяться за что-нибудь твердое.)

Итак, Украина была «...втянута в русско-турецкие войны 1806—1812 и 1828—1829 гг. Результаты этих войн были для Украины противоречивы. С одной стороны, войны подрывали экономический потенциал Украины, заставляли украинцев погибать за чуждые им имперские интересы. С другой стороны, в ходе первой из этих двух войн были присоединены к России те украинские земли в устье Дуная, которые еще пребывали в составе Турции. И хотя один вид национального гнета сменялся другим—турецкий русским,—эти войны имели следствие, которого не желала Россия,—сближение украинцев присоединенных территорий с надднепрянскими украинцами, рост общего потенциала украинства (!) в его противостоянии имперской власти».

(Из следующей главы можно также узнать, что «Украина в 1812 году была втянута и в русско-французскую войну».)

Бред сивой кобылы — вот как это называется. Не было в XIX веке никакой самостоятельной земли под названием Украина, имевшей «экономический потенциал» и владевшей какими-то мифическими землями в устье Дуная, которые якобы жестокосердная Россия в угоду своим «имперским интересам», отобрала у Турции. И роста «украинства» тоже никакого быть не могло, ибо «украинец» как национальность вообще официально утвердилась лишь в советские времена; до этого жители Украины повсеместно именовались малороссами.

А ведь на этих учебниках выросло уже целое поколение; те, кто пошел в школу в 1992-м, сегодня сами стали родителями. О Богдане Хмельницком они знают лишь то, что ему установлен памятник в Киеве. Зато твердо убеждены, что «украинский народ — четвертый по численности среди великих европейских народов (после немцев, москалей и британцев)». («Новейшая история Украины». Учебник для 10-го класса.)

Как тут не вспомнить древнюю библейскую мудрость: «чтобы покорить народ, не нужно прибегать к оружию; достаточно получить возможность воспитывать его детей». Именно руками этого, нового поколения украинцев, будет делаться вскоре «оранжевая революция».

Несмотря на все заверения Москвы в вечной дружбе и любви, и первый украинский президент Кравчук, и сменивший его Кучма самым активнейшим образом поддерживали такую дерусификацию. «На Украине русских вообще нет, — заявлял еще в 1994 году Леонид Кравчук, — а 11 миллионов русскоязычных проблемы не составляют».

В свою очередь, Леонид Кучма повсеместно вспоминал об организованном Москвой в 1932—1933 годах массовом голоде, называя его не иначе, как «украинский холокост».

Новая власть не только переписывала историю, но и закрывала глаза на любые формы великоукраинского шовинизма, особенно бурно расцветшего в западных областях.

Совершенно легально, при явном потворстве государства, там действовали (и продолжают действовать) откровенно фашистские организации, вроде УНА-УНСО, называющие своими духовными вождями Бандеру и Шухевича.

Прочитую лишь несколько выдержек из программных тезисов УНА-УНСО:

«Задача наших организаций заключается не столько в том, чтобы добыть независимость, сколько в том, чтобы добить Россию в том виде, в каком она существует сейчас». «Крым должен быть украинским или безлюдным».

Вторит УНА-УНСО и Союз украинской молодежи: «В первую очередь необходимо очистить Украину от пяти-шести миллионов москвитов, которые являются паразитами»; «Уничтожение России—это предварительное условие сильной Украины».

Все это уже в отечественной истории было. «Народе! Знай! Москва, Польша, Мадяри, Жидва—це ТВОІ вороги. Нищ їх! **Ляхів, жидів, комуністів** знищуй без милосердя!..»

Это—из обращения того самого Степана Бандеры (июнь 1941-го), возносимого ныне на Украине как национального героя и отважного борца за свободу и независимость. С недавних пор Бандере ставят памятники, называют его именем улицы. Как, впрочем, и именем его верного сподвижника, вождя Украинской повстанческой армии и по совместительству командира нацистского батальона «Нах-

тигаль» Романа Шухевича, погибшего в боях с Советской властью.

Почти сразу после прихода к власти Виктор Ющенко недвусмысленно выразил свое отношение к этим мрачным историческим персонажам, заявив, что они «совершили героический подвиг, отстаивая независимость Украины». Совсем недавно президентским указом Роману Шухевичу посмертно было присвоено звание Героя Украины.

Впрочем, кажется, я забегаю вперед, ибо даже при всех издержках Кучмы с Кравчуком ничего подобного произойти при них не могло; нацистские преступники, возведенные в ранг национальных героев, это уже — результат усилий исключительно новой, *демократической* власти...

Полагаю, нет даже нужды доказывать, что все недавние «цветные» революции были организованы с ведома и при активнейшем участии Запада. События на Украине, в Грузии, Сербии, Киргизии, Узбекистане — происходили по одному и тому же сценарию, разница лишь — сугубо в именах собственных.

Сначала в этих странах создавалось молодежное подполье, щедро финансируемое за счет неправительственных западных организаций и спецслужб. Параллельно, общими усилиями, внутри страны и на Западе начинала усиленно раскручиваться пропагандистская кампания по дискредитации законного правительства. (Особенно эффективно выглядели обвинения в политических убийствах; дело Гонгадзе — на Украине, сербские лагеря смерти в Триполи и т. п.) А затем, в час «X», на улицы выводились многотысячные, хорошо организованные и *подогретые* (во всех смыслах) толпы, которые ставили это самое дискредитированное уже правительство перед нелегким выбором: либо открывать стрельбу, навсегда обрекая себя на

всемирную изоляцию и славу кровавого, антинародного режима; либо — бесславно уходить в отставку.

В глазах международной общественности все происходящее подавалось и подается как стихийное восстание народа против тирании. В действительности же мы имеем дело с хорошо организованной технологией; театром марионеток, где истинные кукловоды всегда остаются за ширмой.

Технология эта родилась не вчера и не сегодня; за последние 60 лет американцами было организовано более 50 переворотов, путчей и революций. (Получается — почти по революции в год; ударно, ничего не скажешь!) И всякий раз свою причастность к ним Вашингтон тщательно пытался скрывать, что полностью соответствовало уже поминавшейся мной концепции «тайных операций» ЦРУ: «планирование и проведение операций таким образом, чтобы никому, кроме доверенных лиц, не была очевидна какая-либо ответственность за них правительства США и чтобы в случае их раскрытия правительство США могло правдоподобно отрицать какую-либо причастность к ним» — это из директивы СНБ 10/2 от 18 июня 1948 года.

За годы бездарного советского агитпропа нас приучили не верить тому, что доносится с экранов телевизора и печатается на страницах газет. Для поколений, выросших в то время, одно упоминание ЦРУ вызывает чувства, аналогичные запаху рыбьего жира; нечто вроде рвотного рефлекса.

Произнеси при среднестатистическом интеллигенте эту аббревиатуру; сразу скривится, замашет руками: хватит, мол, накушались этой белиберды вдоволь. Даже и слушать ничего не станет, искренне веря, что любые нападки на

американцев — непременно есть свидетельство рецидива «холодной войны» и государственного оболванивания.

Но ведь советская печать — врала далеко не всегда. Многое из того, что говорилось и писалось тогда о ЦРУ, — было, увы, горькой правдой.

Первый переворот, организованный американской разведкой, состоялся еще в 1953 году и проходил под кодовым названием «Аякс». Дело было в Иране, где к власти впервые в истории этой страны пришел тогда демократический правитель Моссадык. Свои реформы Моссадык начал с того, что попытался национализировать нефтяную промышленность; а это, понятно, полностью расходилось с интересами американцев и англичан.

Договориться с Моссадыком не получилось, и тогда его решили без всяких яких свергнуть; эта щекотливая миссия была поручена резиденту ЦРУ на Ближнем и Среднем Востоке Кермиту Рузвельту, приходившемуся родным внуком бывшему президенту США Теодору Рузвельту.

Все-таки гены великая вещь; буквально за несколько лет президентский внук сумел создать в Иране мощную оппозицию Моссадыку; американцы не скупилась на покупку агентуры влияния и обработку элиты.

В августе 1953-го вооруженные мятежники вышли на улицы; еще вчера почитавшийся кумиром Моссадык в одночасье очутился в изоляции. Вместе с правительством он был арестован, а к власти мгновенно вернулся прежний шах Реза Пехлеви, который сразу же ненавистную национализацию отменил.

Сегодня — детали этой, равно как и большинства других тайных операций известны хорошо; отчасти еще и потому, что основные участники их начинали по прошествии времени тяготиться безвестностью и хватались за перо.

Тот же Кермит Рузвельт очень подробно описал потом в мемуарах, как восстанавливал он «демократию» в Иране.

Рано или поздно — я абсолютно в этом уверен — нам предстоит познакомиться с аналогичными воспоминаниями нынешних наследников Кермита Рузвельта — человека, первым воплотившим на практике технологию захвата враждебной страны без прямого вторжения.

Впрочем, кое-что известно уже и сегодня. По крайней мере, мы имеем возможность проследить практически всю хронологию таких «цветных» постановок — от начала и до конца...

Если отцом русской режиссуры общепризнанно считается Станиславский, то на роль создателя театра «цветных» революций претендует сразу несколько человек.

Один из них — американский дипломат и бизнесмен Марк Палмер. Впервые о борьбе с тоталитаризмом Палмер задумался еще в середине 1970-х, когда, приехав в СССР, близко сошелся с диссидентами и еврейскими отказниками. Знакомство с ними убедило американца в том, что либеральные ценности могут усваиваться людьми любой культуры, даже в условиях тирании; главное только — правильно расставить акценты; или, выражаясь бизнес-терминологией, найти грамотное маркетинговое решение.

В конце 1980-х Палмер, уже посол США в социалистической Венгрии, стал одним из тех, кто готовил здесь «бархатную» революцию, бескровно сместившую коммунистическую власть.

Надо сказать, что подобные «бархатные» (иногда их еще называли «вельветовыми») революции, заполыхавшие тогда по Восточной Европе, — были своего рода предвестника-

ми революций «цветных». Все они произошли в один и тот же год—1989-й—и тоже по единому сценарию: массовые, непрекращающиеся демонстрации и акции протеста, обильно финансируемые из-за рубежа; и—как следствие—добровольный демонтаж социализма. (Подобный план был прописан еще в секретной директиве Рейгана № 75, где говорилось, в частности, о создании в соцстранах «внутренних оппозиционных сил», на поддержку которых из американского бюджета была выделена немалая сумма—85 миллионов долларов.)

Время их проведения неслучайно совпало с пиком максимальной активности переговоров Москвы и Вашингтона, чей ход окончательно предрешил судьбу СССР.

Что бы там ни воображали себе бывшие наши сателлиты, но все они—Венгрия, Чехословакия, Польша, Румыния, Болгария—были лишь прицепными вагонами к чужому локомотиву; причем в разное время—к разным локомотивам. (Исключение составляет, пожалуй, лишь Польша, помнящая еще времена ясновельможных панов и Марины Мнишек.)

К концу 1980-х—Восточная Европа находилась в хвосте поезда под названием СССР; но стоило лишь ему застопориться, как вагоны эти мгновенно перецепили к другому тягачу; тем более никто особо этому и не противился.

Горбачеву ничего не стоило вывести из казарм свои танки, чтобы, как в старые добрые времена, по «просьбам трудящихся», подавить любые беспорядки; по всей Восточной Европе стояли тогда наши группы войск (Южная—в Венгрии, Северная—в Польше, Центральная—в Чехословакии, Западная—в ГДР). Однако в момент наивысшего накала страстей ни одна из частей—ладно, не была вы-

ведена из казарм; их даже не привели в режим повышенной боевой готовности; последний генсек беспрекословно закрыл глаза на потерю своего владычества. А когда открыл—было уже поздно, и недавние младшие братья стройными рядами зашагали в НАТО и Евросоюз.

Так менее чем за 8 лет американцам удалось реализовать свой секретный план, сформированный в директиве СНБ-32 (ее подписал в марте 1982-го президент Рейган), где черным по белому говорилось: главная тактическая задача Вашингтона—нейтрализация «усилий Советского Союза, предпринимаемых с целью сохранения власти в Восточной Европе».

Единственной социалистической страной, где подобный сценарий провалился, оказался Китай. Попытка свержения законного строя закончилась танками на площади Тяньаньмэнь; о чем, впрочем, сами китайцы вряд ли сегодня особо печалятся...

Вернемся, однако, к интереснейшей фигуре Марка Палмера. Уйдя с дипломатической службы, он занялся медиабизнесом, и в 1990-е годы через принадлежащую ему компанию Central European Media Enterprises создал первые частные телекомпании в Чехии, Словакии, Словении, Румынии, Украине. Общий объем вложенных Палмером средств оценивается примерно в 600 миллионов долларов, что невольно заставляет призадуматься об их происхождении; Америка—это все-таки не ельцинская Россия, где вчерашние чиновники, выйдя в отставку, мгновенно обрачивались миллиардерами и олигархами.

Запад никогда не скупился на пропаганду; это был важнейший, ключевой элемент ведения психологической войны.

Понимаю, что вновь замахиваюсь на священную ко-

рову либералов—иностранные радиоголоса, клеймившиеся советской пропагандой как вражеские и перевозимые отечественной интеллигенцией как глоток свободы—но выхода иного, увы, нет. Надо, в конце концов, сказать когда-нибудь правду.

Те, кто жил в эпоху застоя, хорошо помнят эти прорывавшиеся сквозь помехи позывные—«Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна». Почти в каждой интеллигентной семье транзистор с мощным диапазоном являлся неотъемлемой частью кухонного бытия; это была икона тогдашнего либерала, без которой жизни он себе не представлял.

Во многом взгляды мыслящей части общества формировались под воздействием *голосов*: и никто почему-то не задавался столь очевидным и простым вопросом; а с какой, собственно, радости, Запад тратит ежегодно десятки миллионов долларов, если у него нет никакой иной цели, кроме заботы об информированности советских радиослушателей.

Я сам начинал когда-то журналистскую карьеру, подрабатывая на радио, и твердо могу сказать: любая радиостанция, как, впрочем, и всякое СМИ, может существовать только в двух измерениях. Либо—за счет государственного или какого-то иного целевого финансирования; но тогда—это не свободная пресса, а орган пропагандистского воздействия. Либо—за счет рекламного вещания.

Последний пример к случаю нашему явно не относится; вся знакомая советскому человеку реклама—ограничивалась аршинными призывами летать самолетами «Аэрофлота» и хранить деньги в сберегательных кассах. (Хотел бы я посмотреть, какая советская организация ос-

мелилась бы разместить рекламу в эфире «Голоса Америки».)

Вопрос: для чего же тогда Запад оплачивал массированное радиовещание на Союз, причем с каждым годом объем его только возрастал. (К середине 1980-х годов он достиг уже 500 часов круглосуточного эфира на 22 языках народов СССР.)

Ответ на вопрос этот в изобилии содержался в бесчисленных пропагандистских брошюрах, выпускаемых «Политиздатом» миллионными тиражами; всякие там «За железной дверью», «Под сенью ЦРУ» и прочее. Вот только книжек этих—никто у нас отродясь не читал; борьбу с Западом советская кондовая пропаганда проигрывала вчистую. (Любую, даже самую здравую мысль, без труда можно опорочить и высмеять.)

Между тем нелишне будет заметить, что столь боготворимую у нас радиостанцию «Свободная Европа» еще в 1949 году учредила, например, отнюдь не группа независимых ди-джеев, а организация вполне конкретная—«Национальный комитет за свободную Европу», в состав которого входили тогда будущие президент Эйзенхауэр и директор ЦРУ Даллес, а также прочие ведущие американские политики, генералы и послы.

На этом фоне очень забавно выглядели попытки официальных властей США сделать вид, будто никакого отношения к *голосам* они не имеют.

(С таким же ясным бесхитростным взором советские власти тоже отрицали свою причастность к деятельности в годы войны антифашистского комитета «Свободная Германия» и вещания соответствующей радиостанции на немецком языке; ну а то, что в обмен на сохране-

ние головы возглавил комитет плененный фельдмаршал Паулюс, это, конечно, простое совпадение.)

Извините за столь долгое отступление—но просто наболело. До какой же степени Запад умудрился оболванить наших либералов, что они не хотят признавать очевидных даже вещей; в условиях позиционной войны разложение идеологии противника всегда является ключевым слагаемым успеха.

Марк Палмер—не в пример нам—понимал это хорошо. Созданные им телекомпании в бывших советских колониях и республиках проводили неприкрытую антироссийскую политику. День за днем, час за часом они вдалбливали в головы доверчивой аудитории, что все зло идет от Востока, а свет и добро, значит, обратно от Запада.

В полной мере таланты Палмера развернулись в Сербии. В этой славянской республике, образованной на осколках единой некогда Югославии, он решил вспомнить свою боевую венгерскую молодость.

О сербских событиях сказано и написано немало; причем мнения звучат зачастую прямо противоположные. Одни убеждены, что американцы спасли Сербию от геноцида и кровавого режима Милошевича; другие, наоборот, именуют бывшего президента не иначе, как святым борцом за православную веру.

Истина же, как обычно, лежит где-то посередине.

Надо сказать, что Сербия, в силу геополитического своего расположения, истари играла особую роль в мировой политике; недаром Балканы называют подбрюшьем Европы. (Достаточно вспомнить, что Первая мировая война началась именно из-за сербов.)

Так случилось, что к середине 1990-х эта маленькая страна вновь оказалась в центре вселенских страстей.

Сербия была последней точкой на карте Восточной Европы, не попавшей под влияние США, а посему ее любыми путями следовало загнать в общее стойло; без этого Балканы никак не вписывались в единую экономическую модель, разработанную Западом. Кроме того, Сербия с Черногорией обладали огромными запасами минеральных ресурсов — золотом, серебром, цинком, углем, которые оценивались более чем в 5 миллиардов долларов; то есть — здесь было за что побороться.

Доподлинно неизвестно, самого ли Палмера осенила гениальная идея «демократического» укрощения Сербии, или же его недавние боссы по Госдепартаменту решили использовать богатый опыт отставного посла.

Сам Палмер, понятно, настаивает на первом варианте. В изданной не так давно книге с претенциозным названием «Сломать Ось Зла» он подробно описывает, как постепенно уверился в мысли, что любую диктатуру можно сокрушить без крови и прямой агрессии, а абсолютно «мирными и ненасильственными» методами.

Для наглядности Палмер перечисляет 25 условий, выполнение которых обеспечивает успешную и «малозатратную» революцию. Если вкратце, блюдо м-ра Палмера готовится по следующему рецепту.

Возьмите местные, либеральные и прозападно настроенные кадры, тщательно их перемешайте, не забыв добавить зелени. На выходе у вас должны получиться неправительственные организации (правозащитные, пацифистские, молодежные, студенческие), а также хорошо подготовленные группы сопротивления, пригодные для проведения уличных «ненасильственных» акций (пикетов, манифестаций, забастовок, блокирования правительственных объектов).

Одновременно, на огне местных и иностранных СМИ, доведите до кипения обстановку в стране, изрядно поперчив и посолив ее обвинениями в тоталитаризме, ущемлении свободы слова и травле инакомыслящих. (Особенно терпкий вкус этому бульону придадут гневные резолюции международных организаций—ООН, Евросоюз, ОБСЕ, ПАСЕ.)

Не забудьте также хорошенько отбить у национальной властной элиты волю к сопротивлению; в качестве молотка и разделочной доски следует использовать СМИ и методы дипломатического и финансового давления.

Теперь—дело осталось за малым. В момент, когда варено максимально дойдет до кипения, блюдо можно подавать к столу, выведя на улицы тысячи своих сторонников (тех самых, сдобренных *зеленью*), которые поклянутся стоять насмерть, пока власть добровольно не уйдет в отставку...

Скажете, отрава? А вот и нет. Поваренная книга Палмера пришлась по вкусу многим политикам самого разного спектра—от либералов до консерваторов, широчайшим образом была популяризирована (ее разослали во все американские университеты и посольства, в ведущие СМИ). С восторженными отзывами на нее выступили лидеры Демократической партии в Конгрессе Нэнси Полоси и Джоозеф Байден, директор Вашингтонского офиса правозащитной организации Human Rights Watch Том Малиновски, президент Американского комитета за мир в Чечне (есть, оказывается, и такой) Макс Кампельман, скандально известный миллиардер Джордж Сорос и прочая, прочая.

Откровеннее всех высказался по поводу прочитанного бывший глава ЦРУ, а ныне руководитель правозащитной организации Freedom House Джеймс Вулси (интересно,

кстати, было бы увидеть реакцию наших либералов, если бы какое-нибудь правозащитное общество тоже возглавил экс-директор ФСБ):

«В ходе трех мировых войн (двух "горячих" и одной "холодной") мы и наши союзники освободили большую часть человечества. Марк Палмер показал нам, каким образом нужно довести наше дело до конца».

По-моему, об истинных целях «ненасильственной демократической революции» лучше и не скажешь...

Сербия — стала первой страной, на которой была опробована эта высокая кухня.

Считается, что начало тамошней бархатной революции было положено в октябре 1998-го, когда узкая кучка радикально настроенной молодежи, успевшей уже отметиться в организации студенческих забастовок, основали группу сопротивления режиму Милошевича, названную ими — перевода не требуется — «Отпор». Факт этот хорошо известен.

Менее известно, однако, то обстоятельство, что создатели «Отпора» давно и плотно находились под патронажем Марка Палмера, который самолично вышагивал даже во главе уличных студенческих демонстраций.

В кратчайшие сроки во всех мало-мальски крупных городах Сербии были созданы ячейки «Отпора». Его символ — кулак — точно знак Зорро таинственным образом появлялся на стенах и заборах повсюду.

Тем временем на Западе наращивала обороты беспрецедентная пропагандистская кампания, призванная явить планете сатанинскую сущность Милошевича.

Честно говоря, сербский президент на ангела, конечно, совсем не смахивал; грехов и ошибок имелось у него с избытком. Но то, в чем принялись обвинять его, было со-

всем уж за гранью добра и зла, совершенно в лучших традициях д-ра Геббельса.

Весь цивилизованный мир обошли, например, тогда кадры, сделанные британскими тележурналистами в сербском «лагере смерти», где якобы содержались боснийские мусульмане; эта запись обсуждалась даже на заседании Конгресса США. На пленке хорошо было видно, как изможденные боснийцы тянут сквозь колючую проволоку руки, моля о помощи. И лишь потом выяснилось, что это был вовсе и не концлагерь, а пункт сбора беженцев, и никто силком боснийцев в нем не удерживал; на той же скандальной пленке оказалось заснято, как заключенные преспокойно выходят за ограду и перелезают через забор; но эти кадры в эфир по понятным причинам не пошли.

Не меньшим международным скандалом ознаменовалось и обвинение сербского режима в массовом убийстве в Рачаке (Косово) мирных албанцев. Для наглядности американский дипломат Уильям Уокер даже привез на место казни операторскую группу «Ассошиэйтед Пресс».

Это *вскрытое* Западом нечеловеческое, чисто людоедское злодеяние стало последней каплей, переполнившей чашу мирового терпения; именно после него НАТО решило объявить Милошевичу войну. Впоследствии, однако, оказалось, что никаких несчастных жертв геноцида в Рачаке не было и в помине. Через 4 года финский патологоанатом Хелена Ранта, изучавшая найденные трупы, во всеуслышание объявит, что принадлежали они албанцам и сербам одновременно; по мнению криминалистов, на этом месте произошел бой между сербской полицией и Косовской армией освобождения, что, согласитесь, совсем не одно и то же.

Как тут не вспомнить аналогичную провокацию, пред-

принятую Третьим рейхом, дабы найти благозвучный повод для начала войны; знаменитое нападение на немецкую радиостанцию в Глейвице, организованную головурезами Гейдриха, переодетыми в польскую форму. Времена и эпохи меняются, но методы остаются прежними...

С началом натовских бомбардировок Сербии популярность Милошевича в народе резко пошла в гору; а «Отпора» — соответственно, на спад. Однако революционеры не отчаивались.

Обильное финансирование из-за рубежа позволяло им активно наращивать свою деятельность. Уже к началу 2000 года «Отпор» насчитывал 160 мощных, хорошо организованных ячеек.

«Почти уже не оспаривается тот факт, — пишет авторитетный немецкий журнал "Шпигель"; его-то уж точно в связях с Милошевичем не упрекнешь, — что белградцы с 1999 года получили из Вашингтона — от фонда National Endowment for Democracy — около 3 миллионов долларов. То же самое относится и к пожертвованиям в размере неизвестной суммы, поступившим от фонда республиканцев. В общей сложности Америка направила 40 миллионов долларов».

Чем беспощаднее вели себя власти по отношению к «Отпору», тем сильнее лишь возрастала его популярность. Каждый очередной арест, новая волна репрессий мгновенно героизировались, привлекая в ряды сопротивления новых сторонников.

Не в пример правительству «Отпор» очень грамотно строил свою пропагандистскую кампанию, играя на массовой нищете и ухудшении уровня жизни (о том, что кризис в Сербии был вызван экономической блокадой Запада, они, понятно, умалчивали). Лозунги «Отпора», его на-

глядная агитация и газеты редактировались профессиональными пиарщиками; на оппозицию работали ведущие рекламные агентства страны.

Многие члены «Отпора» с успехом прошли через курсы политтехнологий, проводимые американцами на нейтральных территориях: в Болгарии, Румынии, Венгрии...

Час «X» пробил осенью 2000-го, когда в Сербии состоялись президентские выборы. Даже не дожидаясь дня голосования, Запад довольно ясно объявил свою позицию: либо выиграет представитель оппозиции Воислав Коштуница, либо выборы будут признаны незаконными и недемократичными. (Коштуницу, как единственного демократического кандидата, из числа прочих претендентов отобрали сами же американцы, этакая «фабрика звезд».)

Дальше события развивались так. 24 сентября большинство голосов набрал Коштуница (48%), Милошевич занял второе место (38,6%). На 8 октября был назначен второй тур выборов, однако оппозиция дожидаться его не стала, несмотря даже на весьма высокие шансы на победу.

Причина тому объяснялась довольно просто: одновременно с выборами президентскими прошли выборы и в сербский парламент, где большинство получила левая коалиция. Даже если бы Коштуница победил, он все равно оказался бы связан по рукам и ногам — сербская конституция существенно ограничивала полномочия президента.

Только открытый переворот мог распахнуть перед ним дорогу к реальной власти, на что, собственно, и был сделан расчет.

Оппозиция незамедлительно объявила, что выборы в действительности выиграл Коштуница, но Милошевич-де

сфальсифицировал их результаты. Отдельные западные наблюдатели, включая комиссара Евросоюза Хавьера Солану, с готовностью это подтвердили. (Впоследствии, кстати, другие, более честные наблюдатели — скажем, глава греческого МИДа Карлос Папоулис — утверждали прямо обратное, говоря, что «заявления о повсеместном мошенничестве оказались ложными», а сами выборы были проведены «безупречно».)

Лидеры оппозиции призвали своих сторонников выйти на улицы и объявить общенациональную бессрочную забастовку. В Белграде запылали многотысячные студенческие митинги, умело организованные «Отпором»; манифестантов подвозили со всей страны. Попытки разогнать их — успехом не увенчались; полиция и армия отказывались применять силу.

Милошевич пытается еще как-то спасти положение; не желая кровопролития, он отменяет результаты выборов, но время уже безвозвратно упущено. Хорошо подогретая толпа берет штурмом парламент и телерадиоцентр, в результате кем-то устроенного пожара телевизионное вещание в стране прекращается.

(«Наши действия были спланированы заранее, — скажет позднее Велимир Илич, мэр города Чачака, руководивший штурмовой операцией, — наша цель была вполне ясна: захватить контроль над главными учреждениями режима».)

Тем же вечером под давлением *неоспоримых аргументов* избирательная комиссия была вынуждена признать допущенные якобы ошибки при подсчете голосов и объявить безоговорочную победу Коштуницы.

«Сербия отныне снова является частью Европы», — торжественно воскликнул новый президент, выйдя к много-

тысячной толпе своих ликующих сторонников. Добровольное отречение от престола не спасет Милошевича: через несколько дней он будет арестован, а вскоре предстанет перед международным судом...

Сорок миллионов долларов, двое убитых и тридцать раненых — ровно в такую цену обошлась Западу сербская революция.

Что, согласитесь, совсем недорого...

2. Эскадроны смерти просят огня

Когда-то Лев Давыдович Троцкий страстно мечтал об экспорте революции; он верил, что вслед за Россией пламя освободительного пожара непременно охватит весь остальной мир.

Лишь по прошествии восьми десятков лет мечте этой удалось осуществиться. Правда, в отличие от Троцкого, нынешние идеологи мировых катаклизмов далеки от идей всеобщего братства, свободы и прочей романтической галimatьи. Экспорт революции давно стал для них обычной работой; только бизнес — ничего личного...

...Успех сербской «цветной» революции убедил ее творцов в верности избранного пути. Теперь им стало окончательно ясно, как без прямого вторжения, чужими руками можно отколоть от России ее бывшие территории, все еще по инерции тяготеющие к Москве.

Первой республикой, на которую пал выбор *экспортеров*, стала Грузия, и это, наверное, не случайно.

Еще в 1940-х годах некто Юрий Липа, украинский эмигрант, тесно сотрудничавший с немцами, выпустил несколько концептуальных трудов по геополитике. В книге с исчерпывающим названием «Раздел России» этот Липа (тоже послал бог фамилию) подробно доказывал, что Россию может сокрушить лишь союз Украины с Кавказом.

Ход недавних событий косвенно свидетельствует, что идеологи «цветных» революций труды Липы штудировали внимательно; да и как иначе, если в «демократической» Украине наследие его получило широкую известность, а в Одессе даже открылся институт его имени.

А может, никакой особой подоплеки здесь и не было — обычное стечение обстоятельств. Хотя недаром ведь говорится, что любая случайность — есть неосмысленная закономерность...

Все началось с того, что в Тбилиси приехал новый американский посол. Звали его Ричардом Майлзом, и до недавнего времени занимал он аналогичный пост в Белграде.

В дипломатических кругах Майлз славился как искусный специалист по тайным операциям и знаток загадочной славянской души; недаром окончил он когда-то русский институт армии США в Гармиш-Партенкирхене и долгий период, еще при Союзе, служил генконсулом в Ленинграде.

Во время сербской революции Майлзу было суждено сыграть в ней не последнюю роль: посольство США являлось негласным координатором «неправительственной» помощи для оппозиции; большинство ее лидеров работали с Майлзом напрямую.

Не использовать такой блестящий опыт было бы для Госдепартамента верхом безрассудства и расточительнос-

ти; недаром на заслушивании в американском Сенате, когда утверждали его в новой должности, Майлз прямо заявил, что будет стремиться к «мирной и демократической смене власти» в Грузии; иными словами — «революция роз» началась задолго до того, как об этом узнали сами же местные вольнодумцы...

Все предпосылки для беспорядков имелись в Тбилиси налицо. С каждым днем в народе все сильнее нарастало недовольство режимом престарелого партократа Шеварднадзе, в общей сложности правящего Грузией 24 года. Несмотря на постоянные обещания, жизнь в республике лучше не становилась.

Конечно, если б Шеварднадзе верноподданнически припал к ногам Запада, эти социальные беды грузин мало б кого взволновали. Но в том-то и дело, что хитроумный политик, получивший бесценную закалку в стенах ЦК КПСС, не спешил укладывать все яйца в одну корзину. Одинаково любезно он общался и с Вашингтоном, и с Москвой; причем чем больше времени проходило, тем заметнее становился его крен в последнюю сторону, что объяснялось, в принципе, суровой объективностью. Шеварднадзе чисто физически не мог разорвать многочисленные экономические связи с Россией, а Запад — особых предложений тоже ему не делал.

В итоге решено было — Шеварднадзе попросту сменить; о его старых заслугах перед цивилизованным миром, когда в бытность главой советского МИДа обеспечил он сдачу важнейших внешнеполитических позиций, никто уже и не вспоминал.

Соответствующая замена президенту найдена была давным-давно; с Америкой молодого и амбициозного политика Михаила Саакашвили связывали самые светлые

воспоминания. Еще в последние годы социализма, учась в Киевском институте международных отношений, он умудрился стать стипендиатом конгресса США, и был направлен на дальнейшую учебу в Колумбийский университет. Назад, в Грузию, Саакашвили вернулся лишь в 1995-м; вряд ли кто-то будет оспаривать, что к тому моменту представлял он собой классический пример агента влияния.

Тем не менее Шеварднадзе — и на старушку бывает прощуха — вовремя не сумел разглядеть таящуюся в этом человеке опасность и звериную жажду власти. Сразу по возвращении Саакашвили избрали депутатом парламента, где возглавил он пропрезидентскую фракцию; в 2000-м — дали кресло министра юстиции.

Впрочем, к тому моменту, когда в Грузии начал приводиться в движение скрытый механизм переворота, Саакашвили успел уже вдрызг разругаться с недавним покровителем, открыто обвинив Шеварднадзе во всех смертных грехах; борьба с коррупцией — козырь в политических битвах беспроегрешный; на него-то и решено было делать основную ставку в будущей игре.

Технология организации грузинской революции — почти полностью была скопирована с сербского аналога; в Белграде был «Отпор», в Тбилиси — «Кмара» («Хватит»); точно такое же, созданное на американские деньги полуподпольное движение молодежного сопротивления; даже эмблему его в виде сжатого кулака грузины без стеснения передрали у сербов.

Ничего удивительного здесь нет: с самого начала активнейшее участие в подготовке переворота принимали ветераны сербских событий. Лидеры «Отпора» Александр Мариц и Иван Марович лично занимались выра-

боткой концепции «Кмары», подбором и обучением ее активистов. (Позднее Марич скажет немецким журналистам, что грузины оказались наиболее способными его учениками.)

Неоднократно в Белград по обмену опытом приезжал и сам Саакашвили; при всех обвинениях в кровожадности и тирании, Шеварднадзе никак не ограничивал свободу его действий. (Позднее, придя к власти, сам Саакашвили церемониться со своими политическими оппонентами уже не будет; пример бывшего генпрокурора Окруашвили, арестованного сразу же после публичных выпадов в адрес президента, доказывает это наглядно.)

В западной прессе утверждается, что одним из основных спонсоров «Кмары» был небезызвестный американский миллиардер Джордж Сорос, заработавший свое состояние финансовыми спекуляциями. Этот человек давно и плотно занимается благотворительностью и филантропией по всему миру, в том числе, кстати, и в России.

В 1990-е годы его фонд «Открытое общество» финансировал многие гуманитарные программы, выплачивал гранты нашим учителям и ученым; правда, тогда же в печать просочились и выдержки из доклада Лубянки об использовании американскими спецслужбами неправительственных организаций. В числе тех, кто ведет скрытую разведработу, назывался и Фонд Сороса. Никаких опровержений со стороны самого миллиардера на это не последовало.

Да и что, в принципе, мог он ответить? Ведь события в Грузии со всей очевидностью доказывают, что роль благообразного, щедрого мецената — не более чем обычная маска, под которой скрывался игрок международного масштаба.

Именно под *крышей* созданного Соросом тбилисского филиала «Открытого общества» «Кмара» делала свои первые шаги; кроме того, оппозиционные настроения в обществе изрядно поддерживал организованный при поддержке Сороса независимый телеканал «Рустави-2».

Уже к лету 2003-го — через полгода после начала грузинского проекта — слава «Кмары» шагнула далеко за пределы Тбилиси. Как и в Сербии, его идеологи избрали для раскрутки движения типичную рекламно-маркетинговую стратегию.

За одну ночь на стенах домов в крупнейших грузинских городах появились сотни таинственных плакатов оранжевого цвета (!) с крупно набранным слоганом: «Кмара!». Уже к утру вся страна наполнилась самыми противоречивыми и интригующими слухами в стиле Бэтмена и прочих суперменов.

А уж после того, как в апреле 2003-го «Кмара» вывела к зданию президентской администрации многотысячную демонстрацию студентов, популярность движения стала возрастать не по дням, а по часам.

В пользу «Кмары» и Саакашвили играло их напускное, постоянно подчеркиваемое миролюбие. Эти люди строили свою кампанию не на призывах к революции; они лишь требовали проведения честных и прозрачных выборов; цель — самая что ни на есть благая.

Бешенству Шеварднадзе не было предела. Любые попытки обуздать оппозицию лишь добавляли ей популярности; когда у тебя на глазах полицейские лупцуют безоружных студентов, волей-неволей симпатии твои окажутся на стороне жертв. (Особенно если кадры эти без конца транслируются по всем телеканалам.)

Отставной член Политбюро так и не понял, что наи-

лучшим способом борьбы было — просто не замечать противника; сказывался горячий кавказский нрав.

Впрочем, у него еще оставался последний шанс удержаться у власти; в июле 2003-го президент Буш направил в Тбилиси своего неофициального представителя, человека, с которым Шеварднадзе связывало очень многое: бывшего госсекретаря США Джеймса Бейкера. Миссия Бейкера заключалась в том, чтобы убедить грузинского лидера в необходимости резко переориентироваться на Запад и максимально дистанцироваться от России, однако Шеварднадзе к советам старого друга не прислушался, о чем, вероятно, не раз горько потом жалел.

К осени 2003 года оппозиция приготовилась вступить в последний и решительный бой. Поворотным моментом должны были стать парламентские выборы, назначенные на 2 ноября.

Как и в истории с Сербией, ни Запад, ни оппозиция с самого начала не собирались признавать результатов этих выборов; в том случае, конечно, если б победа досталась людям Шеварднадзе.

Все акции сопротивления готовились заранее; еще за несколько месяцев до голосования более тысячи активистов «Кмары» прошли трехдневный курс обучения методам «цветной» революции, проводили который сербские специалисты.

Уже в день выборов, не дожидаясь даже оглашения предварительных результатов, оппозиция объявила о своей сокрушительной победе; на всех углах западные наблюдатели — в основном из неправительственных организаций — заголосили о массовых нарушениях и фальсификациях.

Грузию — залихорадило. Напрасно представители Центризбиркома трясли перед журналистами бюллетенями, до-

называя, что выборы с приличным отрывом выиграли пропрезидентские силы.

В ту же ночь на улицы Тбилиси организованно были выведены тысячи *несогласных*. Саакашвили громогласно призвал страну не признавать результаты голосования и держаться до последнего; родина или смерть.

Без малого три недели продолжалось это площадное противостояние; в ответ Шеварднадзе тоже вывел своих сторонников, но против настоящих профессионалов уличной политики оказались они слабы в коленках.

Власти использовали в свою поддержку административный ресурс. Оппозиция — ресурс финансовый, то есть куда более эффективный. За каждые сутки *работы* участники уличных акций получали немалые деньги. Со всех концов Грузии автобусами централизованно доставлялись в Тбилиси свежие силы. Только разрисовка городских скверов обошлась Фонду Сороса (он по-прежнему оставался одним из главных спонсоров) в 3 тысячи 300 долларов. Плюс масса наглядной агитации и атрибутики, которую в обилии раздавали манифестантам: кепки, майки, знамена.

21 ноября Госдепартамент США сделал официальное заявление, назвав грузинские выборы «сфальсифицированными». Эти слова стали для оппозиции подобием залпа «Авроры».

На другой же день ведомая Саакашвили многотысячная толпа снесла кордоны оцепления и захватила здание парламента; момент явно был выбран не случайно — в эти самые минуты Шеварднадзе как раз стоял на трибуне, приветствуя новый депутатский корпус.

Саакашвили и его сторонники, в первых рядах которых шел серый кардинал революции, глава грузинского отде-

ления соросовского фонда Александр Ломая, ворвались в зал точно коллективный матрос Железняк. Вся Грузия увидела, как Шеварднадзе был согнан с трибуны и позорно обратился в бегство.

Президент, правда, пытался еще сопротивляться и даже объявил в стране чрезвычайное положение, однако время было уже упущено; порядком деморализованные армия и полиция не спешили браться за оружие, опасно выжидая, чья возьмет.

А тем временем оппозиция ковала железо, пока горячо. Той же ночью, без единого выстрела, она захватила основные правительственные здания; все по известной уже, апробированной в Белграде методике; многотысячная толпа, точно огромная волна, просто смывала кордоны охраны и заполняла помещения. Стрелять в безоружных студентов — а именно они шли в передних рядах, демонстративно держа в руках розы — полиция не решалась; для этого требовалась чья-то воля, а вот ее-то у Шеварднадзе как раз не оказалось.

Уже к утру все было кончено. В 19 часов 51 минуту полностью сломленный Шеварднадзе объявил о своей отставке. Новым президентом через полтора месяца стал Михаил Саакашвили, мгновенно объявивший, что Грузия возвращается в семью западной цивилизации.

Первое же, с чего начал он свое правление, — в ультимативной форме потребовал вывести наши военные базы; дабы освободить места для дивизий НАТО...

Главная цель, которую ставил перед собой Запад, полностью оказалась достигнута; отныне Грузия не только стряхнула со своих подошв наследие советского прошлого; она пошла еще дальше. По накалу антироссийской риторики и частоте обвинений в адрес Москвы с Саакашви-

ли мало кто может сравниться; культивация ненависти к России стала едва ли не главной национальной идеей его режима.

Даже Виктор Ющенко—еще один выпускник американской «фабрики звезд»—существенно уступает в этом грузинскому президенту...

...Я не буду сейчас подробно углубляться в перипетии украинской оранжевой революции; она практически полностью повторяла сербскую и грузинскую хронологию событий, и даже оранжевый цвет был позаимствован Ющенко у Саакашвили.

Один и тот же сценарий, одни и те же приемы и методы; даже лица—одни и те же. Боевиков из подпольной организации «Пора» (абсолютный аналог «Отпора» и «Кмары») натаскивали в учебных лагерях те же самые сербские инструкторы и американские советники, да и Ющенко—выглядит совершеннейшим клоном Саакашвили.

Единственное отличие оранжевого переворота от предыдущих заключается в том, что готовить его начали гораздо раньше, а объем потраченных денег и сил—не идет здесь ни в какое сравнение.

Не в пример Грузии или Сербии, раскачать Украину—задача была не из легких. Исторически она всегда делилась на две части: западную, веками жившую под поляками и австрийцами; и восточную—где большинство и украинского языка толком-то не знало.

Понятно, что основные проблемы у оппозиции должны были возникнуть именно с этим восточным населением, которое не представляло себя без союза с Россией. Словом, переворот следовало начинать загодя.

Уже с 2000 года американские неправительственные организации начали щедро осыпать грантами местных пра-

возащитников и журналистов. Деньги раздавались массово, чуть ли не районным многотиражкам; взамен благодетели требовали лишь детально и *непредвзято* освещать коррупционные украинские скандалы.

По сути, добрая половина самостийной прессы оказалась скуплена на корню. Именно этим объясняется, например, беспрецедентная истерия, поднятая после пропажи малоизвестного журналиста Георгия Гонгадзе; этот скандал нанес непоправимый урон репутации Кучмы.

Никаких конкретных доказательств причастности власти к убийству Гонгадзе не имелось. Тем не менее украинские, а вслед за ними и западные СМИ чуть ли не в открытую обвиняли президента и спецслужбы в его ликвидации.

(Почти одновременно аналогичный прием будет использован и в Белоруссии, где на деньги американского фонда «Евразия», финансируемого, в свою очередь, через правительственное Агентство международного развития США /USAID/, была предпринята попытка раскрутить кампанию под условным названием «Эскадроны смерти Батки Лукашенко»; дескать, белорусские спецслужбы тайно уничтожают оппонентов режима. Накал страстей был таков, что многие наблюдатели всерьез предсказывали уже, что отрезанная голова Гонгадзе вскорости обнаружится где-нибудь на опушке Беловежской пуши; так, одним махом, можно было легко дискредитировать двух президентов кряду. Но что-то там, видно, не срослось, и революцию в Минске отложили до лучших времен.)

Без малого пять лет западные неправительственные организации, американское посольство, все те же самые, известные по прежним революциям фонды (на этот раз коор-

динирующую роль играла американская организация Freedom House, возглавляемая экс-директором ЦРУ Джеймсом Вулси, и финансируемая нашим старым знакомым Джорджем Соросом) обильно взращивали и удобряли почву, готовя будущий урожай.

Пора собирать его настала осенью 2004-го, когда подошел черед президентских выборов.

Основная борьба развернулась между двумя тезками и бывшими премьерями: Януковичем и Ющенко. Первый — выступал как выразитель настроений пророссийски настроенного Востока, второй — активно поддерживался Западом, где его успели полюбить еще в бытность председателем национального банка. (Важнейшим моментом в карьере Ющенко стала его женитьба на гражданке США.)

21 ноября состоялся второй тур выборов, на котором победа с минимальным преимуществом была присуждена Януковичу; его главный конкурент проиграл ровно 3% голосов.

Дальнейший ход событий — до мельчайших деталей повторил грузино-сербский сценарий; оппозиция с таким исходом не смирилась, вывела на улицы толпы своих сторонников, и заблокировала основные властные объекты: Верховную Раду, правительство, Верховный суд, Центризбирком. Поднявшись на парламентскую трибуну, Виктор Ющенко самовольно провозглашает себя новым президентом и даже дает торжественную клятву, положив руку на Библию.

О том, что оппозиция с самого начала не собиралась подчиняться результатам выборов и готовилась к смуте, косвенно признавался впоследствии и один из ее лидеров, депутат Петр Порошенко. (При Ющенко он станет секретарем Совета национальной безопасности.)

«Палатки мы решили ставить недели за четыре-пять до выборов... Мы знали, что людей надо выводить 21-го сразу же, после второго тура,—рассказывал он российскому журналисту Андрею Колесникову. — А что он [Кучма] мог сделать? Мы блокировали администрацию практически сразу. Мы бы его все равно не пустили».

«Силовой вариант мог применить»,—справедливо замечает интервьюер.

«Пускай попробовал бы. Нельзя разогнать. Не существует способа разгона двухсот—трехсот тысяч человек без крови... Были бы сразу собраны представители иностранных государств. И так постоянно, каждый вечер проходили брифинги послов. Мы получили совершенно четкие ответы на четкие вопросы. Если власть допустит преступные действия, если будет пролита кровь, то те руководители страны, кто отдал эти приказы, будут нести ответственность за это».

Понятно, да? Людей выводили на баррикады точно пушечное мясо; в любом случае—и Ющенко, и Тимошенко с Порошенко оставались бы в выигрыше. Если бы у Кучмы хватило духа ввести чрезвычайное положение и применить силу, в дело незамедлительно вмешался бы Запад, давший на сей счет оппозиции четкие инструкции (см. выше). А если б не хватило—власть досталась бы оппозиции все равно, но уже без крови.

Под давлением Запада, оглушенный многотысячным ором толпы, Кучма был вынужден назначить новые выборы. По сути—это означало его бесславную капитуляцию.

Вскоре Виктор Ющенко получил возможность уже совершенно законно повторить президентскую клятву...

Оставим в стороне эмоции; даже забудем на мгновение, что все эти жаркие страсти на Майдане были мероприяти-

ем сугубо коммерческим; такой антрепризой, щедро оплаченной западными театрами.

Представим себе на секунду, что нечто подобное происходило бы не в Украине (Грузии, Сербии), а в той же самой цивилизованной Америке; благо повод для этого был самый что ни на есть подходящий.

Возможно, многие помнят скандальную свару, случившуюся на президентских выборах 2000 года. Тогда победа досталась республиканцу Бушу буквально дуриком; он опередил демократа Гора всего на несколько сотен голосов.

Проблема заключалась в том, что по американскому законодательству избирательные бюллетени обрабатывают не как у нас вручную, а при помощи специальных машин. Так вот, когда демократ Гор настоял-таки на ручном подсчете голосов, стало вдруг выясняться, что техника дала сбой. Исход кампании пришлось определять Верховному суду.

Между прочим, годом позже, 10 крупнейших американских СМИ, в числе которых значились «Ассошиэтед Пресс», «Вашингтон Пост», «Уолл-Стрит Джорнэл» и «Нью-Йорк Таймс», не пожалели миллиона долларов и пересчитали все бюллетени по новой. Тут-то и оказалось, что почти 200 тысяч голосов машина не учла, и истинным победителем гонки должен был стать Альберт Гор; его перевес составил 171 голос.

Впрочем, узнав об этом, Гор не захотел поднимать шума; война окончена — забудьте.

А если б захотел? Или того пуще — не смирился бы с самого начала с результатами подсчета и вывел своих сторонников-демократов на улицы, заблокировал бы подходы к Верховному суду, Конгрессу, Капитолию, требуя признать себя победителем. Причем оплачивали бы все эти страсти российские или арабские неправительственные структуры.

Вряд ли американское общество восприняло бы это как свидетельство торжества демократии; объявили бы Гора как миленького, бунтовщиком и пособником мирового зла; может, и в сумасшедший дом еще бы упрятали; для острастки.

Но объясните мне тогда на милость, почему вещи, считающиеся там недопустимыми и даже противозаконными, дружно воспеваются Западом здесь: что это за деление мира на чистых и нечистых, цивилизацию и дикарей, господ и рабов, когда одним позволено все, а другим — ничего.

Можно как угодно относиться к Кучме, Милошевичу, Шеварднадзе, Лукашенко, Акаеву, к Путину, наконец, — считайте их хоть диктаторами, хоть фашистами, но есть такое понятие «суверенитет». Каждый народ вправе выбирать свою судьбу сам, без посторонней помощи; особенно если сами эти помощники и доброхоты — далеки от идеала.

Когда американцы бомбили *суверенный* Белград, это была защита демократии. И когда вводили войска в *суверенный* Афганистан, а затем в *суверенный* Ирак лишь на том основании, что там якобы прятался ими же взрощенный Бен Ладен — это тоже была защита демократии.

А когда президент Лукашенко выгнал из *своей* страны американские фонды, готовящие в Белоруссии новую «цветную» революцию, — это уже, оказывается, тоталитаризм и нарушение прав человека.

О решимости узбекского лидера Каримова, разогнавшего своих «оранжевых» огнем и мечом, и говорить не приходится; кто только не клеймил его позором.

Узбекистан — стал первой республикой на постсоветском пространстве, где «цветной» сценарий полностью провалился; в этом смысле Ислам Каримов повторил путь Дэн Сяопина 25-летней давности. (Мало кто знает, между прочим, что «мирные демонстранты», поднявшие мятеж

в Андижане, были накануне переброшены с территории соседней Киргизии, где размещались в специальных, подконтрольных американцам лагерях.)

Обычно, перечисляя успехи «цветных» колонизаторов, журналисты присовокупляют сюда и Киргизию, однако я не стал бы торопиться с выводами.

Да, в марте 2005-го внешне в Бишкеке все выглядело так же, как в Тбилиси или Киеве: многотысячная толпа, взбунтовавшаяся после подведения итогов парламентских выборов; позорное бегство президента Акаева. (Аскар Акаевич улепетывал столь быстро, что оставил даже у себя на столе конверт с зарплатой; мне посчастливилось впоследствии забрать его себе на память.)

И тем не менее итоги этой, окрещенной журналистами «тюльпанной» революции оказались совсем иными, нежели Запад рассчитывал. Я пишу об этом так уверенно, ибо был прямым очевидцем этих событий и весь период их находился в республике.

Дело в том, что пришедший тогда к власти Курманбек Бакиев не имел ничего общего с Саакашвили или Ющенко. Напротив, Бакиев открыто тяготел к России, где проработал долгие годы; даже жена была у него русской.

Ошибка западных технологов заключалась в том, что они не успели вовремя найти подходящую кандидатуру на роль будущего вождя; этим-то и воспользовалась Москва.

Хорошо помню, какая суматоха стояла в здании СНБ — аналога нашей ФСБ, — где временно разместился тогда Бакиев. Почти ежедневно сюда являлись американский посол и посол ОБСЕ, пытаясь склонить нового лидера к сотрудничеству. С аналогичными предложениями приезжали посланцы Саакашвили и Ющенко. Три радицентра АНБ (радиоэлектронной разведки США) работали в

круглосуточном режиме. Дошло до того, что американцы заключили контракт с местными охранными предприятиями, которые установили постоянную слежку за группой российских специалистов, прибывших в Бишкек для взаимодействия с Бакиевым. (Я был тогда в ее составе.)

Если интерес американцев к Украине или Грузии мог еще объясняться какими-то стратегическими или геополитическими интересами, то в случае с Киргизией подобные аргументы явно не работали.. Ни своим географическим расположением, ни природными богатствами эта маленькая, нищая республика явно не заслуживала столь повышенного к себе внимания.

На подготовку свержения Акаева Запад бросил умопомрачительные по местным меркам силы. В Киргизии активно действовали представительства множества западных организаций—Национального демократического института США, Международного республиканского института, USAID, Freedom House, Международного фонда избирательных систем. Даже вездесущий Сорос открыл здесь филиал своего фонда.

В общей сложности в Киргизии работало свыше 500 иностранных представителей, которые пытались сорганизовывать оппозиционные силы на будущую борьбу и даже предприняли попытку создать очередной клон «Отпора»—на этот раз назывался он «Кел-Кел» («Давай»).

Всему этому есть лишь одно более-менее разумное объяснение: низложение Акаева в первую очередь требовалось Западу не для того, чтоб заполучить контроль над Киргизией; а затем, чтоб оторвать республику от России. Чем меньше подконтрольных территорий останется у Москвы—тем лучше.

Ровно о том же говорил в своем докладе перед Госдумой и директор ФСБ Николай Патрушев (было это в мае 2005-го):

«Наши оппоненты целенаправленно и последовательно стремятся ослабить российское влияние на пространстве СНГ и международной арене в целом. Последние события в Грузии, Украине, Киргизии однозначно подтверждают это. Большинство развитых государств не желают иметь в лице России серьезного экономического конкурента».

Впрочем, киргизский провал лишь раззадорил этих самых оппонентов. Впереди у них стояли цели куда более глобальные и амбициозные.

Недаром сразу после грузинского триумфа один из лидеров сербского «Отпора» Слободан Джинович, не скрывавший своей причастности к этим событиям, прямо объявил журналистам: «Грузия—это только начало!»

3. Ужасы нашего городка

Когда речь заходит о возможности «цветной» революции в России, большинство сразу же машет руками: у нас-де это невозможно.

Сильная власть, заоблачный рейтинг Путина, наглядный рост экономики; в таких условиях у оранжистов нет, кажется, ни малейшего шанса на успех.

Честно признаться, до недавнего времени так же думал и я; пока детально не начал погружаться в существо воп-

роса. И оказалось, что выглядит все далеко не так радужно и бравурно.

Умные, как известно, учатся на чужих ошибках; мы же — исключительно на своих. Нет ничего опаснее, нежели пребывать в благодати, взирая на мир через розовые очки.

И Милошевич, и Акаев, и Шеварднадзе с Кучмой тоже когда-то свято верили в незыблемость своей власти, и к любым поползновениям оппозиции относились с насмешливым пренебрежением: пусть себе студенты порезвятся.

Вот и порезвились.

Если вдуматься, что такое «цветная» революция? Как ни называй ее, в какие глянцевые обертки ни облачай, суть от этого не меняется: перед нами — самый настоящий, организованный вдобавок извне переворот.

Однако лидеры российской оппозиции ничего противоестественного в этом не видят. Наоборот, все они дружно приветствовали «цветные» революции, а некоторые даже приняли в них личное участие, чем особо теперь гордятся.

«Я был в Украине и помогал Ющенко, — пишет, например, Борис Немцов, ставший с недавних пор советником президента; правда украинского, — когда по сути это было критичным, решалось: Украина будет демократическим государством или коррумпированной диктатурой».

Немцовский аргумент звучит как минимум странно. По частоте, а главное *наглядности* получаемых обвинений в коррупции и Ющенко, и Тимошенко — не шли ни в какое сравнение со своими противниками. Достаточно сказать, что Тимошенко задолго до Майдана была объявлена российской прокуратурой в розыск, ибо являлась фигуран-

том дела о хищении 327 миллионов долларов: деньги эти должны были вернуться в наше Минобороны, но осели на счетах структур Тимошенко и Лазаренко; еще одного общего их друга, экс-премьера Украины, осужденного в Америке на 9 лет.

Объявлять этих людей борцами с коррупцией — все равно что выдвигать на пост главы «Гринписа» российского посла в Киеве Черномырдина, развлекающегося, как известно, охотой на медвежат. (Неслучайно нынешнее правление Ющенко ознаменовано невиданным ростом коррупционных скандалов во властных структурах; одни соратники обвиняют других во всех смертных грехах.)

Однако наши «несогласные» видят лишь то, что хотят видеть. Вот лишь несколько цитат.

Григорий Явлинский: «...я не считаю, что в Украине была революция. Революция — это насильственное изменение государственного строя. У вас (в смысле на Украине. — *Авт.*) наоборот — люди отстаивали действующую Конституцию, законы, выступили против фальсификаций и лжи, против тех, кто нарушал их права, Конституцию и законы. Это не революция, а наведение законного порядка, или, другими словами, "евроремонт государства"».

Михаил Касьянов: «Оранжевая революция не является насильственным способом захвата власти, это массовый протест против нечестности властей».

Ирина Хакамада: «Если Россия хочет стать конкурентоспособной, великой, сильной державой, с которой бы все считались, она пройдет через революцию. Я бы не хотела, чтобы это был кровавый бунт. Дай бог, если она будет "оранжевая"».

И Немцов, и Явлинский, и Хакамада с Касьяновым — люди явно неглупые. Я, например, не в силах поверить,

что западная пропаганда так легко способна запудрить им мозги.

Отсюда—вывод. Все они прекрасно понимают, однако предпочитают изображать хорошую мину при плохой игре. Их ненависть к Путину столь велика, что ради нее они готовы поступаться любыми принципами; участвовать в любых "оранжевых" переворотах. Лишь бы насолить Кремлю посильнее.

Спору нет—к Путину можно (и нужно, наверное) относиться по-разному. Президент—это не икона, перед которой все обязаны отбивать земные поклоны. Но президенты приходят и уходят, а Россия—извините уж за высокопарность—остается.

Уж как русская эмиграция ненавидела большевизм и лично Сталина, отнявшего у этих людей все: прошлое, будущее, родину, наконец. Но в 1941-м, когда началась война, большая часть эмиграции встала на сторону Советского Союза; многие вообще вступили в Сопротивление и партизанские отряды.

Потому что война эта была—не Гитлера со Сталиным; это была война внешнего врага против России.

Только в рядах французского Сопротивления погибло более 100 русских эмигрантов, как правило представителей аристократических фамилий, для которых большего зла, чем Сталин, просто не существовало. Собственно, и само это название—Сопротивление—рождено было нашими соотечественниками, учеными-этнографами Вильде и Левицким, которые в первые же дни войны начали выпускать в Париже газету под соответствующим заголовком. (В 1942-м оба они будут расстреляны гестапо.)

«Бывают моменты,—писал в те годы бывший лидер партии кадетов и член Временного правительства, злей-

ший враг Советской власти Павел Милюков, — когда выбор становится обязательным. Правда, я знаю политиков, которые по своей "осложненной психологии" предпочитают отступать в этих случаях на нейтральную позицию. "Мы ни за того, ни за другого". К ним я не принадлежу).

Беда наших западников и либералов в том, что границу они по определению любят больше собственной своей страны. Если перед ними стоит выбор — кому маршировать по Красной площади: частям НАТО или дивизии Дзержинского, эти люди, не задумываясь, выберут НАТО.

В борьбе с кремлевским режимом они готовы использовать любые средства, объединяться с кем угодно, потому что обратного пути у них попросту нет.

Я никогда не пойму, как можно, например, объединяться с такими людьми, как Березовский, даже если продиктовано это высокими, благородными помыслами; меня лично — хоть расстреляй, с Борисом Абрамовичем просто на одном поле сесть не заставишь.

Нашей же оппозиции — все равно, у кого брать деньги. И неважно, что сами они кричат теперь, будто не получили у опального олигарха ни копейки. Сам факт контактов их и встреч — сомнений не вызывает.

Когда в 2002 году Березовский объявил себя вдруг либералом и пообещал 100 миллионов долларов на поддержку новой партии, «ЛиБРоссии», и все эти интеллигенты, моралисты — Юшенков, Похмелкин, правозащитник Юлий Рыбаков — стремглав бросились в Лондон, они даже сами, верно, не поняли, какую услугу оказывают Кремлю. Потому что большей антирекламы оппозиции, нежели связь с Березовским — трудно вообще себе представить.

То же самое — в полной мере можно отнести и к неожиданно вспыхнувшей любви либералов к другому олигар-

ху—Михаилу Ходорковскому, одновременно превратившемуся вдруг из губителя в спасителя России.

Не суть важно, почему Ходорковский был отправлен в колонию и за что невзлюбила его власть; гораздо важнее—насколько обоснованы предъявленные ему обвинения. Уголовный преступник, если он преступник, не может быть политическим заключенным; а аргумент, что сажать, дескать, следует всех олигархов, а раз посадили только одного, то он, значит, жертва режима, это, извините, бред. (По такой логике у нас вообще, значит, не надо никого отдавать под суд, ибо настоящие жулики воруют миллионами, а милиция хватает исключительно мелкую сошку.)

Вряд ли у кого-то возникают сомнения, будто вынесенный Ходорковскому приговор—целиком и полностью был высосан Кремлем из пальца. В конце концов, в России образца 1990 годов просто физически невозможно было стать миллиардером, не замаравшись в крови.

Если же у кого вдруг такие сомнения и появятся, рекомендую не полениться и сходить в театр «Модернь», худрук которого Светлана Врагова—кстати, народная артистка России—имела несчастье близко столкнуться с деятельностью этих самых невинных жертв.

Так случилось, что дом, в котором Врагова прожила всю жизнь, располагался во дворе «Менатеп», и в один прекрасный день Ходорковский возжелал прирезать его к своим владениям. Однако двое жильцов, включая Врагову, съезжать не хотели. С ними долго пытались договориться, но стояли они насмерть. В итоге, вернувшись однажды домой, Врагова узрела страшную картину: нечто вроде уездного ревкома после налета махновцев. Из квартиры исчезла вся мебель, обои и шторы были сорваны, на полу

валялась разорванная одежда. После чего народной артистке было объявлено, что если она сунется домой еще раз, ее попросту убьют; как другого упрямого ее соседа, павшего от автоматной очереди. (Киллеров, разумеется, не нашли.)

Самое поразительное в этой истории, что Ходорковский потом перед Враговой извинился: оказалось, он не знал, что спорная квартира принадлежала столь уважаемому человеку. Иными словами—глава «Юкоса» фактически признал, что именно его опричники устроили этот показательный погром.

Так вот. До тех пор, пока в 2003 году на Ходорковского не объявили охоту, все попытки Враговой добиться справедливости заканчивались крахом. И не ее одной.

К сожалению, прокуратура не умеет у нас работать без повелительного окрика сверху; но уж когда окрик прозвучит—будьте уверены: вцепятся мертвой хваткой.

Рекомендую для наглядности прочитать приговоры Ходорковскому, Лебедеву, Пичугину; они вывешены в Интернете. Чтение—душераздирающее; почище романов про графа Дракулу. Одних только убийств доказать удалось целых пять—и это явно не предел. Причем сотрудники службы безопасности «Менатеп» и «Юкоса» убивали людей без особого даже повода. (Предпринимательницу Валентину Корнееву расстреляли, например, лишь потому, что она не захотела отдавать «Менатепу» глянувшиеся ему помещения.)

Однако российские либералы этих материалов не читают и читать не хотят: враг моего врага—мой друг, вот и вся их логика. Именно по этой причине и Ходорковский, и его соратник Леонид Невзлин возведены ими сегодня в ранг великомучеников.

Невзлин с недавних пор также именуется одним из лидеров либеральной оппозиции; правда, напрямую участвовать в политической жизни он пока не может, ибо объявлен Генпрокуратурой в международный розыск по обвинению в «заказе» множества состоявшихся и несостоявшихся убийств, и вынужден скрываться в Израиле. Но Леонид Борисович не отчаивается и обещает посильно способствовать становлению гражданского общества так, как умеет: *честно* заработанными деньгами. В числе потенциальных получателей своих *грантов* он без утайки называет Михаила Касьянова и Гарри Каспарова.

В июле 2005-го Невзлин, как видный российский политик «в изгнании», приглашался даже в США на заседание комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе, где излагал свое видение об этом самом «сотрудничестве». Заключается оно в том, что Россию незамедлительно следует исключить из «большой восьмерки» и не принимать в ВТО. (Лучше б, конечно, еще и войска НАТО сюда ввести, но об этом следует пока только мечтать.)

Подобное апеллирование к Западу, как к некоему верховному арбитру, вообще, свойственно российским либералам: вот приедет барин и рассудит.

По всякому поводу они отправляют пафосные и гневные петиции, требуя принять самые решительные меры к собственной стране: вплоть до признания ее террористическим государством, которое «ничем не лучше, чем режим Саддама Хусейна». (Это из открытого письма Елены Боннер и Владимира Буковского президенту Бушу.) Другой не менее видный ветеран правозащитного движения Александр Подрабинек прямо советует междуна-

родным финансовым организациям держать Россию на голодном пайке, пока она не «интегрируется в общемировой порядок».

Вообще, наши правозащитники — это совершенно особая статья. Не очень понятно, кого и почему они защищают, но зато всегда ясно от кого — от России. Любое проявление государством силы неизменно воспринимается ими в штыки.

(К слову, традиция эта давняя, берущая свое начало со времен Царя Гороха; ее еще Салтыков-Щедрин смачно описывал: «В некоторой стране жил-был либерал, и притом такой откровенный, что никто слова не молвит, а он уж во все горло гаркает: "Ах, господа, господа! что вы делаете! ведь вы сами себя губите!" И никто на него за это не сердился, а, напротив, все говорили: "Пускай предупреждает — нам же лучше!"»))

Эта удивительная особенность либеральных правозащитников ярче всего проявилась во время чеченских событий. До тех пор, пока наши войска не вошли в Чечню, все, что творилось внутри республики, никого из них абсолютно не волновало.

Досточтимый Сергей Адамович Ковалев, которого почему-то принято считать совестью нации и духовным наследником академика Сахарова (на тот момент — уполномоченный по правам человека в России) ни разу — хотя бы для вида — не озаботился даже, как обстоит в Чечне дело с этими самыми правами. Хотя процветал там тогда натуральный геноцид, неверных убивали и резали каждый божий день, отбирали квартиры и последний скарб, а в самом центре Грозного, у Дома печати, был вывешен красноречивый плакат: «Русские, не уезжайте, нам нужны рабы!»

За три года дудаевского правления из Чечни бежало

свыше 250 тысяч человек: практически все русскоязычное население. (Если в 1991 году в станице Ассиновской насчитывалось, например, 8 тысяч жителей, то к 1995-му их осталось менее 2 тысяч.) Еще 30 тысяч было убито.

Тем не менее в официальном докладе о соблюдении прав человека за 1993 год, подготовленном Ковалевым, о Чечне не было сказано ни слова. Что не помешало в то же самое время провести ему целые парламентские слушания о нарушении прав человека... на Кубе.

Но стоило лишь армии войти в мятежную республику, как чеченский вопрос превратился в излюбленного конька всех правозащитников, и тот же Ковалев кинулся денно и ночью мотаться по Кавказу, выискивая все новые факты великодержавного произвола.

Почти сразу с началом кампании он назвал ввод войск возвратом к тоталитаризму, полицейскому и репрессивному режиму и призвал правительства других государств оказать на Россию «все возможное давление». «Я бы на месте этих стран,—глубокомысленно изрек Ковалев,—особенно Восточной Европы, заручился бы внешней военной поддержкой. Сегодня мы бомбим Грозный, завтра—Гродно, а там *и* до Варшавы недалеко».

(После бомбардировок Югославии подобное миролюбие у российских правозащитников почему-то как ветром сдует. Практически все они—Боннер, Подрабинек, Буковский, Ферапошкин, Постников—безоговорочно выступили в поддержку НАТО. Лишь руководство «Мемориала» позволило выразить сожаление, что американцам «пришлось» прибегнуть к насилию; да и то потому, что агрессия против сербов льет-де «воду на мельницу российских шовинистических и антизападных сил».

То же самое повторится и с Ираком. Ковалев, который

еще недавно столь бурно протестовал против ввода войск в Чечню, на этот раз объявит, что у американцев, оказывается, не было «оснований для того, чтобы спокойно взирать на безобразия Саддама Хусейна».)

Именно стараниями правозащитников — и в первую очередь Ковалева — был вылеплен ужасающий образ русских оккупантов, безжалостно уничтожающих мирных, безоружных чеченцев; одна только история с Самашками чего стоит.

В апреле 1995-го правозащитным центром «Мемориал» было распространено экстренное заявление о том, что в мирном чеченском селении Самашки российской армией проведена бесчеловечная карательная операция. Все газеты и телекомпании мира подхватили эту жуткую весть; Ковалев и его коллега Лев Пономарев громогласно сравнивали трагедию в Самашках с Хатынью и Сонгми.

Приведу выдержки из этого сообщения:

«Сожжены и расстреляны танками в упор более 200 домов. В каждом доме по 3—4 человека замучены, расстреляны, а затем сожжены, чтобы замести следы преступления, старики, дети, женщины, подростки...

Около 30 детей повешены на окраине села, от 10 до 15 лет. Живой девочке 11 лет отрезали голову, мать изнасиловали... Около 200 человек от 15 лет и старше 65 лет забрали в заложники, они подвергаются средневековым пыткам: иглы под ногти, при этом используются и современные методы пыток — электричество...

150 детей и подростков, спасаясь от расстрела, ночью бежали в самашкинский лес, среди них очень много раненых. ФСК и федеральные войска с вертолетов забрасывают бомбами и обстреливают лес. Очевидец Умарова Газман видела, как у молодого жителя села вырвали сердце...»

Комиссия Госдумы во главе со Станиславом Говорухиным подробно занималась изучением этой душераздирающей истории. Депутаты выезжали на место, опрашивали свидетелей, очевидцев, пострадавших.

Тут-то и выяснилось, что никакой карательной операции в Самашках не проводилось. В действительности село это являлось мощным опорным пунктом дудаевцев, в нем находилось не менее 300 боевиков. При попытке войти в Самашки российские военные были встречены ожесточенным огнем и вели бой почти сутки. 16 человек было убито, 52 получили ранения. Кроме того, «мирные жители» подбили 2 танка и 3 БТР.

А еще оказалось, что заявление «Мемориала» писалось со слов неких чеченок, которые на месте событий вообще не присутствовали.

Могли быть в ходе боев сожжены жилые дома? Несомненно, могли; война — на то и война. Но всех этих ужасов с отрезанными детскими головами и виселицами на окраине села — совершенно точно не было и в помине; между прочим, в списке погибших, которые «Мемориал» представил в говорухинскую комиссию, ни одного ребенка не значилось.

Думаете, кто-то из правозащитников хотя бы извинился, признал свои ошибки? Как бы не так.

Вот и после того, как в России прогремел другой шумный скандал, уличивший крупнейшую правозащитную организацию — Московскую Хельсинкскую группы (МХГ) — в получении денег от британских спецслужб, эти люди не нашли ничего умнее, нежели обвинить ФСБ и Кремль в наступлении на демократию.

Хотя все доказательства их связи с МИ-6 имелись в избытке; средства на счета МХГ официально перечислял вто-

рой секретарь политического отдела британского посольства Марк Доу, установленный сотрудник резидентуры МИ-6. (Он был зафиксирован ФСБ в момент проведения разведывательной операции.)

Доу был не простым, а очень разносторонним шпионом. Помимо своих прямых обязанностей он являлся и координатором Фонда глобальных возможностей при английском МИД, то есть был куратором ряда наших неправительственных организаций, в том числе Московской Хельсинкской группы и фонда «Евразия». (Если помните, этот фонд играл ключевую роль при подготовке «цветной» революции в Минске.)

А я-то, наивный, никак не мог понять, с чего это наши правозащитники столь активно защищают обвиняемых в шпионаже людей. Все, оказывается, просто как апельсин; правозащитничество — это такой же точно бизнес; кто ужи-нает девушку, тот ее и танцует.

Неизменно, стоит лишь ФСБ задержать очередного сектороносителя, попавшегося на передаче секретных материалов иностранцам, как правозащитники тут же начинают голосить о возврате кровавой ежовщины и призывают мировое сообщество обуздать волну шпиономании.

«Если хотя бы один „шпионский" процесс закончится обвинительным приговором, — объявила, например, во всеуслышание председатель МХГ Людмила Алексеева, — мы снова окажемся в закрытой стране».

Комментарии, полагаю, излишни...

К сожалению для Алексеевой, большинство таких процессов завершились вопреки ее желания.

Зав. сектором института США и Канады Игорь Сутягин, уличенный в передаче секретных сведений аспиранту Принстонского университета Джошуа Хендлеру и бри-

ганской фирме Alternative Futures (по уверениям ФСБ, эта контора служила прикрытием для западных спецслужб) был приговорен к 15 годам за разглашение гостайны.

Красноярский физик Владимир Данилов, снабжавший китайцев совсекретными данными о системе защиты наших космических аппаратов, получил 14 лет.

На 8 лет (правда, условно) был осужден профессор МГТУ Анатолий Бабкин, продавший отставному американскому разведчику Эдмонду Поупу материалы по новейшей и уникальнейшей разработке — торпедо «Шквал», способной достигать скорость до 200 узлов в час. (Сам Поуп был приговорен к 20 годам, но затем помилован путинским указом и отпущен восвояси.)

И вновь — давайте попытаемся применить уже не раз использовавшуюся мной формулу зеркального восприятия. Представим, что дела эти слушаются не в России, а в США, а на скамье подсудимых сидят американские граждане, попавшиеся на продаже бывшим (да и действующим) российским разведчикам государственных секретов.

Найдется ли в Штатах хотя бы один омбудсмен, который возьмется их защищать, клеймя при этом ФБР позором? Сильно сомневаюсь. Скорее наоборот.

Всеобъемлющая нелюбовь к российским спецслужбам прочно связывает западный мир с отечественными правозащитниками и либералами. (Тщательный подсчет выходцев из *конторы* во властных структурах — давно стало у них уже доброй традицией; некогда общество «Память» столь же скрупулезно вычисляло, сколько евреев трудилось в ЧК и первом советском правительстве.)

Если когда-то советские диссиденты и были, действительно, бескорыстными борцами с режимом — фанатиками-альтруистами, добровольно входящими во имя своих

идей на плаху — то сегодняшние правозащитники в основной массе давно уже превратились в платных глашатаев.

(Замечу в скобках, что руководство Федеральной службы исполнения наказаний не раз заявляло о смычке организованной преступности с определенной частью правозащитников.)

Упоминавшаяся уже Людмила Алексеева, председатель МХГ, не скрывает, что «все правозащитные организации получают деньги... от западных фондов», а сама Хельсинкская группа «финансируется исключительно из зарубежных источников». Правда, она тут же оговаривается, что благотворители-де «не требуют в обмен на финансирование ни лояльности, ни каких бы то ни было специальных услуг», однако верится в это с трудом.

Одним из основных спонсоров МХГ, равно как и большинства других правозащитных групп, уже много лет выступает The National Endowment for Democracy — Национальный фонд развития демократии (NED). Эта общественная якобы организация была создана еще в самый разгар «холодной войны» по личной инициативе президента Рейгана «для укрепления демократических институтов во всем мире через воздействие на неправительственные институты».

На самом деле Фонд этот так же независим от государства, как Антисионистский комитет (тоже якобы общественный) был отделен некогда от ЦК КПСС. Достаточно сказать, что деятельность NED финансируется из американского бюджета, его деятельность полностью подотчетна Конгрессу США, а в состав совета директоров входят по три конгрессмена от каждой партии.

Что меня всегда умиляло в американцах — так это их простодушная откровенность. (Хотя черт его знает, чего

здесь больше: простодушия или цинизма.) Они даже и не думают скрывать истинных своих целей; недаром первый руководитель NED Алан Ванштейн обмолвился однажды, что фонд был создан для того, чтобы «делать открыто то, что ЦРУ делало тайно 25 лет назад».

Любой желающий, зайдя на сайт Фонда развития демократии, без труда может узнать, что одной из основополагающих его задач является «поощрение формирования и развития демократии в таком направлении, чтобы она соответствовала национальным интересам США». Там же, на сайте, помещен и список благодетельствованных организаций с точным указанием назначения (ау, г-жа Алексева!) каждого платежа.

Из внимательного прочтения следует, что абсолютное большинство грантов направляется не на правозащитную деятельность, а совсем на другие вещи: обучение молодежи «демократическим принципам», пропаганду приватизации земли, финансирование «независимой» прессы.

Та же самая Московская Хельсинкская группа в 2002 году получила, например, от Фонда 44 тысячи 790 долларов для оказания «юридической помощи жертвам т. н. "шпионских" дел» (цитата дословная). Иными словами, американское правительство — не суть, напрямую или через посредников — платит деньги российским правозащитникам для того, чтоб защищали они американских же шпионов.

(Колоссально, как сказала бы светлой памяти Эллочка-Людоедка.)

Между прочим, в числе регулярных получателей грантов Фонда значится и столь замечательная организация, как нижегородское «Общество русско-чеченской дружбы»,

и это — явно неспроста. (На сайте «ОРЧД» прямо указывается: наш спонсор — The National Endowment for Democracy.)

В феврале 2006-го лидер этого общества Станислав Дмитриевский был осужден к 2 годам — увы, условно — за разжигание межнациональной розни; в издаваемой им газете он открыто призывал «цивилизованный мир покарать Россию» и публиковал обращения Масхадова и Закаева «к российскому народу».

А еще — Дмитриевский является одним из организаторов маршей несогласных, которые регулярно проходят в Нижнем Новгороде. Последний такой марш должен был состояться совсем недавно, осенью 2007-го, но в последний момент участники оного на улицы отчего-то не вышли. И дело не в том, что лубянские сатрапы похватили их на полдороге, дабы заткнуть правде рот. Просто предназначавшийся на организацию этой акции транс — 80 тысяч долларов, как одна копеечка, — оказался вовремя перехвачен спецслужбами; а бесплатно выступать — дураков, естественно, не нашлось.

А теперь — внимание — самое интересное. В качестве плательщика значился в бумагах ... Национальный фонд развития демократии.

Именно через него, равно как и многочисленные другие неправительственные западные организации, и идет сегодня финансовая подпитка российской непримиримой оппозиции. За счет их проводятся шествия и акции, выпускается агитационная литература, ведется подготовка и обучение активистов.

Это демократия, да?

Бросьте. Чем мощнее становится сегодня страна, тем большую озабоченность вызывает это у наших иностран-

ных друзей. Сильная Россия, с которой приходится считаться, не нужна никому.

Давно ушли в прошлое те времена, когда американцы хозяйской поступью расхаживали по Кремлю, а министр Козырев смиренно сидел под дверьми в Белом доме.

Нравится это кому-то или нет, но Россия, как птица Феникс, возрождается, встает с колен. В геометрической прогрессии растут расходы на армию и оборонно-промышленный комплекс, сходят со стапелей новые атомные крейсера и взмывают в небо ракеты «Тополь» и «Булава», не имеющие себе равных в мире. Поднимается сельское хозяйство, наука, промышленность.

Ушедшее, казалось бы, в прошлое чувство национальной гордости вновь возвращается в сознание людей; с недавних пор мы не чувствуем себя бедными родственниками на задворках цивилизации.

Нет больше унижительной петли МВФ и прочих западных кредиторов. Одна за другой Россия одерживает победы — в экономике, внешней политике, спорте, науке.

Есть проблемы? Конечно, есть, их нет только на кладбище, хотя и там нередко воруют надгробия. Но главное уже сделано — корабль, давший два десятка лет назад течь, заделал большинство пробоин и снова вышел в открытое, самостоятельное плавание. И на мостике стоит отныне капитан, которому — опять же, нравится кому или нет — доверяет абсолютное большинство пассажиров...

История всегда идет по кругу. 5 марта 1946 года Черчилль произнес в Фултоне свою знаменитую речь, положившую начало «холодной войне». Прошло ровно 60 лет, и вот 4 мая 2006 года вице-президент США Дик Чейни выступил в Вильнюсе (на «передовой свободы», по его выражению) с речью, почти аналогичной Фултонской.

«...В сегодняшней России оппоненты реформ пытаются обратить вспять достижения последнего десятилетия. Во многих областях гражданского общества—от религии и СМИ до правозащитных организаций и политических партий—власти несправедливо и неуместно ограничили права своего народа. Другие действия российского правительства были контрпродуктивными и могут повлиять на отношения с другими странами. Когда нефть и газ становятся инструментами запугивания и шантажа путем либо манипуляций поставками, либо попыток монополизировать систему транспортировки, это не отвечает ничьим законным интересам. И ничем нельзя оправдать действия, которые подрывают территориальную целостность соседа или мешают демократическим движениям.

Россия должна сделать выбор. И, несомненно, возвращение к демократическим реформам в России обеспечит дальнейший успех ее народу и большее уважение со стороны других стран».

А еще, сказал американский вице-президент: «Система, которая дала такую большую надежду Балтийскому берегу, может дать ту же надежду далеким берегам Черного моря и еще дальше. То, что верно в Вильнюсе, верно в Тбилиси и Киеве, верно в Минске и в Москве».

Путин ответил Чейни—кстати, одному из главных идеологов развала СССР; когда последний занимал при Буше-старшем пост министра обороны, даже по меркам Вашингтона он считался непоколебимым ястребом—ровно через 5 дней, выступая с посланием к Федеральному собранию. Я был тогда в этом зале и видел, с какой жесткостью произносил президент уже вошедшие в историю фразы на-

счет «товарища волка», который «кушает, и никого не слушает, и слушать, судя по всему, не собирается».

«Куда только девается весь пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы? Здесь, оказывается, все возможно, нет никаких ограничений».

Годом позже, в Мюнхене, Путин выскажется еще более определенно, обвинив США (в частности) и Запад (вообще) в попытке развязать новую «холодную войну», хотя, собственно, сие было уже лишь констатацией факта.

Эта война продолжается уже не первый год. И, к сожалению, российская либеральная оппозиция участвует в ней явно не на стороне России...

4. Последняя гастроль

Давайте сразу договоримся, что именовать оппозицией. Зюганов, например, это оппозиция? Или — Жириновский?

С моей точки зрения — к оппозиции подобные господа имеют такое же отношение, как группа «Блестящие» к певческому искусству.

(К слову, у меня в архиве уже много лет хранится подлинник письма Владимира Вольфовича в Сокольнический райком КПСС, датированный 1990 годом, с нижайшей просьбой разрешить проведение 1-го съезда либерально-демократической партии в ДК им. Русакова. «С райотделом КГБ (тов. Сопелкин), — значится без обиняков в доку-

менте, — вопрос согласован». Ясное дело, в ДК Жириновского пустили и даже показали об этом сюжет в программе «Время».)

И КПРФ, и ЛДПР, и прочие бесчисленные и безликие их клоны похожи скорее на дрессированных зверей, выпускаемых дрессировщиком на манеж всякий раз, когда требуется разрядить обстановку; не беда, что когти и зубы у них давным-давно уже затупились, и теперь они неспособны разорвать даже морскую свинку; со стороны выглядит все почти натурально: смертельный номер! последняя гастроль!

За все годы своего существования ни Зюганов, ни Жириновский и палец о палец не попытались ударить, чтобы ослабить столь ненавистный им якобы режим; напротив, дружно голосовали и за «антинародный» бюджет, и за другие кремлевские инициативы. А за это — получали они право надувать щеки, восседать в президиумах и кататься на машинах с мигалками, беззлобно покусывая щедрую руку дающего.

(Когда в 1993-м ельцинская власть повисла на волоске, именно Зюганов сделал все возможное для провала октябрьского мятежа. Он не только покинул Белый дом накануне штурма, но и выступил по телевидению, призвав своих сторонников последовать его примеру.)

Кто же тогда оппозиция? Хакамада с Немцовым? Явлинский, Касьянов и Лимонов? А может, возглавляющий госмонополию Чубайс или беглый олигарх-расстрига Невзлин?

Час от часу не легче; сплошной цирк, честное слово. То были — дрессированные зверушки, теперь — натуральные клоуны.

(Политическая сила, в которой на лавры вождя претен-

дует человек по прозвищу «Миша Два Процента», это вообще что-то из области театра абсурда.)

Беда российской оппозиции не в том, что она — смешна и продажна; а в том, что другой — у нас попросту нет; единственный человек, которого без натяжки можно назвать истинным и бескомпромиссным борцом с режимом, это — Валерия Ильинична Новодворская, что само по себе уже диагноз.

В принципе, это даже не их беда; это беда всего российского общества. Без здоровой, системной оппозиции государство просто не может нормально развиваться.

Впору вспомнить Ленина: узок их круг и страшно далеки они от народа. Люди, объявляющие себя народными защитниками, на самом деле давным-давно уже живут в своем собственном, иллюзорном мире. (Хорошо помню предвыборные ролики СПС 2003 года; Чубайс, Немцов и Хакамада летят на частном самолете с белым кожаным салоном; это в стране-то, где средняя пенсия не превышала тогда пятидесяти долларов. Та же самая Хакамада, когда в телеэфире зашла однажды речь о забастовке воркутинских шахтеров, без обиняков посоветовала им не бунтовать, а собирать лучше морошку и грибы; она даже не знала, что в Воркуте морошка не растет.)

У российской оппозиции нет никаких новых идей, экономических и политических программ; все их лозунги и призывы — лишь затертые до дыр наборы банальностей, которыми трясут они много лет подряд. Их главная политическая концепция заключается в том, что власть плоха, а президент Путин — тиран и деспот; а значит, стоит лишь прийти (а точнее, вернуться) им к власти — как сразу же начнется в России счастливая и богатая жизнь.

Все это мы уже слышали, и не раз; когда демократы низ-

вергали коммунистический режим, они тоже кормили общество сладкими обещаниями, уверяя, что дай им только волю, мгновенно потекут молочные реки вдоль кисельных берегов; будем жить не хуже, чем в Америке.

О том, что произошло с Россией за годы их владычества, напоминать, надеюсь, не требуется: массовое обнищание населения, грабительская приватизация, полный развал армии и промышленности, рост сепаратизма, взрыв коррупции и преступности.

А ведь никто им тогда не мешал воплощать в жизнь свои гениальные идеи. Первые годы правления Ельцин вообще не вмешивался в работу экономического блока правительства, целиком доверившись Гайдару с Чубайсом; творили они, что хотели.

Однако чем больше времени проходило, тем больному становилось только хуже; страна хрипела уже в предсмертных столах, а заботливые эскулапы лишь уговаривали в ответ: потерпите немного, еще совсем чуть-чуть...

Перелистаем старые газетные подшивки; вот что говорил тогда главврач этой кремлевской больницы по фамилии Ельцин.

«Нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идёт о 6-8 месяцах». (Декабрь 1991-го.)

«Возможно, какое-то начало стабилизации может быть к концу года, а в дальнейшем, в 1993 году — улучшение жизни людей. В этом я убежден». (Апрель 1992-го.)

«В прогнозах могут быть ошибки. Но это ошибки не на годы — на месяцы». (Октябрь 1992-го.)

«В первом квартале будущего года начнется финансовая и экономическая стабилизация». (Ноябрь 1992-го.)

«Я уверен, что 1993 год будет годом переломным, годом стабилизации, поскольку вот уже три месяца уверен-

но идет снижение уровня инфляции, а производство становится на ноги». (Апрель 1993-го.)

Ни одно из этих обещаний выполнено так и не будет. Позднее сам Ельцин вынужденно признает, что выступал с подобными речами исключительно потому, что чрезмерно доверился своим молодым соратникам. (Цитата из его книги «Записки президента»: «Гайдар как неопытный политик давал заверения близкой стабилизации. Поневоле мне приходилось делать то же самое».)

Главная проблема наших либеральных реформаторов заключалась в том, что они хотели перепрыгнуть пропасть в два прыжка, пробежать за секунду тот путь, на которой у других стран ушли десятилетия.

В Латинской Америке, при всей ее знаменитой коррумпированности, за 10 лет реформ было приватизировано всего 279 предприятий и общая выручка государства составила 90 миллиардов долларов. В маленькой Венгрии приватизация шла тоже 10 лет, и казна получила от нее миллиард долларов.

В России же от приватизации 145 тысяч (!) предприятий бюджет выручил всего 9,7 миллиарда «зеленых» — для сравнения, такую сумму наши туристы ежегодно оставляют на зарубежных курортах.

И Чубайс, и Гайдар — либералами были исключительно на словах; в реальности же действовали они сугубо большевистскими методами, и продолжают действовать, кстати, до сих пор. (На выборах в прошлую Думу всем работникам РАО «ЕЭС» было в обязательном порядке приказано проголосовать за СПС; слышал это собственными ушами.)

Даже риторика их была абсолютно коммунистической. «Нашей целью,- громогласно объявлял Чубайс, —

является построение капитализма в России, причем в несколько ударных лет, выполнив ту норму выработки, на которую у остального мира ушли столетия». (Ну чем не «пятилетка в четыре года» или построение коммунизма к 1980 году?)

Многие по сей день считают, что разрушительные последствия либеральных реформ стали следствием неопытности молодых архитекторов; хотели, дескать, как лучше, а получилось как всегда.

Честно говоря, тезис этот — весьма сомнителен. Ну, во-первых, можно было вполне не изобретать велосипед, а спокойно обратиться к опыту иных стран, уже прошедших через горнила приватизации.

А во-вторых — и это куда важнее — чудо-реформаторы с самого начала были настроены на то, чтобы разрушить весь мир до основания, а затем... Такое чувство, что они словно мечтали принести себя в жертву общественному мнению; даже получали от этого своеобразное удовольствие, считая себя кем-то вроде Джордано Бруно.

Еще в 1990 году в полузабытом ныне журнале «Век XX и мир» (шестой номер) был опубликован довольно любопытный документ, на который мало кто тогда обратил внимание; фрагмент аналитической записки «по концепции перехода к рыночной экономике в СССР», подготовленной группой Чубайса. (Напечатали его под характерным заголовком «Жестким курсом...».)

В этом документе авторы детально изучали возможные негативные последствия концепции «большого скачка»; иными словами, они отлично представляли, сколь велики будут грядущие социальные потрясения, и даже подробнейшим образом предсказывали их.

Цитата: «...к числу ближайших социальных последствий

ускоренной рыночной реформы относятся общее снижение уровня жизни, рост дифференциации цен и доходов населения, возникновение массовой безработицы». В свою очередь, это повлечет сильнейшее социальное расслоение и возникновение «с высокой вероятностью экономических забастовок в базовых отраслях промышленности и политических забастовок в крупных городах».

Думаете, после этих строк авторы (читай, Чубайс) предприняли попытку поразмыслить, как бы последствий таких избежать или хотя бы минимизировать? А вот — и не угадали. Все дальнейшие их рассуждения свелись к прямо обратному: выработке «правильных» мер противодействия грядущему народному гневу и сопротивлению; типа — железной рукой загоним человечество в счастье.

«Не последнее место, — читаем в статье, — займут меры антидемократического характера», как-то: запрет на забастовки, контроль за информацией, ограничение полномочий или роспуск представительных органов, «роспуск официальных профсоюзов в случае их выступления против правительственных мер». Любое «идеологическое» сопротивление предлагается подавлять беспощадно, «необходимо поставить под свой контроль все центральные средства массовой информации».

А как вам, например, такой пассаж? Следует «дифференцировать меры в отношении рабочего движения — закрывать, например, одну шахту из трех, сохраняя на остальных нормальные условия оплаты».

Как видно, ничего общего с либерализмом и демократией взгляды их не имели; равно как и проведенные этими ребятами реформы (разработанные, напомню, американскими советниками) не имели ничего общего с реформами в принципе.

Вся концепция приватизации по-Чубайсу сводилась лишь к одному: взять и поделить. Неважно, кому и за сколько государство продаст предприятия — главное, сделать это побыстрее и помасштабней.

Вспоминая сейчас то время, кажется, будто жили мы в каком-то похмельном бреду. Морские порты вместе со всей инфраструктурой и кораблями уходили по цене одной проржавевшей баржи. Валютоемкие, крепко стоящие на ногах заводы отдавались за сумму, равную размеру их месячной прибыли.

Челябинский тракторный завод, где работало 55 тысяч человек, продали за 2,2 миллиона долларов.

Северное морское пароходство — одно из крупнейших в стране — за 3 миллиона.

А легендарный «Уралмаш» — гордость Урала, центр мирового тяжелого машиностроения (34 тысячи рабочих) — и вовсе был выкуплен бывшим завлабом Кахой Бендукидзе за два набитых ваучерами автомобильных багажника.

«Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров», — прекраснодушно изрекал Ельцин накануне приватизации летом 1992-го; но откуда возьмутся эти миллионы собственников — ни он и никто из реформаторов объяснить так и не сумел.

Ваучер — обезличенный приватизационный чек, придуманный Чубайсом (он называл его «билетом в свободную экономику») — имел номинал в 10 тысяч рублей; но за эти деньги купить что-либо в стране с постоянно растущей инфляцией было попросту невозможно.

Не знаю, как вам, мне лично не посчастливилось встретить ни одного еще человека, получившего со своего ваучера хотя бы рубль дохода; в лучшем случае ваучеры перепродавали спекулянтам за бутылку.

Тут-то и кроется главная заковыка; получается, что приватизация проводилась отнюдь не в интересах населения, и была на руку исключительно узкой группке лиц, способных выложить из кармана пару-другую миллионов долларов, дабы закомпостировать этот самый злополучный билет. А откуда, интересно, таковые богатеи могли появиться в 1992—1993 годах?

Ответа может быть только два: либо—из числа цеховиков и подпольных валютчиков (честный, среднестатистический кооператор такие барыши и в глаза не видел). Либо—из недр организованной преступности; что, собственно, разницы особой не имеет, ибо оргпреступность и теневая экономика—есть, по сути, единое целое. («Обе стороны медали—выбиты в одном металле»,—писал когда-то Ежи Лец.)

К слову говоря, многие экономисты, предвидя подобный разворот, предлагали открыть именные приватизационные банковские счета на каждого гражданина России; тогда было бы сразу понятно, откуда у человека взялись деньги и весь ход приватизации стал бы прозрачен как стеклышко. Именно такую идею отстаивал, например, первый председатель Госкомимущества Михаил Малей; но Чубайсу с Гайдаром оказалась она не по душе; обезличенные ваучеры—давали отличную возможность для легализации любых грязных денег.

В итоге Малей был отправлен в отставку (его сменил Чубайс). А скупившие горы ваучеров сомнительные личности—то ли вчерашние цеховики, то ли откровенные бандиты—набивали ими автомобильные багажники и приобретали за бесценок крупнейшие предприятия. Нередко сделки такие походили вообще на фарс: скажем, никому неведомый бурильщик Ю. В. Тимофеев из Тюменской

области стал счастливым обладателем аж 210 миллионов акций «Газпрома», за которые выложил он ваучеров на 2,1 миллиарда рублей.

«Вот я, Лужков,—возмутился во всеуслышание столичный мэр и один из самых последовательных критиков либерал-реформаторов,—получил свой ваучер. На сегодня его стоимость—это три килограмма плохой колбасы. Неужели я, гражданин России, в лице всех моих предков тысячу лет работавших на Россию, где до последних лет всей собственностью владела государственная власть, заслужил всего лишь три килограмма? Не смешно ли это?!»

Да нет, не смешно; грустно, скорее.

Между прочим, в Москве, где Лужков сумел отстоять «особый порядок» приватизации, за что публично был назван Чубайсом «врагом реформ» (звучит зловеще; почти, как «враг народа»), итоги реформ оказались совершенно иными. Большинство предприятий соцкультбыта (а именно они составляли основу приватизации) были выкуплены их же трудовыми коллективами, причем везде предусматривалась доля города в размере 20%. И несмотря на это, объем средств, вырученных столичной казной от приватизации, оказался соизмерим с цифрой, собранной по всей России в целом...

Сегодня и Чубайс, и Гайдар с Немцовым уверяют, что без этих реформ Россия никогда не смогла бы оправиться от разрушительных последствий советского прошлого. Сильно сомневаюсь! Ведь те же самые предприятия, будь они проданы по реальной цене, принесли бы в казну совершенно иные деньги; и не было б тогда проблем с дефицитом бюджета, невыплатами зарплат и шахтерскими забастовками.

(Рост российской экономики—факт это медицинский—

начался лишь в 2000 году, с приходом президента Путина. До этого все обещания так и заканчивались ничем.)

Итоги реформ, проведенных этими горе-экономистами, страна пожинает по сей день. (Только за первый год их правления из страны было вывезено — сырьем, материалами, банковскими переводами — 17 миллиардов долларов. Потери экономики — за три года — составили 3,5 триллиона долларов.)

В результате бездумной политики рыночников и западников общество пережило целую череду кризисов, опустошивших и без того худые народные кошельки, и превративших обратно узкую кучку дельцов, оказавшихся в нужное время у трона, в богатейших людей планеты.

Сначала была шоковая гайдаровская терапия, лишившая миллионов людей всего, что копили они десятилетиями, и взвинтившая цены (за один год!) в 36 раз. Затем — грабительская чубайсовская приватизация.

«Черный вторник», в течение суток обваливший рубль на 40%, и уничтоживший только-только зарождавшийся средний класс. (Многие забыли, но Виктор Геращенко, тоже примеряющий теперь лавры предводителя оппозиции, в отставку с поста председателя Центробанка был отправлен именно после «черного вторника». Проведенная Совбезом проверка установила, что причиной этого кризиса стал сговор банков, попытавшихся извлечь суперприбыли, и фактическое потворство этому ЦБ во главе с честнейшим г-ном Геращенко.)

1995 год — залоговые аукционы, придуманные и проведенные наследником и учеником Чубайса Альфредом Кохом — тоже теперь рьяным активистом оппозиции. Эта величайшая афера современности позволила небольшой группке банков («Онэксим», «Альфа», «Менатеп»,

«МФК») скупить за бесценок акции крупнейших государственных предприятий; причем за государственные же деньги, которые правительство очень своевременно разместило накануне торгов в этих самых банках.

(В общей сложности за пакеты 12 предприятий — «Норильский никель», «Сибнефть», «Юкос», «Сургутнефтегаз» — казна выручила тогда 1,1 миллиарда долларов; реальная рыночная цена этого богатства составляла не менее 40 миллиардов. Ту же «Сибнефть», например, купленную в 1995-м за 100 миллионов долларов, Абрамович через 10 лет продаст государству назад уже за 13 миллиардов.)

Перечисляя «достижения» либерал-реформаторов, нельзя не вспомнить и о дефолте 1998 года, уронившем рубль в 4 раза; его главной причиной стали созданные либеральным правительством финансовые пирамиды; в первую очередь — знаменитые ГКО. Что характерно, большинство сановников и министров — то есть людей, от кого зависели правила этой игры — очень активно сами в них и участвовали, наживая сумасшедшие барыши. В числе игроков был и Чубайс, и многие другие реформаторы рангом поменьше, а также обе президентские дочери; многократно их предупреждали, что лавочку нужно прикрывать — к весне 1998-го дивиденды по ГКО превысили все доходы страны ровно вдвое; но жадность и азарт — оказались сильнее здравого смысла.

(«Должностные лица, понимая, к чему приведет пирамида, сознательно не останавливали маховик, — скажет потом генпрокурор Скуратов. — Возможность получить сверхприбыли, тем более если ты четко знаешь, что никогда не останешься в проигрыше, была для них важнее интересов страны».)

Так уж заведено: стоит поймать любого мошенника за

руку, как тут же начинает он мелко креститься и клятвенно заверять, что отдаст все назад: только отпустите. Дебелая Валентина Соловьева, хозяйка знаменитой «Властелины», когда судили ее, натурально плакала горячими слезами и обещала вернуть все деньги вкладчикам до копейки; дайте лишь вернуться к делам. То же самое говорил на суде и Мавроди, да и многие другие строители пирамид.

Верить таким клятвам как минимум глупо. Если наперсточник или шулер уже надул тебя, садиться с ним отыгрываться бессмысленно: все равно снова обманет.

Но чем лидеры нашей праволиберальной оппозиции отличаются от Мавроди с Соловьевым? Разве только масштабом содеянного? Да еще тем, что чудесным образом все они остались на свободе?

Среди вождей оппозиции нет ни одного ладно бы приличного, элементарно честного человека. Почти по каждому давным-давно плачет тюрьма.

О большинстве из них я подробно уже рассказывал. Пришло время коснуться и еще одного замечательного персонажа — бывшего премьер-министра Касьянова, чудесным образом превратившегося вдруг в поборника демократии и непримиримого оппонента Кремля. То есть до того момента, пока Касьянов был при власти, он полностью соглашался с путинской политикой; но стоило указать ему на дверь — тут же оказался по другую сторону окопа.

Я не перестаю удивляться короткой памяти наших либералов. Еще недавно только ленивый не уличал Касьянова в коррупции; свое прозвище «Миша Два Процента» этот человек обрел задолго до перехода в стан оппозиции, еще когда работал в Минфине, где и прославился виртуозной, а главное *бескорыстной* работой по обслуживанию внешних долгов страны.

Схема эта была проста, как апельсин. В 1990 годы Россия была должна бесчисленному множеству фондов и фирм. Денег на всех, естественно, не хватало, и отчаявшиеся ждать кредиторы были вынуждены скидывать свои векселя за 20—30% от номинала. Однако после того как покупали их банки, подконтрольные касьяновскому другу Александру Мамуту, Минфин резко вдруг находил деньги и погашал долги, но уже за полную стоимость. Разница — 70—80% — шла в карман Мамуту и... (Сами догадайтесь, кому.)

Именно Мамуту, имевшему немалое влияние на президентскую семью, Касьянов и был обязан всей своей карьерой, ознаменовалась каковая целой чередой новых коррупционных скандалов.

Касьянов, в частности, был замешан в неприятной истории с кражей госкредита в 231 миллион долларов, выданного Минфином самолетостроительной корпорации «МиГ»; деньги до получателя не дошли и были разворованы на полдороге, однако Михал Михалыч сделал все, чтобы спрятать концы в воду. Его напрямую обвиняли в причастности к знаменитому делу о рыбных квотах, стоившему жизни магаданскому губернатору Цветкову и закончившемуся тюрьмой для зампреда Госкомрыболовства Москальцова. (В кабинете Касьянова в Белом доме Генпрокуратура даже проводила тогда обыск.)

Еще 7 лет назад западная печать открыто писала, что именно Касьянов координировал все действия по расхищению кредита МВФ, выделенного России накануне дефолта 1998 года для стабилизации рубля—4,8 миллиарда долларов, как одна копейка; громкая статья в итальянской «Републике» так прямо и называлась: «Касьянов — режиссер "Рашагейта"».

Опять же — известный скандал с «Сосновкой», инициированный автором этих строк; все суды признали, что дачу Касьянов выкупил у государства за бесценок, по подложной, чисто воровской схеме. (При рыночной стоимости в 100 миллионов долларов она досталась ему в 100 раз дешевле; да и то — деньги заплатил он не свои, а друзей-олигархов.) В итоге «Сосновку» у Касьянова отобрали.

Обо всем этом, однако, оппозиция старается сегодня не вспоминать. Провалами в памяти страдает отныне и Запад.

Наоборот, Касьянова расхваливают теперь на всех углах, как светоч демократии и надежду русского либерализма; и в первую очередь те, кто вчера клеймил его позором.

Особенно забавно выглядит нынешняя дружба Касьянова с эпатажным писателем Эдуардом Лимоновым. Каких-то пару лет назад — на думских выборах 2003 года — активисты лимоновской Национал-большевистской партии закидали тогдашнего премьера Касьянова сырыми яйцами прямо у избирательной урны.

Теперь же Лимонов целуется с Касьяновым в десны, и уверяет, что лучшего президента для России не найти.

Сегодняшняя оппозиция до боли напоминает мне Ноев Ковчег; здесь собрано каждой твари — по паре. Люди, чьи взгляды и убеждения не имеют между собой ничего общего, тем не менее выходят на совместные митинги, создают различные советы и организации, вроде «Другой России» или «Комитета-2008».

А ведь если бы еще лет восемь назад кто-то сказал, что Лимонов, Явлинский и Каспаров с Касьяновым сольются в едином порыве, начнут заседать в одних президиумах.

где на заднем плане незримо будут маячить тени Невзли-на с Березовским, посмотрели б на такого провидца, как на полоумного.

Ну какой, скажите, на милость из маргинала Лимонова, имеющего в кармане французский паспорт и справку об освобождении из колонии, либерал и демократ?

Судьба этого человека — вполне могла бы лечь в основу авантюрного романа. Непризнанный андеграундный писатель, в 1974 году он эмигрировал за рубеж, где очень быстро разочаровался в буржуазной действительности и стал писать эпатажные автобиографические романы, которые поначалу никто даже публиковать не решался по причине чрезмерно натуралистического изображения гомосексуальной любви.

Лимонов — всегда там, где скандал. Сначала он публично признавался в любви к Каддафи и Арафату, потом ездил воевать в Сербию и Приднестровье. Попеременно примыкал к американским троцкистам, Жириновскому (в тенево-м кабинете ЛДПР одно время числился даже министром безопасности), Баркашову, Анпилову.

В 1994-м, переехав уже в Россию, создал свою собственную Национал-большевистскую партию, прославившуюся призывом: «Завершим реформы так: Сталин-Берия-Гулаг!» и чередой хулиганских выходок с забрасыванием оппонентов сырыми яйцами и майонезом.

Дважды против него возбуждались уголовные дела: за разжигание национальной розни (в своей газете «Лимонка» он написал, что народы делятся на плохие и хорошие; так вот плохие народы — чеченцев, хорватов, латышей, ингушей, словаков — убивать можно и должно, и вообще очень жаль, что Сталин не довел до конца депортацию кавказцев) и организацию незаконного вооруженного формиро-

вания вместе с покупкой оружия. Два года отсидел в колонии под Саратовом.

Специально для нынешних соратников г-на Лимонова процитирую несколько выдержек из программы его партии — ныне уже упраздненной, как экстремистской.

«Сущность национал-большевизма — испепеляющая ненависть к античеловеческой системе троицы: либерализма/демократии/капитализма...

Глобальная цель национал-большевизма — создание Империи от Владивостока до Гибралтара на базе русской цивилизации...

Расторгнем все договоры с Западом... Откажемся отдавать кредиты и арестуем все иностранные вложения в России... Дабы остановить агрессивное нашествие иностранных товаров и их низкопробной масскультуры, опустим железный оградительный занавес на наших границах.

Кто был ничем, тот станет Дзержинским, Геббельсом, Молотовым, Ворошиловым, Чиано, Герингом, Жуковым. Россия вся будет принадлежать нам».

Да с таким человеком — не то что в президиуме, за одним столом сидеть опасно; неровен час — пырнет вилкой или начнет грызть стакан.

Но наша оппозиция — не из пугливых. В борьбе против действующего режима она готова кооперироваться с кем угодно — хоть с чертом лысым; каждый верит, что свергнув Путина, уж он-то сумеет удержаться у власти, разделавшись с нынешними попутчиками. Пока же, обнявшись, Немцов и Каспаров, Касьянов и Геращенко, Лимонов и Белых скандируют в едином порыве: «Россия без Путина!»

Этот призыв, многократно повторявшийся в разных вариациях на просторах бывшего Союза («Украина без Куч-

мы!», «Грузия без Шеварднадзе!», «Киргизия без Акаева») звучит для Запада упоительной музыкой.

Не стоит думать, будто западные политики—глупее нас с вами и не понимают клоунского обличья оппозиционных лидеров. Все они прекрасно видят и понимают, но ради высших интересов готовы закрывать глаза на любые несурезицы; все полезно, что в рот полезло. Да и нет, собственно, других сил, на которые смогли бы они опереться; эту смену—лишь предстоит еще вырастить.

Сегодня в России полным ходом идет подготовка будущей «цветной» революции. Уже сейчас западные неправительственные организации активно финансируют российскую оппозицию; все в точности, как было прежде в Украине, Грузии, Сербии. В нынешнем, 2007 году на «поддержку демократии в России», а фактически—на формирование антипутинских настроений и раскрутку грядущей революции, только Агентство международного развития США выделило 28 миллионов долларов. А ведь есть еще и множество других не менее щедрых организаций: и Национальный фонд в поддержку демократии, и Freedom House, и Международный республиканский институт, и Национальный демократический институт США.

Не стоит также забывать и о беглых олигархах, для которых отмщение—давно уже стало смыслом жизни. Борис Абрамович Березовский, например, не раз объявлял, что действительно спонсирует «Другую Россию» имени Каспарова; вообще же, по его подсчетам, свержение Путина стоит «недорого» (цитата дословная), каких-то—1,5—2,5 миллиарда долларов. К аналогичной примерно оценке пришел в итоге и Леонид Невзлин, также называемый в числе душеприказчиков сопротивления; опыт по части

финансирования политических движений у него богатый: «Юкос» содержало «Яблоко» еще с незапамятных времен.

(«Я делаю ставку на смену режима, — прямо заявляет Невзлин, — если бы в России была демократия, можно было бы сказать, что это произойдет на выборах. Но это некий самообман. Значит, к выборам должна возникнуть революционная ситуация — как на Украине, в Грузии, Киргизии».)

Именно на эти деньги проходят по стране марши несогласных, куда западных журналистов свозят за счет организаторов; создаются подпольные молодежные движения а-ля «Отпор» и «Кмара» — в российской транскрипции они носят названия «Мы», «Смена», «Оборона».

Полным ходом идет обучение активистов будущих революций — по старой доброй традиции тренируют их ветераны «цветных» переворотов — из Украины и Сербии. Среди инструкторов, которые засветились на такой *партичебе*, были опознаны персонажи весьма занятные: ну, например, глава сербского бюро центра свободных выборов и демократии Марко Благович, активно участвовавший в украинской революции. Или — ветеран сербских событий Марко Ивкович, работающий ныне в Национальном демократическом институте США.

Фамилии большинства других преподавателей — держатся в строжайшей тайне; как и положено подпольщикам во все времена, называют они себя исключительно вымышленными именами — Жан-Ноуй, Али, Тимур, Мэри. Все эти люди, как правило, тоже действуют от имени НДИ — американской полугосударственной организации, которую возглавляет давний «друг» России, бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт.

Что немаловажно — НДИ имеет богатый опыт участия в «цветных» революциях. В его послужном списке — работа с сербским «Отпором», грузинской «Кмара», а Тимошенко с Ющенко не раз публично выражали Институту благодарность за помощь «в становлении на Украине подлинной демократии».

Лишь в Белоруссии — у НДИ вышел неприятный конфуз; зимой 2006-го местные спецслужбы обнаружили в офисе подпольной организации «Партнерство», финансируемой конторой г-жи Олбрайт, пачки уже заполненных протоколов опроса избирателей. Все они были датированы 19 марта — днем президентских выборов. Из этих липовых бумажек следовало, что кандидат от оппозиции Александр Милинкевич с убедительным перевесом победил якобы батьку Лукашенко: 53,7% голосов против 41,3%.

Для чего требовались сфальсифицированные заранее итоги «экзит-пулов» — понятно и ежу; чтобы в день голосования без труда можно было поднять крик о массовых подтасовках и нарушениях...

Будьте уверены — те же самые нехитрые приемы ждут и Россию; на следующих же президентских выборах мы с удивлением узнаем, что, оказывается, 13-й чемпион мира Гарри Каспаров занял, в действительности, второе место, но подлая кремлевская власть украла у него голоса. ..

Конечно же, ни сам Каспаров, ни его соратники, выдвигающие бывшего чемпиона единым кандидатом от оппозиции, не так глупы, чтобы обольщаться насчет возможных своих перспектив. Разумеется, при нынешней популярности Путина выборы они никогда не выиграют.

Но кто сказал, что жить следует только сегодняшним

днем? Вспомните, чему учил мудрый маршал Лиотэ: если посадить деревья сейчас, через 50 лет они начнут отбрасывать гигантскую тень.

«Цветная» революция готовится в России исподволь, загодя. Это слишком сложная задача, чтобы решить ее в одночасье. И вовсе не Касьянов, Чубайс или Каспаров — кстати, до недавнего времени член Консультативного совета по национальной безопасности США; организации, куда входят действующие и бывшие руководители Пентагона, ЦРУ и Госдепартамента — будет раскручиваться Западом для решающего броска.

«Витрина революции в России будет сформирована не из тех "революционеров", которые всем надоели, а из свежих кадров, — убежден бывший лидер украинской шовинистической организации УНА-УНСО Дмитро Корчинский и активный участник "оранжевых" событий. — Я уверен, что Украина будет использоваться как плацдарм для экспорта "оранжевой" революции. На сегодня можно сказать, что отработана успешная методика совершения такого рода переворотов. Отработана в Сербии, Грузии, в Украине; сейчас это будет происходить в Молдавии (где будет разыграна "приднестровская карта"), Азербайджане, возможно, в Армении. Затем, видимо, придет черед России и Белоруссии».

Придет! Можете не сомневаться. Если, конечно, мы не вынесем уроков из печального опыта наших соседей.

Ни в Грузии, ни в Украине жизнь после «оранжевой» революции ощутимо лучше не стала.

Грузия по-прежнему изнемогает от колоссальной безработицы; за последние годы она существенно выросла и охватывает, по данным независимых экспертов, свыше 40% населения. Несмотря на ускоренно проводимую Саакаш-

вили приватизацию — в считанное время он умудрился продать железную дорогу, важнейшие морские порты в Батуми и Поти, ряд крупнейших заводов — уровень жизни остается примерно таким же, как и при Шеварднадзе. Цены на товары первой необходимости, в отличие от зарплат и пенсий, растут не по дням, а по часам. Снижается рождаемость.

Нет здесь и политической стабильности. Вопреки всем заверениям, Саакашвили так и не сумел развязать абхазский узел. Множество его бывших союзников перешли в открытую оппозицию к власти и утверждают теперь, что в Грузии вновь назревает «острейший кризис», причина которого — «бездумная политика Саакашвили» (это из заявления, подписанного лидерами 7 партий и движений).

После того как бывший генпрокурор и министр внутренних дел Ираклий Окруашвили — еще вчера ближайший друг президента — публично обвинил Саакашвили в коррупции и подготовке политических убийств, он немедленно был брошен за решетку. Одновременно арестам и увольнениям подверглись многочисленные сторонники бунтаря, в числе которых оказались руководители министерств, губернаторы, мэры.

Единственное, что изменилось в Грузии по-настоящему, — это отношение к России; редкий день обходится без выпадов в наш адрес со стороны официальных властей, а сам Саакашвили в открытую заявляет, что «мы имеем дело с очень богатым, коварным, злым и опытным врагом, цель которого — не допустить возрождения, объединения и окончательного освобождения Грузии».

Примерно та же безрадостная картина наблюдается и в Украине. «Оранжевая» коалиция, не успев толком прийти к власти, моментально меж собой разругалась и приня-

лась обливать друг друга помоями. Уже в сентябре 2005-го президент Ющенко обвинил Юлию Тимошенко в хищении 1,5 миллиарда долларов из бюджета. Тимошенко — ответила ему примерно тем же. Кончилось все тем, что парламент был досрочно распущен, и на новые выборы бывшие соратники пошли уже порознь, не стесняясь ни в средствах, ни в выражениях.

Объявленная Ющенко деприватизация привела к массовому оттоку иностранного капитала и падению инвестиционной привлекательности Украины; в результате деприватизацию пришлось отменять.

Коррупция, против которой так рьяно прежде боролись «оранжевые», расцветает в республике пышным цветом; в украинской печати открыто пишут теперь о похождениях Ющенко-младшего — студента Киевского института международных отношений, который разъезжает на шикарных лимузинах, посещает самые дорогие клубы и за один вечер тратит по 2,5 тысячи долларов. Всю Украину шокировала история, когда этот молодой повеса прямо на улице избил человека, чью машину он только что подрезал, а охранник Ющенко дважды выстрелил в него из пистолета. (Несчастный — кстати, сотрудник прокуратуры — пострадал лишь за то, что осмелился сделать лихачу замечание.)

Не менее интересная метаморфоза произошла и с другим вождем революции, депутатом Петром Порошенко, возглавившим при Ющенко Совет национальной безопасности. Поработав в этой должности год, Порошенко покинул госслужбу и мигом преобразился волшебным образом в олигарха; состояние его оценивается теперь в 750 миллионов долларов.

Обычные граждане — те, кто сутками мерз на Майда-

не и вопил «Ющенко! Ющенко!»—чувствуют себя теперь... как бы это помягче сказать... несколько удрученными.

Постоянные склоки в «верхах», коррупционные скандалы, смены правительств; все это не могло не сказаться на состоянии экономики. Если при Кучме, в 2004 году, рост ВВП составлял 12,1%, то уже при Ющенко он снизился в 6 раз. Зато—заметно выросли внешние долги и цены на продукты питания.

Но поскольку и Ющенко, и Саакашвили продолжают винить во всех бедах Россию и собираются вступить в НАТО, метаморфозы эти ни Запад, ни нашу оппозицию совершенно не трогают.

Ну да, сукины сыны; но это ведь—*наши* сукины сыны...
...Когда-то русский философ Чаадаев написал: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его враги».

Эти слова в полной мере можно отнести и к нынешней ситуации в России. Мне, как и многим другим, нравится в Путине далеко не все, но когда я начинаю сравнивать президента с его оппонентами, то понимаю, что все огрехи кремлевского режима не идут ни в какое сравнение с тем, что произойдет в стране, стоит лишь прийти оппозиции к власти; все сегодняшние катаклизмы и неурядицы покажутся тогда милыми детскими шалостями.

Главное достижение Путина заключается в том, что он остановил процесс распада страны; но именно это воспринимается нашими противниками, как главное им содеянное зло. Потому что—цели и задачи у нас с Западом совершенно разные, и, сколь ни пытайся, говорить на одном языке мы никогда не начнем.

Увы, такова суровая реальность жизни. И оттого, чем

быстрее российское общество это осознает, во многом зависит будущее страны: сохранится ли Россия для завтрашних поколений или повторит печальную судьбу Югославии.

Мне лично — хочется верить в первое...

И еще. Почти век назад Америка, на которую мы так любим равняться, уже переживала нечто подобное. В 1919 году к власти там пришел ставленник олигархии Уоррен Гардинг.

Как и все его предшественники, Гардинг важно заседал в Белом доме, выступал с обращениями к нации, принимал торжественные парады, но фактически Америкой управляли совсем другие люди: мультимиллионеры, оплатившие президентскую кампанию Гардинга.

В считанные годы они удвоили, а то и утроили свои состояния; историки до сих пор не могут подсчитать, насколько обогатился миллиардер Эндрю Меллон, главный «кукловод» того времени; цифры называются самые разные — от 20 до 300 миллионов долларов — а доллар стоил тогда раз эдак в 20 дороже нынешнего.

Кончилось все довольно печально: в 1929 году разразился гигантский финансовый кризис, спровоцированный жадностью и бесстыдством этих дельцов; началась великая депрессия. Сам Гардинг при таинственных обстоятельствах скончался, после чего большинство олигархов вынуждено было бежать из страны, а кое-кто из их ставленников даже очутился на скамье подсудимых.

Лишь железная воля пришедшего к власти Рузвельта, который без лишних сантиментов, совершенно нерыночными и нелиберальными методами принялся наводить в стране порядок, спасла Америку от полного краха.

Многие тогда тоже возмущались жесткостью нового

президента, даже называли его диктатором и коммунистом; однако прошло время, и история расставила все по своим местам.

Нашим либералам, берущим деньги у Невзлина, Березовского и западных фондов, нелишне было бы вспомнить иногда этот исторический урок: бесплатных пирожных не бывает.

Хотя... Это ведь только умные учатся на чужих ошибках. ..

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТ № 1

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЭКС-ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ У. ЧЕРЧИЛЛЯ В ВЕСТ- МИНСТЕРСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

5 марта 1946 г. Фултон, штат Миссури, США.

Я счастлив, что прибыл сегодня в Вестминстерский колледж и что вы присвоили мне ученую степень. Название «Вестминстер» мне кое-что говорит. Кажется, что я его где-то слышал. Ведь именно в Вестминстере я получил львиную долю своего образования в области политики, диалектики, риторики, ну и еще кое в чем. В сущности, мы с вами получили образование в одних и тех же или схожих учебных заведениях. Также честь, возможно почти уникальная, для частного лица — быть представленным академической аудитории президентом Соединенных Штатов. Обремененный множеством различных забот и обязанностей, которых он не жаждет, но от которых не бежит, президент проделал путь в 1 000 миль для того, чтобы почтить своим присутствием нашу сегодняшнюю встречу и подчеркнуть ее значение, дав мне возможность обратиться к этой родственной стране, моим соотечественникам по ту сторону океана, а, может быть, еще и к некоторым другим странам.

Президент уже сказал вам о своем желании, которое, я уверен, совпадает с вашим, — чтобы я в полной мере был

волен дать вам мой честный и верный совет в эти беспокойные и смутные времена.

Я, разумеется, воспользуюсь этой предоставленной мне свободой и чувствую себя тем более вправе сделать это, что какие бы то ни было личные амбиции, которые я мог иметь в мои молодые годы, давно удовлетворены сверх моих самых больших мечтаний. Должен, однако, заявить со всей определенностью, что у меня нет ни официального поручения, ни статуса для такого рода выступления, и я говорю только от своего имени. Так что перед вами только то, что вы видите.

Поэтому я могу позволить себе, пользуясь опытом прожитой мною жизни, поразмышлять о проблемах, осаждающих нас сразу же после нашей полной победы на полях сражений, и попытаться изо всех сил обеспечить сохранение того, что было добыто с такими жертвами и страданиями во имя грядущей славы и безопасности человечества.

Соединенные Штаты находятся в настоящее время на вершине всемирной мощи. Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и невероятную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг, вы должны ощущать не только чувство исполненного долга, но и беспокойство о том, что можете оказаться не на уровне того, что от вас ожидается. Благоприятные возможности налицо, и они полностью ясны для обеих наших стран. Отвергнуть их, проигнорировать или же без пользы растратить означало бы навлечь на себя бесконечные упреки грядущих времен.

Постоянство мышления, настойчивость в достижении цели и великая простота решений должны направлять и определять поведение англоязычных стран в мирное вре-

мя, как это было во время войны. Мы должны и, думаю, сможем оказаться на высоте этого жесткого требования.

Когда американские военные сталкиваются с какой-либо серьезной ситуацией, они обычно предваряют свои директивы словами «общая стратегическая концепция». В этом есть своя мудрость, поскольку наличие такой концепции ведет к ясности мышления. Общая стратегическая концепция, которой мы должны придерживаться сегодня, есть не что иное, как безопасность и благополучие, свобода и прогресс всех семейных очагов, всех людей во всех странах. Я имею в виду прежде всего миллионы коттеджей и многоквартирных домов, обитатели которых, невзирая на превратности и трудности жизни, стремятся оградить домоладцев от лишений и воспитать свою семью в боязни перед Господом или основываясь на этических принципах, которые часто играют важную роль. Чтобы обеспечить безопасность этих бесчисленных жилищ, они должны быть защищены от двух главных бедствий — войны и тирании. Всем известно страшное потрясение, испытываемое любой семьей, когда на ее кормильца, который ради нее трудится и преодолевает тяготы жизни, обрушивается проклятие войны. Перед нашими глазами зияют ужасные разрушения Европы со всеми ее былыми ценностями и значительной части Азии. Когда намерения злоумышленных людей либо агрессивные устремления мощных держав уничтожают во многих районах мира основы цивилизованного общества, простые люди сталкиваются с трудностями, с которыми они не могут справиться. Для них все искажено, поломано или вообще стерто в порошок.

Стоя здесь в этот тихий день, я содрогаюсь при мысли о том, что происходит в реальной жизни с миллионами людей и что произойдет с ними, когда планету поразит го-

лод. Никто не может просчитать то, что называют «неисчислимой суммой человеческих страданий». Наша главная задача и обязанность — оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны. В этом мы все согласны.

Наши американские военные коллеги после того, как они определили «общую стратегическую концепцию» и просчитали все наличные ресурсы, всегда переходят к следующему этапу — поискам средств ее реализации. В этом вопросе также имеется общепринятое согласие. Уже образована всемирная организация с основополагающей целью предотвратить войну. ООН, преемница Лиги Наций с решающим добавлением к ней США и всем, что это означает, уже начала свою работу. Мы обязаны обеспечить успех этой деятельности, чтобы она была реальной, а не фиктивной, чтобы эта организация представляла из себя силу, способную действовать, а не просто сотрясать воздух, и чтобы она стала подлинным Храмом Мира, в котором можно будет развесить боевые щиты многих стран, а не просто рубкой мировой вавилонской башни. Прежде чем мы сможем освободиться от необходимости национальных вооружений в целях самосохранения, мы должны быть уверены, что наш храм построен не на зыбучих песках или трясине, а на твердой скалистой основе. Все, у кого открыты глаза, знают, что наш путь будет трудным и долгим, но если мы будем твердо следовать тому курсу, которому следовали в ходе двух мировых войн (и, к сожалению, не следовали в промежутке между ними), то у меня нет сомнений в том, что, в конце концов, мы сможем достичь нашей общей цели.

Здесь у меня имеется и практическое предложение к действию. Суды не могут работать без шерифов и констеб-

лей. Организацию Объединенных Наций необходимо немедленно начать оснащать международными Вооруженными силами. В таком деле мы можем продвигаться только постепенно, но начать должны сейчас. Я предлагаю, чтобы всем государствам было предложено предоставить в распоряжение Всемирной Организации некоторое количество военно-воздушных эскадрилий. Эти эскадрильи готовились бы в своих собственных странах, но перебрасывались бы в порядке ротации из одной страны в другую. Летчики носили бы военную форму своих стран, но с другими знаками различия. От них нельзя было бы требовать участия в военных действиях против своей собственной страны, но во всех других отношениях ими руководила бы Всемирная Организация. Начать создавать такие силы можно было бы на скромном уровне и наращивать их по мере роста доверия. Я хотел, чтобы это было сделано после Первой мировой войны, и искренне верю, что это можно сделать и сейчас.

Однако было бы неправильным и неосмотрительным доверять секретные сведения и опыт создания атомной бомбы, которыми в настоящее время располагают Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, Всемирной Организации, еще пребывающей в состоянии младенчества. Было бы преступным безумием пустить это оружие по течению во все еще взбудораженном и не объединенном мире. Ни один человек, ни в одной стране не стал спать хуже от того, что сведения, средства и сырье для создания этой бомбы сейчас сосредоточены в основном в американских руках. Не думаю, что мы спали бы сейчас столь спокойно, если бы ситуация была обратной, и какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство монополизировало на некоторое время это ужасное сред-

ство. Одного страха перед ним уже было бы достаточно тоталитарным системам для того, чтобы навязать себя свободному демократическому миру. Ужасающие последствия этого не поддавались бы человеческому воображению. Господь повелел, чтобы этого не случилось, и у нас есть еще время привести наш дом в порядок до того, как такая опасность возникнет. Но даже в том случае, если мы не пожалеем никаких усилий, мы все равно должны будем обладать достаточно разительным превосходством, чтобы иметь эффективные устрашающие средства против его применения или угрозы такого применения другими странами. В конечном счете, когда подлинное братство людей получило бы реальное воплощение в виде некоей Всемирной Организации, которая обладала бы всеми необходимыми практическими средствами, чтобы сделать ее эффективной, такие полномочия могли бы быть переданы ей.

Теперь я подхожу ко второй опасности, которая подстерегает семейные очаги и простых людей, а именно — тирании. Мы не можем закрывать глаза на то, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Британской империи, не действуют в значительном числе стран; некоторые из них весьма могущественны. В этих государствах власть навязывается простым людям всепроникающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции. В настоящее время, когда трудностей все еще так много, в наши обязанности не может входить насильственное вмешательство во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны. Мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав челове-

ка, которые представляют собой совместное наследие англоязычного мира и которые через Великую Хартию, Билль о правах, закон Хабеас Корпус, суд присяжных и английское общее право обрели свое самое знаменитое воплощение в Декларации Независимости. Они означают, что народ любой страны имеет право и должен быть в силах посредством конституционных действий, путем свободных нефальсифицированных выборов с тайным голосованием выбрать или изменить характер или форму правления, при котором он живет; что господствовать должны свобода слова и печати; что суды, независимые от исполнительной власти и не подверженные влиянию какой-либо партии, должны проводить в жизнь законы, которые получили одобрение значительного большинства населения либо освящены временем или обычаями. Это основополагающие права на свободу, которые должны знать в каждом доме. Таково послание британского и американского народов всему человечеству. Давайте же проповедовать то, что мы делаем, и делать то, что мы проповедуем.

Итак, я определил две главные опасности, угрожающие семейным очагам людей. Я не говорил о бедности и лишениях, которые зачастую тревожат людей больше всего. Но если устранить опасности войны и тирании, то, несомненно, наука и сотрудничество в ближайшие несколько лет, максимум несколько десятилетий принесут миру, прошедшему жестокою школу войны, рост материального благосостояния, невиданный в истории человечества. В настоящее время в этот печальный и торжественный момент нас угнетают голод и уныние, наступившие после нашей колоссальной борьбы. Но это все пройдет и может быть быстро, и нет никаких причин, кроме человеческой глупости и бесчеловечного преступления, которые не дали

бы всем странам без исключения воспользоваться наступлением века изобилия. Я часто привожу слова, которые пятьдесят лет назад слышал от великого американского оратора ирландского происхождения и моего друга Берка Кокрана: «На всех всего достаточно. Земля — щедрая мать. Она даст полное изобилие продовольствия для всех своих детей, если только они будут ее возделывать в справедливости и мире».

Итак, до сих пор мы в полном согласии. Сейчас, продолжая пользоваться методикой нашей общей стратегической концепции, я подхожу к тому главному, что хотел здесь сказать. Ни эффективное предотвращение войны, ни постоянное расширение влияния Всемирной Организации не могут быть достигнуты без братского союза англоязычных народов. Это означает особые отношения между Британским Содружеством и Британской империей и Соединенными Штатами. У нас нет времени для банальностей, и я дерзну говорить конкретно. Братский союз требует не только роста дружбы и взаимопонимания между нашими родственными системами общества, но и продолжения тесных связей между нашими военными, которые должны вести к совместному изучению потенциальных опасностей, совместимости вооружений и военных уставов, а также обмену офицерами и курсантами военно-технических колледжей. Это также означало бы дальнейшее использование уже имеющихся средств для обеспечения взаимной безопасности путем совместного пользования всеми военно-морскими и военно-воздушными базами. Это, возможно, удвоило бы мобильность американского флота и авиации. Это намного повысило бы мобильность Вооруженных сил Британской империи, а также, по мере того как мир успокоится, дало бы значительную экономию фи-

нансовых средств. Уже сейчас мы совместно пользуемся целым рядом островов; в близком будущем и другие острова могут перейти в совместное пользование. США уже имеют постоянное соглашение об обороне с доминионом Канада, которая глубоко предана Британскому Содружеству и империи. Это соглашение более действенно, чем многие из тех, которые часто заключались в рамках формальных союзов. Этот принцип следует распространить на все страны Британского Содружества с полной взаимностью. Так и только так мы сможем, что бы ни случилось, обезопасить себя и работать вместе во имя высоких и простых целей, которые дороги нам и не вредны никому. На самом последнем этапе может реализоваться (и, я считаю, в конечном счете реализуется) и идея об общем гражданстве, но этот вопрос мы вполне можем оставить на усмотрение судьбы, чью протянутую нам навстречу руку столь многие из нас уже ясно видят.

Есть, однако, один важный вопрос, который мы должны себе задать. Будут ли особые отношения между США и Британским Содружеством совместимы с основополагающей верностью Всемирной Организации? Мой ответ: такие отношения, напротив, представляют собой, вероятно, единственное средство, с помощью которого эта организация сможет обрести статус и силу. Уже существуют особые отношения между США и Канадой и южноамериканскими республиками. У нас также имеется заключенный на 20 лет договор о сотрудничестве и взаимной помощи с Россией. Я согласен с министром иностранных дел Великобритании г-ном Бевином, что этот договор, в той степени, в какой это зависит от нас, может быть заключен и на 50 лет. Нашей единственной целью является взаимная помощь и сотрудничество. Наш союз с Португалией

действует с 1834 года и дал плодотворные результаты в критические моменты минувшей войны. Ни одно из этих соглашений не входит в противоречие с общими интересами всемирного соглашения. Напротив, они могут помогать работе Всемирной Организации. «В доме Господа всем хватит места». Особые отношения между Объединенными Нациями, которые не имеют агрессивной направленности против какой-либо страны и не несут в себе планов, несовместимых с Уставом Организации Объединенных Наций, не только не вредны, но полезны и, я полагаю, необходимы.

Я уже говорил о Храме Мира. Возводить этот Храм должны труженики из всех стран. Если двое из этих строителей особенно хорошо знают друг друга и являются старыми друзьями, если их семьи перемешаны и, цитируя умные слова, которые попались мне на глаза позавчера, «если у них есть вера в цели друг друга, надежда на будущее друг друга и снисхождение к недостаткам друг друга», то почему они не могут работать вместе во имя общей цели как друзья и партнеры? Почему они не могут совместно пользоваться орудиями труда и таким образом повысить трудоспособность друг друга? Они не только могут, но и должны это делать, иначе Храм не будет возведен либо рухнет после постройки бездарными учениками, и мы будем снова, уже в третий раз, учиться в школе войны, которая будет несравненно более жестокой, чем та, из которой мы только что вышли.

Могут вернуться времена Средневековья, и на сверкающих крыльях науки может вернуться каменный век, и то, что сейчас может пролиться на человечество безмерными материальными благами, может привести к его полному уничтожению. Я поэтому взываю: будьте бдитель-

ны. Быть может, времени осталось уже мало. Давайте не позволим событиям идти самотеком, пока не станет слишком поздно. Если мы хотим, чтобы был такой братский союз, о котором я только что говорил, со всей той дополнительной мощью и безопасностью, которую обе наши страны могут из него извлечь, давайте сделаем так, чтобы это великое дело стало известным повсюду и сыграло свою роль в укреплении основ мира. Лучше предупреждать болезнь, чем лечить ее.

На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансии и тенденции обращения в свою веру. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии—я не сомневаюсь, что и здесь тоже,—питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты—уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются,—о нынешнем положении в Европе.

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на

континент опустился «железный занавес». По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы. Только Афины с их бессмертной славой могут свободно определять свое будущее на выборах с участием британских, американских и французских наблюдателей. Польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется к огромным и несправедливым посягательствам на Германию, что ведет к массовым изгнаниям миллионов немцев в прискорбных и невиданных масштабах. Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии. Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы. В Берлине русские предпринимают попытки создать квазикоммунистическую партию в своей зоне оккупированной Германии посредством предоставления специальных привилегий группам левых немецких лидеров.

После боев в июне прошлого года американская и британская армии в соответствии с достигнутым ранее согла-

шением отошли на Запад по фронту, протяженностью почти в 400 миль на глубину, достигшую в некоторых случаях 150 миль, с тем, чтобы наши русские союзники заняли эту обширную территорию, которую завоевали западные демократии.

Если сейчас Советское правительство попытается сепаратными действиями создать в своей зоне прокоммунистическую Германию, это вызовет новые серьезные затруднения в британской и американской зонах и даст побежденным немцам возможность устроить торг между Советами и западными демократиями. Какие бы выводы ни делать из этих фактов, — а все это факты, — это будет явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не Европа, обладающая необходимыми предпосылками для создания прочного мира.

Безопасность мира требует нового единства в Европе, от которого ни одну сторону не следует отталкивать навсегда. От ссор этих сильных коренных рас в Европе происходили мировые войны, свидетелями которых мы являлись или которые вспыхивали в прежние времена. Дважды в течение нашей жизни Соединенные Штаты против своих желаний и традиций и в противоречии с аргументами, которые невозможно не понимать, втягивались непреодолимыми силами в эти войны для того, чтобы обеспечить победу правого дела, но только после ужасной бойни и опустошений. Дважды Соединенные Штаты были вынуждены посылать на войну миллионы своих молодых людей за Атлантический океан. Но в настоящее время война может постичь любую страну, где бы она ни находилась между закатом и рассветом. Мы, безусловно, должны действовать с сознательной целью великого умиротворения Европы в рамках Организации

Объединенных Наций и в соответствии с ее Уставом. Это, по моему мнению, политика исключительной важности.

По другую сторону «железного занавеса», который опустился поперек Европы, другие причины для беспокойства. В Италии деятельность коммунистической партии серьезно скована необходимостью поддерживать претензии обученного коммунистами маршала Тито на бывшую итальянскую территорию в центре Адриатики. Тем не менее ситуация в Италии остается неопределенной. Опять-таки невозможно представить восстановленную Европу без сильной Франции. Всю свою жизнь я выступал за существование сильной Франции и никогда, даже в самые мрачные времена, не терял веры в ее будущее. И сейчас я не теряю этой веры. Однако во многих странах, по всему миру, вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра. За исключением Британского Содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в стадии младенчества, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации. Все это тягостные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии. Но было бы в высшей степени неразумно не видеть их, пока еще осталось время. Озабоченность также вызывают перспективы на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии. Соглашение, достигнутое в Ялте, к которому я был причастен, было чрезвычайно благоприятным для России. Но оно было заключено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится

летом или осенью 1945 года, и когда ожидалось, что война с Японией будет идти в течение 18 месяцев после окончания войны с Германией. В вашей стране вы настолько хорошо информированы о Дальнем Востоке и являетесь такими верными друзьями Китая, что мне нет необходимости распространяться на тему о положении там.

Я чувствовал себя обязанным обрисовать вам тень, которая и на Западе, и на Востоке падает на весь мир. Во время заключения Версальского договора я был министром и близким другом г-на Ллойд Джорджа, который возглавлял делегацию Великобритании в Версале. Я не соглашался со многим из того, что было там сделано, но у меня осталось очень яркое впечатление от ситуации того времени, и мне больно сопоставлять ее с нынешней. Это были времена больших ожиданий и безграничной уверенности в том, что войн больше не будет и что Лига Наций станет всемогущей. Сегодня я не вижу и не чувствую такой уверенности и таких надежд в нашем измененном мире.

С другой стороны, я гоню от себя мысль, что новая война неизбежна, тем более в очень недалеком будущем. И именно потому, что я уверен, что наши судьбы в наших руках и мы в силах спасти будущее, я считаю своим долгом высказаться по этому вопросу, благо у меня есть случай и возможность это сделать. Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но о чем мы должны подумать здесь сегодня, пока еще есть время, так это о предотвращении войн навечно и создании условий для свободы и демократии как можно скорее во всех странах. Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем на них глаза или просто будем

ждать, что произойдет, или будем проводить политику умиротворения. Нам нужно добиться урегулирования, и чем больше времени оно займет, тем труднее будет это сделать, и тем более грозными станут перед нами опасности. Из того, что я наблюдал в поведении наших русских друзей и союзников во время войны, я вынес убеждение, что они ничто не почитают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к военной слабости. По этой причине старая доктрина равновесия сил теперь непригодна. Мы не можем позволить себе — насколько это в наших силах — действовать с позиций малого перевеса, который вводит во искушение заняться пробой сил. Если западные демократии будут стоять вместе в своей твердой приверженности принципам Устава Организации Объединенных Наций, их воздействие на развитие этих принципов будет громадным, и вряд ли кто-то сможет им помешать. Если, однако, они будут разъединены или не смогут исполнить свой долг и если они упустят эти решающие годы, тогда и в самом деле нас постигнет катастрофа.

В прошлый раз, наблюдая подобное развитие событий, я взывал во весь голос к своим соотечественникам и ко всему миру, но никто не пожелал слушать. До 1933 или даже до 1935 года Германию можно было уберечь от той страшной судьбы, которая ее постигла, и мы были бы избавлены от тех несчастий, которые Гитлер обрушил на человечество. Никогда еще в истории не было войны, которую было бы легче предотвратить своевременными действиями, чем та, которая только что разорила огромные области земного шара. Ее, я убежден, можно было предотвратить без единого выстрела, и сегодня Германия была бы могущественной, процветающей и уважаемой страной;

но тогда меня слушать не пожелали, и один за другим мы оказались втянутыми в ужасный смерч. Мы не должны допустить повторения этого.

Сейчас, в 1946 году, этого можно добиться только путем хорошего взаимопонимания с Россией по всем вопросам под общей эгидой Организации Объединенных Наций, поддерживая с помощью этого всемирного инструмента доброе понимание в течение многих лет, опираясь на всю мощь англоязычного мира и всех тех, кто с ним связан. Пусть никто не недооценивает внушительную силу Британской империи и Содружества. Пусть вы видите на нашем острове 46 миллионов человек, которые испытывают трудности с продовольствием, и пусть у нас есть сложности с восстановлением нашей промышленности и экспортной торговли после 6 лет беззаветных военных усилий, не думайте, что мы не сможем пройти через эту мрачную полосу лишений, поскольку мы перенесли годы великой агонии. Вы не видите волю 70 или 80 миллионов, проживающих по всему миру и единых в деле защиты наших традиций, нашего образа жизни и тех вселенских ценностей, которые мы с вами исповедуем. Если население Британского Содружества и Соединенных Штатов будет действовать совместно, при всем том, что такое сотрудничество означает в воздухе, на море, в науке и экономике, то будет исключен тот беспокойный, неустойчивый баланс сил, который искушал бы на амбиции или авантюризм. Напротив, будет совершенная уверенность в безопасности. Если мы будем добросовестно соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и двигаться вперед со спокойной и трезвой силой, не претендуя на чужие земли и богатства и не стремясь установить произвольный контроль над мыс-

КАК УБИВАЮТ РОССИЮ

лями людей, если все моральные и материальные силы Британии объединятся с вашими в братском союзе, то откроются широкие пути в будущее—не только для нас, но и для всех, не только на наше время, но и на век вперед.

ДОКУМЕНТ № 2

ОТВЕТ И. СТАЛИНА НА ФУЛТОНСКУЮ РЕЧЬ У. ЧЕРЧИЛЛЯ

14 марта 1946 г. Интервью газете «Правда».

«Правда»: Как Вы расцениваете последнюю речь господина Черчилля, произнесенную им в Соединенных Штатах Америки?

Сталин: Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество.

«Правда»: Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Сталин: Безусловно, да. По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке,

являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война. Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство Гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия господина Черчилля состоит в том, что он как закореженный тори не понимает этой простой и очевидной истины.

Несомненно, что установка господина Черчилля — есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка господина Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР. Правда, господин Черчилль для того, чтобы запутать читателей, мимоходом заявляет, что срок советско-английского договора о взаимопомощи и сотрудничестве вполне можно было бы продлить до 50 лет.

Но как совместить подобное заявление господина Черчилля с его установкой на войну с СССР, с его проповедью войны против СССР? Ясно, что эти вещи никак нельзя совместить. И если господин Черчилль, призывающий к войне с Советским Союзом, считает вместе с тем возможным продление срока англо-советского договора до 50 лет, то это значит, что он рассматривает этот договор как пустую бумажку, нужную ему лишь для того, чтобы прикрыть ею и замаскировать свою антисоветскую установку. Поэтому нельзя относиться серьезно к фальшивым заявлениям друзей господина Черчилля в Англии о продлении срока советско-английского договора до 50 и больше лет. Продление срока договора не имеет смысла, если одна из сторон нарушает договор и превращает его в пустую бумажку.

«Правда»: Как Вы расцениваете ту часть речи господина Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?

Сталин: Эта часть речи господина Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности. Господин Черчилль утверждает, что «Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». Господин Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что госпо-

дин Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь 1/4 часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людей в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них.

Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?

Господин Черчилль утверждает, что «Польское прави-

тельство, находящееся под господством русских, поощрялось к огромным и несправедливым посягательствам на Германию».

Здесь что ни слово, то грубая и оскорбительная клевета. Современной демократической Польшей руководят выдающиеся люди. Они доказали на деле, что умеют защищать интересы и достоинство родины так, как не умели это делать их предшественники. Какое имеется у господина Черчилля основание утверждать, что руководители современной Польши могут допустить в своей стране «господство» представителей каких бы то ни было иностранных государств? Не потому ли клеветает здесь господин Черчилль на «русских», что имеет намерение посеять семена раздора в отношениях между Польшей и Советским Союзом?..

Господин Черчилль недоволен, что Польша сделала поворот в своей политике в сторону дружбы и союза с СССР. Было время, когда во взаимоотношениях между Польшей и СССР преобладали элементы конфликтов и противоречий. Это обстоятельство давало возможность государственным деятелям, вроде господина Черчилля, играть на этих противоречиях, подбирать к рукам Польшу под видом защиты от русских, запугивать Россию призраком войны между нею и Польшей и сохранять за собою позицию арбитра. Но это время ушло в прошлое, ибо вражда между Польшей и Россией уступила место дружбе между ними, а Польша, современная демократическая Польша, не желает быть больше игральным мячом в руках иностранцев. Мне кажется, что именно это обстоятельство приводит господина Черчилля в раздражение и толкает его к грубым, бестактным выходкам против Польши. Шутка ли сказать: ему не дают играть за чужой счет...

Что касается нападок господина Черчилля на Совет-

ский Союз в связи с расширением западных границ Польши за счет захваченных в прошлом немцами польских территорий, то здесь, как мне кажется, он явным образом передергивает карты. Как известно, решение о западных границах Польши было принято на Берлинской конференции трех держав на основе требований Польши. Советский Союз неоднократно заявлял, что он считает требования Польши правильными и справедливыми. Вполне вероятно, что господин Черчилль недоволен этим решением. Но почему господин Черчилль, не жалея стрел против позиции русских в этом вопросе, скрывает от своих читателей тот факт, что решение было принято на Берлинской конференции единогласно, что за решение голосовали не только русские, но также англичане и американцы? Для чего понадобилось господину Черчиллю вводить людей в заблуждение?

Господин Черчилль утверждает дальше, что «коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и стремятся всюду установить тоталитарный контроль, полицейские правительства превалируют почти во всех этих странах и до настоящего времени, за исключением Чехословакии, в них не существует никакой подлинной демократии».

Как известно, в Англии управляет ныне государством одна партия, партия лейбористов, причем оппозиционные партии лишены права участвовать в правительстве Англии. Это называется у господина Черчилля подлинным демократизмом. В Польше, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии управляет блок нескольких партий — от четырех до шести партий, причем оппозиции, если она является

более или менее лояльной, обеспечено право участия в правительстве. Это называется у господина Черчилля тоталитаризмом, тиранией, полицейщиной. Почему, на каком основании, — не ждите ответа от господина Черчилля. Господин Черчилль не понимает, в какое смешное положение он ставит себя своими крикливыми речами о тоталитаризме, тирании, полицейщине.

Господину Черчиллю хотелось бы, чтобы Польшей управлял Соснковский и Андерс, Югославией — Михайлович и Павелич, Румынией — князь Штирбей и Радеску, Венгрией и Австрией — какой-нибудь король из дома Габсбургов и т. п. Господин Черчилль хочет уверить нас, что эти господа из фашистской подворотни могут обеспечить «подлинный демократизм». Таков «демократизм» господина Черчилля.

Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т. п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Господин Черчилль иногда вспоминает в своих речах о «простых людях из небольших домов», по-барски похлопывая их по плечу

и прикидываясь их другом. Но эти люди не такие уж простые, как может показаться на первый взгляд. У них, у «простых людей», есть свои взгляды, своя политика, и они умеют постоять за себя. Это они, миллионы этих «простых людей», забаллотировали в Англии господина Черчилля и его партию, отдав свои голоса лейбористам.

Это они, миллионы этих «простых людей», изолировали в Европе реакционеров, сторонников сотрудничества с фашизмом и отдали предпочтение левым демократическим партиям. Это они, миллионы этих «простых людей», испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, решили, что коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, господину Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет тревогу, апеллируя к силе. Но ему также не нравилось появление советского режима в России после Первой мировой войны. Он также бил тогда тревогу и организовал военный поход «14 государств» против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после Второй мировой войны новый поход против Восточной Европы. Но если им это удастся, — что маловероятно, ибо миллионы «простых людей» стоят на страже дела мира, — то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад.

ДОКУМЕНТ № 3

РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА США Г. ТРУМЭНА НА СЕССИИ КОНГРЕССА США

12 марта 1947 г.

Серьезность ситуации, сложившейся сегодня в мире, требует моего выступления перед объединенной сессией Конгресса. Внешняя политика и национальная безопасность нашей страны находятся под угрозой. Один аспект существующей ситуации, которую я представляю вам сейчас для вашего рассмотрения и вынесения решения, касается Греции и Турции. Соединенные Штаты получили от греческого Правительства просьбу о финансовой и экономической помощи. Предварительные сообщения от американской экономической миссии в Греции и сообщения от американского посла в этой стране, подтверждают утверждение греческого Правительства, что помощь крайне необходима, чтобы Греция могла остаться свободной страной.

Я не думаю, что американские люди и Конгресс не пожелают услышать просьбу греческого Правительства. Греция не богатая страна. Нехватка достаточных природных ресурсов всегда вынуждала греческих людей упорно трудиться, чтобы выжить. С 1940 г. эта трудолюбивая, мирная страна перенесла вражеское вторжение, четыре года жестокой оккупации и междоусобную борьбу.

Когда войска союзников освободили Грецию, они увидели, что отступающие немцы разрушили фактически все железные и шоссейные дороги, портовые сооружения, коммуникации и торговый флот. Более тысячи деревень были сожжены. Домашний скот и домашняя птица почти исчезли. Инфляция уничтожила практически все сбережения. В результате этих трагических событий, воинственное меньшинство, эксплуатируя человеческое сознание, было в состоянии создать политический хаос, который мешает восстановлению экономики.

В Греции сегодня нет капиталов, чтобы финансировать импорт тех товаров, которые являются жизненно важными. Страна отчаянно нуждается в финансовой и экономической помощи, чтобы возобновить закупки пищи, одежды, топлива и семян, которые крайне необходимы для пропитания и жизненных нужд ее людей и доступны только из-за границы. Греция нуждается в помощи, чтобы импортировать товары, необходимые для восстановления внутреннего рынка и безопасности. Греческое Правительство также попросило помощи опытных американских администраторов, экономистов и техников, чтобы финансовая и другая помощь, оказываемая Греции, использовалась бы эффективно в создании устойчивой и самоподдерживающейся экономики и в улучшении ее государственной службы.

Самому существованию греческого государства сегодня угрожают террористические действия нескольких тысяч вооруженных партизан, возглавляемых коммунистами, которые бросают вызов власти правительства во многих районах страны, особенно на северной границе. Тем временем, греческое Правительство неспособно справиться с ситуацией. Греческая армия мала и плохо экипирована. Она нуждается в снабжении и в вооружении для того, чтобы восста-

новить власть правительства над всей территорией Греции. Соединенные Штаты обязаны предоставить Греции эту помощь. Нет никакой другой страны, к которой еще может обратиться демократическая Греция. Никакая другая нация не желает и не способна обеспечить необходимую поддержку демократическому греческому Правительству.

Важно отметить, что греческое Правительство попросило нас помочь ему в эффективном использовании финансовой и другой помощи, которую мы можем предоставить Греции и в улучшении ее государственной службы. Это имеет важнейшее значение, т. к. мы контролируем использование любых средств, предоставленных этой стране.

Нет идеальных правительств. Одно из главных достоинств демократии, однако, состоит в том, что ее изъяны всегда находятся на виду, и при демократических процессах они могут быть исправлены. Правительство Греции не идеально. Однако оно представляет восемьдесят пять процентов членов греческого Парламента, которые были выбраны на выборах в прошлом году. Иностранные наблюдатели, включая 692 американских, сошлись во мнении, что эти выборы были справедливым выражением волеизъявления народа Греции.

Греческое Правительство работало в атмосфере хаоса и экстремизма. Оно делало ошибки. Оказание помощи этой стране не означает, что Соединенные Штаты потворствуют всему, что греческое Правительство сделало или делает. Мы осудили в прошлом, и мы осуждаем теперь, любые экстремистские меры в отношении инакомыслящих и призываем к большей терпимости.

Сосед Греции, Турция, также заслуживает нашего внимания. Будущее Турции, как независимой и экономически значимой страны, не менее важно для демократическо-

го мира, чем будущее Греции. Ситуация, в которой Турция оказалась сегодня, значительно отличается от ситуации в Греции. Турцию обошли стороной те бедствия, которые были в соседней стране. И в течение войны Соединенные Штаты и Великобритания оказывали Турции материальную помощь.

Однако сейчас Турция нуждается в нашей поддержке, чтобы осуществить необходимую модернизацию для сохранения ее территориальной целостности. Британское правительство сообщило нам, что, вследствие его собственных трудностей, оно больше не может оказывать финансовую и экономическую помощь Турции. Как и в случае с Грецией, мы являемся единственной страной, способной оказать эту помощь. Одна из главных целей внешней политики Соединенных Штатов — создание необходимых условий, в которых мы и другие народы мира будем в состоянии защитить образ жизни людей, свободный от любого принуждения. Это было решающей причиной войны с Германией и Японией. Наша победа была одержана над странами, которые стремились навязать свою волю и свой образ жизни другой нации.

Чтобы гарантировать мирное развитие народов, свободных от принуждения, Соединенные Штаты приняли участие в создании Организации Объединенных Наций. Организация Объединенных Наций была создана с целью обеспечения свободы и независимости всех ее членов. Мы должны поддерживать свободные нации, их демократические учреждения и их национальную целостность против агрессивных поползновений со стороны тоталитарных режимов, подрывающих мир во всем мире путем прямой или косвенной агрессии, и, следовательно, и безопасность Соединенных Штатов.

Народам многих стран мира недавно навязали тоталитарные режимы против их желания. Правительство Соединенных Штатов делало частые протесты против политики принуждения и запугивания, в нарушении Ялтинского соглашения, в Польше, Румынии, и Болгарии. Я должен также заявить, что во многих других странах были подобные события.

В настоящий момент почти каждая нация в мире должна выбрать между альтернативными образами жизни. Выбор слишком часто далеко не свободный. Один образ жизни основан на воле большинства и отличается свободными демократическими учреждениями, свободными выборами, гарантиями свободы личности, свободы слова и религии и свободы от политического притеснения. Второй образ жизни основан на желании меньшинства, насильственно наложенного на большинство. Он отличается террором и притеснением, управляемой прессой и подавлением личных свобод.

Я полагаю, что Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению. Я полагаю, что мы должны помочь в освобождении народов, чтобы они сами могли решать свою собственную судьбу. Я полагаю, что наша помощь должна быть прежде всего экономической и финансовой, которая приведет к экономической стабильности и таким образом окажет свое влияние на политические процессы.

Мир не стоит на месте и статус-кво не нерушим. Но мы не можем позволить изменения в равновесии сил в нарушении Устава Организации Объединенных Наций такими методами, как принуждение или агрессия.

Необходимо посмотреть на карту, чтобы понять, что вы-

живание и целостность греческой нации имеют серьезное значение в намного более широкой перспективе. Если бы Греция подпала под контроль вооруженного меньшинства, этот эффект мог бы распространиться на ее соседа, Турцию. Беспорядок и анархия могли бы распространиться по всему Ближнему Востоку. Кроме того, исчезновение Греции как независимого государства оказало бы большое влияние на свободные страны Европы, восстанавливающиеся после войны. Это будет подлинной трагедией, если эти страны, которые так долго боролись за свою свободу, потеряли бы ее. Крах свободных учреждений и потери независимости был бы катастрофичен не только для них, но и для всего мира. Если мы окажемся не в состоянии помочь Греции и Турции в этот роковой час, то это будет иметь далеко идущие последствия как для Запада, так и для Востока.

Мы должны предпринять непосредственные и решительные действия. Поэтому я прошу, чтобы Конгресс предоставил для помощи Греции и Турции 400 миллионов долларов в течение периода, заканчивающегося 30 июня 1948 г. В дополнение к деньгам, я прошу, чтобы Конгресс разрешил отправку американского гражданского и военного персонала в Грецию и Турцию по просьбе этих стран, чтобы помочь в задачах государственной модернизации и ради наблюдения за использованием финансовой и материальной помощи.

Соединенные Штаты вложили 341 миллиард долларов в победу во Второй мировой войне. Это — инвестиции в мировую свободу и мир во всем мире. Помощь, которую я прошу для Греции и Турции, составляет немногим больше чем одну десятую часть процента этих инвестиций. Это — только здравый смысл, что мы должны сохранить

свои инвестиции и удостовериться, что все это не было напрасным. Семена тоталитарных режимов распространяются и растут в злой почве бедности и борьбы. Они достигают своего полного роста, когда надежда людей на лучшую жизнь умерла.

Мы должны поддержать эту надежду.

Свободные народы мира обращаются к нам с просьбой в поддержании их свободы. Если мы колеблемся в нашем лидерстве, мы можем подвергнуть опасности мир во всем мире. И, конечно, мы подвергнем опасности благосостояние нашей нации.

Большая ответственность возложена на нас последними событиями. И я уверен, что Конгресс не откажется от этой ответственности.

ДОКУМЕНТ № 4

ДИРЕКТИВА СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США № 20/1

18 августа 1948 г.

Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При государственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, сократив до минимума разрыв между ними.

Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

- а) свести до минимума мощь и влияние Москвы;
- б) провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России.

Наши усилия, чтобы Москва приняла НАШИ КОНЦЕПЦИИ, равносильны заявлению: наша цель — свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно сказать, что эти цели недостижимы без войны, и следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная

цель в отношении Советского Союза— война и свержение силой Советской власти.

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений. Во-первых, мы не связаны определенным сроком для строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или «прибегнем к другим средствам...».

Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности и за внутренние условия в России...

Нашей целью во время мира появляется свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придутся по вкусу. Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако следует со всей силой подчеркнуть—то их, а не наше дело... Если действительно возникнет об-

становка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время, и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или осуществили это.

Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля.

Мы должны прежде всего исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим.

Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т. д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира.

Все условия должны быть жесткими и явно унижительными для этого коммунистического режима. Они могут примерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., кото-

рый заслуживает самого внимательного изучения в этой связи. Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в минувшие 15 лет, действуя как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны...

Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований.

Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

- а) не имел большой военной мощи;
- б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира;
- в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;
- г) не установил ничего похожего на «железный занавес».

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унижительным образом. Но мы обязаны не мыть-

ем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов...

Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия, с тем чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход для нас—разрешить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы не должны вмешиваться, если только эта борьба не затронет наши военные интересы.

Как быть с силой Коммунистической партии Советского Союза—это в высшей степени сложный вопрос, на который нет простого ответа. На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье; как, случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и раз-

решить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют, или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с этими людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними. Это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не нанесли вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... Итак, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декоμμунизации и в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти.

ДОКУМЕНТ № 5

ДИРЕКТИВА СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США № 204

23 ноября 1948 г.

Совершенно секретно

ЗАДАЧИ США ПО СДЕРЖИВАНИЮ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ США, ИСХОДЯЩИХ ОТ СССР

Задача:

1. Оценка и определение существующих и потенциальных угроз национальной безопасности США, исходящих в настоящее время от СССР, и определение мер, необходимых для противостояния этим угрозам.

Анализ характера угроз.

2. Намерение и способность советских лидеров следовать курсу, угрожающему национальной безопасности США, а также возможность претворить этот курс в жизнь представляют и в обозримом будущем будут представлять главную угрозу для США.

3. Коммунистическая идеология и поведение Советского Союза на мировой арене четко показывают, что основной целью советских лидеров является мировое господство. Советские лидеры считают, что их коммунистическая партия — это боевой авангард мирового пролетариата в его стремлении к завоеванию политической власти и что безо-

пасность СССР как оплота мирового коммунистического движения не будет обеспечена до тех пор, пока некоммунистические государства не будут ослаблены до такой степени, что уже не смогут препятствовать распространению коммунизма по всему миру. Основной и самой приоритетной задачей для СССР, решение которой не терпит отлагательства, является политическое завоевание Западной Европы. Попытки США воспрепятствовать этому расцениваются в СССР как серьезная преграда на пути достижения этих целей.

4. Советские лидеры пытаются достичь этих целей следующим образом:

а) В случае ослабления государства или политической нестабильности пытаются повсеместно внедрить контролируемые ими группировки во властные и другие влиятельные структуры, используя для этой цели инфильтрацию и пропаганду, равным образом как и принуждение перед страхом превосходящей военной силы.

б) Разжигая политическую, экономическую и психологическую войну против всех тех, кто препятствует осуществлению замыслов коммунистов, а также пытаюсь предотвратить или сдержать восстановление Западной Европы и препятствовать развитию сотрудничества между странами данного региона.

в) Ускоренно наращивая военный потенциал в регионах, находящихся в советской орбите, поскольку, по мнению коммунистов, война неизбежна.

И цели, и задачи Советского Союза враждебны по отношению к США и безусловно таковыми и останутся.

5. Нынешняя возможность СССР угрожать США заключается в:

а) Полной и эффективной централизации власти в СССР

и контроле над международным коммунистическим движением.

б) Убедительном использовании идеологии, построенной на псевдонаучных выводах, которая обещает избавление от всех зол, и активном использовании тоталитарной пропагандистской машины для достижения соответствующего эффекта.

в) Наличии высокоэффективных методов ведения шпионской и диверсионной деятельности, а также отработанных за более чем 25 лет способов захвата политической власти.

г) Наличии возможности использования военной мощи СССР и стран, находящихся под его влиянием, для запугивания или, в случае необходимости, для ведения военных действий.

д) Относительно высоком уровне политической и социальной нестабильности, имеющейся в настоящее время в других странах, в частности в странах Западной Европы, из-за недавней войны, а также в колониях и развивающихся странах, от которых зависят поставки сырья в Европу.

е) Возможности использовать оказанное в демократических странах коммунистам и обманутым ими людям доверие за счет нежелания этих стран ограничить демократические свободы лишь для того, чтобы запретить деятельность отдельной группы лиц, и нежелания этих стран признать заблуждения и злодеяния коммунистов.

6. Точно оценить степень опасности Советского Союза для США, которая заключается в вышеописанных положениях, невозможно. Успешность применения вышеизложенных принципов зависит от множества факторов, предсказать которые сейчас не представляется возможным, на-

пример, степени сопротивления, с которой столкнутся советские власти, эффективности политики США, развития взаимоотношений внутри органов советской власти и т. п.

Если бы в предыдущие два года США не предпринимали усилий по недопущению распространения коммунизма на территории Западной Европы и Средиземноморского региона, то сегодня большая часть этих территорий находилась бы под политическим контролем коммунистов. Однако сегодня (если не принимать в расчет резкое изменение нынешней ситуации, что может открыть перед коммунистами новые возможности) у коммунистов практически нет шансов на политическое завоевание стран, расположенных западнее линии Любек—Триест. Неудача подобного политического наступления создала для них серьезные проблемы за пределами «железного занавеса», и, возможно, сегодня их политика больше ориентирована на оборону. Однако нельзя утверждать, что возможности Советов по ведению диверсионной деятельности и политической агрессии иссякнут в течение последующих десяти лет. Напротив, Советский Союз может стать даже более опасным.

7. В настоящее время военные возможности СССР представляют для США прямую и серьезную угрозу:

а) СССР пока не способен вести продолжительные военные действия на территории США или в Западном полушарии и может организовать лишь ограниченное число самолетовылетов бомбардировочной авиации (причем только в одну сторону, без возвращения на базы). Главную же опасность представляют советские подводные лодки, способные успешно вести боевые действия.

б) По оценкам, основанным на имеющихся разведданных, советская армия способна за шесть месяцев захва-

тить всю континентальную Европу и Ближний Восток, в том числе Каир, одновременно оккупируя важные стратегические точки на Дальнем Востоке, в то время как Великобритания будет подвергаться сильнейшим бомбовым и ракетным ударам.

в) Если советские лидеры получат достаточно времени для консолидации управления и интеграции Европы в советскую систему, захват Советским Союзом этих территорий сильно увеличит его военную мощь. Это позволит коммунистам настолько укрепить свой военный потенциал, что возникнет неприемлемый уровень опасности для США.

8. Однако быстрая военная экспансия по территории Евразии удлинит советские коммуникации и наложит ощутимое бремя на экономику СССР. Если в это же самое время СССР будет вовлечен в войну с нами и мы будем проводить стратегические наступательные действия, то Советы могут оказаться неспособными удерживать захваченные территории. А если США прибегнут к психологической войне и диверсионным действиям на территории СССР, на подконтрольных Советам территориях советские лидеры столкнутся с недовольством и тайной оппозицией.

9. Согласно настоящим оценкам возможности СССР, указанные в пункте 7-а, будут постоянно увеличиваться, и, возможно, не позднее 1955 года СССР сможет нанести массированные воздушные атаки против США с использованием атомного, биологического и химического оружия. Кроме того, следует ожидать еще более активных действий с применением подводных лодок, включая запуски управляемых ракет малого радиуса действия, и проведения операций по высадке воздушного десанта с це-

люю захвата основных баз. Однако даже в этом случае СССР не будет способен осуществить крупномасштабное вторжение на территорию США, если военные силы США будут находиться в боеспособном состоянии. Возможности СССР по захвату Западной Европы, Ближнего Востока и части Дальнего Востока сохранятся и к 1958 году.

10. Возможности СССР и их усиление, обозначенные в данном документе, приведут к общему увеличению мощи СССР по отношению к США и западным демократическим державам. Этого можно избежать путем:

а) Успешного осуществления Программы восстановления Европы.

б) Развития Западноевропейского союза и его поддержки со стороны США.

в) Увеличения эффективности военных институтов США, Великобритании и других союзных государств.

г) Усиления внутренних противоречий в СССР и разногласий между СССР и его союзниками.

11. СССР уже вовлек США в борьбу за мировое господство. Сейчас невозможно точно предсказать, когда нынешняя политическая война перерастет в вооруженный конфликт и произойдет ли это вообще. Тем не менее угроза начала военных действий существует.

а) Хотя возможность спланированной атаки СССР против США не может быть исключена, тщательный анализ различных факторов указывает, что, возможно, советское правительство сейчас и не планирует определенных военных действий, рассчитанных на вовлечение в войну США, и по-прежнему ищет пути политического решения своих основных задач, прибегая при этом к военному шантажу.

б) Война может разразиться из-за случайных столкновений войск обеих стран.

в) Война может разразиться из-за неправильной оценки ситуации, из-за ошибочной оценки любой из сторон того, насколько далеко можно заходить, оказывая давление на противника. Существует вероятность того, что СССР захочет прибегнуть к военным действиям из-за неправильной оценки намерений США, касающихся обеспечения собственной безопасности.

12. В дополнение к риску начала войны существует опасность того, что политическая пропаганда, осуществляемая коммунистами, сильно ослабит позиции США, усилит позиции СССР и приведет к нашему поражению в политической войне или вынудит нас вступить в реальную войну тогда, когда мы будем находиться в невыгодном положении. Подобное может произойти из-за отсутствия у нас четкого внешнеполитического курса — следовать политике умиротворения или отдать предпочтение изоляционистским концепциям, что приведет к потере союзников и потере влияния на мировой арене; из-за отсутствия внутреннего единства и подрывной деятельности, осуществляемой на нашей территории; из-за экономической нестабильности, которая может быть вызвана инфляцией или кризисом; или из-за чрезмерного либо недостаточного вооружения и расходов на помощь союзникам.

13. Для противостояния угрозам нашей национальной безопасности и ради создания условий, ведущих к позитивным и в будущем к взаимовыгодным отношениям с русским народом, нам необходимо определить основные цели, выполнение которых возможно как в случае мирного развития событий, так и в случае войны. Из этого вытекают определенные задачи, выполнение которых должно быть

осуществлено без применения силы, а также те задачи, выполнение которых должно быть осуществлено военными средствами.

ВЫВОДЫ

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ США

14. Основной угрозой безопасности США в обозримом будущем будут военные планы СССР и его военная мощь, а также сама сущность коммунистической системы.

15. Если мы и другие некоммунистические страны не будем способны дать соответствующий отпор, политическая, экономическая и психологическая война, которую СССР ведет в настоящее время, способна ослабить позиции США и разрушить их традиционные институты, не прибегая к открытым боевым действиям.

16. Опасность войны с Советским Союзом достаточно велика, поэтому необходимо вести соответствующую своевременную подготовку, соблюдая необходимую осторожность.

а) Даже несмотря на то, что по нынешним оценкам Советы не намерены развязывать войну, в которую будут вовлечены и США, возможность возникновения подобной ситуации не может быть полностью исключена.

б) Сейчас и в обозримом будущем будет существовать угроза начала войны из-за неправильной оценки СССР решения США использовать все возможные средства для обеспечения собственной безопасности, из-за неправильной интерпретации намерений США или из-за неправильной оценки США мер, предпринимаемых СССР в ответ на политику США.

17. Контроль СССР над территорией Евразии, установленный в результате вооруженной агрессии либо политическими и подрывными методами, стратегически и политически неприемлем для США.

18. Способность США в мирных или военных условиях сдерживать угрозы или добиваться своих целей может быть серьезно подорвана в случае начала негативных процессов внутри США, среди которых можно выделить следующие:

а) Высокий уровень шпионажа, подрывной деятельности и саботирования, целенаправленно притворяемого в жизнь коммунистами.

б) Продолжительная экономическая нестабильность.

в) Внутренняя политическая и социальная разобщенность.

г) Недостаточное или чрезмерное финансирование военных программ и оказание помощи нашим союзникам.

д) Чрезмерное или расточительное расходование ресурсов в мирное время.

е) Уменьшение влияния США из-за непоследовательности, попустительства или непрофессионализма в осуществлении внешнеполитического курса или из-за невыполнения взятых на себя международных обязательств.

ж) Развитие чувства безопасности из-за обманчивых перемен в советском политическом курсе.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ США В ОТНОШЕНИИ СССР

19. Нашими основными целями, направленными на сдерживание угроз национальной безопасности и процветанию США, исходящих от СССР, в мирное и военное время должны быть:

а) Стремление уменьшить могущество и влияние СССР

до таких размеров, чтобы они более не представляли угрозы мирному сосуществованию, независимости мирового сообщества и стабильности в мире.

б) Заставить правительство СССР действовать на международной арене в соответствии с принципами, заложенными в Уставе ООН.

Однако, преследуя эти цели, мы должны быть осмотрительными и не допустить ослабления экономики и попражнения фундаментальных ценностей и институтов, присущих нашему образу жизни.

20. Мы должны стремиться достичь наших основных целей, не прибегая к войне, путем реализации следующих задач:

а) Способствовать постепенному ослаблению советского могущества — от нынешних границ до исконных русских территорий, а также содействовать превращению сателлитов СССР в независимые государства.

б) Способствовать развитию в умах советских людей настроений, которые могут помочь изменить нынешний политический курс СССР и позволить возродить независимость народов, готовых к ней и способных поддерживать ее.

в) Развеять миф, из-за которого народы, проживающие вне досягаемости советской военной машины, находятся в зависимости от Москвы, а также заставить мир увидеть и понять истинную сущность коммунистической партии и СССР и выработать к ним соответствующее отношение.

г) Создавать ситуации, которые заставят правительство СССР признать практическую нецелесообразность действий, основанных на нынешних концепциях, а также необходимость действовать в соответствии с принципами международного права, заложенными в Уставе Организации Объединенных Наций.

21. Выполнение этих задач требует от США следующего:

а) Поддержания уровня боевой готовности с целью обеспечения возможности противостоять СССР в случае его агрессии. Это должно являться неотъемлемой частью нашей политики в отношении СССР. Кроме того, это также должно давать уверенность тем государствам, которые, подобно нам, противостоят политической агрессии коммунистов. Мы также должны обеспечить наличие необходимого базиса для быстрой мобилизации в случае, если война окажется неизбежной.

б) Обеспечения внутренней безопасности США от саботажа, подрывных действий и шпионажа.

в) Максимальной реализации экономического потенциала, включая усиление экономики в мирное время и создание стратегических резервов, которыми можно будет воспользоваться в случае войны.

г) Усиления проамериканской ориентации некоммунистических стран, оказание помощи странам, способным и желающим внести свой вклад в укрепление безопасности США, их политической и экономической стабильности, военного потенциала.

д) Оказания максимального давления на советские органы власти и особенно на отношения Москвы и государств-спутников.

е) Обеспечения осведомленности граждан США о возможных угрозах государственной безопасности, готовности населения одобрить соответствующие действия.

22. В случае войны с СССР мы должны будем попытаться создать условия (за счет военных и других действий), которые обеспечат достижение целей США без безоговорочной капитуляции противника. Военные задачи,

дополняющие задачи мирного времени, должны быть следующими:

а) Искоренение господства Советской России на территориях, находящихся за пределами послевоенных границ России.

б) Уничтожение той схемы отношений, благодаря которой лидеры Всесоюзной коммунистической партии смогли добиться власти над гражданами или группами граждан в странах, не находящихся под контролем коммунистов.

в) Любой режим или режимы, которые могут возникнуть на территории СССР после войны, не должны:

(1) Обладать достаточным для ведения войны военным потенциалом.

(2) Создать что-либо подобное нынешнему «железному занавесу».

г) Более того, если на какой-либо части Советского Союза останется большевистский режим, то он не должен обладать достаточным военным и промышленным потенциалом, который мог бы использоваться для ведения боевых действий против других режимов, которые могут установиться на территории бывшего СССР

д) Стремиться создать такие условия, которые:

(1) Предотвратят развитие властных отношений, могущих угрожать безопасности США и миру во всем мире.

(2) Будут способствовать развитию организации послевоенного мира, основанного на принципах Организации Объединенных Наций.

(3) Позволят как можно быстрее вывести США из военного положения.

23. При выполнении вышеуказанных военных задач мы не должны принимать окончательных или преждевремен-

КАК УБИВАЮТ РОССИЮ

ных решений, относящихся к изменениям границ, формированию правительства на вражеской территории, независимости национальных меньшинств или ответственности за послевоенное переустройство политической, экономической и социальной систем, которые неизбежно пошатнутся в результате войны.

ДОКУМЕНТ № 6

ЗАПИСКА КГБ СССР В ЦК КПСС

24 января 1977 г.

Совершенно секретно

«О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан»

По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики.

В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, одним из важнейших аспектов

подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутривнутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки.

Председатель КГБ СССР Ю. Андропов

ДОКУМЕНТ № 7

РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА США Р. РЕЙГАНА ПЕРЕД НАЦИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИЕЙ ЕВАНГЕЛИ- СТОВ

8 марта 1983 г.

Присутствующие Преподобное Духовенство, Сенатор Хокинс, члены Флоридской делегации конгресса и все остальные, позвольте выразить вам свои чувства, которые я испытываю от вашего сердечного приема. Я счастлив быть здесь сегодня.

Я выражаю вам особую благодарность за ваши молитвы. Мы с Нэнси чувствуем их постоянно. Прошу мне поверить — для нас они значат очень многое.

Я рад встрече с вами, на ком держится Американское величие. Только с вашей помощью и помощью миллионов других наших сограждан мы можем пережить это рискованное столетие.

Я хочу, чтобы вы знали, что философия нынешней администрации основана на Божьих ценностях, и она видит величие Америки в вас, ее людях, и в ваших семьях, церквях, соседстве, сообществах.

Однако я не могу не сказать вам, что это противопоставляет нас тем, кто повернулся лицом к современному атеизму, отказываясь от испытанных ценностей, на кото-

рых базируется наша цивилизация. Независимо от всего, их система ценностей радикально отличается от системы ценностей большинства американцев. Атеисты заявляют, что освобождают нас от суеверий прошлого, берут на себя заботу по управлению нами. Иногда их голоса громче наших, но это еще не мнение большинства.

Позвольте мне кратко изложить свои доводы. Организация граждан, искренне заинтересованных в снижении незаконных рождений и аборт у девушек значительно ниже брачного возраста, некоторое время назад открыла общенациональную сеть клиник, предлагающих помощь этим девушкам в облегчении этой ситуации. Однако данные клиники решили предоставить полную анонимность несовершеннолетним девушкам без согласия их родителей.

В течение нескольких лет федеральное правительство помогало субсидировать эти клиники. Конгрессом было законодательно установлено максимально обеспечить родительское участие. Однако правила и устав данных клиник составлены так, что такая помощь может оказываться без родительского согласия или уведомляя их после всего свершившегося.

Нами было указано, чтобы клиники, получающие средства из федерального бюджета, уведомляли родителей, что такая помощь оказывалась их детям. Одна из ведущих национальных газет выступила с критикой, обвиняя нас во вмешательстве в личную жизнь молодых людей. Суд недавно запретил осуществление нашего правила. Я видел, как телевикторины обсуждают эту проблему, комментаторы говорят, что мы ошибаемся, но никто, кажется, не упоминает, что этика играет важную роль и в вопросах секса. Что из иудейско-христианских традиций тут непра-

вильно? И не нарушает ли это право родителей давать советы, чтобы препятствовать их детям делать ошибки, которые могут отразиться на всей их жизни? Многие из нас в правительстве хотели бы знать, есть ли такие родители, которые считают это вторжением в их семью государством? Мы собираемся бороться в судах. Права родителей и права семьи имеют для нас высочайший приоритет.

Но борьба против родительского уведомления — только один пример многих попыток переделать традиционные ценности и даже аннулировать оригинальность американской демократии. Свобода процветает, когда религия ярка и Божьи правовые нормы признаны. Когда наши Отцы-основатели передали Первую поправку, они стремились защитить церковь от правительственного вмешательства. Они никогда не намеревались строить стену из враждебности между правительством и понятием религиозной веры.

Свидетельством этого выступают наша история и наше государство. Декларация Независимости упоминает Бога не менее четырех раз. «В Бога Мы Верим», выгравировано на наших зданиях. Верховный Суд открывает свои заседания молитвой. И члены Конгресса открывают свои сессии молитвой. Я полагаю, что школьники Соединенных Штатов имеют право на те же привилегии, что Верховный Суд и Конгресс.

В прошлом году я отправил в Конгресс поправку к Конституции, чтобы восстановить молитвы в общественных школах, и я прошу, чтобы ее быстрее приняли и позволили нашим детям молиться.

Аборт по требованию забирает жизни до полумиллиона будущих детей в год. Законопроект о человеческой жизни, рассматривающий эту трагедию, когда-нибудь рассмот-

рит Конгресс, и ни вы, и ни я не должны оставаться спокойными, пока этого не сделают. Когда будет доказано, что будущий ребенок не живущее юридическое лицо, тогда его право на жизнь и свободу должно быть защищено.

Вы должны помнить, что, когда начали производить аборты по требованию, многие из вас, я уверен, предупреждали, что подобная практика приведет к снижению уважения к человеческой жизни, что аборт по требованию будет в конечном счете использоваться, чтобы оправдать другие нападения на святость человеческой жизни — детоубийства или убийства из милосердия. Трагически достаточно, что те предупреждения оказались слишком верными. Только в прошлом году суд разрешал смерть голодом младенцу-инвалиду.

Кроме того, недавний законопроект, предложенный в Конгрессе представителем Иллинойса Генри Хайдом, не только увеличивает ограничения на публично финансируемые аборты, но и обращается к целой проблеме детоубийства. Я убеждаю Конгресс начать слушания и принять закон, который защитит право жизни всем детям, включая инвалидов.

Я уверен, что вы поняли, как важно духовное пробуждение в Америке, возобновление традиционных ценностей, которые были основой ее совершенства и величия.

По заключению проведенного в Вашингтоне исследования, американцы гораздо более религиозны, чем люди других наций; 95 процентов выражают веру в Бога, и огромное их количество полагает, что «Десять Заповедей» имеют реальное значение в их жизни. Другое исследование показало, что подавляющее большинство американцев относится неодобрительно к прелюбодеянию, подростковому сексу, порнографии, абортам и наркотикам. В то

же самое время американцы выразили глубокое почтение семейным связям и религиозности.

Я думаю, темы, которые мы обсудили сегодня, должны быть ключевой частью национальной политической повестки дня. Впервые Конгресс открыто и серьезно дебатировал и имеет дело с проблемами аборта, и это — огромное продвижение вперед. Я повторяю: в Америке духовное пробуждение и моральное возобновление. Но мы никогда не должны забывать, что никакие государственные законы не ведут к «прекрасному человеку». Мы знаем, что, живя в этом мире, приходится сталкиваться с тем, что философы называли бы феноменологией зла или, как выражаются богословы, доктриной греха.

Есть грех и зло в мире, и нам предписывается Священным писанием и Иисусом Христом противостоять этому. Наша нация также получила в наследство зло, с которым должна бороться. Слава этой земли вместила многое, морально превысив зло нашего прошлого. Например, долгая борьба граждан за равноправие меньшинств; когда-то источник отсутствия единства и гражданской войны — теперь пункт гордости для всех американцев. Мы никогда не должны возвращаться к прошлому. Нет никаких оправданий для расизма, антисемитизма или других форм этнической и расовой ненависти в этой стране.

Я знаю, что вы были напуганы всплеском ненависти у некоторых групп населения, проповедующих фанатизм и предубеждение. Используйте могущественный голос кафедр ваших проповедников и мощного положения ваших церквей, чтобы осудить и изолировать эти группы ненависти в нашей стране. Заповедь, данная нам, ясна и проста: «Возлюби ближнего своего».

Но независимо оттого, что грустные эпизоды существу-

ют в нашем прошлом, любой объективный исследователь должен иметь положительное представление об американской истории, которая была историей надежд и мечтаний, превратившихся в действительность. Особенно в этом столетии, когда Америка держала освященный факел свободы не только для нас, но и для миллионов других людей во всем мире.

В своем заключительном пункте сегодня мне бы хотелось вернуться к моей первой пресс-конференции как президента. В ответ на прямой вопрос, я указал, что, как хорошие марксисты-ленинцы, советские лидеры открыто и публично объявляют, что единственная этика, которую они признают, — это та, что приведет к мировой революции. Я думаю, что эта цитата Ленина, сказанная им в 1920 году, что они аннулируют всю этику, которая проистекает из сверхъестественных идей — это их название для религии — или идей, которые являются внешними концепциями класса. Этика полностью зависима от интересов войны классов. И все морально, что является необходимым для уничтожения старого, эксплуатирующего общественного строя и ведет к победе пролетариата.

Я думаю, отказ многих влиятельных людей признать этот элементарный факт советской доктрины иллюстрирует историческое нежелание видеть ее тоталитарную сущность. Мы видели это явление в 1930 годах. Мы видим это слишком часто и сегодня.

Это не означает, что мы должны изолироваться и отказываться понимать их. Я намереваюсь сделать все, что могу, чтобы убедить их в наших мирных намерениях, напомнить им, что Запад отказался использовать свою ядерную монополию в сороковых и пятидесятых годах для территориальной выгоды и теперь предлагает, чтобы на 50 про-

центров сократились стратегические баллистические ракеты и полностью ликвидировался весь класс ядерных ракет среднего радиуса действия.

В то же самое время, однако, Советы должны понять, что мы никогда не будем ставить под угрозу наши принципы и стандарты. Мы никогда не отдадим нашу свободу. Мы никогда не оставим нашу веру в Бога. И мы никогда не прекратим искать подлинный мир. Однако правда состоит в том, что равновесие сил теперь является очень опасным мошенничеством, поскольку это — просто иллюзия мира. Действительность состоит в том, что мы должны найти мир через силу.

Я согласился бы на равновесие, если бы только мы смогли заморозить глобальные желания Советов. Стратегический паритет вознаградил бы Советский Союз за его огромное и беспрецедентное военное наращивание. Запоздалая модернизация Соединенных Штатов и их Вооруженных сил оставит в таком случае наши стареющие силы все более и более уязвимыми. И честное ограничение вооружений требовало бы, чтобы обширные предшествующие переговоры относительно систем и чисел были ограничены и относительно мер, чтобы гарантировать эффективную проверку и согласие. И вид ограничения, который был предложен, фактически невозможно проверить. Такое главное усилие отклонило бы нас полностью от наших текущих переговоров относительно достижения существенных сокращений.

Много лет назад, я услышал высказывание одного молодого отца в Калифорнии, обращенное к многочисленной толпе народа: «я предпочту увидеть, что мои маленькие девочки умрут сейчас, все еще веря в Бога, чем если бы они росли при коммунизме и однажды умерли, больше

не веря в Бога». В той аудитории были тысячи молодых людей. Они немедленно признали глубокую правдивость в сказанном относительно физического состояния и души, и что это было действительно важно.

Позвольте нам помолиться за спасение всех тех, кто живет в той тоталитарной темноте. Просите, чтобы они обнаружили радость милосердного Бога. Но пока они проповедуют всемогущество государства и его превосходство над личностью, пока они веруют в свое будущее господство над всеми народами земли, они — центр зла в современном мире.

Самое страшное зло совершается даже не в концентрационных трудовых лагерях, где мы видим конечный результат этого зла. Зло задумывают и приказывают исполнять в чистых теплых кабинетах с хорошим освещением и ковровыми дорожками тихие люди в белых воротничках, со стриженными ногтями и гладко выбритыми щеками, которым не нужно повышать голос. Но из-за того, что эти тихие люди не повышают голос, из-за того, что они, как и диктаторы до них, в конечном счете, требуют лишь отдельной территории, кому-то кажется, что нам стоит принять их такими, какие они есть.

Я убеждаю вас высказываться против тех, кто поставил бы Соединенные Штаты в положение военной и моральной неполноценности. В ваших обсуждениях по ограничению ядерных вооружений остерегайтесь искушения гордости — искушение блаженного объявления выше происходящего, маркировать обе стороны одинаково ошибочно, игнорировать факты истории и агрессивных импульсов империи зла, просто называть гонку вооружений гигантским недоразумением и таким образом удалять себя из борьбы между правдой и ложью, добром и злом.

КАК УБИВАЮТ РОССИЮ

Я прошу вас сопротивляться попыткам тех, кто хотел бы, чтобы вы отказали в вашей поддержке нашим усилиям, усилиям этой администрации поддерживать Америку сильной и свободной в то время, когда мы договариваемся о реальных сокращениях поддающихся проверке всемирных ядерных арсеналов и однажды, с помощью Бога, их полным устранением.

В то время как военная сила для Америки важна, позвольте мне добавить, что я всегда утверждал, что продолжающаяся теперь борьба для мира никогда не будет решаться бомбами, ракетами или армиями. Реальный кризис, перед которым мы оказываемся сегодня, — духовный.

Я полагаю, что мы примем вызов. Я полагаю, что коммунизм — это грустная, причудливая глава в человеческой истории, чьи последние страницы теперь пишутся. Я верю в это, потому что источник нашей силы в поисках человеческой свободы не материален, а духовен. И потому что это не знает никакого ограничения, это должно ужаснуть и, в конечном счете, одержать победу над теми, кто поработил их собрата.

Измените ваш мир. Один из наших Отцов-основателей, Томас Пэйн, сказал: «Мы имеем в пределах нашей власти начать самостоятельную жизнь снова». Мы можем сделать это, делая вместе.

Да благословит вас Господь и большое спасибо.

ДОКУМЕНТ № 8

ВЫСТУПЛЕНИЕ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА США Д. ЧЕЙНИ НА ФОРУМЕ ПРЕЗИДЕНТОВ БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА 4 мая 2006 г. Вильнюс.

Уважаемые гости, коллеги и друзья, благодарю за теплый прием и за возможность присоединиться ко всем вам на этой очень важной конференции. Для меня честь находиться с вами.

Я ценю глубокие слова президента Качиньского и президента Адамкуса. И я хочу выразить особую благодарность правительству и народу Литвы за гостеприимство, оказанное мне и моей супруге.

Господин президент, это наш первый визит в вашу страну, и видеть эту прекрасную часть света собственными глазами—это опыт, который мы всегда будем бережно хранить в памяти. Мы благодарны за теплый и гостеприимный дух Литвы. И всем гражданам этой страны, и всем странам, представленным сегодня в этом зале, мы передаем дружественные и добрые пожелания нашего президента Джорджа Буша и народа Соединенных Штатов.

Эта конференция собрала вместе мужчин и женщин из самых разных стран и культур и самых разных профессий. Здесь собрались избранные и назначенные чиновники, общественные активисты, предприниматели, студенты, сме-

лые лидеры «цветных революций». Нас объединяют общие идеалы, заявленные на первом заседании этой конференции в прошлом году: освободить регион ото всех оставшихся линий раздела, от нарушений прав человека, от замороженных конфликтов, и открыть новую эру демократии. Сюда мы принесли надежды и чаяния народов, которые мы представляем. И отсюда, мы будем смело и уверенно служить делу свободы, безопасности и мира.

То, что мы собрались в Балтийском регионе—на передовой свободы в современном мире, оправданно. На протяжении нескольких поколений Литву, Эстонию и Латвию считали провинциями империи. По сути, вы—древние страны, утратившие суверенитет, который был украден. США никогда не признавали легитимность этой оккупации, и мы верили в вас до того самого дня, когда была восстановлена ваша независимость.

За эти 15 лет Балтика показала, как быстро могут страны добиваться прогресса, если они принимают свободу, служат интересам своих народов и твердо идут по пути реформ. Вы сбросили путы стагнации имперской диктатуры и командной экономики, и сейчас ваши дети смотрят в многообещающее будущее как граждане независимых, процветающих демократий. Вы и оказываете помощь, и служите источником вдохновения тем, кто разделяет эту мечту, от соседних стран до новых демократий Ближнего Востока. Поскольку вы упорны, сейчас вы являетесь частью семьи демократических стран Европейского союза, и на страже вашей безопасности стоит самое мощное партнерство, созданное во имя свободы в нашем мире,—альянс НАТО.

Эта великая история не раз повторялась на протяжении поколения, улучшая жизни миллионов и давая надежды

миллионам других. Когда на картах Европы отразился закат империи и наступление свободы, континент оставил позади дни искусственного раздела, навязанного дипломатическим противостоянием и милитаризованными границами. По мере консолидации демократии и расширения НАТО и ЕС страны, которые в прошлом были соперниками, стали партнерами.

Этот прогресс был бы невозможен без руководства патриотов с такими именами, как Сахаров, Миндценти, Валенса, Гавел, которые десятилетиями, не покладая рук, выступали против диктаторов, говорили правду без обиняков и отказывались пожертвовать своей свободой. Их мужество и верность принципам помогли направить баланс Европы в сторону свободы. И они являются моральным примером нашего времени. Дамы и господа, если вы и я будем твердо придерживаться принципов, которые считаем правильными, мы тоже сможем оставить наследие свободы и прогресса и сделать наш только начинающийся век временем роста надежд и продолжительного мира.

В сегодняшнем мире понятно, что наши ценности и наши стратегические интересы одни и те же. По словам президента Буша, «демократия ведет к справедливости в стране—и прогресс демократии ведет к большей демократии в мире». Режимы, подавляющие и тиранящие свои народы, угрожают миру и стабильности других стран. Чтобы скрыть свои провалы, они подпитывают соперничество и ненависть. Они стремятся навязать свою волю силой, они делают наш мир более опасным. Мы поддерживаем демократию и реформы, потому что правительства, ответственные перед своими гражданами,—это мирные правительства. Свободные народы не живут в беско-

нечных лишениях, лелея старые обиды, взращивая в себе возмущение и представляя угрозу для других. Свободные народы не заикливаются на каждом споре и конфликте прошлого, скорее они ищут возможности для будущего и обращают свои творческие способности на построение более светлого завтрашнего дня. Здесь, в Европе, поскольку страны живут в свободе и в надежде, они разрешают противоречия спокойно и сообща работают над построением процветания и безопасности. Демократический союз Европы гарантирует мир Европы.

У нас есть все причины верить в будущее демократии, поскольку свидетельства говорят в нашу пользу и потому что мы поддерживаем великие и вечные ценности—применимые везде и простые по сути. Никто не должен жить при репрессивном правлении, не имея права выбирать собственную судьбу, или быть преследуемым за свои убеждения или произносимые слова. Горячо любимый президент США Рональд Рейган однажды написал об этом в письме к лидеру бывшего Советского Союза.

«Народы мира,—писал Рейган,—несмотря на расовые и этнические различия, имеют много общего. Они хотят иметь контроль над собственной судьбой. Они хотят работать в определенной сфере или по профессии по собственному выбору и получать достойное вознаграждение. Они хотят, чтобы их семьи жили в мире, не причиняя никому вреда и не страдая сами. Правительство существует для их удобства, а не наоборот».

Есть и еще одна причина, по которой мы можем верить в будущее демократии. Права человека, свободное волеизъявление и уважение достоинства каждого человека соответствуют нашей человеческой природе. Мы созданы по образу и подобию Божьему, и Он наделил наши сердца

стремлением быть свободными. И из-за этой неизменной правды идея свободы всегда будет толкать мужчин и женщин к действию. Так что позвольте нам предложить тем, кто борется за свободу, ту же поддержку, о которой мы просили бы для себя, и те же слова ободрения, которые однажды произнес Папа Иоанн Павел II в адрес подавленной Европы: «Не бойтесь».

Движение за свободу еще не окончено и не исчерпало своих сил. И мы до сих пор живем во времена героев. От площади Свободы в Тбилиси до площади Независимости в Киеве, в других местах патриоты выступили, чтобы затребовать свое наследие свободы и независимости. Они взяли на себя огромные обязательства. И завоевали уважение наблюдающего за ними мира.

Великие революции происходили во многих странах, и перед ними стояли великие задачи, поэтому вряд ли можно переоценить сложности, с которыми сталкивается это новое поколение лидеров. Республика Грузия, по словам президента Саакашвили, «начала с безнадежности, отчаяния, несправедливости, отсутствия электричества, невыплаты зарплат и пенсий и отсутствия общественного порядка». «Мы начали с той точки, в которой страны обычно перестают существовать», — продолжил он.

Президент Ющенко тоже указывал на сложности организации представительного правления в стране, где была подорвана законность, мало соблюдались права человека, царил коррупцированная бюрократия и был запуган пресс-корпус. Решение сложностей, подобных этим, требует времени, консенсуса и неуклонных и непрерывных усилий по проведению необходимых, но жестких реформ. Однако президент Буш и я убеждены, что мужчины и женщины, которые проявили волю и сокрушили репрессив-

ные режимы, также обладают твердостью, чтобы закрепить демократические достижения.

Единой модели демократии нет, наши системы разнятся в зависимости от уникальных традиций наших стран, языка, на котором мы говорим, и событий и героев нашей истории. Однако здоровые самоуправляемые дальновидные общества имеют одинаковые исходные силы. Демократия начинается с того, что граждане отдают свои голоса, однако это только начало. Выборы должны быть справедливыми, правильными и истинно конкурентными. Мужчины и женщины должны свободно высказывать свои мысли. И вот простой тест, предложенный бывшим советским диссидентом Натаном Щаранским: «Может ли человек встать в центре городской площади и выразить свои взгляды, не опасаясь ареста, заключения в тюрьму или физического вреда? Если может, тогда человек живет в свободной стране. Если нет, это общество страха».

В свободном обществе политические партии должны функционировать без преследований. Кандидаты должны иметь возможность изыскивать ресурсы и голоса в духе конкуренции, а не в атмосфере тревоги. Информировать граждан и обеспечивать свободный обмен идеями и дебаты должны активные независимые СМИ. И по итогам выборов должна проходить добровольная и спокойная передача власти.

В демократии само государство имеет лишь ограниченную власть над жизнями своих граждан, потому что истинная сила страны заключается в институтах гражданского общества— семье, религиозных общинах, добровольных ассоциациях и свободном предпринимательстве. Каждый человек имеет право на свободу совести— не просто право исповедовать определенные религиозные убеж-

дения, но и практиковать эти убеждения и делиться ими с другими. Граждане заслуживают основных гарантий равного отношения по закону, и меньшинства не должны испытывать угнетения. Защита гражданского общества и поддержка индивидуальной свободы требует законности — что есть самая главная причина существования правительства. Правительство выполняет эту обязанность, обеспечивая независимое судопроизводство, профессиональный правовой истеблишмент и честное компетентное проведение законов в жизнь.

Когда власть ответственна перед гражданами и соблюдается законность, у людей появляется уверенность, которая требуется им, чтобы начать собственный бизнес, инвестировать капитал и строить планы на будущее. И снова государство играет ограниченную, но существенную роль: создать условия для развития и роста благосостояния в экономике.

В период переходной экономики может появиться соблазн принять политику, которая приносит краткосрочную прибыль — ценовой контроль, протекционизм или госсобственность. Однако опыт нашего мира — проиллюстрированный странами на всех континентах — доказывает, что закрытые и чрезмерно регулируемые системы лишь препятствуют прогрессу и тянут страну вниз. Длительный рост зависит от свободного рынка, поскольку двигатель процветания — это частный сектор. В успешной демократии, таким образом, правительство должно уважать права собственности, содействовать конкуренции, поощрять справедливую и открытую торговлю с другими странами и собирать налоги в госказну, не нанося вреда работе, сбережениям, инвестициям и предпринимательству.

Кроме того, лидеры должны упорно продолжать борьбу

бу с двумя величайшими врагами экономического прогресса — бюрократическими барьерами и официальной коррупцией. Чтобы частный сектор процветал и давал новые рабочие места, предприниматели должны иметь возможность создавать компании, нанимать рабочих и вести бизнес без необоснованного вмешательства и фаворитизма. И единственный способ добиться привлечения в экономику коммерции и инвестиций — это искоренить коррупцию на всех уровнях, требовать открытости, прозрачности и ответственности в системах бизнеса и правительства.

Благодаря всему этому демократии — и старые, и новые — могут следовать по пути политической стабильности и экономического процветания. Я не говорю, что демократия на практике — легкое дело. В моей собственной стране во времена ее основания около 20% нашего народа жило и работало в рабстве. Эти цепи были сброшены только после разрушительной гражданской войны, и прошел еще один век, прежде чем все наши граждане получили фундаментальные права. Как американец, я не могу утверждать, что наша страна совершенна. Но мы на тяжком опыте узнали, что нет ничего более важного, чем провозглашение идеала свободы, равенства и справедливости — и, несмотря на сложности, вечное стремление к этому идеалу. Нет никаких сомнений в том, что каждая толика усилий в этом направлении возмещается национальным единством, мирным прогрессом и, прежде всего, более широкими возможностями и достойной жизнью людей.

Вряд ли стоит напоминать кому-либо из здесь собравшихся, какова альтернатива всему этому. Вы видели это сами, вы пережили это — централизованный контроль, устрашение политических оппонентов, коррупция с тенден-

цией к насилию, экономическая стагнация и национальный упадок. Это кошмар истории, повторения которого не хочет ни один разумный человек.

Мы также можем приободриться, глядя на опыт Восточной и Центральной Европы после «холодной войны». В 1990-е многие предсказывали, что движение к демократии и свободным рынкам окончится провалом. И, правда, откаты были. Некоторые партии обещали реформы и не проводили их — но это не означало конца реформ. Некоторые экономики сталкивались с болезненными тяготами — но это не означало конца реформ. Во всех случаях страны, которые продолжали программу реформ, добились успеха. Мы должны помнить, что прогресс нельзя объективно оценить отдельно взятым моментом времени, — хорош он или плох; важно наличие стабильного обнадеживающего продвижения с течением времени.

Путь реформ неровен, но это не хаос; самый верный способ вызвать постоянный политический, социальный и экономический беспорядок — это отказываться от сложного, но необходимого выбора. И страны, которые идут по верному пути, должны знать, что они не одиноки. Во время своего визита в Вашингтон в прошлом году президент Ющенко сказал, что очень важно чувствовать, что рядом с нами стоят партнеры, что нам не придется справляться с этими проблемами в одиночку. Соединенные Штаты Америки отвержены роли надежного партнера на этом пути. Наша цель — помочь другим найти свой голос, достичь собственной свободы, идти своим путем.

Прямой помощью и активной дипломатией США продолжают оказывать сильную поддержку развитию демократических институтов, прозрачных, ответственных и децентрализованных. Мы помогаем гражданским орга-

низаниям содействовать широкому вовлечению избирателей, а правительствам—добиваться, чтобы выборы соответствовали международным стандартам объективности. Мы финансировали программы обучения журналистов, содействия росту независимых новостных организаций. Мы поддерживаем организации, которые наблюдают за деятельностью государства и защищают права человека. И вместе со многими другими странами мы решаем такие вопросы здравоохранения, как распространение ВИЧ/СПИДа.

Американцы также оказывают содействие в сфере торговли, предоставляя консультации по вопросам финансового управления, поддерживая развитие мелкого бизнеса и давая рекомендации тем, кто стремится к вступлению во Всемирную торговую организацию. И так же, как мы помогаем странам полноценно включаться в глобальную экономику, Америка будет твердо поддерживать тех, кто стремится к членству в НАТО и в ЕС.

США гордятся тем, что работают в партнерстве с расширяющимся Европейским союзом. Мы гордимся тем, что НАТО разросся в более крупную силу во имя мира и стабильности. Молодые демократии в нашем великом альянсе обновили его—привнесли энергию, мудрость и моральную чистоту в органы Европы. Для них опыт тирании реален и свеж. Так что они понимают необходимость сохранять бдительность, осознают свой долг называть зло своим именем и ответственность свободных народов защищать невинных и бороться с насилием. В последующие годы все новые страны будут принимать сложные решения, проделывать сложную и необходимую работу, чтобы соответствовать стандартам членства в НАТО и ЕС. Америка ждет того дня, когда вы будете готовы

присоединиться к этим институтам, а они — готовы принять вас.

Распространение демократии — это ход истории, это благо для всех и ни для кого не угроза. Лучшего соседа, чем демократический сосед, и не пожелаешь — стабильный, мирный, открытый для торговли и сотрудничества вместо подозрений и страхов. Страны Запада сформировали самую процветающую и толерантную из известных систем. И поскольку эта система охватывает надежды и мечты всего человечества, она изменила наш мир к лучшему. Мы можем и должны опираться на этот успешный опыт. Система, которая дала такую большую надежду Балтийскому берегу, может дать ту же надежду далеким берегам Черного моря и еще дальше. То, что верно в Вильнюсе, верно в Тбилиси и Киеве, верно в Минске и в Москве.

Все мы хотим демократического прогресса в Белоруссии. Эта страна пострадала в крупных войнах и понесла ужасные потери, а сейчас последняя диктатура Европы отказывает ее народу в основных свободах. Сегодня среди нас присутствуют защитники демократии из Белоруссии. Мы приветствуем вас на этой конференции. Так же я ожидал, что сегодня встречу с лидером оппозиции Александром Милинкевичем — но недавно минский режим заключил его в тюрьму. Режим должен исправить эту несправедливость и освободить Милинкевича вместе с другими сторонниками демократии, удерживаемыми в заточении. Мир знает, что происходит в Белоруссии. Мирных демонстрантов избивали, исчезали диссиденты, правительство, которое подрывает свободные выборы и запрещает собственный флаг страны, сеет атмосферу страха. Такому режиму не место в единой и свободной Европе. Народ Белоруссии заслуживает лучшего. У вас есть право определять

собственную судьбу. И у вашей великой страны есть будущее в сообществе демократий.

Америка и вся Европа также хотят видеть в категории здоровых живых демократий и Россию. Однако в сегодняшней России оппоненты реформ пытаются обратить вспять достижения последнего десятилетия. Во многих областях гражданского общества — от религии и СМИ до правозащитных организаций и политических партий — власти несправедливо и неуместно ограничили права своего народа. Другие действия российского правительства были контрпродуктивными и могут повлиять на отношения с другими странами. Когда нефть и газ становятся инструментами запугивания и шантажа путем либо манипуляций поставками, либо попыток монополизировать систему транспортировки, это не отвечает ничьим законным интересам. И ничем нельзя оправдать действия, которые подрывают территориальную целостность соседа или мешают демократическим движениям.

Россия должна сделать выбор. И, несомненно, возвращение к демократическим реформам в России обеспечит дальнейший успех ее народу и большее уважение со стороны других стран.

Демократизация в России помогла положить конец «холодной войне», и российский народ добился героического прогресса в преодолении невзгод XX века. Сейчас россияне заслуживают возрождения своих мирных чаяний при правительстве, которое поддерживает свободу в стране и строит хорошие отношения с заграницей.

Никто из нас не считает, что Россия обречена стать врагом. Россия, которая все больше разделяет ценности этого сообщества, может быть стратегическим партнером и надежным другом, когда мы работаем над общими целями.

В этом духе ведущие индустриальные страны будут взаимодействовать с Россией на саммите «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге этим летом. Мы ясно и уверенно дадим понять, что России нечего бояться, что она только выиграет от наличия сильных, стабильных демократий на ее границах и что, равняясь на Запад, Россия присоединится ко всем нам на пути к процветанию и величию. Согласно видению, о котором мы сегодня торжественно заявляем, это будет сообщество суверенных демократий, которые преодолели прошлые конфликты, чтят многочисленные культурные и исторические связи между нами, ведут свободную торговлю, уважают друг друга как великие страны и вместе стремятся к веку мира.

Наше сотрудничество жизненно важно, потому что в современном мире на демократии ложатся большие обязанности. Задачи новой эры требуют сконцентрированных действий со стороны стран и народов, которые верят, что свободу стоит защищать. Ради нашей безопасности мы должны решительно действовать против известных опасностей. И чтобы обеспечить свободу и мир для следующих поколений, мы должны быть верны демократическим мечтам других и помнить о наших братьях и сестрах, которые хранили свои надежды в ссылке.

Конец «холодной войны» не ознаменовал начала эры покоя и безмятежности. Появился новый враг свободы — он собран, хитроумен и хищен. Этот враг искажает религию, чтобы заставить ее служить темной политической цели — создания путем насилия и устрашения тоталитарной империи, которая отрицает все политические и религиозные свободы. Пока террористы не пытаются создавать больших регулярных армий. Они хотят деморализовать свободные страны ужасными актами убийств,

получить оружие массового поражения, чтобы удерживать власть угрозами или шантажом. У нас не должно быть никаких иллюзий в отношении их амбиций, ибо террористы уже четко о них заявили. Они убили многие тысячи человек во многих странах. Они убили бы, если бы смогли, сотни тысяч других — и они еще не остановились.

Это не тот враг, которого можно игнорировать или ублажить. И каждое отступление цивилизованных стран — это стимул для нового насилия против нас. Люди, презирающие свободу, будут атаковать ее во всех частях мира, поэтому долг ответственных стран — продолжать наступление, всем вместе, чтобы устранить эту угрозу. Мы работаем над тем, чтобы предотвратить атаки, прежде чем они произойдут, отслеживая террористов, где бы они ни находились. Мы работаем над тем, чтобы не допустить попадания оружия массового поражения в страны-изгои и в руки их террористических союзников. Мы работаем над тем, чтобы ни одна страна не стала местом террористического насилия в будущем. И мы работаем над тем, чтобы лишить террористов новобранцев, заменяя ненависть и обиды демократией и надеждой на Ближнем Востоке.

Наша верность этой борьбе сегодня проходит испытание в Афганистане и Ираке. Это задача сложная, но прогресс идет неуклонно, и страны нашей коалиции действовали великолепно. Все 26 стран — членов НАТО внесли свой вклад в операции в Ираке и Афганистане. И некоторые из самых стойких союзников в этой борьбе — это страны, которые недавно завоевали свою свободу. От литовской реконструкционной группы (Lithuanian Provincial Reconstruction) в Афганистане, латвийских команд военного обучения в Ираке, эстонских пехотинцев, грузинских сил безопасности до польских и румынских военных

подразделений — страны, знающие на собственном опыте, что такое тирания, лучше понимают, что поставлено на карту. И они благородно включились в борьбу за демократию в других странах.

Поскольку наша коалиция выполнила одно из обязательств перед афганским и иракским народами, сейчас около 50 млн мужчин, женщин и детей, которые жили при диктаторах, живут в свободе. Афганистан — поднимающаяся демократия, с первым за свою 5-тысячелетнюю историю полностью выборным правительством. В Ираке принята самая прогрессивная конституция, и он имеет самый мощный демократический мандат во всем арабском мире. И, несмотря на угрозы со стороны убийц и тех, кто взрывает машины, миллионы иракцев пришли на выборы, чтобы отдать свои голоса и заявить о своих правах как граждан свободной страны.

В войне с террором будет еще много дней испытаний, и от нас потребуются гораздо больше, чтобы помочь народам беспокойного региона консолидировать их собственные демократические достижения. Однако, как сказал президент Буш, битва, в которую мы вступили, это «сегодняшнее проявление древней борьбы — между теми, кто верит в диктаторов, и теми, кто верит в народ». В истории Европы мы видели фундаментальное столкновение идей, и опыт Европы может быть источником уверенности для всех нас.

Мы поняли, дамы и господа, что желание человека быть свободным — самая мощная сила на Земле. Тираны могут какое-то время отказывать в надежде другим, нарушать права других и даже забирать жизни других людей. Однако у них нет власти вселять надежду в страну. Идеалы, в которые верите вы и я — свобода, равенство, справедли-

КАК УБИВАЮТ РОССИЮ

вость по закону—апеллируют к лучшему в человечестве. Мы были свидетелями тому, как эти идеалы поднимали целые страны и обеспечивали поколения мира. И мы увидим, что и в наше время надежда возродилась—в местах близких и далеких. Так что давайте упорно продолжать борьбу за свободу—в единстве, уверенности и бесстрашии.

Спасибо.

ДОКУМЕНТ № 9

ИЗ ЕЖЕГОДНОГО ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В. ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ 10 мая 2006 г. Москва, Кремль.

Уважаемые депутаты и члены Совета Федерации!

Для уверенного, спокойного решения всех вышеперечисленных вопросов — вопросов мирной жизни — мы должны найти убедительные ответы на угрозы в сфере национальной безопасности. Отмечу, что на фоне активно идущего переустройства мира появилось множество новых проблем, с которыми реально сталкивается наша страна. Эти угрозы менее предсказуемы, чем прежние и уровень их опасности в полной мере до конца не осознан. В целом, очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства. И что крайне опасно, его распространения на зону наших жизненно важных интересов.

Так, весьма значительной остается террористическая угроза. Причем существенной подпиткой для террористов, источником их вооружения и полем для практического применения сил остаются локальные конфликты. Зачастую, на этнической почве, к которой, нередко, добавляется межконфессиональное противостояние и которое искусственно нагнетается и навязывается миру экстремистами самых разных мастей.

Знаю, что кое-кто очень бы хотел, чтобы Россия погрязла в этих проблемах. И как следствие, не могла бы решать ни одну из своих проблем полноценного развития.

Серьезные опасности связаны и с распространением оружия массового поражения. В случае, если такое оружие останется... попадает, прошу прощения, попадет в руки террористов — а они к этому стремятся — последствия будут просто катастрофическими. Подчеркну, мы однозначно выступаем за укрепление режима нераспространения. Без каких-либо изъятий, на основе международного права. Известно, что силовые методы редко приносят искомый результат. А их последствия — подчас становятся страшнее изначальной угрозы.

Хотел бы сегодня поднять еще один важный вопрос. Значимым направлением международной политики на протяжении десятилетий является разоружение. И наша страна внесла огромный вклад в поддержание стратегической стабильности в мире. Между тем на фоне такой острейшей угрозы как международный терроризм, ключевые вопросы разоруженческой тематики фактически «выпали» из глобальной повестки, в то время как говорить о конце гонки вооружений — преждевременно.

Более того, ее «маховик» сегодня раскручивается, и она сама реально выходит на новый технологический уровень, угрожая появлением целого арсенала так называемых дестабилизирующих видов оружия.

До сих пор не обеспечена гарантия невывода оружия — в том числе и ядерного — в космос. Существует потенциальная угроза создания и распространения ядерных зарядов малой мощности. Кроме того, в средствах массовой информации, в экспертных кругах уже обсуждаются планы использования межконтинентальных баллистических

ракет с неядерными боеголовками. Пуск такой ракеты может спровоцировать неадекватную реакцию со стороны ядерных держав, включая полномасштабный ответный удар с использованием стратегических ядерных сил.

При этом далеко не все в мире смогли уйти от стереотипов «блокового» мышления и предрассудков, доставшихся нам от эпохи глобальной конфронтации. Не смогли, несмотря на то, что в мире произошли кардинальные перемены. И это тоже серьезно мешает находить адекватные и солидарные ответы на общие проблемы.

С учетом всего сказанного, военные и внешнеполитические доктрины России также должны дать ответ на самые актуальные вопросы. А именно: как уже в нынешних условиях и совместно с партнерами, эффективно бороться не только с террором, но и с распространением ядерного, химического, бактериологического оружия. Как «гасить» современные локальные конфликты. Как преодолевать другие, новые вызовы. И наконец нужно четко осознавать, что ключевую ответственность за противодействие всем этим угрозам, за обеспечение глобальной стабильности — будут нести ведущие мировые державы. Державы, обладающие ядерным оружием, мощными рычагами военно-политического влияния. Вот почему вопрос модернизации российской армии является сейчас крайне важным. И он реально волнует российское общество.

В посланиях разных лет, так или иначе, мы говорили о проблемах национальной безопасности. Но сегодня хотел бы более детально проанализировать современное состояние и перспективы развития нашего флота и российской армии.

В эти дни мы чествуем ветеранов, поздравляем их с Днем Победы. Пожалуй, главный урок истории Великой

Отечественной войны—это необходимость поддержания боеготовности Вооруженных сил. При этом подчеркну, что наши расходы на оборону в процентах к ВВП сегодня являются сопоставимыми, либо чуть меньшими, чем у других ядерных держав, к примеру, у Франции или Великобритании. А в абсолютных цифрах—в конечном итоге мы же с вами понимаем, важны именно абсолютные цифры—они в два раза меньше, чем у этих стран. И уже не идут ни в какое сравнение с расходами Соединенных Штатов Америки. Их военный бюджет—в абсолютных величинах—почти в 25 раз больше, чем у России. Вот это и называется в оборонной сфере «Их дом—их крепость». И молодцы. Молодцы!

Но это значит, что и мы с вами должны строить свой дом, свой собственный дом крепким, надежным, потому что мы же видим, что в мире происходит. Но мы же это видим! Как говорится, «товарищ волк знает, кого кушать». Кушает—и никого не слушает. И слушать, судя по всему, не собирается.

Куда только деваается весь пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы? Здесь, оказывается, все возможно, нет никаких ограничений. Но, понимая всю остроту этой проблемы, мы не должны повторять ошибок Советского Союза, ошибок эпохи «холодной войны»—ни в политике, ни в оборонной стратегии. Не должны решать вопросы военного строительства в ущерб задачам развития экономики и социальной сферы. Это—тупиковый путь, ведущий к истощению ресурсов страны. Это—тупиковый путь.

Естественно, возникает вопрос: можем ли мы—в условиях такого финансового диспаритета с другими ведущими державами—надежно обеспечить свою безопасность?

Конечно, можем. Конечно. И я сейчас скажу, как. Предлагаю поговорить об этом поподробнее.

Еще несколько лет назад сама структура Вооруженных сил была неадекватной существующим реалиям. Образовался и провал в оснащении армии и флота современными средствами вооруженной борьбы. В период с 1996 по 2000 год не было заложено ни одного корабля. А на вооружение было принято всего 40 образцов военной техники. Войска проводили учения «на картах», только «на картах». Флот был прикован к берегу, а авиация — каэродромам. И тогда, в 1999 году, когда возникла необходимость противостоять масштабной агрессии международного терроризма на Северном Кавказе, проблемы армии обнажились до боли.

Я очень хорошо помню разговор с начальником Генерального штаба тогда. Он, наверное, здесь в зале присутствует. Для эффективного ответа террористам нужно было собрать группировку численностью не менее 65 тысяч человек. А во всех Сухопутных войсках, в боеготовых подразделениях — 55 тысяч, и те разбросаны по всей стране. Армия — 1 миллион 400 тысяч человек, а воевать некому. Вот и посылали необстрелянных пацанов под пули. Никогда этого не забуду. И наша с вами задача в том, чтобы это никогда больше не повторилось.

Сегодня ситуация в армии качественно меняется. Создана современная структура Вооруженных сил. Идет переоснащение армейских подразделений новыми и модернизированными образцами военной техники. Образцами, которые составят основу системы вооружения вплоть до 2020 года. И с этого года уже начались массовые, серийные закупки техники для нужд Министерства обороны России.

Реанимировано военное кораблестроение, строятся боевые корабли практически всех типов. В ближайшее время в состав ВМФ России войдут две новые атомные субмарины со стратегическим оружием на борту. Они оснащены новыми ракетными комплексами «Булава», которые вместе с комплексом «Тополь-М» станут основой стратегических сил сдерживания.

Подчеркну, это первые подводные атомные стратегические лодки, строительство которых заканчивается в новой России. Ни одной лодки подобного типа с 1990 года мы не строили. Кстати, шахтным «Тополем-М» уже оснащены пять полков Ракетных войск стратегического назначения, и в этом году в одну из ракетных дивизий начнет поступать и его подвижной вариант.

Еще один важный показатель последних лет: в войсках ведется интенсивная боевая и оперативная подготовка. Проведены десятки полевых учений, дальних морских походов. Сегодня только один из них закончился.

Как следствие таких перемен — заметно укрепился боевой дух, психологическое состояние солдат и офицеров. И мы знаем примеры, без преувеличения — массового героизма среди военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Показательны и изменения в структуре военного бюджета. Из года в год увеличиваются ассигнования на оборону. При этом все больше средств вкладывается именно в качество Вооруженных сил. И в ближайшие годы мы должны добиться того, чтобы расходы на развитие составили не менее половины военного бюджета. При этом каждый бюджетный рубль должен быть использован рачительно и по прямому назначению.

Давно говорил о необходимости сформировать единую

систему заказов и поставок вооружения, военной техники и средств тылового обеспечения. Правительству до конца года необходимо решить эту задачу, довести эту работу до конца. А затем создать и уполномоченное федеральное гражданское агентство. Очень рассчитываю, что эта мера даст и свой положительный эффект для преодоления коррупции в армейской среде.

Полагаю необходимым назвать сейчас основные требования к уровню задач, которые должны быть готовы решать наши Вооруженные силы. В течение ближайших пяти лет предстоит существенно повысить оснащенность стратегических ядерных сил современными самолетами дальней авиации, подводными лодками и пусковыми установками Ракетных войск специального назначения.

Уже сегодня успешно ведутся работы по созданию уникальных комплексов высокоточного оружия и боевых маневренных блоков, не имеющих для потенциального противника предсказуемой траектории полета. Наряду со средствами преодоления систем противоракетной обороны, которые у нас есть уже сейчас — новые виды вооружений позволяют нам сохранить то, что безусловно является одной из самых существенных гарантий прочного мира. А именно — сохранить стратегический баланс сил.

Мы должны учитывать планы и направления развития Вооруженных сил в других странах, должны знать о перспективных разработках. Но не гнаться за количественными показателями, не «палить» деньги зря. Наши ответы должны быть основаны на интеллектуальном превосходстве. Они будут асимметричными, менее затратными, но будут, безусловно, повышать надежность и эффективность нашей ядерной триады.

Обращаю внимание: современной России нужна армия,

имеющая все возможности адекватно реагировать на современные же угрозы. У нас с вами должны быть Вооруженные силы, способные одновременно вести борьбу в глобальном, региональном, а если потребуется, и в нескольких локальных конфликтах. Должны — при любых сценариях — гарантировать безопасность и территориальную целостность России.

Есть и еще одно важное требование. Это — соответствие процесса комплектования целям создания профессиональной и мобильной армии.

Особо подчеркну, что в течение последних пяти лет уже были проведены необходимые сокращения численности Вооруженных сил. И в дальнейшем доведение их до оптимального уровня в один миллион человек — не предусматривает специальных мероприятий по сокращению, а должно быть достигнуто путем естественного выбытия части офицерского состава, отслужившего положенные законом сроки службы. Причем, сокращение произойдет только за счет уменьшения бюрократического аппарата. Боевые подразделения вообще сокращаться не будут.

Одновременно произойдут изменения в системе военного управления. Будет усовершенствована и мобилизационная база Вооруженных сил. А в целом — к 2008 году наша армия более чем на две трети должна стать профессиональной.

Все это позволяет нам сократить срок службы по призыву до 12 месяцев.

Считаю также необходимым (после перевода частей постоянной готовности на контракт) — разработать и с 2009 года начать осуществление программы комплектования на этих же принципах должностей сержантов и старшин, а также экипажей надводных кораблей.

Вы знаете, в частях Вооруженных сил, расквартированных в Чеченской Республике, службу несут контрактники. А с 1 января 2007 года — и Внутренние Войска МВД также переходят в Чечне на контракт. Другими словами, в антитеррористических операциях мы полностью отказываемся от использования военнослужащих по призыву.

В составе сил Общего назначения к 2011 году будет сформировано около 600 частей и соединений постоянной готовности. При этом планируется значительное увеличение их количества в истребительной, армейской авиации, в войсках ПВО, в подразделениях связи, радиоэлектронной разведки и электронной борьбы.

В случае необходимости, на любом потенциально опасном направлении могут быть оперативно созданы мобильные и самодостаточные группировки, костяк которых составят профессионально подготовленные части и соединения постоянной готовности.

Служба в российской армии должна стать современной и по-настоящему престижной. Человек, защищающий Родину, должен иметь высокий общественный и материальный статус, прочные социальные гарантии.

К 2010 году должен быть окончательно снят вопрос с постоянным, а к 2012 году — со служебным жильем для военнослужащих. На ближайшие годы запланирован также ряд повышений денежного довольствия. Одновременно развивается система страхования и медицинской помощи для военнослужащих.

И наконец, не менее важная задача — это укрепление дисциплины в войсках. Вы знаете, политические издержки «переходного периода» и отсутствие финансовых средств фактически привели армию к комплектованию по остаточному принципу, к ухудшению условий несения

службы, к падению уровня боевой подготовки. Сегодня огромное число молодых людей призывного возраста имеют хронические болезни, пристрастие к алкоголю, курению, а порой и к наркотикам.

Считаю, что в школах надо не только учить, но и воспитывать. Надо заниматься физической и военно-патриотической подготовкой молодежи, возрождать допризывную военную подготовку, помогать развитию военно-технических видов спорта. И Правительству необходимо принять соответствующую программу по этому поводу.

Органам государственной власти субъектов Федерации следует серьезно озаботиться не только планами по набору в армию, но и отвечать за качество этого призыва. И обеспечивать такую подготовительную работу в самом тесном контакте с армией.

Подчеркну, чтобы кардинально исправить положение — одних административных мер сейчас недостаточно. И надо осознать, что армия — это часть нас самих, нашего общества. А служба в ней — крайне важна и необходима стране, всему российскому народу.

Известный русский мыслитель Иван Ильин, размышляя о базовых принципах, на которых должно прочно стоять Российское государство, отмечал, что солдат есть звание высокое и почетное. И что «он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь».

Мы должны быть всегда готовы отразить потенциальную внешнюю агрессию и акты международного терроризма. Должны быть способны ответить на чьи бы то ни было попытки внешнеполитического давления на Россию, в том числе — с целью добиться укрепления своих собственных позиций за наш счет.

И нужно прямо сказать: чем сильнее будут наши Вооруженные силы, тем меньше будет соблазн такое давление на нас оказывать, под каким бы предлогом оно не проводилось.

Уважаемые коллеги,

современная российская внешняя политика опирается на принципы прагматизма, предсказуемости и верховенства международного права. И хотел бы сегодня сказать несколько слов о состоянии и перспективах взаимодействия с нашими основными партнерами. Прежде всего, об отношениях с ближайшими соседями, со странами СНГ.

Споры вокруг самой целесообразности и дальнейшей судьбы Содружества не утихают до сих пор. И мы заинтересованно работаем над вопросами реформирования СНГ.

Очевидно, что Содружество помогло без особых потерь пройти период становления партнерских отношений между вновь образованными, молодыми государствами.

Сыграло свою позитивную роль в сдерживании региональных конфликтов на постсоветском пространстве. Подчеркну, острота многих из них была «снята» именно благодаря участию России. Мы и впредь будем также ответственно выполнять свою миротворческую миссию.

Из опыта СНГ выросло и несколько продуктивных инициатив экономического сотрудничества. Сегодня параллельно — на основе совпадающих интересов сторон — развивается Союзное государство с Белоруссией, ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство. И сообщая мы решаем проблемы, которые никто за нас не решит. При этом реально видим, что многостороннее партнерство позволяет это делать с меньшими затратами, с большей эффективностью.

Содружество стало хорошей основой и для формиро-

вания Организации Договора о коллективной безопасности. В эту структуру вошли страны, по-настоящему заинтересованные в тесном военно-политическом взаимодействии.

И наконец, не умаляя значение остальных направлений реформирования—в качестве перспективного проекта—выделю укрепление общего гуманитарного пространства. Оно имеет не только богатую историческую и человеческую основу, но теперь уже и новые социально-экономические предпосылки. На пространстве СНГ идет непростой, но активный поиск оптимальных моделей взаимодействия. И Россия готова прямо и ясно заявить о желательном для нас конечном результате такого поиска. Это—создание оптимальной экономической системы, которая обеспечивала бы эффективное развитие каждого из ее участников.

Повторю, отношения с нашими ближайшими соседями были и остаются важнейшим направлением внешней политики Российской Федерации.

Коротко остановлюсь на взаимодействии с другими нашими партнерами.

Крупнейший из них—Европейский союз. Наш постоянный диалог с ЕС создает благоприятные условия для взаимовыгодных экономических связей и расширения научных, гуманитарных, иных обменов. Совместная реализация нами концепции «общих пространств» является важным элементом всего общеевропейского развития.

Особое значение—для нас, как и для всей международной системы—имеют отношения России с Соединенными Штатами Америки, с Китайской Народной Республикой, с Индией, а также, с быстро набирающими силу странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской

Америки и Африки. И мы готовы предпринимать все новые шаги для расширения рамок и сфер взаимодействия с этими государствами, а также укреплять сотрудничество в обеспечении глобальной и региональной стабильности, наращивать объемы взаимной торговли и инвестиций, развивать гуманитарные связи.

Подчеркну: в условиях глобализации, когда определяется новая международная архитектура — кардинально возрастает и роль Организации Объединенных Наций. Это — самый представительный и универсальный мировой форум, и он продолжает оставаться «несущей конструкцией» современного мирового порядка.

Очевидно, что основы этой всемирной организации закладывались совсем в другую эпоху, и ей, безусловно, нужна реформа.

Для России, активно участвующей в такой работе, принципиальное значение имеют два момента.

Первое — реформа должна повысить эффективность деятельности ООН. И второе — реформа должна получить максимально широкую поддержку членов этой организации.

Без согласия в ООН трудно обеспечить и согласие в мире. И система организации должна стать тем регулятором, который позволит совместно выработать новый свод правил поведения на мировой арене. Правил, адекватных вызовам нашего времени и столь необходимых сегодня в условиях глобализации.

ДОКУМЕНТ № 10

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В. ПУТИНА НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ 10 февраля 2007 г. Мюнхен

Спасибо большое, уважаемая госпожа федеральный канцлер, господин Тельчик*, дамы и господа!

Весьма признателен за приглашение на столь представительную конференцию, собравшую политиков, военных, предпринимателей, экспертов из более чем 40 стран мира.

Формат конференции дает мне возможность избежать «излишнего политеса» и необходимости говорить округлыми, приятными, но пустыми дипломатическими штампами. Формат конференции позволяет сказать то, что я действительно думаю о проблемах международной безопасности. И если мои рассуждения покажутся нашим коллегам излишне полемически заостренными либо неточными, я прошу на меня не сердиться—это ведь только конференция. И надеюсь, что после двух-трех минут моего выступления господин Тельчик не включит там «красный свет».

Итак. Известно, что проблематика международной безопасности—много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, пре-

* Тельчик Хорст—главный организатор конференции.

одоление бедности, экономическая безопасность и развитие межцивилизационного диалога.

Такой всеобъемлющий, неделимый характер безопасности выражен и в ее базовом принципе: «безопасность каждого — это безопасность всех». Как сказал еще в первые дни разгоравшейся Второй мировой войны Франклин Рузвельт: «Где бы ни был нарушен мир, мир повсюду оказывается в опасности и под угрозой».

Эти слова продолжают сохранять актуальность и сегодня. Об этом, кстати, свидетельствует и тема нашей конференции, которая здесь написана: «Глобальные кризисы — глобальная ответственность».

Всего лишь два десятилетия назад мир был идеологически и экономически расколот, а его безопасность обеспечивали огромные стратегические потенциалы двух сверхдержав.

Глобальное противостояние отодвигало на периферию международных отношений и повестки дня крайне острые экономические и социальные вопросы. И как всякая война — «война холодная» оставила нам и «неразорвавшиеся снаряды», образно выражаясь. Имею в виду идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления.

Предлагавшийся же после «холодной войны» однополярный мир — тоже не состоялся.

История человечества, конечно, знает и периоды однополярного состояния и стремления к мировому господству. Чего только не было в истории человечества.

Однако что же такое однополярный мир? Как бы не украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения.

Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри.

И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия—это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства.

Кстати говоря, Россию, нас постоянно учат демократии. Но те, кто нас учат, сами почему-то учиться не очень хотят.

Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном—именно в современном мире—не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но, что еще важнее,—сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации.

Вместе с тем все, что происходит сегодня в мире, и сейчас мы только начали дискутировать об этом — это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела—концепции однополярного мира.

А какой результат?

Односторонние, нелегитимные часто действия не решили ни одной проблемы. Более того, они стали генератором новых человеческих трагедий и очагов напряженности.

Судите сами: войн, локальных и региональных конфликтов меньше не стало. Господин Тельчик вот об этом очень мягко упомянул. И людей в этих конфликтах гибнет не меньше, а даже больше, чем раньше. Значительно больше—значительно больше!

Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах — военной силы — силы, ввергающей мир в пучину следующих один за одним конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение.

Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того — отдельные нормы, да, по сути — чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам. Ну, кому это понравится? Кому это понравится?

В международных делах все чаще встречается стремление решить тот или иной вопрос, исходя из так называемой политической целесообразности, основанной на текущей политической конъюнктуре.

И это, конечно, крайне опасно. И ведет к тому, что никто уже не чувствует себя в безопасности. Я хочу это подчеркнуть — никто не чувствует себя в безопасности! Потому что никто не может спрятаться за международным правом как за каменной стеной. Такая политика является, конечно, катализатором гонки вооружений.

Доминирование фактора силы неизбежно подпитывает тягу ряда стран к обладанию оружием массового уничтожения. Больше того — появились принципиально новые угрозы, которые и раньше были известны, но сегодня приобретают глобальный характер, такие, как терроризм.

Убежден, мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности.

И здесь надо отталкиваться от поиска разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения. Тем более сейчас, когда «международный ландшафт» столь ощутимо и столь быстро меняется — меняется за счет динамичного развития целого ряда государств и регионов.

Госпожа федеральный канцлер упомянула уже об этом. Так, суммарный ВВП Индии и Китая по паритетной покупательной способности уже больше, чем у Соединенных Штатов Америки. А рассчитанный по тому же принципу ВВП государств группы БРИК — Бразилия, Россия, Индия и Китай — превосходит совокупный ВВП Евросоюза. И, по оценкам экспертов, в обозримой исторической перспективе этот разрыв будет только возрастать.

Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность.

В этой связи серьезно возрастает роль многосторонней дипломатии. Открытость, транспарентность и предсказуемость в политике безальтернативны, а применение силы должно быть действительно исключительной мерой так же, как и применение смертной казни в правовых системах некоторых государств.

Сегодня же мы, наоборот, наблюдаем ситуацию, когда страны, в которых применение смертной казни запрещено даже в отношении убийц и других преступников — опасных преступников, несмотря на это такие страны легко идут на участие в военных операциях, которые трудно назвать легитимными. А ведь в этих конфликтах гибнут люди — сотни, тысячи мирных людей!

Но в то же время возникает вопрос: разве мы должны безучастно и безвольно взирать на различные внутренние

конфликты в отдельных странах, на действия авторитарных режимов, тиранов, на распространение оружия массового уничтожения? Именно по сути это и лежало в основе вопроса, который был задан федеральному канцлеру нашим уважаемым коллегой господином Либерманом. Ведь я правильно понял Ваш вопрос (*обращаясь к Либерману*)! И, конечно, это вопрос серьезный! Можем ли мы безучастно смотреть на то, что происходит? Я попробую ответить на Ваш вопрос тоже. Конечно, мы не должны смотреть безучастно. Конечно, нет.

Но есть ли у нас средства, чтобы противостоять этим угрозам? Конечно, есть. Достаточно вспомнить недавнюю историю. Ведь произошел же мирный переход к демократии в нашей стране? Ведь состоялась же мирная трансформация советского режима — мирная трансформация! И какого режима! С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия! Почему же сейчас, при каждом удобном случае нужно бомбить и стрелять? Неужели в условиях отсутствия угрозы взаимного уничтожения нам не хватает политической культуры, уважения к ценностям демократии и к праву?

Убежден, единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН. И в этой связи я или не понял то, что было сказано совсем недавно нашим коллегой, министром обороны Италии, либо он выразился неточно. Я, во всяком случае, услышал, что легитимным применение силы может считаться только в том случае, если решение принято в НАТО или в Евросоюзе, или в ООН. Если он действительно так считает, то у нас с ним разные точки зрения. Или я ослышался. Легитимным можно считать применение силы только, если решение принято на

основе и в рамках ООН. И не надо подменять Организацию Объединенных Наций ни НАТО, ни Евросоюзом. И когда ООН будет реально объединять силы международного сообщества, которые действительно могут реагировать на события в отдельных странах, когда мы избавимся от пренебрежения международным правом, то ситуация может измениться. В противном случае ситуация будет заходить лишь в тупик и умножать количество тяжелых ошибок. При этом, конечно, нужно добиваться того, чтобы международное право имело универсальный характер и в понимании, и в применении норм.

И нельзя забывать, что демократический образ действий в политике обязательно предполагает дискуссию и кропотливую выработку решений.

Уважаемые дамы и господа!

Потенциальная опасность дестабилизации международных отношений связана и с очевидным застоєм в области разоружения.

Россия выступает за возобновление диалога по этому важнейшему вопросу.

Важно сохранить устойчивость международно-правовой разоруженческой базы, при этом обеспечить преемственность процесса сокращения ядерных вооружений.

Мы договорились с Соединенными Штатами Америки о сокращении наших ядерных потенциалов на стратегических носителях до 1700-2200 ядерных боезарядов к 31 декабря 2012 года. Россия намерена строго выполнять взятые на себя обязательства. Надеемся, что и наши партнеры будут действовать также транспарентно, и не будут откладывать на всякий случай, на «черный день» лишнюю пару сотен ядерных боезарядов. И, если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объя-

вит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни «под подушкой», ни «под одеялом», я предлагаю всем встать и стоя это поприветствовать. Это было бы очень важным заявлением.

Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем придерживаться Договора о нераспространении ядерного оружия и многостороннего режима контроля за ракетными технологиями. Принципы, заложенные в этих документах, носят универсальный характер.

В этой связи хотел бы вспомнить, что в 80-е годы СССР и Соединенные Штаты подписали Договор о ликвидации целого класса ракет средней и малой дальности, но универсального характера этому документу придано не было.

Сегодня такие ракеты уже имеет целый ряд стран: Корея, Корея Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Индия, Иран, Пакистан, Израиль. Многие другие государства мира разрабатывают эти системы и планируют поставить их на вооружение. И только Соединенные Штаты Америки и Россия несут обязательства не создавать подобных систем вооружений.

Ясно, что в этих условиях мы вынуждены задуматься об обеспечении своей собственной безопасности.

Вместе с тем, нельзя допустить появления новых дестабилизирующих высокотехнологичных видов оружия. Я уже не говорю о мерах по предупреждению новых сфер конфронтации особенно в космосе. «Звездные войны», как известно уже не фантастика, а реальность. Еще в середине 80-х годов наши американские партнеры на практике провели перехват собственного спутника.

Милитаризация космоса, по мнению России, может спровоцировать непредсказуемые для мирового сообщества последствия — не меньшие, чем начало ядерной эры.

И мы не раз выступали с инициативами, направленными на недопущение оружия в космос.

Сегодня хотел бы проинформировать вас о том, что нами подготовлен проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. В ближайшее время он будет направлен партнерам в качестве официального предложения. Давайте работать над этим вместе.

Нас также не могут не тревожить планы по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе. Кому нужен очередной виток неизбежной в этом случае гонки вооружений? Глубоко сомневаюсь, что самим европейцам.

Ракетного оружия, реально угрожающего Европе, с дальностью действия порядка 5-8 тысяч километров, нет ни у одной из так называемых «проблемных стран». И в обозримом будущем и обозримой перспективе — и не появится, и не предвидится даже. Да и гипотетический пуск, например, северокорейской ракеты по территории США через Западную Европу — это явно противоречит законам баллистики. Как говорят у нас в России, это все равно, что «правой рукой дотягиваться до левого уха».

И, находясь здесь, в Германии, не могу не упомянуть и о кризисном состоянии Договора об обычных Вооруженных силах в Европе.

Адаптированный Договор об обычных Вооруженных силах в Европе был подписан в 1999 году. Он учитывал новую геополитическую реальность — ликвидацию Варшавского блока. С тех пор прошло семь лет, и только четыре государства ратифицировали этот документ, включая Российскую Федерацию.

Страны НАТО открыто заявили, что не ратифицируют Договор, включая положения о фланговых ограничениях

(о размещении на флангах определенного количества Вооруженных сил) до тех пор, пока Россия не выведет свои базы из Грузии и Молдавии. Из Грузии наши войска выводятся, причем даже в ускоренном порядке. Эти проблемы мы с нашими грузинскими коллегами решили, и это всем известно. В Молдавии остается группировка в полторы тысячи военнослужащих, которые выполняют миротворческие функции и охраняют склады с боеприпасами, оставшиеся со времен СССР. И мы с господином Соланой постоянно обсуждаем этот вопрос, он знает нашу позицию. Мы готовы и дальше работать по этому направлению.

Но что же происходит в это же самое время? А в это самое время в Болгарии и Румынии появляются так называемые легкие американские передовые базы по пять тысяч штыков в каждой. Получается, что НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия.

Думаю, очевидно, — процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот — это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить — против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит. Но я позволю себе напомнить в этой аудитории, что было сказано. Хотел бы привести цитату из выступления генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года. Он тогда сказал: «Сам факт, что мы гото-

вы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности». Где эти гарантии?

Камни и бетонные блоки Берлинской стены давно разошлись на сувениры. Но нельзя забывать, что ее падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа — народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнерства со всеми членами большой европейской семьи.

Сейчас же нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены — пусть виртуальные, но все-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент. Неужели вновь потребуются долгие годы и десятилетия, смена нескольких поколений политиков, чтобы «разобрать» и «демонтировать» эти новые стены?

Уважаемые дамы и господа!

Мы однозначно выступаем и за укрепление режима нераспространения. Существующая международно-правовая база позволяет создавать технологии по выработке ядерного топлива для использования его в мирных целях. И многие страны, с полным на то основанием, хотят создавать собственную ядерную энергетику, как основу их энергетической независимости. Но мы также понимаем, что эти технологии могут быть быстро трансформированы в получение оружейных материалов.

Это вызывает серьезное международное напряжение. Яркий тому пример — ситуация с иранской ядерной программой. Если международное сообщество не выработает разумного решения этого конфликта интересов, мир и дальше будут потрясать подобные дестабилизирующие кризисы, потому что пороговых стран больше, чем Иран, и мы с вами об этом знаем. Мы будем постоянно сталки-

ваться с угрозой распространения оружия массового уничтожения.

В прошлом году Россия выступила с инициативой создания многонациональных центров по обогащению урана. Мы открыты к тому, чтобы подобные центры создавались не только в России, но и в других странах, где на легитимной основе существует мирная ядерная энергетика. Государства, желающие развивать атомную энергетику, могли бы гарантированно получать топливо через непосредственное участие в работе этих центров, конечно же, под строгим контролем МАГАТЭ.

С российским предложением созвучны и последние инициативы президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Буша. Считаю, что Россия и США объективно и в одинаковой степени заинтересованы в ужесточении режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Именно наши страны, являющиеся лидерами по ядерному и ракетному потенциалу, должны стать и лидерами в разработке новых, более жестких мер в сфере нераспространения. Россия готова к такой работе. Мы ведем консультации с нашими американскими друзьями.

В целом, речь должна идти о создании целой системы политических рычагов и экономических стимулов — стимулов, при которых государства были бы заинтересованы не создавать собственные мощности ядерного топливного цикла, но имели бы возможность развивать атомную энергетику, укрепляя свой энергетический потенциал.

В этой связи подробнее остановлюсь на международном энергетическом сотрудничестве. Госпожа федеральный канцлер тоже об этом коротко, но упомянула, затронула эту тему. В энергетической сфере Россия ориентиру-

ется на создание единых для всех рыночных принципов и прозрачных условий. Очевидно, что цена на энергоносители должна определяться рынком, а не являться предметом политических спекуляций, экономического давления или шантажа.

Мы открыты для сотрудничества. Зарубежные компании участвуют в наших крупнейших энергетических проектах. По различным оценкам, до 26 процентов добычи нефти в России, — вот вдумайтесь в эту цифру, пожалуйста, — до 26 процентов добычи нефти в России приходится на иностранный капитал. Попробуйте, попробуйте привести мне пример подобного широкого присутствия российского бизнеса в ключевых отраслях экономики западных государств. Нет таких примеров! Таких примеров нет.

Напомню также о соотношении инвестиций, поступающих в Россию и идущих из России в другие страны мира. Соотношение — примерно пятнадцать к одному. Вот вам зримый пример открытости и стабильности российской экономики.

Экономическая безопасность — это сфера, где всем следует придерживаться единых принципов. Мы готовы честно конкурировать.

Для этого у российской экономики появляется все больше возможностей. Такую динамику объективно оценивают эксперты и наши зарубежные партнеры. Так, недавно был повышен рейтинг России в ОЭСР: из четвертой группы риска наша страна перешла в третью. И хотел бы, пользуясь случаем, здесь, сегодня в Мюнхене, поблагодарить наших германских коллег за содействие в принятии вышеназванного решения.

Далее. Как вы знаете, процесс присоединения России к

ВТО вышел на финальную стадию. Отмечу, что в ходе долгих, непростых переговоров мы не раз слышали слова о свободе слова, о свободе торговли, о равных возможностях, но, почему-то исключительно—применительно к нашему, российскому рынку.

И еще одна важная тема, прямо влияющая на глобальную безопасность. Сегодня много говорят о борьбе с бедностью. Что здесь происходит на самом деле? С одной стороны, на программы помощи беднейшим странам выделяются финансовые ресурсы—и подчас немаленькие финансовые ресурсы. Но по-честному, и об этом здесь многие тоже знают, зачастую—под «освоение» компаниями самих же стран-доноров. Но в то же время, с другой стороны, в развитых странах сохраняются субсидии в сельском хозяйстве, ограничивается для других доступ к высоким технологиям.

И давайте называть вещи своими именами: получается, что одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой—не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль. Возникающее социальное напряжение в таких депрессивных регионах неизбежно выливается в рост радикализма, экстремизма, подпитывает терроризм и локальные конфликты. А если все это вдобавок происходит, скажем, на Ближнем Востоке в условиях обостренного восприятия внешнего мира как несправедливого, то возникает риск для глобальной дестабилизации.

Очевидно, что ведущие страны мира должны видеть эту угрозу. И, соответственно, выстраивать более демократическую, справедливую систему экономических отношений в мире—систему, дающую всем шанс и возможность для развития.

Выступая на конференции по безопасности, уважаемые дамы и господа, нельзя обойти молчанием и деятельность Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Как известно, она была создана, чтобы рассматривать все, — я подчеркну это, — все, все аспекты безопасности: военно-политические, экономические, гуманитарные, причем в их взаимосвязи.

Сегодня что мы видим на практике? Мы видим, что этот баланс явно нарушен. ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран. И под эту задачу «скроили» и бюрократический аппарат ОБСЕ, который абсолютно никак не связан с государствами-учредителями. «Скроили» под эту задачу процедуры принятия решений и использования так называемых «неправительственных организаций». Формально, да, независимых, но целенаправленно финансируемых, а значит — подконтрольных.

Согласно основополагающим документам, в гуманитарной сфере ОБСЕ призвана оказывать странам-членам, по их просьбе, содействие в соблюдении международных норм в области прав человека. Это важная задача. Мы ее поддерживаем. Но вовсе это не означает вмешательство во внутренние дела других стран, тем более, — навязывания этим государствам того, как они должны жить и развиваться.

Очевидно, что такое вмешательство отнюдь не способствует вызреванию подлинно демократических государств. И наоборот, делает их зависимыми, и как следствие — нестабильными в политическом и экономическом плане.

Мы рассчитываем на то, что ОБСЕ будет руководствоваться своими непосредственными задачами и выстраи-

вать отношения с суверенными государствами на основе уважения, доверия и транспарентности.

Уважаемые дамы и господа!

В заключение хотел бы отметить следующее. Мы очень часто, и я лично очень часто слышу призывы к России со стороны наших партнеров, в том числе и со стороны европейских партнеров, играть более и более активную роль в мировых делах.

В этой связи позволю себе сделать одну маленькую ремарку. Вряд ли нас нужно подталкивать и стимулировать к этому. Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику.

Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня. Вместе с тем, мы хорошо видим, как изменился мир, реалистично оцениваем свои собственные возможности и свой собственный потенциал. И, конечно, нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнерами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нем безопасность и процветание не для избранных, а для всех.

Благодарю за внимание.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ РОССИИ

- 864 — основаны первые поселения славянских племен: весь, мери и мурома. Белоозеро, Изборск
- 882 — Киев, Южная Русь (от Новгорода до бассейна Припяти и до Днепра на юго-западе)
- 883 — поселения племен древлян, северян и радимичей укрепляются (к северу от Киева)
- 963 — Саркел и укрепления на Северном Кавказе и на Кубани, Тмутараканское княжество и поселения вятичей
- 967 — на реке Волга (до Каспийского моря) создаются поселения племен ясы и кубанских черкесов
- 981 — летопись упоминает о Червенской Руси, включающей Червен и Перемышль
- 1031 — создание «Червоной Руси» в Галиции (от Польши)
- 1036 — Левобережный Днепр
- 1128 — образование Полоцкого княжества
- 1218 — создано Суздальское княжество
- 1262 — Юрьев (Тарту) освобожден от Ордена Меча
- 1277 — создание Костромского княжества
- XIV век — открытие новгородскими мореходами земли Грумант (ныне — Шпицберген)
- 1408 — к Московскому княжеству от Литвы переходит г. Любутск
- 1454 — освобождение Можайска от татаро-монгол
- 1489 — к России переходят Удмуртская земля и Вятский край

1503 — освобождение Брянска, Путивля, Гомеля и большей части смоленских и витебских земель

1505 — присоединение Пермских земель

1514 — освобождение Пскова (от Литвы)

1551 — присоединение Чувашии, Правобережной стороны Волги

1552 — разгром Казанского ханства. Под контроль Московского княжества перешла значительная часть Поволжья

1556 — присоединение к России Астраханского ханства

1558 — начало войны России с Ливонским орденом, Швецией, Польшей и Литовским княжеством. Взятие Нарвы и Дерпта (Тарту)

1559 — высадка русских войск в Крыму, захват ряда городов

1560 — русская армия, разбив Ливонский орден, занимает Мариенбург и Фелин

1563 — взятие Полоцка

1573 — победный штурм Вейсенштейна (Пайду), опорного пункта шведов в Прибалтике

1575 — взятие крепости Пернов (Пярну)

1577 — установление контроля над Эстонией (за исключением Таллинна и островов)

1582 — отряды Ермака освобождают столицу Сибирского ханства Кашлык и начинают победное продвижение по Сибири

1595 — по подписанному со шведами Тявзинскому договору России отходят города Копорье, Ивангород, Корела (часть Карелии и южное побережье Финского залива до Ивангорода)

1617 — подписание со шведами Столбовского мира, по которому России отходили Новгород, Старая Русса, Порхов, Ладога, Гдов с уездами

1632 — присоединение Якутии

1637 — взятие у турков Азова

1643 — освоение Приамурья

1644 — открытие Чукотки

1650 — присоединение Сахалина

1654 — воссоединение Украины с Россией

1655 — русские войска освобождают от поляков территорию Белоруссии

1658 — освобождение от Ливонии городов Кокенгаузен, Юрьев, Мариенбург, Сыренск

1666 — присоединение Бурятии

1667 — под окончательную юрисдикцию России перешел Смоленск и окружающая его область с городами Дорогобуж, Белый, Красный, а также Невель, Себеж, Велиж, Северские города, левый берег Днепра, Киев. Переход Запорожской Сечи под совместное управление России и Польши (Андрусовское перемирие)

1678 — окончательное освобождение Киева от поляков

1686 — подписание с Польшей трактата «О вечном мире», передающем России территорию Запорожья

1689 — подписание Нерчинского договора, по которому России от Китая отошла часть территории севернее Амура

1696 — новая капитуляция турецкой крепости Азов, открывающей России выход к Азовскому морю

1702 — взятие Нотебурга (Шлиссельбург)

1703 — взятие шведской крепости Ниеншанц

1710 — заняты Выборг и Рига

1714 — присоединение Аландских островов

1721 — подписан Ништадский мирный договор со шведами, по которому России достались территория Эстонии, Латвии, Выборгская губерния, часть Южной Финляндии

1722 — Мадагаскарская республика пиратов заявила о вхождении в состав России

1723 — Россия получает от Персии все побережье Каспийского моря (приморская полоса Дагестана, Азербайджана) с Дербентом, Баку, провинциями Гилян, Мазандеран и Астрабад

1726 — под российскую юрисдикцию переходит часть бывших персидских владений на Восточном Кавказе (Константинопольский договор)

1731 — начало присоединения Казахстана к России

1735 — вхождение в Россию Челябинской области

1743 — подписание Абосского мира; России переходят финские провинции Кюменгард, Вильманstrand и Нислот

1745 — освоение большей части Курильских островов

1756 — присоединение Алтайского края

1762 — в ходе Семилетней войны к России присоединена территория Восточной Пруссии; Берлин взят русскими войсками

1772 — часть Польши перешла во владение Россией

1783 — Россия по просьбе Грузии берет ее под свое покровительство. Победа над Крымским ханством

1784 — на Алеутских островах основано первое русское поселение; начало освоение Аляски

1791 — подписание с турками Ясского мирного договора, согласно которому к России отошла территория между Южным Бугом и Днестром, а также закреплено присоединение Крыма

1792 — Россия в полном объеме забирает Курильские острова

1793 — по Петербургской конвенции о разделе Польши Россия получает территорию Центральной Белоруссии и Западной Украины (Подолии)

1795 — в состав России отходят Западная Белоруссия, Литва, Курляндия

1797 — установление духовного протектората над Мальтой

1799 — русская армия занимает Северную Италию, Сицилию, греческий остров Корфу, переходит через Альпы и вступает в Швейцарию

1801 — Россия приобретает Бакинскую область, земли на северо-востоке Каспия

1802 — вхождение Аварского ханства

1804 — воссоединение с Имеретией

1805 — под контроль русской армии взята основная часть Австрии; начало присоединения Армении

1809 — после победы над Швецией в состав России вновь вливается Финляндия (Фридрихсгамский мир). Венский договор; передача Тарнопольского округа

1810 — воссоединение с Ингушетией

1812 — в результате освобождения Бессарабии от турецкого ига ее территория присоединена к России. В Калифорнии основано первое русское поселение Форт-Росс

1813 — Берлин освобожден русскими войсками. По Гюльштанскому договору Северный Азербайджан вошел в состав России.

1815 — русская армия оккупирует Париж. В соответствии с решением Венского конгресса, царство Польское передано России

1821 — открытие русской экспедицией Антарктиды

1828 — объединение с Эриваньским и Нахичеваньским ханствами (Восточная Армения), освобождение от персов крепости Аббас-Абад

1829 — под протекторат России переходят румынские княжества

- 1846 — присоединение большинства Казахстанских земель
- 1858 — присоединение Амурской области
- 1859 — усмирение Дагестана и Чечни
- 1860 — Пекинский трактат утвердил передачу России рек Амура, Усури и протока Казакевича
- 1863 — добровольное вхождение Киргизии в Россию
- 1864 — освоение Кавказа
- 1865 — окончательное воссоединение с Казахстаном
- 1866 — вхождение Ходжента и Зачирчикского края (Узбекистан)
- 1868 — Бухарский эмират и Кокандское ханство признали зависимость от России
- 1869 — образование Закаспийской области, в состав которой вошла территория южного Туркменистана
- 1873 — Хивинское княжество становится протекторатом России
- 1876 — окончательный переход Кокандского ханства (Фергана) под российскую юрисдикцию
- 1878 — воссоединение с Южной Бессарабией и Аджарией
- 1884 — присоединение Мервского оазиса (Восточная Туркмения)
- 1895 — покорение Памира
- 1898 — территория Маньчжурии передана России
- 1907 — по русско-британскому соглашению Северный Иран отдан в сферу влияния России
- 1914 — присоединение Тувы
- 1915 — открытие Северной Земли, Малого Таймыра, островов Новопашенного, Старокадомского, генерала Вилькицкого
- 1921 — революция в Монголии, которая становится фак-

тическим протекторатом СССР. Увеличены границы в Северном Ледовитом океане, Баренцевом, Белом морях

1925 — СССР переходят проливы Карские Ворота, Югорский Шар, Маточкин Шар, Вилькицкого, Шокальского, Красной Армии, Лаптева и Санникова (территориальные воды)

1936 — в результате гражданской войны Испания фактически подпадает под протекторат СССР

1939 — ввод советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию

1940 — Латвия, Литва, Эстония и Бессарабия (Молдавия) входят в состав СССР. В результате советско-финской войны СССР отходит Карельский перешеек, побережье Ладожского озера, полуострова Рыбачий и Ханко

1941 — оккупация Северного Ирана

1945 — социалистический путь развития выбирают Румыния, Болгария, Польша, Чехия, Словакия, Албания, Югославия, восточная Германия (ГДР), Северная Корея, Вьетнам. Восточная часть Австрии входит в советскую зону оккупации. СССР передан участок территории по левому берегу Западного Буга с городами Белз и Кристинополь (ныне Червоноград), Закарпатская Украина

1946 — в результате разгрома японцев СССР возвращает Южный Сахалин и Курильские острова

1947 — Румыния возвращает СССР территорию Бессарабии и Северной Буковины

1949 — образование Китайской народной республики, которая выбирает социалистический путь развития

1956 — Египет и Сирия начинают ориентироваться на СССР

1959 — Кубинская революция; правительство Ф. Кастро берет курс на советскую модель общества

1969 — создание Народной республики Конго, сориентированной на Советский Союз. Социалистический путь развития выбран в Сомали

1970 — победа на выборах в Чили социалиста С. Альенде; провозглашение Народно-Демократической республики Йемен

1974 — по советскому пути начинает идти Бенин

1975 — Мозамбик, Лаос и Ангола вступают на путь построения социализма

1977 — о сближении с СССР заявила Эфиопия

1978 — образование Гвинейской Народно-Революционной Республики, сориентированной на СССР

1979 — советские войска входят в Афганистан; Камбоджа (Кампучия) и Никарагуа начинают строить социализм. Революция в Гренаде. Увеличение морских территорий СССР в Северном Ледовитом океане

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПОТЕРИ РОССИИ

- 1015 — отторжение Польшей Галиции
- 1026 — славяне лишились восточных земель на Днепре с Черниговом и Тмутараканского княжества
- 1132 — Киев
- 1136 — Новгородская земля
- 1207 — Ростовское княжество
- 1217 — Суздальское княжество
- 1218 — Стародубское княжество
- 1224 — Юрьев (Тарту) (к Ордену Меча)
- 1238 — Белозерское княжество
- сер. XIII в. — Костромское княжество
- 1241 — Копорье, Водская (ижорская) земля
- 1246 — Тверское княжество
- кон. XIII в. — Костромское княжество
- 1338 — Владимирское княжество
- XIV в. — Юрьев (Тарту)
- 1406 — новая граница установлена по р. Угра и около Можайска; все остальное передано Литве
- 1443 — Любутск (к Литве)
- 1445 — Можайск (к татарам)
- 1556 — Астраханское ханство
- 1559 — Крепость Ринген (к Литве)
- 1575 — Югра
- 1575 — Тверское княжество
- 1580 — Велиж, Усвят, Великие Луки и Остров (к Польше)

- 1583 — города Ивангород, Копотье, Ям, Корела и последний выход к побережью Финского залива (к Швеции) (Плюсское перемирие)
- 1609 — Корельский уезд (к Швеции)
- 1617 — Ижорские земли Ям, Ивангород, Копотье, Орешек и Корела с Корельским уездом (Столбовский мир)
- 1618 — Смоленские (кроме Вязьмы), Черниговские и Новгород-Северские земли — 26 русских городов отданы Польше
- 1643 — Азов (к Турции)
- 1659 — аннексия Польшей правого берега Днепра
- 1661 — Кокенгаузен, Юрьев, Мариенбург, Сыренск (к Ливонии)
- 1678 — Невель, Себеж, Велиж (к Польше)
- 1700 — Поднепровье (к Турции) (Константинопольский мир)
- 1711 — Азов и прилегающие области
- 1713 — Запорожье (граница на левобережье Днепра между реками Орель и Самара) (Адрианопольский трактат)
- 1721 — Финляндия (к Швеции) (Ништадский мирный договор)
- 1809 — большая часть Галиции (к Польше) (Венский договор)
- 1812 — Молдавия и Валахия (к Турции) (Бухарестский мир)
- 1821 — Берингово море
- 1824 — владения в Америке ограничены 54-й параллелью
- 1855 — острова Курильской гряды Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп (к Японии) (Симодский договор)
- 1856 — Валахия
- 1867 — Аляска и Алеутские острова; общая площадь передаваемых США территорий составила 1530 тыс. кв. км.

1875 — 18 малых островов Курильского архипелага (к Японии) (Петербургский договор)

1885 — Суме-Кехриз (к Афганистану)

1904 — Порт-Артур и Дальний, Ляодунский полуостров (к Китаю)

1905 — в результате поражения в войне с Японией потеряна Южная часть Сахалина и Курильские острова

1917 — октябрьский переворот; самоопределение Бессарабии, Финляндии, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Закавказье. По подписанному Брестскому миру Турции переданы Карс, Ардаган и Батум, из состава России выведена Польша

1920 — выход из России Прибалтики, некоторых районов Занаровья и Печорского края, Хорезмской народной республика, Грузии

1920 — Печенгская область (Петсамо), а также западная часть полуострова Рыбачьего, от губы Вайда до залива Мотовского, и большая часть полуострова Среднего, по линии, проходящей через середину обоих его перешейков, все острова к западу от разграничительной линии в Баренцевом море; морская граница в Финском заливе между РСФСР и Финляндией шла от устья р. Сестры до Стирсуддена вдоль северного побережья Финского залива, затем поворачивала к острову Сескар и островам Лавенсаари и, обойдя их с юга, поворачивала прямо к устью р. Нарова на южном берегу Финского залива (граница отрезала Россию от выхода в международные воды Финского залива), ширина финляндских территориальных вод в Финском заливе устанавливалась в 4 морские мили вдоль побережья и в 3 морские мили вокруг финляндских островов в восточной части залива, а в шхерном районе Финляндии, вплоть до 6 миль (к Финляндии) (Тартуский мир)

1920 — Дальневосточная республика с территорией к востоку от Байкала, включая Сахалин и Камчатку

1921 — Тува (Урянхайский край)

1945 — основная часть Белостокской области Белоруссии (к Польше)

1947 — полуостров Ханко (Гангут) (к Финляндии)

1955 — отказ от аренды территории Порккала-Удд близ Хельсинки

1962 — Сайменский канал и о. Малый Высоцкий (аренда Финляндии)

1973 — в результате переворота свергнуто просоветское правительство в Чили

1983 — вторжение американцев в Гренаду

1989 — Венгрия, Польша, Чехословакия, Румыния, Болгария, Югославия выходят из-под советского протектората

1990 — 50 тысяч квадратных километров в Баренцевом море переданы США («Линия Шеварднадзе»). Воссоединение Германии. Потеря владычества над всеми протекторатами в Африке, Азии и Америке (за исключением Кубы, Вьетнама, Монголии)

1990 — Афганистан

1991 — выход из СССР Латвии (без Пыталовского и Палкинского районов — район Абрене-Качанова), Эстонии (без 2,3 тыс. кв. км — территории на восточном берегу р. Нарва (бывшие волости Выска, Добручин, Горск и Нарва, Петсери/Печора, Слобода, Паниково и часть волости Избара/Изборск), Литвы

1991 — провозглашение независимости Украины (включая территорию Крыма и Донбасса), Беларуси, Молдовы, Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана

КАК УБИВАЮТ РОССИЮ

1992 — передача Китаю Даманского и Киркинского островов, около 600 островов на реках Амур и Уссури, а также 10 кв. км сухопутной территории

1995 — передача Китаю 1500 га территории в Приморье

1997 — пос. Малое Белозерье (9 га), 18,9% поверхности Виштынецкого озера вдоль своего берега (ранее граница проходила по литовскому берегу), всего — около 413,8 га (к Литве)

2005 — переуступка Китаю островов Большой, Тарабаров и части острова Большой Уссурийский (337 кв. км)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- Асташкин Н. По волчьему следу. М., 2005
- Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998
- Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005
- Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940
- Бобков Ф. Последние двадцать лет. М., 2006
- Болдырев Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М., 2003
- Болдырев Ю. Похищение Евразии. М., 2003
- Бушков А. Хроника мутного времени. М., 2005
- Вектор России. (Сборник) М., 2007
- Ворст А. Конец Штази. М., 1994
- Гайдар Е. В дни поражений и побед. М., 1996
- Гайдар Е. Гибель империи. М., 2007
- Грищенко Б. Посторонний в Кремле. М., 2004
- Данилевский Н. Россия и Европа. СПб., 1995
- Добрынин А. Сугубо доверительно. М., 1996
- Дроздов Ю., А. Маркин. Наглый орел-2007. М., 2007
- Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994
- Ельцин Б. Записки президента. М., 1994
- Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000
- Заключение Комиссии Государственной Думы по расследованию причин и обстоятельств возникновения кризисной ситуации в Чеченской Республике. М., 1995
- Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942
- Кара-Мурза С. Экспорт революции. М., 2005
- Караулов А. Частушки. М., 1997
- Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989
- Колесников А. Первый Украинский. М., 2005

- Колпакиди А., Лемехов О. Главный противник. М., 2002
- Коржаков А. От рассвета до заката. М., 1997
- Костиков В. Роман с президентом. М., 1997
- Кох А., Свиноаренко И. Ящик водки. М.
- Красильников Р. Новые крестоносцы ЦРУ и перестройка. М., 2003
- Кузык Б., Агеев А. и др. Россия в пространстве и времени. М., 2004
- Куликов А. Тяжелые звезды. М., 2002
- Кучма Л. После Майдана. Киев-М., 2007
- Либералы о народе. (Сборник) М., 2006
- Медведев Р. Московская модель Юрия Лужкова. М., 2005
- Михайлов А. Портрет министра в контексте смутного времени. М., 2001
- Михайлов А. Чеченское колесо. М., 2002
- Михайловский Г. Записки. М., 1993
- Млечин Л. Кремль. Президенты России. М., 2003.
- Мухин А. Российская организованная преступность и власть. М., 2003
- Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. М., 2004
- Немцов Б. Исповедь бунтаря. М., 2007
- Орлов А. Украинская матрица. Переагрузка. М., 2006.
- Панарин И. Информационная война и дипломатия. М., 2004
- Платонов С. Полный курс лекций по русской истории, СПб., 2000
- Пойманы с поличным. М., 1962
- Попов Г. Снова в оппозиции. М., 1994
- Примаков Е. Минное поле политики. М., 2006
- Прохоров Д. Сколько стоит продать родину. М., 2005
- Русская старина. СПб., 1883, Т. 40.

- Синицина Н. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998
- Скуратов Ю. Вариант дракона. М., 2000
- Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1989
- Стариков Н. Февраль 1917: революция или спецоперация? М., 2007
- Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003
- Стрелецкий В. Мракобесие. М., 1998
- Стригин Е. КГБ был, есть и будет. М., 2004
- Тарин О. ЦРУ и государственный терроризм. М., 1987
- Тарле Е. Крымская война. М., 2005
- Толстой А. Собрание сочинений. М., 1969, Т. 1.
- Тютчев Ф. Россия и Запад. М., 2007
- Тэлботт С. Билл и Борис. М., 2003
- Уткин А. Большая восьмерка. Цена вхождения. М., 2006
- Хакамада И. Sex в большой политике. М., 2007
- Хинштейн А. Ельцин. Кремль. История болезни. М., 2006
- Хинштейн А. Какого цвета страх. М., 2002
- Хинштейн А. Березовский и Абрамович. Олигархи с большой дороги. М., 2007.
- Хлебников П. Борис Березовский—крестный отец Кремля. М., 2001
- Хоффман Д. Олигархи. М., 2007
- Чернов С. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875-1878 гг., М., 1984
- Швейцер П. Победа. Минск, 1995
- Шевякин А. Загадка гибели СССР. М., 2005
- Шевякин А. Три шага в пропасть. М., 2007
- Широнин В. Под колпаком контрразведки. М., 1996
- Шкаренков Л. Агония белой эмиграции. М., 1986

КАК УБИВАЮТ РОССИЮ

Яковлев Н. ЦРУ против СССР. М., 1985

Публикации в периодических изданиях: «Московский комсомолец», «Известия», «Комсомольская правда», «Спорт-Экспресс», «Экспресс-газета», «Профиль», «Московские новости», «Совершенно секретно», «Версия», «Сегодня», «Коммерсантъ», «Власть», «Новая газета», «Огонек», «Общая газета», «Форбс», «Финанс», «Компромат», «Жизнь» и др.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
<i>Глава первая.</i>	
НЕПРИСТУПНАЯ КРЕПОСТЬ.....	7
<i>Глава вторая.</i>	
НОВЫЕ КОНКВИСТАДОРЫ.....	59
<i>Глава третья.</i>	
ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ.....	145
<i>Глава четвертая.</i>	
ПОВАРЕННАЯ КНИГА РЕВОЛЮЦИИ.....	237
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	321
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	443

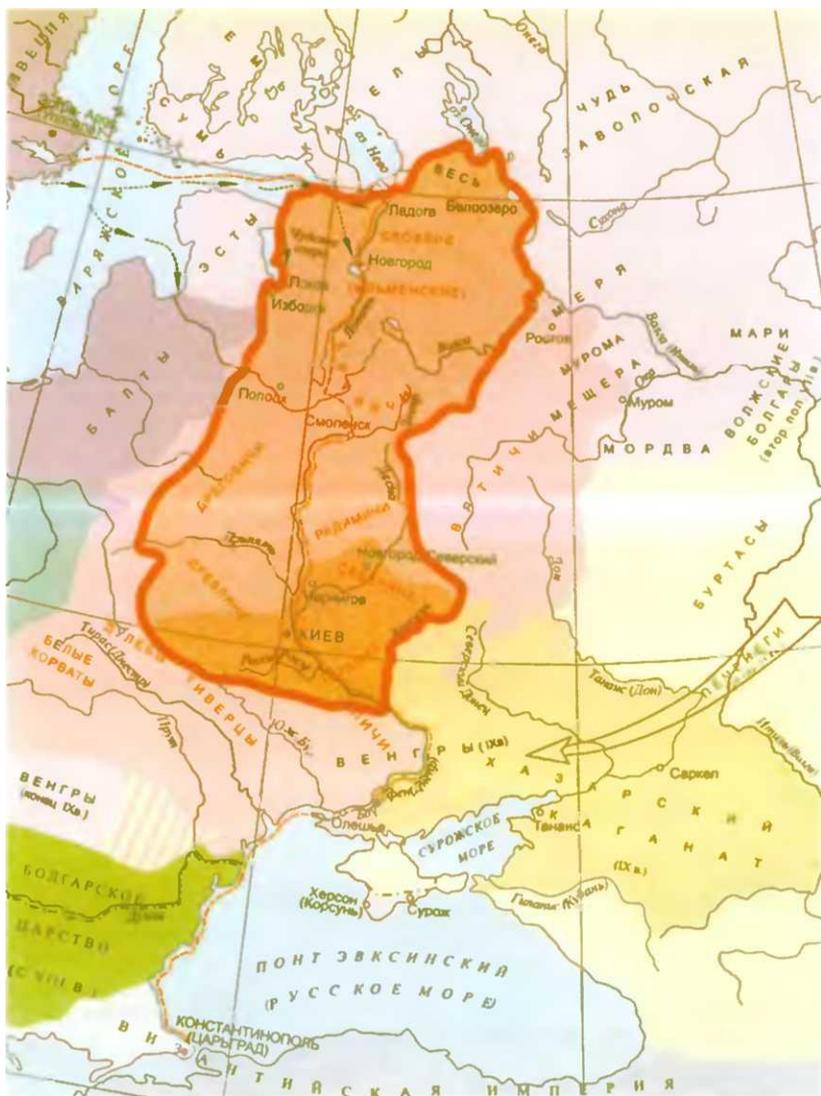
Александр Евсеевич
ХИНШТЕЙН

КАК УБИВАЮТ РОССИЮ

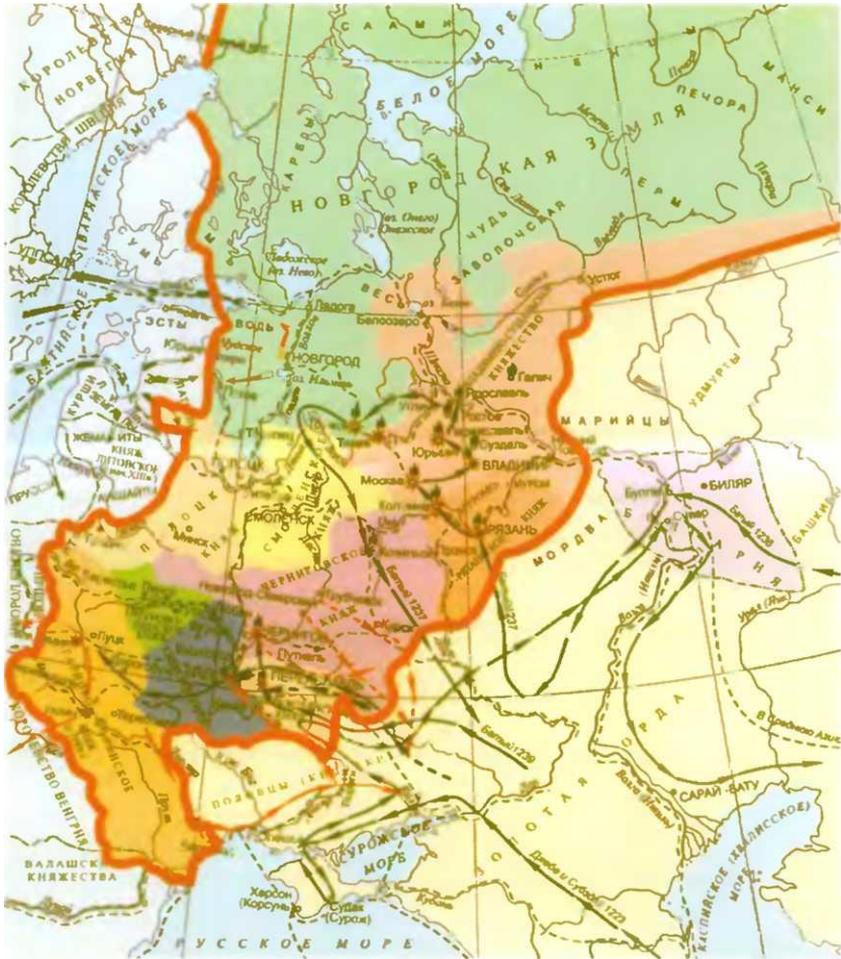
Подписано в печать 06.11.2007
Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Times»
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 17,5. Усл.-печ. л. 28,0
Тираж 40 000 экз. Заказ № 18660

ООО «Лора»
103062. Москва, ул. Покровка, д. 25. стр. 2

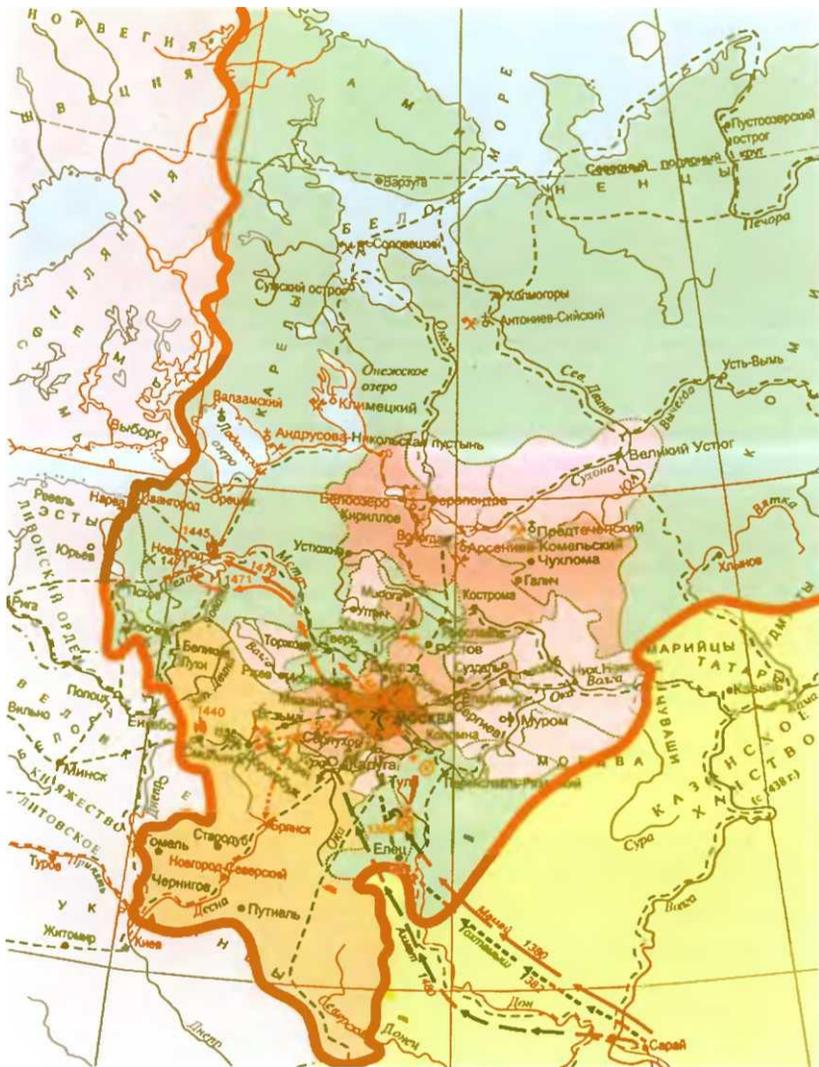
Отпечатано в ОАО «Смоленский
полиграфический комбинат»,
214020. г. Смоленск, ул. Смольянинова. 1.

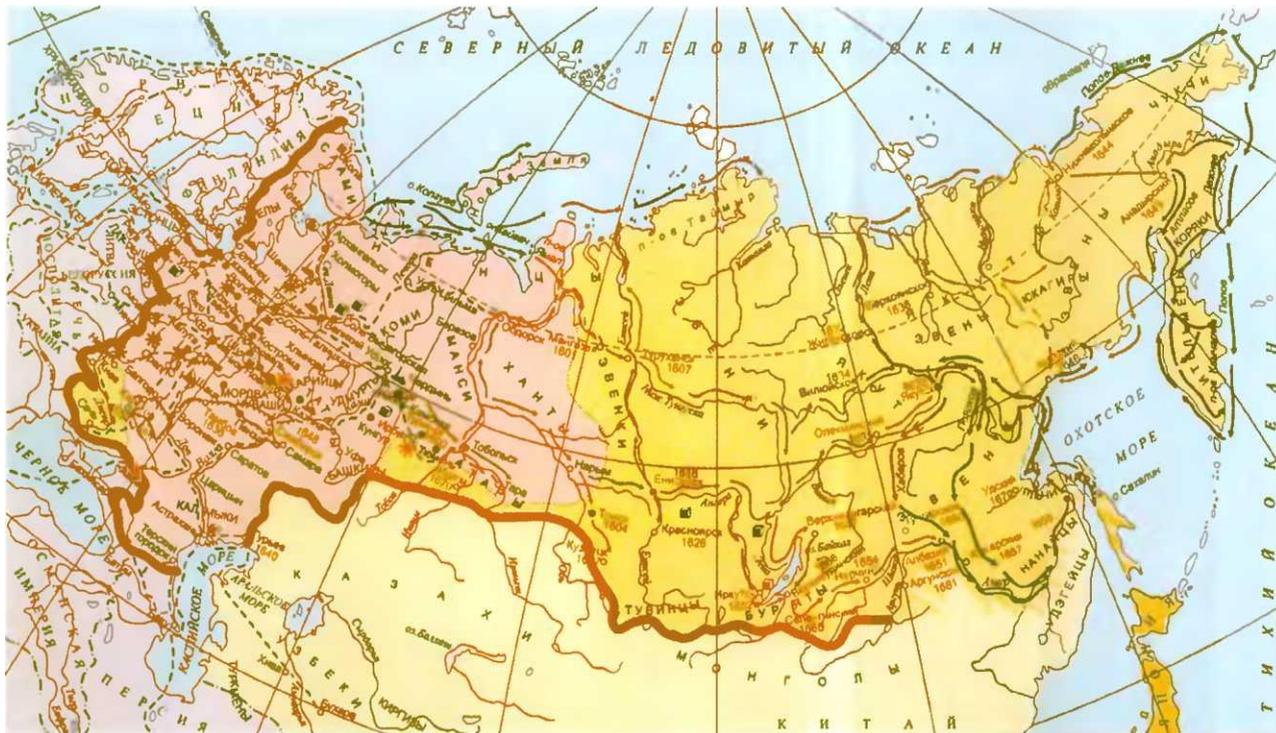
С каждым столетием границы России только расширялись.
Так продолжалось вплоть до конца XX столетия...
IX век. самое начало

Русские княжества и земли в XII—XIV веках.
Процесс объединения удельных княжеств или,
как сказали бы сегодня, создание Федерации

Россия в начале XIV—XV веков.
Татаро-монгольское иго уже позади

Российское государство в XVII веке: воссоединение с Украиной, освобождение Белоруссии, присоединение Приамурья, Бурятии, Якутии

Российская империя в XVIII веке — очертания уже знакомы. Победа в Северной войне, овладение Кавказом, Каспием, Казахстаном. Русская армия берет даже Берлин

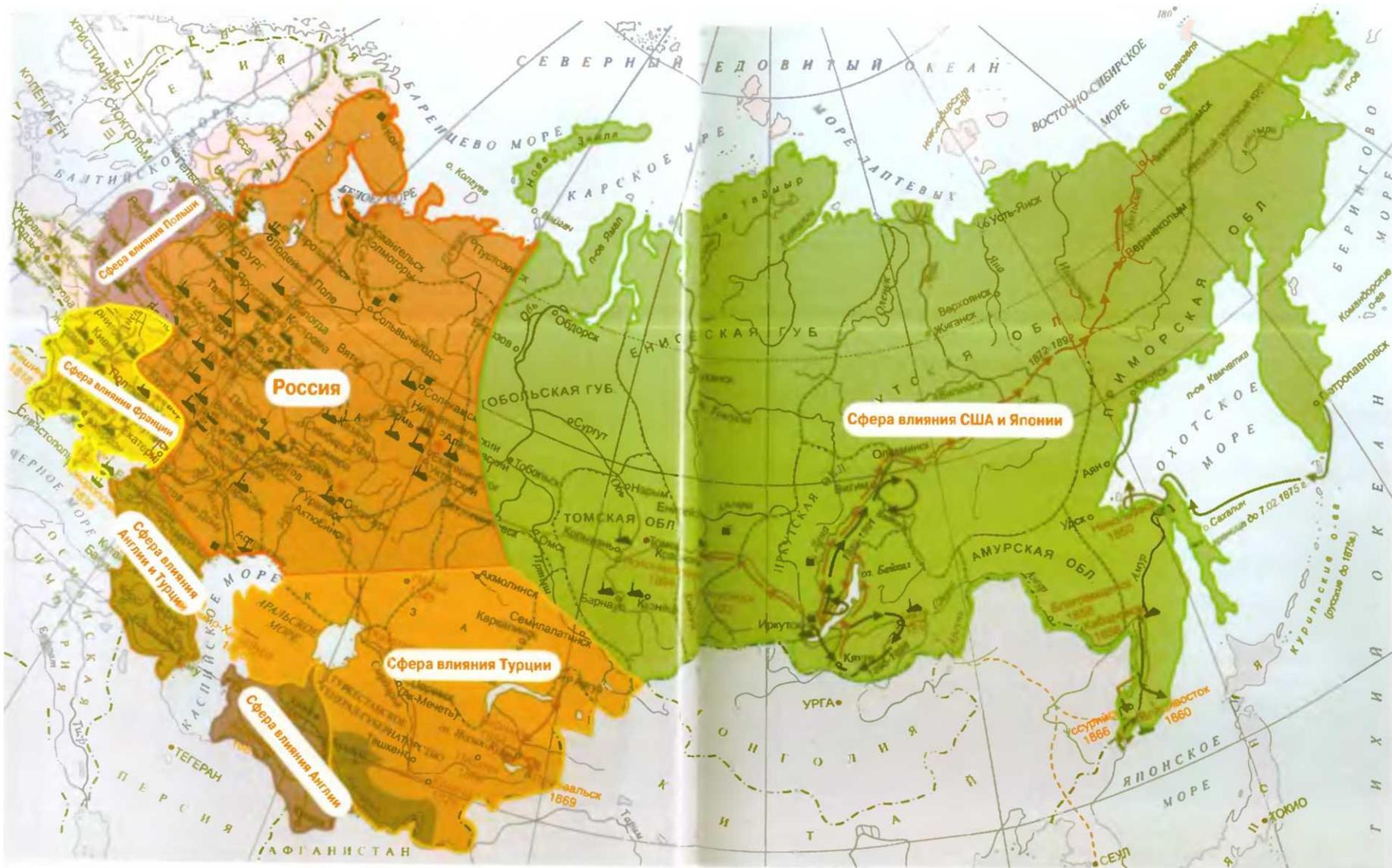
Царская Россия в XIX веке — пик могущества

СССР в первой трети XX века. Империя возрождается

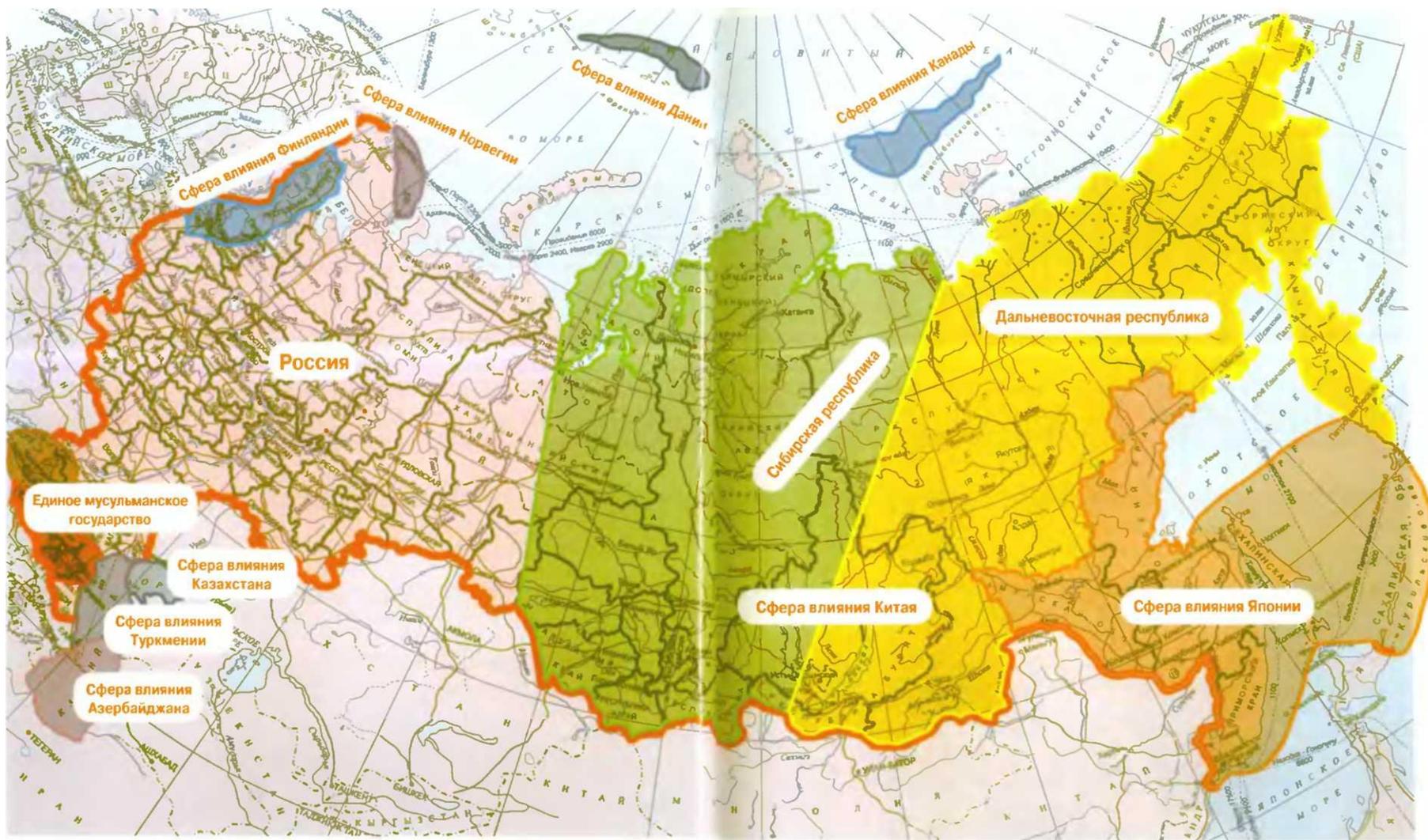

К моменту развала Советский Союз обладал самой большой в мире территорией и имел несколько десятков сателлитов на всех континентах, за исключением разве что Австралии и Антарктики. Хотя — Антарктида тоже была советской

Таким образом Россия должна была стать, если бы «цивилизованный мир» освободил ее от большевиков.

План, принятый странами Антанты в Париже в декабре 1917 года, предусматривал сохранение России лишь в границах центральной европейской части, Урала и Поволжья

А это — Россия возможного будущего.

В случае прихода либеральной оппозиции к власти все территориальные претензии других стран будут удовлетворены. Японии — достанется Курилы. Китаю — почти весь Дальний Восток, Карелия — Финляндии и т. д. Земли много — хватит на всех...

План раздела СССР рейхсминистр Розенберга: вместо одной страны — 7 зон.
 Московия—явно не самая большая. 1941 год

План расчленения России, придуманный нашими нынешними союзниками в лице крупнейшего советолога, помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского

Российская Федерация сегодня. Горбачев и Ельцин стали первыми за всю историю правителями, не только не расширившими границы держаны, по и беззвучно смирившимися с потерей части важнейших территорий и большинства колоний. Останется ли Россия на картах мира — зависит от каждою из нас

Британский премьер Уинстон Черчилль;
именно он начал «холодную войну», позаимствовав образ
«железного занавеса» у вождей Третьего рейха

Вице-президент США
Дик Чейни;
ровно через 60 лет он почти
дословно воспроизвел
Фултонскую речь

Збигнев Бжезинский, крупнейший советолог и бывший помощник президента США по национальной безопасности. Один из создателей доктрины новой войны против России

Олдрич Эймс, суперагент советской разведки в ЦРУ. После того как Эймс попытался передать в Москву список агентов влияния в новом российском руководстве, он мгновенно был выдан контрразведке и арестован

Задолго до того
как возглавить страну,
Анатолий Чубайс
и Егор Гайдар
при таинственных
обстоятельствах были
направлены
на учебу в Австрию.
Вопрос только кем:
КГБ или ЦРУ?

Андрей Козырев,
глава российского
МИДа и покровитель
американских шпионов.

За постоянное
угодничество
перед Западом
удостоился
унизительного
прозвища «Мистер Да»

В начале 1990-х
Галина Старовойтова
предлагала
отказаться от
использования
агентуры
и ввести запрет
на профессию для
сотрудников КГБ

Геннадий Бурбулис, по сообщениям иностранной печати,
пытался продать карельские земли Финляндии

Григорий Явлинский,
пролоббировавший
принятие крайне
ущербного для России
закона об СРП;
в результате ущерб
национальным интересам
составил десятки
миллиардов долларов,
а на Сахалине фактически
перестала действовать
русская власть

«Россия наконец должна расстаться с образом великой державы и занять какое-то место в ряду с Бразилией, Китаем. Индией... Россия никому не нужна...». — Альфред Кох, бывший председатель Госкомимущества, руководитель избирательного штаба СПС и автор знаменитых залоговых аукционов, нанесший стране ущерб в десятки миллиардов долларов

Максим Бойко, сменивший Коха в Госкомимуществе. Высокому назначению не помешало наличие у Бойко вида на жительство в США и тот факт, что его отец преподавал в разведшколе ЦРУ; главное — к нему благоволили Чубайс с Немцовым

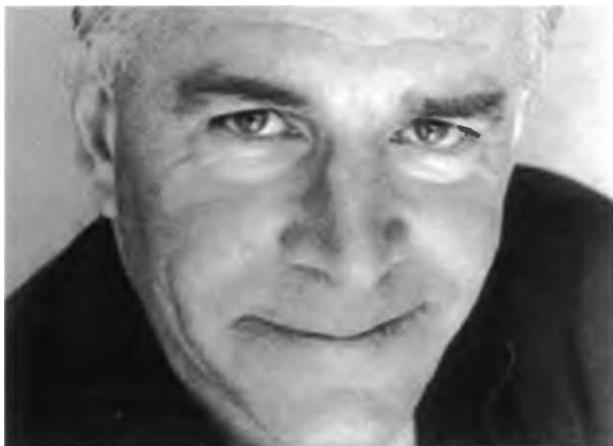
Российские
правозащитники
давно уже
превратились в
адептов Запада:
председатель МХГ
Людмила Алексеева,
уличенная
в получении денег
от сотрудников
иностранных
разведок и открыто
защищающая
пойманных
с поличным шпионов

Сергей Ковалев,
радостно поддержавший агрессию против Ирака.
хотя до этого гневно осуждал ввод войск в Чечню

Кермит Рузвельт,
резидент ЦРУ на Ближнем и Среднем Востоке.
Организованный им в 1953 году переворот в Иране
стал прообразом будущих «цветных» революции

Американский бизнесмен и дипломат
Майкл Палмер.
главный постановщик «цветных» революций в Европе

Единственный
человек, которого
без натяжки
можно назвать
истинным и
бескомпромиссным
борцом с режимом,
это — Валерия
Ильинична
Новодворская

Миллиардер
Джордж Сорос,
один из основных
финансистов
и организаторов
переворотов
в Сербии, Грузии,
Украине.
Сегодня Сорос
активно пытается
работать в России

Все «цветные» революции происходили
по одному и тому же американскому сценарию
на американские же деньги;
даже лозунги и символика у восставших были общими

Прежде чем начать переворот в Белграде, Запад развязал беспрецедентную информационную войну против сербского президента Слободана Милошевича

Другая жертва «цветной» революции — Аскар Акаев; он убежал из своего дворца столь стремительно, что даже оставил на столе конверт с зарплатой

Грузинскому президенту Эдуарду Шеварднадзе не помогли былые заслуги перед «цивилизованным миром»

Леонид Кучма,
еще одна жертва «цветной» революции

...Несмотря
на откровенно
антироссийский
характер «цветных»
революций,
лидеры отечественной
либеральной
оппозиции дружно
их приветствовали:
Ирина Хакамада...

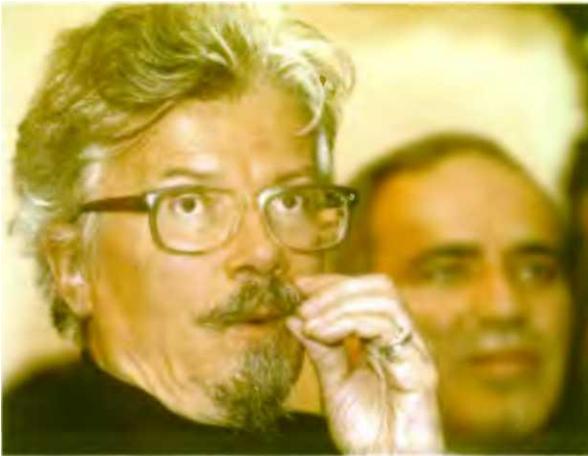
...Гарри Каспаров —
ныне потенциальный
кандидат
в президенты
от оппозиции...

...Борис Немцов —
непосредственный участник событий на Майдане.

...Михаил
Касьянов —
он же «Миша
Два Процента»

Сегодняшняя оппозиция объединяется не по убеждениям, а исключительно по причине ненависти к Путину; в ее рядах и экстремист Эдуард Лимонов, чьи боевики еще вчера закидывали Касьянова сырыми яйцами...

...и осужденный магнат Михаил Ходорковский, мгновенно превратившийся из губителя в спасителя России...

...и беглые олигархи, объявленные
в международный розыск: Борис Березовский...

...и Леонид Невзлин

Александр ХИНШТЕЙН —

один из самых известных российских публицистов, признанный мастер журналистских расследований, инициатор множества громких коррупционных скандалов, яркий и успешный политик. После избрания депутатом Государственной Думы для него не осталось больше закрытых дверей и запретных тем.

Вся история Российского государства — это непрекращающаяся война с соседями. Ни Западу, ни Востоку не нужна сильная и мощная Россия. Эта необъявленная война длится уже много веков, но говорить о ней почему-то у нас не принято, хотя кольцо НАТО стянуто уже вокруг российских границ, а пламя «цветных» революций, зажженное западными спецслужбами, уже охватило некогда братские наши республики. Перед вами — страшная книга. В ней впервые рассказывается о том, о чем многие наши политики и олигархи предпочли бы навсегда забыть. План развала России — это не миф и не паранойя. Он давно уже действует, и первые его этапы реализованы были вполне успешно. Только от нас зависит теперь, сумеем ли мы сохранить Россию для будущих поколений. Или она в конечном итоге сузится до размеров Московского княжества...

ISBN 978-5-98675-005-7

9 785986 750057